ДОЛОЙ ОРУЖИЕ!: (ПРОТИВ ВОЙНЫ)

Bertha von Suttner

Б. Суттнеръ.

Долой Оружіе!

(ПРОТИВЪ
ВОЙНЫ).

Переводъ
съ нѣмецкаго.

МОСКВА.
Изданіе 3-е книгопродавца **М. В. Клюкина.**
Моховая, домъ Бенкендорфъ.

Б. СУТТНЕРЪ.

Долой Оружіе!

(ПРОТИВЪ ВОЙНЫ).

Переводъ съ нѣмецкаго.

Съ приложеніемъ: „О мирной конференціи 1899 года“.

Печатано съ 1-го изд., одобреннаго Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. для учен. библ. всѣхъ сред. уч. зав. и допущ. для безплатн. народ. библ. и читаленъ.

Изданіе 3-е книгопродавца М. В. Клюкина,
Моховая, домъ Бенкендорфъ.
1905.

Товарищество типо-литографіи **Владиміръ Чичеринъ въ Москвѣ.**
Марьина роща, соб. домъ.
1904.

ПЕРВАЯ КНИГА.

1859-й годъ.

Въ семнадцать лѣтъ я была эксцентричной особой. Быть-можетъ, теперь я уже и забыла бы объ этомъ, если бы не уцѣлѣлъ случайно мой тогдашній дневникъ. Въ немъ до сихъ поръ сохранились и исчезнувшій у меня уже давно энтузіазмъ, и мысли, не приходившія мнѣ больше въ голову, и чувства, которыхъ я никогда не переживала потомъ; такимъ образомъ въ настоящее время я могу судить по немъ, какія экзальтированныя мысли сидѣли въ головѣ глупенькой красивой барышни, какъ и прежніе портреты говорятъ мнѣ о моей прежней красотѣ, отъ которой теперь не сохранилось ни капли. Можно себѣ представить, какой, вѣроятно, завидной особой была тогда графиня Марта Альтгаузъ, молодая, красивая, окруженная роскошью. Однако этотъ странный дневникъ въ красной обложкѣ дышитъ не столько радостью, сколько меланхоліей. Я сама себѣ задаю теперь вопросъ, дѣйствительно ли я была тогда неразумна и не понимала преимуществъ своего положенія, или я была только энтузіасткой и думала, что лишь однѣ меланхолическія мысли и чувства достойны того, чтобъ облекать ихъ въ поэтическую форму и записывать въ красивую тетрадку? Повидимому, моя участь не удовлетворяла меня. Напримѣръ, тамъ записано: „Жанна д'Аркъ, дѣва-героиня, возлюбленная небомъ! Какъ хотѣлось бы мнѣ быть похожей на тебя: со знаменемъ въ рукѣ короновать своего короля и потомъ умереть за дорогое отечество!“

Но мнѣ не представлялось удобнаго случая осуществить эту скромную цѣль моей жизни. И другое мое желаніе, записанное 19 сентября 1853 года—испытать участь христіанскихъ мученицъ, терзаемыхъ въ циркѣ

львами,—оставалось неисполненнымъ, и я должна была страдать сознаніемъ, что великіе подвиги, жаждой которыхъ томилась моя душа, никогда не будутъ совершены мною, и что моя жизнь, строго говоря, проходитъ безполезно. Ахъ! зачѣмъ я не родилась мальчикомъ? — другой тщетный упрекъ моей судьбѣ, часто встрѣчающійся въ красной тетрадкѣ. Тогда я была бы способна къ борьбѣ и могла бы совершить что-нибудь „великое". Примѣровъ женскаго героизма въ исторіи очень мало. Какъ рѣдко дается намъ счастье имѣть такихъ сыновей, какъ Гракхи, или вынести своихъ мужей изъ воротъ Вейнсберга, или получить привѣтствіе отъ машущихъ саблями мадьяровъ: „Ура! Марія Терезія, нашъ король!" А мужчинѣ стòитъ только надѣть мечъ и броситься добывать себѣ славу и лавры— и онъ завладѣетъ трономъ, какъ Кромвель, или даже всѣмъ міромъ, какъ Бонапартъ. Я помню, что величіе человѣка для меня олицетворялось въ воинскомъ героизмѣ. Конечно, я чувствовала должное уваженіе къ ученымъ, поэтамъ и изслѣдователямъ; но восхищеніе, въ полномъ смыслѣ этого слова, во мнѣ вызывали только завоеватели. Они одни казались мнѣ главными двигателями исторіи, властелинами міровой судьбы, какими-то богами, стоящими выше всѣхъ остальныхъ людей настолько, насколько вершины Альпъ и Гималаевъ выше травы и цвѣтовъ долины.

Изъ всего этого однако нельзя заключать, что я обладала героическою натурой. Явленіе объясняется просто: я склонна была къ увлеченіямъ, и поэтому пылко увлекалась тѣмъ, что считалось самымъ важнымъ въ моихъ учебникахъ и въ окружающей меня средѣ.

Мой отецъ былъ генераломъ австрійской службы и сражался при Кустоццѣ подъ командой „стараго Радецкаго", предъ которымъ онъ благоговѣлъ. Сколько разговоровъ слышала я объ этой кампаніи! Отецъ такъ гордился своими воинскими талантами, съ такой важностью разсказывалъ о тѣхъ кампаніяхъ, въ которыхъ онъ принималъ участіе, что всякій, не имѣвшій такихъ воспоминаній, мнѣ казался жалкимъ. Какъ обиженъ женскій полъ, что онъ лишенъ этого самаго блестящаго

преимущества мужчинъ — испытывать такое чувство чести и долга! Если мнѣ приходилось слышать о стремленіяхъ женщинъ къ равноправности (во время моей молодости объ этомъ говорили мало, и то обыкновенно съ презрѣніемъ и порицаніемъ), я испытывала желаніе эмансипаціи только въ одномъ направленіи — именно, чтобы женщина имѣла право носить оружіе и сражаться. Ахъ! какъ пріятно было мнѣ тогда читать исторію Семирамиды или Екатерины II. „Она вела войну съ такимъ-то государствомъ и завоевала такую-то страну!“

Надобно сказать вообще, что исторія въ томъ видѣ, въ какомъ она преподается намъ въ юности, составляетъ главный источникъ нашихъ увлеченій войной. Такой характеръ ея запечатлѣваетъ въ умѣ ребенка убѣжденіе, что государи ведутъ постоянныя войны, что войны необходимы для развитія націй, что онѣ составляютъ неизбѣжный законъ природы и должны возникать отъ времени до времени, подобно морскимъ бурямъ и землетрясеніямъ; правда, онѣ несутъ съ собой и ужасы и бѣдствія, но эти послѣдніе съ избыткомъ покрываются для всего народа важностью полученныхъ результатовъ, для отдѣльныхъ личностей — блескомъ пріобрѣтенія славы или даже сознаніемъ исполненнаго высокаго долга. Гдѣ можно найти болѣе славную смерть, какъ не смерть на полѣ чести, и болѣе благородное безсмертіе, какъ не безсмертіе героя? Объ этомъ ясно и единодушно говорятъ всѣ учебники, всѣ „книги для чтенія“, гдѣ на ряду съ внѣшней исторіей, представленной только въ видѣ непрерывнаго ряда войнъ, идутъ отдѣльные разсказы и поэмы о героическихъ подвигахъ на поляхъ битвъ. Такова система воспитанія патріотовъ! Такъ какъ изъ каждаго ученика долженъ выйти защитникъ отечества, то въ каждаго ребенка долженъ быть вселенъ энтузіазмъ къ исполненію своего перваго долга; онъ долженъ быть безчувственъ къ тому естественному отвращенію, которое можетъ пробудиться въ немъ при видѣ ужасовъ войны; поэтому-то исторія разсказываетъ о самыхъ страшныхъ кровопролитіяхъ и избіеніяхъ самымъ увлекательнымъ образомъ, какъ

будто о самыхъ обыкновенныхъ и необходимыхъ явленіяхъ, выдвигая изо всѣхъ силъ только идеальную сторону этого древняго обычая. Такимъ путемъ имъ удастся образовать расу, которая жаждетъ войнъ, находя въ нихъ удовольствія.

Хотя дѣвочкамъ и не предстоитъ дѣйствовать на полѣ битвы, онѣ учатся по тѣмъ книгамъ, которыя имѣютъ цѣлью сдѣлать изъ мальчиковъ солдатъ, и усваиваютъ такія понятія, которыя заставляютъ ихъ завидовать тому, что онѣ не имѣютъ дѣла съ войной, и испытывать удивленіе предъ военнымъ сословіемъ. Начиная съ библейскихъ, македонскихъ и пуническихъ войнъ до тридцатилѣтней войны и походовъ Наполеона, развертываются ужасныя картины передъ нами, нѣжными дѣвушками, которыя во всѣхъ отношеніяхъ жизни должны быть мягкими и добрыми; мы видимъ сожженные города, перерѣзанныхъ жителей ихъ и ликующихъ побѣдителей,—и все это бываетъ для насъ настоящимъ наслажденіемъ; а такъ какъ накопленіе и постоянное повтореніе ужасовъ притупляютъ чувства, то все, что относится къ области войнъ, разсматривается уже не съ человѣческой точки зрѣнія, а получаетъ какое-то мистико - историко - политическое освѣщеніе. Войны должны быть, онѣ источникъ высшихъ заслугъ и почестей—и дѣвушки усваиваютъ это и заучиваютъ на память стихотворенія и рѣчи, въ которыхъ превозносятся войны. Отсюда-то появляются „матери-спартанки“, „матери знаменъ“ и тому подобныя котильонныя приглашенія, которыя раздаются офицерамъ.

Я воспитывалась не въ монастырѣ, какъ многія изъ дѣвушекъ моего круга, но въ домѣ моего отца, подъ руководствомъ гувернантокъ и учителей. Моя мать умерла рано, и при насъ, трехъ сестрахъ, ея мѣсто заступила наша тетка, старая канонисса. Мы проводили зиму въ Вѣнѣ, а лѣто — въ своемъ помѣстьѣ въ Нижней Австріи.

Я припоминаю, что гувернантки и учителя были очень довольны мною, такъ какъ я была прилежной, честолюбивой ученицей и обладала хорошей памятью. Не имѣя возможности удовлетворить свое честолюбіе

въ одержаніи побѣдъ, подобно героинямъ, я находила ему пищу въ отличныхъ отзывахъ преподавателей о моихъ урокахъ и въ ихъ восторженныхъ похвалахъ моей жадности къ ученью. Французскій и англійскій языки я знала почти въ совершенствѣ. По геологіи и астрономіи я прошла все, что считается обыкновенно необходимымъ для образованія дѣвушки, но по исторіи я знала больше, чѣмъ требовалось отъ меня. Изъ библіотеки своего отца я брала объемистыя историческія сочиненія, за которыми и проводила все время, отведенное мнѣ для чтенія. Мнѣ постоянно казалось, что я дѣлаюсь хоть немного умнѣе всякій разъ, какъ обогащу свои свѣдѣнія событіемъ, именемъ или датой изъ прошлой исторіи. Зато къ игрѣ на фортепіано, которая также входила въ планъ моего образованія, я чувствовала рѣшительное отвращеніе. У меня не было ни способности, ни охоты къ музыкѣ, и я чувствовала, что въ ней я не найду удовлетворенія своему честолюбію. Долго и упорно просила я не заставлять меня тратить на безсмысленное бряцанье дорогое мнѣ время, которое я могла бы употребить на другія занятія, такъ что мой добрый отецъ избавилъ меня, въ концѣ концовъ, отъ этого музыкальнаго рабства, къ великому неудовольствію тетки, убѣжденной, что безъ игры на фортепіано воспитаніе дѣвушки не можетъ быть полнымъ.

10 марта 1857 г. я праздновала исполненіе мнѣ семнадцати лѣтъ. „Уже семнадцать лѣтъ!“ записано подъ этимъ числомъ въ моемъ дневникѣ. Это „уже“ заключаетъ въ себѣ цѣлую драму. Хотя здѣсь и не прибавлено никакого поясненія, но вѣроятно я хотѣла сказать этимъ: „а я еще ничего не сдѣлала для безсмертія!“ Эта красная тетрадка оказываетъ мнѣ теперь превосходную услугу, когда мнѣ пришло въ голову написать автобіографію. Она позволяетъ мнѣ съ большою ясностью нарисовать самыя мелкія детали моихъ мыслей и чувствъ того времени, отъ которыхъ остались въ моей памяти неясные абрисы, она воспроизводитъ цѣликомъ и давно забытыя думы и давно замолкшія рѣчи.

Въ предстоящій сезонъ я должна была „выѣзжать“.

Эта перспектива, правда, радовала меня, но не въ такой чрезвычайной мѣрѣ, какъ бываетъ это обыкновенно съ молодыми дѣвушками. Моя душа искала чего-то высшаго, чѣмъ бальные тріумфы. Чего же я искала? Едва ли я отвѣтила бы сама себѣ на этотъ вопросъ. Вѣроятно, любви, хотя и не понимала этого. Всѣ эти грезы и стремленія къ чему-то и честолюбіе, которыя волнуютъ головы юношей и дѣвушекъ и проявляются во всевозможныхъ формахъ—и въ жаждѣ знанія, и въ страсти къ путешествіямъ и подвигамъ,—въ дѣйствительности большею частью не что иное, какъ не сознаваемое еще пробужденіе инстинкта любви.

Въ это лѣто моя тетка должна была ѣхать на воды въ Маріенбадъ. Она рѣшила взять меня съ собою. Хотя мое оффиціальное вступленіе въ „свѣтъ“ должно было послѣдовать только наступающею зимою, однако мнѣ было дозволено принимать участіе въ небольшихъ танцахъ въ кургаузѣ для того, чтобъ я могла упражняться въ танцахъ и научиться держать себя и не оказалась такимъ образомъ застѣнчивой и неловкой при вступленіи въ мой первый выѣздной сезонъ.

Но что случалось на первомъ же посѣщенномъ мною собраніи? Серьезное и страстное увлеченіе. Героемъ былъ, конечно, гусарскій офицеръ. Статскіе, бывшіе въ залѣ, казались мнѣ сравнительно съ военными майскими жуками среди мотыльковъ. Изъ военныхъ самыми блестящими были, конечно, гусары; а изъ гусаровъ самымъ ослѣпительнымъ былъ графъ Арно Доцкій. Болѣе шести футовъ ростомъ, съ черными курчавыми волосами, съ закругленными усами, бѣлыми зубами, черными глазами, смотрящими глубоко и нѣжно, — однимъ словомъ, когда онъ спросилъ меня: „вы еще никому не обѣщали котильона, графиня?“ я почувствовала, что есть на свѣтѣ и другіе тріумфы, столь же увлекательные, какъ и тріумфы побѣдоносной Орлеанской дѣвы или царственной Екатерины Великой. Несясь по залѣ въ вальсѣ съ самой хорошенькой изъ всѣхъ присутствовавшихъ дѣвушекъ (спустя тридцать лѣтъ я могу это сказать), двадцатидвухлѣтній графъ испытывалъ, вѣроятно, нѣчто очень подобное мнѣ; онъ не-

премѣнно думалъ: „обладаніе тобой, милое существо, дороже маршальскихъ жезловъ“.

— Марта, Марта, что съ тобой!—шепнула мнѣ моя тетка, когда я, едва переводя дыханіе, опустилась на стулъ возлѣ нея, покрывъ ея голову тюлевыми волнами своего платья.

— Охъ! простите, тетя,—сказала я и сѣла, какъ слѣдуетъ.—Я нечаянно.

— Я не объ этомъ. Я говорю тебѣ по поводу твоего поведенія съ этимъ гусаромъ. Ты не должна такъ прижиматься къ мужчинѣ во время танцевъ... и зачѣмъ такъ близко и пристально смотрѣть ему въ глаза?

Я сильно покраснѣла. Неужели я держала себя неприлично? Можетъ-быть, „несравненный“ составилъ обо мнѣ дурное мнѣніе?

Но эти сомнѣнія и безпокойства разсѣялись еще во время бала; во время вальса послѣ ужина „несравненный“ шепталъ мнѣ: „Выслушайте меня, я не могу отложить... Вы должны узнать это сегодня же.. Я люблю васъ“.

Эти звуки были нѣсколько пріятнѣе „голосовъ“ Жанны д'Аркъ. Но такъ какъ танцы продолжались, я не могла ничего ему отвѣтить. Онъ, кажется, понялъ это, потому что остановился. Мы стояли въ пустомъ углу залы и могли свободно продолжать нашъ разговоръ.

— Скажите, графиня, на что я долженъ надѣяться?

— Я не понимаю васъ,—неискренно отвѣтила я ему.

— Можетъ-быть, вы не вѣрите, что можно полюбить при первой встрѣчѣ? До сихъ поръ я самъ считалъ это пустыми фразами, но сегодня я испыталъ на себѣ, что это—правда.

Какъ билось у меня сердце! Но я молчала.

— Я готовъ пойти на все,—продолжалъ онъ.—Вы или никто! Въ вашихъ рукахъ мое блаженство и моя смерть: безъ васъ я не хочу и не могу жить. Хотите вы быть моею?

На такой прямой вопросъ я вынуждена была отвѣтить что-нибудь. Я старалась найти какую-нибудь дипломатическую фразу, которая, не лишая графа надежды, не уронила бы и моего достоинства, но не могла ничего произнести, кромѣ дрожащаго шопота: „да“.

— Такъ что я могу завтра просить вашей руки у вашей тетушки и написать графу Альтгаузъ?

— Да,—снова отвѣтила я, но на этотъ разъ нѣсколько тверже.

— О, какъ я счастливъ! Значитъ, вы тоже съ перваго взгляда полюбили меня?

Я отвѣтила только глазами, но они очень ясно сказали: „да“.

Въ день моего рожденія, когда мнѣ исполнилось восемнадцать лѣтъ, была отпразднована наша свадьба; этой зимой я вступила въ „свѣтъ“ и была представлена императрицѣ. Послѣ вѣнчанія мы поѣхали въ Италію; для этого Арно взялъ продолжительный отпускъ; о выходѣ его въ отставку изъ военной службы у насъ не было и рѣчи. Правда, мы оба обладали порядочнымъ состояніемъ, но мой мужъ любилъ военную службу, и я сочувствовала ему. Я гордилась своимъ красивымъ гусарскимъ офицеромъ и съ самодовольствомъ ждала того времени, когда его произведутъ въ майоры, полковники и генералы. Кто знаетъ? Можетъ-быть, ему суждена важная роль; можетъ-быть, онъ будетъ блистать въ славной исторіи своей страны среди великихъ полководцевъ.

Я сильно сожалѣю о томъ, что красная тетрадка содержитъ пропускъ, обнимающій именно самое пріятное время—отъ помолвки до свадьбы и медовый мѣсяцъ. Конечно, радости тѣхъ дней забылись, разсѣялись и исчезли бы, если бы я и занесла ихъ сюда, но тогда по крайней мѣрѣ сохранились бы свѣтлыя воспоминанія о нихъ. Но нѣтъ! Для своихъ печалей и тревогъ я не могла найти достаточно жалобъ, многоточій и восклицательныхъ знаковъ. Свои горести я считала нужнымъ повѣдать всему міру, и современникамъ и потомству, но счастливыми часами я наслаждалась молча. Я не гордилась счастьемъ и не разговаривала о немъ ни съ кѣмъ, даже сама съ собой, въ своемъ дневникѣ; только въ страданіи и терпѣніи я видѣла нѣчто важное и много говорила о нихъ. Въ этой простой тетрадкѣ точно въ зеркалѣ отражалось все то, чѣмъ я была недовольна въ жизни, тогда какъ въ счастливыя минуты

ея листы оставались совершенно бѣлыми! Безсмысленно! Это похоже на то, какъ если бы кто-нибудь, составляя во время путешествія коллекцію, собиралъ изъ того, что попадалось ему на дорогѣ, только самое некрасивое, напримѣръ, если бы онъ наполнялъ свой ящикъ репейникомъ и колючками, жабами и червями и оставлялъ безъ вниманія цвѣты и бабочекъ.

Тѣмъ не менѣе я припоминаю, что это было хорошее время, какое-то волшебное сновидѣніе. У меня было все, чего могло пожелать сердце молодой женщины: я была любима, богата, имѣла высокое положеніе, и многое для меня было такъ ново, такъ увлекательно, такъ невѣроятно! Мой Арно и я, мы любили другъ друга до самозабвенія, со всѣмъ пыломъ молодости. Случилось, что мой милый обладалъ большими достоинствами, имѣлъ доброе сердце и благородный умъ, былъ свѣтски образованъ и веселъ... случилось... потому что маріенбадскій балъ не могъ поручиться за то, что онъ не порочный и злой человѣкъ; случилось также, что и я была сравнительно умной, добросердечной женщиной, такъ какъ и онъ могъ бы на этомъ балу влюбиться въ красивую, но капризную и пустую женщину. Такимъ образомъ вышло совершенно случайно, что мы оба оказались вполнѣ счастливы, а потому и красная тетрадка, наполненная моими сѣтованіями, долгое время оставалась пустою.

Впрочемъ, подождите; я нахожу здѣсь одну веселую запись—восторги по поводу моего новаго положенія: я сдѣлалась матерью. Перваго января 1859 года, какъ бы для новогодняго подарка, у насъ родился сынъ. Это событіе такъ удивило насъ и дало намъ столько гордости, какъ будто мы были первой супружеской четой, съ которой случилось происшествіе такого рода: оно было причиной того, что я снова взялась за свой дневникъ. Надобно же было сообщить потомству о такомъ важномъ чудѣ, происшедшемъ со мною, и о моемъ новомъ положеніи. Кромѣ того, самая тема „молодая мать“—такая необыкновенно благодарная для искусства и литературы; ей занимались съ наибольшимъ успѣхомъ и поэты, и художники; въ нее можно вложить и мисти-

ческую, и религіозную идею, ее можно обработать и трогательно, и патетически, и просто, и нѣжно, однимъ словомъ,—она безконечно поэтична. Какъ учебники стараются вселить любовь къ войнѣ, такъ на воспитаніе такого расположенія посвящаютъ свои силы драмы, иллюстрированные журналы, картинныя галлереи и избитыя восторженныя фразы въ родѣ: „материнская любовь“, „материнское счастье“, „материнская гордость“. Какъ благоговѣніе передъ героями доводитъ до боготворенія ихъ (см. „Почитаніе героевъ“, Карлейля), такъ большинство боготворитъ своихъ дѣтей въ ихъ младенческомъ возрастѣ; и въ этомъ, конечно, я не отстала отъ другихъ. Мой маленькій очаровательный Руру былъ для меня величайшимъ чудомъ въ мірѣ. Ахъ, мой сынъ! мой благородный Рудольфъ! Сравнительно съ тѣмъ, что я чувствую теперь къ тебѣ, мое прежнее ребяческое восхищеніе тобою, моя прежняя неосмысленная, обезьянья, слѣпая любовь были такъ же ничтожны, какъ ничтоженъ запеленатый ребенокъ предъ взрослымъ мужчиной.

Не меньше гордился своимъ наслѣдникомъ и молодой отецъ, воображая себѣ его блистательную будущность. „Чѣмъ онъ будетъ?“—вопросъ, хотя и очень преждевременный, тѣмъ не менѣе часто обсуждался у колыбели Руру, и мы постоянно рѣшали единодушно сдѣлать изъ него военнаго. Иногда со стороны матери раздавался слабый протестъ: „А вдругъ его возьмутъ на войну?“ „Вотъ еще“, отвѣчалъ отецъ на это возраженіе, „каждый умретъ такъ, какъ ему предназначено“. Руру, по нашимъ предположеніямъ, не долженъ былъ оставаться единственнымъ сыномъ; одинъ изъ слѣдующихъ сыновей можетъ идти по дипломатическому поприщу, другой будетъ сельскимъ хозяиномъ, третій пусть изберетъ духовное званіе, но старшій долженъ продолжать службу отца и дѣда, службу самую благородную: онъ долженъ быть военнымъ.

На этомъ рѣшеніи мы остановились. Когда Руру исполнилось два мѣсяца, мы дали ему чинъ ефрейтора. Вѣдь всѣ кронпринцы тотчасъ же послѣ своего рожденія назначаются шефами полковъ, почему же и намъ

не украсить своего крошку какимъ-нибудь чиномъ? И эта игра въ солдатики съ нашимъ ребенкомъ сдѣлалась для насъ постояннымъ удовольствіемъ.

Перваго апрѣля, въ день его рожденія, который мы праздновали каждый мѣсяцъ, Руру былъ повышенъ изъ ефрейторскаго чина въ капральскій. Но въ этотъ самый день случилось нѣчто печальное, что легло тяжелымъ камнемъ на мое сердце и заставило меня снова обратиться къ своей красной тетрадкѣ.

На политическомъ горизонтѣ уже давно виднѣлось зловѣщее черное облако, и относительно возможнаго разрастанія его въ газетахъ и частныхъ разговорахъ шли самые оживленные комментаріи. Я же все время и не думала объ этомъ. Мой мужъ, отецъ и ихъ военные знакомые часто говаривали при мнѣ: „Намъ непремѣнно придется имѣть дѣло съ Италіей"; но я никогда не вдумывалась въ такія фразы, у меня не было ни времени, ни желанія безпокоиться политическими вопросами. Всѣхъ вокругъ меня волновалъ вопросъ о нашихъ отношеніяхъ въ Сардиніи, о поведеніи Наполеона, помощью котораго заручился Кавуръ во время крымской кампаніи; велись постоянные разговоры о натянутости, вызванной этимъ союзомъ, между нами и итальянцами; я не обращала вниманія ни на что.

Перваго апрѣля мой мужъ сказалъ мнѣ серьезно:

— Знаешь, милая, вѣдь дѣло разгорится!

— Какое дѣло?

— Война съ Сардиніей.

Я испугалась.

— Боже мой! какъ это ужасно! И тебѣ надобно быть тамъ?

— Надѣюсь.

— Какъ можешь ты говорить такія вещи? „Надѣяться" покинуть жену и ребенка!

— Если долгъ велитъ...

— Можно покоряться необходимости, но надѣяться, т.-е. ждать, что явится такой печальный долгъ!..

— Печальный! Такой походъ будетъ, вѣроятно, очень веселымъ и славнымъ! Не забывай, что ты—жена солдата!

Я бросилась ему на шею.—О, мой милый! Будь спокоенъ, я тоже могу быть храброй. Какъ часто я увлекалась подвигами героевъ и героинь прежнихъ временъ! Какое возвышающее чувство бываетъ, вѣроятно, передъ битвой! О, если бы мнѣ возможно было сражаться, пасть или побѣдить рядомъ съ тобой!

— Храбро, моя милая, но безсмысленно! Твое мѣсто здѣсь, у колыбели ребенка, который, выросши, также долженъ стать защитникомъ отечества. Твое мѣсто у нашего домашняго очага. Чтобы защитить его и сохранить его отъ непріятельскихъ нападеній, чтобы дать нашимъ дѣтямъ и женамъ мирную и спокойную жизнь, намъ и приходится воевать.

Не знаю почему, но эти слова, которыя, въ точно такой же или подобной формѣ, я часто прежде слыхала и читала, вполнѣ соглашаясь съ ними, теперь мнѣ показались ложной фразой. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, нашему „домашнему очагу“ не грозило никакой опасности, варварскія полчища не стояли передъ воротами... была просто-на-просто политическая натянутость между двумя кабинетами. Если же мой мужъ съ такимъ жаромъ рвался на войну, то причиной этого была не настоятельная необходимость защитить жену, ребенка и отечество, а скорѣе перспектива тѣхъ удовольствій, которыя обѣщалъ ему походъ — отличіе и повышеніе по службѣ. „Конечно, мысленно рѣшила я, это — честолюбіе, но честолюбіе благородное, достойное, желаніе отважно выполнить свой долгъ“.

„Это дѣлаетъ ему честь, что онъ радуется возможности дѣйствовать на полѣ битвы... но все это вѣдь неизвѣстно еще; можетъ-быть, и войны не будетъ; и даже въ случаѣ, если она вспыхнетъ, можетъ-быть, Арно и не придется идти: всю армію никогда не двигаютъ противъ врага. Невозможно, чтобы судьба, устроивъ мнѣ полное, совершенное счастье въ уютномъ кругу семьи, сама же жестоко разбила его. Арно, мой милый, дорогой Арно! Какъ страшно будетъ для меня знать, что ты въ опасности!“ Вотъ какія строки изливались въ тѣ дни изъ-подъ моего пера на страницы дневника.

Въ красную тетрадку попадали тогда разсужденія и

политическаго характера. „Лудвигъ Наполеонъ—интриганъ“, писала я. „Австрія не можетъ болѣе оставаться пассивной зрительницей событій. Война должна быть. Сардинія побоится нашей силы и отдастся намъ... Миръ не будетъ нарушенъ“. Вопреки всѣмъ восхищеніямъ предъ войнами прошлой исторіи, мои желанія были, очевидно, въ глубинѣ моей души направлены на сохраненіе мира, но мой мужъ искренно жаждалъ войны. Правда, рѣшительно онъ не высказывался, но всѣ новости о разрастаніи „облака на политическомъ горизонтѣ“ онъ сообщалъ мнѣ съ сіяющими радостью глазами; и, наоборотъ, съ огорченіемъ передавалъ вѣсти о возможности мирнаго рѣшенія этого вопроса, хотя,—увы!—эти вѣсти становились все рѣже и рѣже.

Мой отецъ также стоялъ за войну. Побѣдить пьемонтцевъ, это—дѣтская забава; и въ подтвержденіе своихъ увѣреній онъ начиналъ снова свои разсказы о Радецкомъ. Я слышала, какъ предстоящій походъ обсуждался съ стратегической точки зрѣнія, т.-е., взвѣшивались шансы на побѣду съ той и другой сторонъ, гдѣ и какъ можно разбить врага и какія выгоды получимъ отъ этого „мы“. При этомъ совершенно оставался безъ вниманія вопросъ о человѣкѣ, т.-е., о томъ, что всякая битва—выигранная и проигранная—требуетъ безчисленныхъ жертвъ, крови и слезъ. Интересы, которые обсуждались здѣсь, стояли будто настолько выше счастья отдѣльныхъ лицъ, что мнѣ дѣлалось стыдно за мелочность моихъ мыслей, когда по временамъ мнѣ приходило въ голову: „какая радость отъ нашей побѣды несчастнымъ убитымъ, изуродованнымъ и ихъ вдовамъ?“ На всѣ эти вопросы отчаянія тотчасъ же явились отвѣты изъ учебниковъ: „слава вознаграждаетъ за все“. А вдругъ побѣдятъ враги? Я высказала однажды этотъ страхъ въ кругу моихъ военныхъ знакомыхъ и была, конечно, осмѣяна. Сомнѣніе или простое упоминаніе о возможности неудачи считалось непатріотичнымъ. Быть заранѣе увѣрену въ побѣдѣ — одна изъ обязанностей солдата; такъ должна думать и жена офицера.

Полкъ моего мужа стоялъ въ Вѣнѣ. Изъ нашей квартиры открывался видъ на Пратеръ, и все было облито

яркими лучами солнца. Была чудная весна. Было тепло, воздухъ былъ наполненъ ароматомъ фіалокъ, и свѣжая зелень показалась раньше обыкновеннаго. Я чувствовала себя вполнѣ счастливой и съ радостью и нетерпѣніемъ ждала прогулокъ по Пратеру, которыя устраивались здѣсь въ маѣ. Для этой цѣли мы купили изящную коляску и четверку венгерскихъ лошадей. Уже и теперь, въ веселую апрѣльскую погоду, мы почти каждый день катались по аллеямъ Пратера; но это было только предвкушеніе майскаго удовольствія. О, если бы только не было войны!

— Слава Богу, оканчиваются наши ожиданія!—воскликнулъ мой мужъ утромъ 19 апрѣля, возвращаясь домой съ парада.—Посланъ ультиматумъ.

— Что?.. что такое?—вскрикнула я.

— Произнесено послѣднее слово дипломатическихъ формальностей, за которымъ слѣдуетъ обыкновенно объявленіе войны. Нашъ ультиматумъ Сардиніи требуетъ отъ нея разоруженія. Она, конечно, не исполнитъ этого, и мы перейдемъ границу.

— Боже мой!.. Но вѣдь можетъ быть еще, что она разоружится?

— Ну, тогда спорамъ конецъ, и войны не будетъ.

Я упала на колѣни. Я не могла удержаться отъ этого. Изъ глубины души моей вырвалась нѣмая, но горячая молитва отчаянія: „пошли намъ, Боже, миръ! миръ!“

— Глупенькій ты ребенокъ! Что ты дѣлаешь?—произнесъ Арно, поднимая меня.

Я обвила руками его шею и начала плакать. Это былъ еще не взрывъ горя, потому что несчастье, конечно, еще не началось; но мысль о его возможности такъ потрясла меня, что нервы не выдержали и разразились потокомъ слезъ.

— Марта, ты разсердишь меня,—сказалъ Арно недовольнымъ голосомъ.—Развѣ ты не хочешь быть попрежнему храброй женой солдата? Развѣ ты забыла, что ты дочь генерала, жена офицера и, — продолжалъ онъ съ улыбкой,—мать капрала?

— Нѣтъ, нѣтъ, Арно. Я не могу совладать съ со-

бой. Это что-то въ родѣ припадка. Я сама очень люблю военную славу. Но... я не знаю почему... все зависитъ отъ одной минуты, отъ одного слова, которое, можетъ-быть, тамъ произносятъ теперь, „да“ или „нѣтъ“, въ отвѣтъ на этотъ, какъ ты говоришь, ультиматумъ, и это „да“ или „нѣтъ“ рѣшитъ для тысячъ людей судьбу жить или умереть... Умереть въ такіе веселые солнечные весенніе дни... и мнѣ пришло въ голову, что непремѣнно должно добиться мира, и я не могла удержаться, чтобы не упасть на колѣни и не молиться.

— Учить Бога, что̀ должно быть! Ахъ, ты глупенькая!

Раздался звонокъ. Я вытерла глаза. Кто бы могъ придти такъ рано?

Это былъ отецъ. Онъ вошелъ очень торопливо.

— Ну, дѣти,—кричалъ онъ, запыхиваясь и усаживаясь въ кресло,—слышали вы важную новость? Ультиматумъ...

— Я только что сказалъ объ этомъ женѣ.

— Скажи мнѣ, дорогой папа, какъ ты думаешь, предотвратитъ онъ войну?—спросила я съ безпокойствомъ.

— Не знаю ни одного случая, чтобы ультиматумъ предотвращалъ войну. Конечно, для этихъ несчастныхъ оборванныхъ итальянцевъ было бы благоразумнѣе уступить и не рисковать вторично испытать Новару. Ахъ! Если бы не умеръ въ прошломъ году старикъ Радецкій, я увѣренъ, что, несмотря на свои девяносто лѣтъ, онъ сталъ бы опять во главѣ арміи, и, ей Богу! я пошелъ бы вмѣстѣ съ нимъ. Надѣюсь, мы оба уже показали, какъ надобно обращаться съ этимъ сбродомъ. Но, кажется, этимъ болванамъ мало того, что они получили. Имъ хочется новаго урока. Отлично! Пьемонтская территорія будетъ хорошей прибавкой къ нашему ломбардо-венеціанскому королевству. Я такъ и вижу, какъ наши войска вступаютъ въ Туринъ.

— Но, папа, ты говоришь такъ, какъ будто бы война уже объявлена, и ты радуешься этому! А вдругъ Арно придется тоже идти на войну?

И слезы навернулись уже на моихъ глазахъ.

— Если онъ пойдетъ на войну, онъ будетъ счастливцемъ, ему надобно завидовать.

— Я боюсь!.. Опасность...

— Ну, вотъ! Опасность? Человѣкъ можетъ сражаться и не быть убитымъ. Я, благодаря Бога, прослужилъ нѣсколько кампаній и раненъ былъ не разъ, и однако я живъ, потому что мнѣ судьбой предназначено пережить все это.

Старыя фразы фаталистовъ! Онѣ же взяли верхъ и тогда, когда мы избирали карьеру для Руру, и теперь еще онѣ показались мнѣ вполнѣ разумными.

— Даже и въ томъ случаѣ, если мой полкъ не будетъ назначенъ...—началъ было Арно.

— Ахъ, да!—съ радостью перебила я его,—можно еще надѣяться на это.

— Въ такомъ случаѣ я переведусь въ другой полкъ, если будетъ возможно.

— О! это вполнѣ возможно, ободрялъ—егомой отецъ.—Гессъ назначается командиромъ, а онъ мой хорошій пріятель.

Мое сердце билось, и однако я не могла не удивляться имъ обоимъ. Они такъ весело и спокойно говорили о предстоящемъ походѣ, какъ будто дѣло шло объ устройствѣ веселой поѣздки. Моему храброму Арно хотѣлось идти въ походъ, даже если его и не призывалъ къ этому долгъ, а мой отважный отецъ считалъ это вполнѣ обыкновеннымъ и естественнымъ. Я ободряла себя. Прочь моя дѣтская женская трусость! Теперь пришло время показать себя достойной своихъ близкихъ, стать выше эгоистическихъ чувствъ и находить утѣшеніе въ томъ, что „мой мужъ—герой“.

Я вскочила и протянула Арно обѣ руки.

— Арно! Я горжусь тобой!

Онъ крѣпко поцѣловалъ мои руки, потомъ обернулся къ отцу и сказалъ съ сіяющимъ радостью лицомъ:

— Вы хорошо воспитали свою дочь, тесть!

Не приняли! Не приняли ультиматума! Это было въ Туринѣ 26 апрѣля. Жребій брошенъ! Война вспыхнула!

. . . .

Тревожное было время. Война „вспыхнула“. Люди за-

бываютъ въ такихъ случаяхъ, что здѣсь, въ сущности, только двѣ толпы людей бросаются драться другъ съ другомъ, и думаютъ, что это какая-то третья высокая могучая сила толкаетъ эти толпы одну на другую. Вся отвѣтственность возлагается на эту силу, стоящую внѣ воли отдѣльныхъ лицъ и только приводящую въ исполненіе то, что предначертано въ судьбахъ народа. Такое неясное и внушающее благоговѣйный трепетъ понятіе имѣетъ о войнѣ большинство людей; такъ думала и я. Не время было тогда смотрѣть на войну съ точки зрѣнія чувства и возставать противъ войны вообще. Я страдала только о томъ, что мой мужъ будетъ выставленъ подъ опасность, а я останусь вдали отъ него въ страхѣ и одиночествѣ. Я старалась вызвать къ жизни свои старыя впечатлѣнія отъ занятій исторіей, чтобы подкрѣпить и воодушевить себя убѣжденіемъ, что моего дорогого мужа призываетъ высшій долгъ человѣка, и что это дастъ ему случай покрыть себя почестями и славой. Теперь и я переживала эпоху, которая попадетъ въ исторію,—и эта мысль опять подняла во мнѣ духъ. Начиная съ Геродота и Тацита и кончая современными историками, всѣ они постоянно описывали войны какъ величайшія событія, имѣющія важнѣйшія послѣдствія; изъ этого я заключила, что и теперешняя война займетъ у будущихъ историковъ особую главу.

Этотъ приподнятый, но тягостный тонъ господствовалъ повсюду. Ни о чемъ другомъ не говорили въ гостиныхъ и на улицахъ, ни о чемъ другомъ не писали въ газетахъ, ни о чемъ другомъ не молились въ церквахъ. Куда ни придешь, вездѣ находишь тѣ же возбужденныя лица, тѣ же горячіе толки о возможныхъ исходахъ войны. Все остальное, чѣмъ занимаются люди въ другое время—театры, торговля, искусство,—все это казалось теперь не стоящимъ вниманія. Каждому казалось, что онъ не имѣетъ права думать о чемъ-либо другомъ, пока на сценѣ разыгрывается драма міровой судьбы. И всевозможные приказы по арміи съ хорошо всѣмъ извѣстными фразами о несомнѣнности побѣды, съ обѣщаніями славы; и выступленіе полковъ съ громомъ музыки и развѣвающимися знаменами; и передо-

выя статьи и публичныя рѣчи въ томъ же лойяльномъ и патріотическомъ духѣ; вѣчныя воззванія къ доблести, чести, долгу, мужеству, самопожертвованію; взаимныя увѣренія, что наша нація — непобѣдимая, самая храбрая, предназначенная къ широкому могуществу, самая благородная и лучшая, — все это распространяло кругомъ атмосферу героизма, возбуждало народную гордость и вызывало въ каждомъ человѣкѣ мысль, что онъ великій гражданинъ великаго государства.

Такія низкія качества, какъ алчность до чужихъ земель, страсть къ войнѣ, зависть, жестокость, обманъ, разумѣется, обнаруживаются въ войнѣ, но всегда только со стороны „противника“. Его несправедливость была ясна. Не говоря уже о политической необходимости войны, не говоря о выгодахъ, которыя несомнѣнно произойдутъ отъ нея для отечества, покореніе противника считалось дѣломъ морали, наказаніемъ, выполняемымъ надъ нимъ самимъ геніемъ культуры. Итальянцы! Это — глупый, вѣроломный, чувственный, легкомысленный и тщеславный народъ! А этотъ Лудвигъ-Наполеонъ — смѣсь честолюбія и интригъ! Когда появился его манифестъ о войнѣ, опубликованный 29 апрѣля, съ девизомъ: „свободная Италія до Адріатическаго моря“, онъ вызвалъ у насъ бурю негодованія. Я робко замѣтила, что эта мысль—безкорыстная и благородная, которая произведетъ одушевляющее впечатлѣніе на итальянскихъ патріотовъ, но я тотчасъ же должна была замолчать. Догматъ, что „Лудвигъ-Наполеонъ — человѣкъ низкій“, долженъ былъ оставаться безъ возраженій все время, пока онъ былъ нашимъ „врагомъ“. Все, что исходило отъ него, было ab initio „низкимъ“.

Во мнѣ возникло другое, слабое сомнѣніе. Я видѣла, что во всѣхъ описаніяхъ войнъ симпатіи и похвалы высказываются повѣствователемъ той сторонѣ, которая хочетъ освободить себя отъ чужеземнаго ига и борется за свободу. Правда, что я не могла дать себѣ яснаго отчета, что̀ такое это „иго“ и эта „свобода“, изъ-за которыхъ происходитъ борьба, но мнѣ казалось совершенно яснымъ, что въ данное время „старались сбросить иго“ и „стремились къ свободѣ“ не австрійцы, а

итальянцы. Но и за эти робко возникшія и еще болѣе робко выраженныя сомнѣнія на меня обрушились громы. Оказалось вреднымъ подкапываться подъ священный принципъ, состоящій въ томъ, что наше правленіе, т.-е., то, подъ которымъ мы родились, не иго, а „благо“ для подвластныхъ намъ, и что всякій, кто пожелаетъ освободиться отъ „насъ“, не борецъ за свободу, а просто бунтовщикъ, и что вообще всегда и во всемъ „мы“ всецѣло правы.

Первые дни мая были, къ счастью, холодные и дождливые; ясная весенняя погода еще болѣе увеличила бы своимъ контрастомъ мою печаль: въ это время долженъ былъ выступить полкъ, куда былъ переведенъ Арно.

Завтра въ семь часовъ утра... Ахъ, эта послѣдняя ночь! Что за ужасная была ночь! Если бы любимому мною мужу пришлось уѣзжать по дѣламъ, безъ всякой опасности, и тогда его отъѣздъ былъ бы для меня невыразимо тяжелъ,—разлука всегда тяжела! Но на войну! подъ огненный дождь непріятельскихъ пуль! Почему въ эту ночь слово „война“ потеряло въ моихъ глазахъ важное историческое значеніе и представлялось только въ безобразномъ видѣ убійствъ?

Арно заснулъ. Дышалъ онъ спокойно, на лицѣ было веселое выраженіе. Я зажгла свѣчку и поставила за транспарантъ: этой ночью мнѣ было страшно въ темнотѣ. О снѣ я не думала въ эту ночь: я не могла спустить глазъ съ дорогого лица. Надѣвши капотъ, я легла на постель и, опершись локтемъ на подушку, а подбородкомъ на руку, я смотрѣла на спящаго и плакала. „Какъ я люблю тебя, какъ я люблю тебя, мой милый, и ты уходишь отъ меня! Какая жестокая судьба! Какъ буду жить я безъ тебя? О! только бы ты возвратился! Боже! добрый Боже! мой милосердый небесный Отецъ! Дай ему вернуться... ему и всѣмъ другимъ. Дай намъ скорѣе миръ! Почему не можетъ миръ быть вѣчно? Мы были такъ счастливы... Очень счастливы... но на землѣ не можетъ быть полнаго счастья. О! какой восторгъ, если онъ вернется домой невредимымъ! Онъ будетъ тогда рядомъ со мной, такъ же какъ теперь, и на утро не

будетъ грозить разлука! Какъ спокойно ты спишь, мой дорогой храбрый мужъ! Но какъ будешь ты спать тамъ? Тамъ не будетъ у тебя мягкой постели съ шелкомъ и кружевами; тамъ тебѣ придется лежать на жесткой мокрой землѣ... можетъ-быть, во рву... безпомощному... раненому!“ И при этой мысли передо мной невольно встала картина: Арно съ зіяющей раной на лбу, изъ которой течетъ кровь, или съ прострѣленной грудью... и меня охватила нестерпимая мука. Какъ мнѣ хотѣлось обнять и поцѣловать его, но я боялась разбудить его: ему нужно было подкрѣпиться сномъ. Нѣтъ еще шести часовъ!.. Тикъ-такъ, тикъ-такъ безучастно стучали часы, и съ каждымъ ударомъ время подвигалось впередъ. Это равнодушное тикъ-такъ терзало меня. Свѣча за транспарантомъ горѣла такъ же равнодушно, какъ и тикали часы, украшенные неподвижнымъ купидономъ... Можетъ ли быть, чтобы всѣ эти вещи не понимали, что это—послѣдняя ночь? Полные слезъ глаза мои закрывались, временами я теряла сознаніе, и голова моя невольно опускалась на подушку, и въ концѣ-концовъ я засыпала. Но только на очень короткое время. Едва я теряла сознаніе въ туманѣ безформенныхъ грезъ, какъ сердце болѣзненно сжималось, и я вскакивала отъ его учащеннаго біенія съ такимъ испугомъ, какъ если бы кто звалъ меня на помощь или кричалъ „пожаръ“. „Разлука, разлука“, съ тревогой говорилъ мнѣ кто-то. Когда я заснула такимъ образомъ въ десятый или двѣнадцатый разъ, было уже совсѣмъ свѣтло, и свѣча едва мелькала. Вдругъ кто-то постучался въ дверь.

— Шесть часовъ,—доложилъ дежурный, которому приказано было разбудить въ это время.

Арно вскочилъ. Такъ теперь насталъ часъ... теперь, наконецъ, предстояло сказать это горькое, горькое слово „прощай“.

Было рѣшено, что я не поѣду на желѣзную дорогу провожать его. Пробыть вмѣстѣ четвертью часа больше или меньше—все равно, это не облегчитъ муки разставанья. Я не хотѣла показать этого постороннимъ и хотѣла быть съ нимъ одна въ своей комнатѣ, когда

придется намъ поцѣловать другъ друга въ послѣдній разъ, чтобы можно было потомъ броситься на полъ и плакать, плакать громко.

Арно торопливо одѣвался и всячески утѣшалъ меня.

— Будь тверда, Марта!.. Все это дѣло окончится, самое большее, въ два мѣсяца, и я вернусь. Изъ тысячи пуль въ цѣль попадаетъ одна; почему же эта одна попадетъ непремѣнно въ меня? Сколько народу возвращается съ войнъ невредимыми. . посмотри хоть на своего отца. Выходя замужъ за гусарскаго офицера, ты не могла думать, что онъ будетъ всю жизнь заниматься выращиваніемъ гіацинтовъ. Я буду писать тебѣ возможно чаще и разсказывать тебѣ, какъ веселимся мы на этомъ походѣ. Если бы меня ожидало что-нибудь худое, я не чувствовалъ бы себя такъ хорошо. Я иду только затѣмъ, чтобы получить орденъ, и больше ничего. Береги хорошенько себя и нашего Руру; если меня повысятъ по службѣ, то и онъ долженъ получить слѣдующій чинъ. Поцѣлуй его за меня... Я не буду прощаться съ нимъ еще разъ. Пройдетъ время, и онъ съ удовольствіемъ будемъ слушать своего отца о его побѣдѣ надъ итальянцами въ 59 году.

Я жадно слушала его. Его самоувѣренность ободрила меня. Онъ уходилъ на войну съ радостью и охотой, слѣдовательно, мое страданіе является, вѣроятно, эгоизмомъ и ошибкой. Эта мысль дала преодолѣть себя.

Снова стукъ въ дверь.

— Пора.

— Я готовъ. Сейчасъ выйду.—Онъ протянулъ ко мнѣ руки.—Ну, Марта... моя жена... моя милая...

Я упала къ нему на грудь. Я не могла произнести ни слова. Сказать „прощай“ у меня не доставала силъ. Мнѣ казалось, что если я произнесу это слово, я не выдержу, а между тѣмъ я не должна смущать его спокойствіе при отъѣздѣ. Я хотѣла дать волю своему горю, когда останусь одна.

Онъ самъ произнесъ это разрывающее грудь слово.

— Прощай, моя ненаглядная, дорогая, прощай,—и крѣпко прижался губами къ моимъ губамъ.

Мы не могли оторваться другъ отъ друга... Это были

послѣдніе поцѣлуи. Вдругъ я почувствовала, какъ его губы задрожали, какъ его грудь судорожно начала подыматься, и, выпустивши меня изъ своихъ объятій, онъ закрылъ лицо руками и громко зарыдалъ.

Это было уже сверхъ моихъ силъ. Мнѣ казалось, что я теряю разсудокъ.

— Арно, Арно!—кричала я, обнимая его.—Останься, останься!

Я понимала, что я прошу о невозможномъ, но продолжала кричать: „останься, останься!"

— Мы можемъ опоздать,—послышался голосъ изъза двери.

Еще поцѣлуй—послѣдній... и Арно выбѣжалъ изъ комнаты.

. . . .

Рвать корпію, читать газеты, втыкать булавки въ географическую карту, чтобы нагляднѣе слѣдить за движеніемъ обѣихъ армій и пытаться рѣшить шахматную задачу въ смыслѣ: Австрія атакуетъ и дѣлаетъ матъ въ четыре хода, молиться въ церквахъ о защитѣ нашихъ близкихъ и о побѣдѣ нашихъ войскъ, не переставать говорить только о вѣстяхъ, идущихъ съ театра войны,—вотъ чѣмъ было наполнено существованіе мое, моихъ близкихъ и знакомыхъ. Всѣ другіе интересы жизни, казалось, будто исчезли на все время этой кампаніи. Все, что не соприкасалось съ вопросомъ „какъ и когда окончится война", не имѣло важности и даже какъ будто не существовало вовсе. Мы ѣли, пили, читали, занимались своими дѣлами, но все это не озабочивало насъ; одно не выходило у насъ изъ головы—телеграммы изъ Италіи.

Но наибольшимъ счастьемъ для меня были, конечно, письма отъ Арно. Они были короткія—онъ никогда не любилъ писать письма,—но они были для меня самымъ утѣшительнымъ доказательствомъ того, что онъ живъ и не раненъ. Письма и телеграммы не могли, конечно, доходить до насъ съ обычной регулярностью, такъ какъ сообщенія часто прерывались и задерживались вслѣдствіе военныхъ дѣйствій.

Если нѣсколько дней не приходило извѣстій отъ Арно,

и въ то же время опубликовывался списокъ убитыхъ и раненыхъ, съ какимъ страхомъ прочитывала я тогда ихъ имена! Съ такимъ же замираніемъ сердца пробѣгала я эти списки, какъ имѣющій выигрышные билеты пробѣгаетъ столбцы выигравшихъ нумеровъ, но только съ противоположнымъ желаніемъ: тотъ надѣется на счастье, а я смертельно боялась несчастья.

Когда я, не получая четыре дня писемъ отъ мужа, съ трепетомъ прочитывала списки павшихъ и увидѣла, что въ числѣ ихъ нѣтъ Арно Доцкаго, я сложила руки и вскрикнула громко: „Боже! благодарю Тебя!“ Но лишь только произнесла я эти слова, какъ почувствовала рѣзкій диссонансъ. Я снова взяла газету и посмотрѣла на списокъ именъ. Я благодарю Бога за то, что убиты Адольфъ Шмидтъ и Карлъ Мюллеръ, а не Арно Доцкій. Значитъ, такъ же благодарили бы небо сердца, трепетавшія за Шмидта и Мюллера, если бы вмѣсто ихъ именъ здѣсь стояло имя Доцкаго. Почему же небу пріятнѣе получить мою благодарность? Да, рѣзкій диссонансъ моей горячей благодарности заключался въ самонадѣянности, въ эгоизмѣ, въ мысли о томъ, что Арно спасенъ небомъ ради меня, и въ благодареніи Бога за то, что не мнѣ, а матери Шмидта и невѣстѣ Мюллера приходится обливать слезами этотъ списокъ именъ.

Въ тотъ же самый день я получила отъ Арно письмо.

„Вчера у насъ было,—писалъ онъ,—жаркое дѣло, къ несчастью... къ несчастью неудачное. Но будь спокойна, моя милая Марта, въ слѣдующій разъ побѣда за нами. Въ этотъ разъ я былъ впервые въ большомъ дѣлѣ. Я стоялъ въ самомъ опасномъ мѣстѣ... ощущеніе ужасное—описать его нельзя. Видишь, какъ бѣдные солдаты валятся кругомъ тебя, и долженъ оставлять ихъ безъ вниманія, несмотря на ихъ страшные крики... c'est la guerre! Надѣюсь скоро увидѣться съ тобой, дорогая. Когда мы будемъ диктовать условія мира въ Туринѣ, пріѣзжай тогда ко мнѣ. Тетя Мари посмотритъ за нашимъ маленькимъ капраломъ.“

Но если полученіе такихъ писемъ какъ солнце освѣщало мою жизнь, то мрачными тѣнями ея были ночи.

Когда я пробуждалась отъ грезъ благословеннаго забвенія, и страшная дѣйствительность съ ея страшной возможностью вставала передъ моимъ сознаніемъ, я вскакивала съ невыносимой мукой и не могла заснуть цѣлыми часами. Я не могла отдѣлаться отъ мысли, что, можетъ-быть, въ этотъ самый моментъ Арно, раненый, лежитъ во рву и, умирая, тщетно молитъ дать ему каплю воды и зоветъ меня. И я успокаивалась мало-по-малу только тогда, когда я долго-долго рисовала въ своемъ воображеніи сцену возвращенія моего мужа домой. Это было такъ правдоподобно, даже, можетъ-быть, правдоподобнѣе, чѣмъ смерть вдали отъ дома. И вотъ я рисовала себѣ, какъ онъ войдетъ въ комнату, какъ я бросаюсь къ нему на грудь, поведу его къ кроваткѣ Руру, и какъ мы опять будемъ счастливы и веселы, даже больше, чѣмъ прежде.

Мой отецъ былъ въ уныніи. Съ театра войны шли дурныя вѣсти одна за другой. Сперва Монтебелло, потомъ Мадджента. И не онъ одинъ,—вся Вѣна опустила голову. Сначала мы такъ твердо надѣялись, что при непрерывномъ рядѣ побѣдъ мы только и будемъ дѣлать, что развѣшивать флаги на домахъ и пѣть Te Deum, а вмѣсто того и флаги развѣвались и Te Deum пѣлось въ Туринѣ. Тамъ теперь говорили: „слава Тебѣ, Боже, что помогъ намъ перебить нечестивыхъ тедески!“

— А что, папа,—начала я,—если случится еще пораженіе, будетъ тогда заключенъ миръ? Мнѣ хотѣлось бы это ..

— Тебѣ не стыдно говорить такія вещи? Я предпочелъ бы семилѣтнюю, даже тридцатилѣтнюю войну, лишь бы намъ побѣдить въ концѣ-концовъ и продиктовать условія мира! Зачѣмъ же тогда идти на войну? Полагаю, не за тѣмъ, чтобы вернуться, какъ можно скорѣе! Въ такомъ случаѣ лучше сидѣть дома.

— И это было бы самое лучшее,—вздохнула я.

— Что за трусливый народъ вы, женщины! Даже ты, ты, воспитанная въ правилахъ любви къ отечеству и чувства чести, совсѣмъ не имѣешь мужества и цѣнишь свое личное спокойствіе выше славы и блага отечества.

— Да, если бы я не любила такъ горячо Арно.

— Любовь къ мужу, любовь къ семьѣ—вещи очень хорошія, но онѣ должны занимать только второе мѣсто.

— Должны ли?..

. . . .

Списки убитыхъ содержали уже много именъ офицеровъ изъ числа нашихъ знакомыхъ. Среди нихъ былъ и одинъ офицеръ, единственный сынъ одной пожилой дамы, которую я очень уважала.

Я рѣшила на этихъ же дняхъ навѣстить несчастную. Это былъ тяжелый, мучительный для меня визитъ. Я не могла бы, конечно, утѣшить ее, я могла только плакать съ ней. Но это былъ долгъ дружбы, и я поѣхала.

Когда я подошла къ квартирѣ г-жи фонъ-Ульсманъ, я долго колебалась, прежде чѣмъ рѣшилась позвониться. Въ послѣдній разъ я была здѣсь на вечерѣ съ танцами. Хозяйка дома была привѣтлива и весела. „Марта“, говорила она мнѣ тогда, „мы съ тобой—двѣ самыя счастливыя женщины въ Вѣнѣ. У тебя мужъ самый красивый, а у меня сынъ“. А сегодня? Мой мужъ еще живъ. Но кто знаетъ? Картечь, гранаты летаютъ тамъ, не переставая. Можетъ-быть, минуту тому назадъ я сдѣлалась вдовой. И я заплакала у двери. Я позвонила. Не идутъ. Позвонила во второй разъ. Нѣтъ отвѣта. Изъ сосѣдней двери высунулась чья-то голова.

— Не звонитесь, сударыня. Квартира пустая.

— Какъ! Г-жа Ульсманъ уѣхала?

— Три дня тому назадъ ее отвезли въ сумасшедшій домъ.

Голова исчезла, и дверь захлопнулась.

Я нѣсколько минутъ стояла безъ движенія; предо мной встали сцены, которыя, можетъ-быть, происходили здѣсь. Какъ нестерпимы были, вѣроятно, страданія бѣдной женщины, если они довели ее до потери разсудка!

„А мой отецъ говоритъ, что, въ крайнемъ случаѣ, война должна продолжаться хотя тридцать лѣтъ на благо страны! Сколько же матерей въ этой странѣ будутъ доведены до отчаянія!“

Я сошла съ лѣстницы, потрясенная этимъ до глубины души. Я рѣшила сдѣлать другой визитъ одной мо-

лодой женщинѣ, моей подругѣ, мужъ которой тоже былъ посланъ на войну.

Мнѣ пришлось ѣхать по Герренской улицѣ, мимо зданія ландгауза, гдѣ помѣщалось Патріотическое Общество поданія помощи на войнѣ. Въ то время не существовало еще ни „Женевскаго Общества", ни „Краснаго Креста". „Общество поданія помощи" было предшественникомъ этихъ гуманныхъ учрежденій; оно принимало пожертвованія всякаго рода деньгами, бѣльемъ, корпіей, бинтами и т. п. для несчастныхъ раненыхъ и отправляло все это на мѣсто войны. Пожертвованія стекались въ изобиліи со всѣхъ сторонъ; были устроены цѣлые магазины, и служащіе едва успѣвали запаковывать ихъ и отсылать.

Я вошла туда; у меня не достало силъ пройти мимо и не внести въ этотъ комитетъ всего, что было въ моемъ распоряженіи. Быть-можетъ, это окажетъ помощь и спасетъ нѣсколькихъ страдальцевъ-солдатъ и избавитъ ихъ матерей отъ помѣшательства.

Я знакома была съ президентомъ.

— Князь К. здѣсь?—спросила я швейцара.

— Нѣтъ. Но вице-президентъ баронъ С. наверху.

Онъ указалъ мнѣ, какъ пройти въ отдѣленіе, гдѣ принимались денежныя пожертвованія. Мнѣ нужно было пройти чрезъ нѣсколько залъ, гдѣ на длинныхъ столахъ лежали тюки съ бѣльемъ, сигарами, табакомъ и цѣлыя горы корпіи. Я содрогнулась. Сколько же должно быть тамъ ранъ, если для перевязки ихъ нужно такое количество корпіи! „А мой отецъ", опять пришло мнѣ въ голову, „говоритъ, что для блага страны войну надобно вести хотя бы тридцать лѣтъ". Сколько же людей погибаетъ отъ ранъ?

Баронъ С. принялъ мое пожертвованіе съ благодарностью и съ большой готовностью отвѣчалъ мнѣ на мои многочисленные вопросы о дѣятельности общества. Пріятно было слышать, какъ много пользы дѣлаетъ оно. Въ это самое время вошелъ почтальонъ со связкою писемъ и доложилъ, что имъ доставлены двѣ тележки съ пожертвованіями, присланными изъ провинціи. Я сѣла на диванъ въ дальнемъ углу комнаты, намѣреваясь по-

смотрѣть, какъ будутъ принимать вещи. Но онѣ были сданы въ другой комнатѣ. Вошелъ почтенный старый господинъ, въ которомъ, по его осанкѣ, можно было узнать военнаго.

— Позвольте мнѣ, баронъ, — сказалъ онъ, вынимая кошелекъ и садясь на скамейку около стола,—позвольте мнѣ внести свою лепту на ваше благое дѣло.

И онъ подалъ ему билетъ въ 100 флориновъ.

— Я смотрю на васъ,—продолжалъ онъ, — какъ на настоящихъ ангеловъ-хранителей; я самъ старый солдатъ (и онъ назвалъ фамилію извѣстнаго генерала), и я могу судить, съ какимъ благословеніемъ принимаютъ это бѣдные солдаты. Я участвовалъ въ кампаніяхъ девятаго и тринадцатаго года; тогда не было еще вашего общества, тогда никто еще не присылалъ намъ ни корпіи, ни перевязочныхъ матеріаловъ. И сколько раненыхъ должны были умирать, истекая кровью, когда истощались запасы у докторовъ, между тѣмъ какъ они могли бы быть спасены, если бы все нужное присылалось имъ, какъ теперь! Да! Ваше дѣло благославятъ всѣ! Вы—добрые, благородные люди, вы не знаете... нѣтъ... вы не знаете, какое благодѣяніе дѣлаете вы.

И двѣ крупныя слезы скатились на сѣдые усы стараго генерала.

Съ улицы послышался шумъ колесъ и голосовъ. Обѣ половинки входной двери распахнулись настежь, и вбѣжавшій дежурный крикнулъ:

— Ея величество государыня императрица!

Вице-президентъ побѣжалъ навстрѣчу высокой посѣтительницѣ, но она успѣла уже войти въ переднюю.

Изъ своего уютнаго уголка я съ восхищеніемъ смотрѣла на юную императрицу, которая въ своемъ обыкновенномъ костюмѣ для прогулокъ показалась мнѣ еще милѣе, чѣмъ въ парадныхъ бальныхъ платьяхъ.

— Я заѣхала къ вамъ сюда,—сказала она барону,— потому что получила сегодня отъ императора, съ театра войны, письмо, въ которомъ онъ пишетъ мнѣ, какъ полезны имъ посылки Патріотическаго Общества, и мнѣ захотѣлось самой побывать въ вашемъ Обществѣ и лично передать комитету благодарность императора.

Затѣмъ она начала разспрашивать его о всѣхъ подробностяхъ дѣятельности Общества и разсматривать различные пожертвованные предметы.

— Посмотрите, графиня,—сказала она сопровождавшей ее гофмейстеринѣ, взявъ какую-то штуку бѣлья,— смотрите, какое хорошее полотно и какъ хорошо сшито.

Потомъ она попросила барона провести ее въ другія отдѣленія и вышла съ нимъ изъ залы. Очевидно, довольная всѣмъ, что видѣла, она говорила барону: „Это истинно патріотическое дѣло, и бѣдные солдаты"... Я не слыхала конца фразы.

„Бѣдные солдаты!..." Это слово долго не могли выйти у меня изъ головы. Она произнесла его съ такимъ состраданіемъ. Да, конечно, „бѣдные", и чѣмъ больше посылать имъ этого и помогать имъ, тѣмъ лучше. Но тутъ у меня мелькнуло въ головѣ: „а если бы этихъ бѣдныхъ солдатъ вовсе не посылать навстрѣчу этимъ несчастьямъ, было бы еще лучше!"

Я старалась отогнать эту мысль. Это должно быть! Это должно быть! Нѣтъ другихъ оправданій для жестокостей войны, кромѣ того, которое содержится въ этомъ словѣ „должно".

Я поѣхала дальше. Моя пріятельница, къ которой я ѣхала, жила около Ландгауза на Угольномъ рынкѣ. По дорогѣ я зашла въ книжный магазинъ купить себѣ новую карту Верхней Италіи: наша была совсѣмъ истыкана булавками съ маленькими бумажными знаменами. Кромѣ меня, тамъ было еще нѣсколько покупателей. Всѣ спрашивали карты, діаграммы и тому подобное. Дошла очередь до меня.

— Вамъ также карту театра военныхъ дѣйствій?— спросилъ меня хозяинъ.

— Вы угадали.

— Это не трудно. Теперь другого почти и не покупаютъ.

Онъ принесъ карту и, завертывая ее, сказалъ господину, стоявшему рядомъ со мной: — „Видите, профессоръ, какъ плохо идутъ теперь и беллетристика, и научныя книги. Никто не спрашиваетъ этихъ вещей. Пока

продолжается война, интересы умственной жизни точно замерли. Плохое это время и для писателей и для книгопродавцевъ."

— Плохое время и для всего народа,—отвѣтилъ профессоръ;—пониженіе интересовъ влечетъ за собой пониженіе умственнаго уровня.

„А вотъ мой отецъ,—подумала я въ третій разъ,—находитъ благо для страны въ тридцатилѣтней войнѣ..."

Я вмѣшалась въ разговоръ:

— Вы говорите, что у васъ плоха торговля?

— У меня ли только? Почти у всѣхъ, сударыня, —отвѣтилъ хозяинъ. — Кромѣ поставщиковъ на армію, нѣтъ ни одного торговца, которому война не принесла бы неисчислимыхъ убытковъ. Все остановилось: фабрики, земледѣліе. . . Масса народа безъ дѣла и безъ хлѣба. Наши бумаги упали; ажіотажъ растетъ, предпріимчивость заглохла; множество фирмъ, вѣроятно, обанкротится... однимъ словомъ,—всеобщее бѣдствіе!.. бѣдствіе!

„А вотъ мой отецъ..." повторяла я про себя, выходя изъ магазина.

. . . .

Моя пріятельница была дома.

Судьба графини Лори Грисбахъ во многихъ отношеніяхъ была одинакова съ моей. Дочь генерала, какъ и я, она вышла замужъ почти въ одно время со мной за офицера и теперь, подобно мнѣ, была соломенной вдовой. Въ одномъ только она превзошла меня,—она отпустила на войну не только мужа, но и двоихъ братьевъ. Но Лори не боялась; она была вполнѣ убѣждена, что дорогіе ей люди находятся подъ особой защитой Верховной Силы, которую она очень почитала, и потому безусловно вѣрила въ ихъ возвращеніе.

Она встрѣтила меня съ распростертыми объятіями.

— Ахъ! Марта! какъ это мило съ твоей стороны, что ты пришла навѣстить меня. Какая ты блѣдная и худая! У тебя все благополучно?

— Благодаря Бога, да. Но вообще все это печально.

— Ахъ, конечно! Ты жалѣешь о неудачѣ. Ты не думай объ этомъ, слѣдующее же сраженіе можетъ окончиться побѣдой.

— Побѣдимъ ли мы или будемъ побѣждены, война сама по себѣ ужасна. Лучше было бы, если бы ея не было!

— Что же дѣлали бы тогда военные?

— Въ самомъ дѣлѣ!—согласилась было я.—Тогда ихъ не будетъ...

— Какой вздоръ! Вотъ хорошо было бы! Все одни статскіе... Мнѣ даже страшно становится. Къ счастью это невозможно.

— Невозможно? Да, ты правду говоришь. Придется вѣрить тому, что это невозможно, въ противномъ случаѣ непонятно, почему давно не случилось этого.

— Чего?

— Уничтоженія войнъ. Впрочемъ, нѣтъ; съ такой же надеждой можно говорить объ уничтоженіи землетрясеній.

— Я не понимаю тебя. Что касается меня, я рада, что у насъ началась война, потому что, надѣюсь, мой Людвигъ отличится. И для моихъ братьевъ это тоже хорошее дѣло. У нихъ такъ медленно шло производство. Теперь, наконецъ, они имѣютъ шансы.

— Когда ты получила отъ нихъ послѣднія письма?—перебила я ее.—Здоровы ли они?

— Довольно долго что-то нѣтъ отъ нихъ писемъ. Но ты знаешь, какъ часто прерывается почтовое сообщеніе, а послѣ форсированнаго марша или стычки имъ, вѣроятно, не до писемъ. Я совершенно спокойна. У Людвига и у братьевъ есть ладонки. Мама ихъ надѣла имъ сама.

— А развѣ не можетъ случиться, Лори, что на войнѣ всѣ солдаты той и другой арміи имѣютъ ладонки? Значитъ, пули съ той и другой сторонъ должны были бы улетать въ облака, не раня никого?

— Не понимаю. Ты такъ мало вѣруешь. Твоя тетка Мари часто жаловалась мнѣ на тебя за это.

— Почему же ты не отвѣчаешь на мой вопросъ?

— Потому что ты насмѣхаешься надъ тѣмъ, что для меня свято.

— Насмѣхаюсь? О, нѣтъ! Это простое разсужденіе.

— Но ты должна знать, что грѣшно разсуждать о вещахъ, которыя стоятъ выше насъ.

— Хорошо, я не буду говорить объ этомъ. Пусть ты будешь права. Критиковать и изслѣдовать нѣкоторые вопросы безполезно. Съ нѣкотораго времени я начинаю сомнѣваться во многомъ изъ того, во что я прежде вѣрила, и сильно мучусь этимъ. Если я могла потерять вѣру въ необходимость и пользу начатой войны, то я никогда не могу простить тѣмъ, которые...

— Ты говоришь о Лудвигѣ-Наполеонѣ. Что за интриганъ онъ!

— Онъ ли, другой ли, это все равно; но дѣло въ томъ, что мнѣ хотѣлось бы вѣрить, что не люди виноваты въ этой войнѣ, а что она „возникла“ сама собою, какъ возникаютъ эпидеміи или происходятъ изверженія вулкановъ.

— Какъ ты возбуждена, моя милая! Давай лучше потолкуемъ, о чемъ слѣдуетъ. Послушай, что я тебя разскажу. Пройдетъ еще немного времени, война кончится, наши мужья вернутся капитанами. Я попрошу тогда своего взять отпускъ на четыре или на шесть недѣль и увезу съ собою на воды. Это ему будетъ полезно послѣ тѣхъ трудовъ, которые, вѣроятно, переноситъ онъ; да и мнѣ тоже послѣ этой духоты, скуки и волненій. Ты не думай, что я совсѣмъ спокойна. Можетъ-быть, Богу угодно, чтобы одинъ изъ дорогихъ мнѣ людей палъ, какъ подобаетъ умирать солдату... хотя славно и завидно умереть такою смертью на полѣ чести, за императора и отечество...

— Что это ты говоришь, точно изъ приказа по арміи!

— Но это было бы ужасно... Бѣдная мама!.. Если случится что-нибудь съ Густавомъ или Карломъ. Не будемъ лучше говоритъ объ этомъ. Итакъ, чтобы оправиться отъ всѣхъ этихъ ужасовъ, хорошо будетъ повеселиться на водахъ. Я выбрала бы Карлсбадъ! я была тамъ еще до замужества и повеселилась очень хорошо.

— Я была въ Маріенбадѣ. Тамъ и познакомилась я съ Арно. Что же мы ничего не дѣлаемъ? Нѣтъ ли у тебя подъ рукой полотна? давай щипать корпію. Я была сейчасъ въ Патріотическомъ Обществѣ оказанія помощи, и туда пріѣхала при мнѣ,—кто? какъ ты думаешь?

Здѣсь насъ прервали. Лакей подалъ письмо.

— Отъ Густава, — вскрикнула съ радостью Лори, сломивъ печать.

Прочитавъ нѣсколько строкъ, она отчаянно вскрикнула, бумага упала у нея изъ рукъ, и она бросилась ко мнѣ на шею.

— Лори, милая, дорогая, что съ тобой?—вскрикнула я съ замираніемъ сердца.—Твой мужъ?

— О Боже, Боже!—простонала она.—Читай сама.

Я подняла письмо съ полу и начала читать. Я могу передать его слово въ слово, потому что потомъ я взяла это письмо у Лори и списала его въ свой дневникъ.

— Прочитай вслухъ,—сказала она.—Я не могла прочитать его до конца.

Я начала читать.

„Дорогая сестра, вчера у насъ была жаркая битва. Списокъ павшихъ будетъ очень длинный. Для того, чтобы ты и наша бѣдная мать не этимъ путемъ узнали о несчастьи и чтобы ты могла постепенно подготовить ее къ этому (скажи ей, что онъ тяжко раненъ), я извѣщаю тебя, моя дорогая, что нашъ отважный братъ Карлъ находится въ числѣ борцовъ, павшихъ за свое отечество“.

Я прервала чтеніе и поцѣловала свою подругу.

— Я прочитала до этихъ поръ,—тихо сказала она.

Со слезами въ голосѣ я читала:

„Твой мужъ невредимъ, такъ же какъ и я. Я предпочелъ бы, чтобы непріятельская пуля уложила меня вмѣсто Карла! Я завидую ему въ его геройской смерти. Онъ палъ въ началѣ битвы и не знаетъ, что она проиграна опять. А это очень горько. Я видѣлъ, какъ онъ палъ, потому что мы ѣхали рядомъ. Я соскочилъ съ лошади, чтобы поднять его. Но онъ только взглянулъ на меня и умеръ. Пуля, вѣроятно, попала или въ легкія, или въ сердце. Смерть была вполнѣ безъ страданій. А сколько другихъ должны были страдать по цѣлымъ часамъ и лежать безпомощно на полѣ въ хаосѣ боя, пока смерть не избавляла ихъ отъ мукъ. Это былъ убійственный день... болѣе тысячи тѣлъ непріятельскихъ и нашихъ лежали на полѣ. Среди нихъ я узналъ многихъ нашихъ хорошихъ знакомыхъ, тутъ же былъ и бѣдный (тутъ мнѣ пришлось перевернуть страницу) Арно Доцкій“

Я упала безъ чувствъ.

. . . .

— Ну, Марта, теперь все. Сольферино рѣшило дѣло: мы побѣждены.

Съ этими словами вошелъ однажды мой отецъ на террасу, гдѣ я сидѣла подъ тѣнью липъ.

Я жила теперь вмѣстѣ съ своимъ маленькимъ Руру въ отцовскомъ домѣ. Недѣлю спустя послѣ страшнаго удара, поразившаго меня, мои родные переѣхали въ Грумицъ, наше помѣстье въ Нижней Австріи, и я вмѣстѣ съ ними. Оставаясь одна въ городѣ, я дошла бы до отчаянія. Теперь снова, какъ и до брака, были со мной всѣ мои родные—папа, тетя Мари, мой маленькій братъ и двѣ сестры. Всѣ они дѣлали все, что могли, чтобы смягчить мое горе, и обращались со мной съ нѣкоторой предупредительностью, что дѣйствовало на меня благотворно. Очевидно, моя печальная судьба внушала имъ благоговѣніе и поднимала меня въ ихъ глазахъ, точно за какую-то заслугу. Рядомъ съ кровью, которую солдаты проливали за насъ на алтарь отечества, слезы, проливаемыя на тотъ же алтарь осиротѣвшими матерями, вдовами и невѣстами солдатъ, казались такой же святой жертвой. И, правда, у меня шевелилось гордое чувство при мысли, что потерять любимаго мужа на полѣ чести есть своего рода заслуга предъ отечествомъ, и это сознаніе много помогало мнѣ переносить мое горе. Вѣдь не одна же я страдала отъ этого. Сколько, ахъ, сколько женщинъ оплакивало любимыхъ мужей, спавшихъ на итальянской землѣ!

Подробностей о смерти Арно я не узнала въ то время. Все, что мнѣ было извѣстно, состояло въ томъ, что его нашли мертвымъ, признали и погребли. Его послѣдняя мысль была, несомнѣнно, обо мнѣ и о нашемъ дорогомъ малюткѣ, а утѣшеніемъ—сознаніе: „я исполнилъ свой долгъ и сдѣлалъ даже болѣе“.

— Мы разбиты,—мрачно повторилъ отецъ, садясь на скамейку противъ меня.

— Такъ что все, что было принесено въ жертву, все это, погибло напрасно,—вздохнула я.

— Можно позавидовать участи тѣхъ, которые пали

жертвой; они не знают позора, который выпалъ на нашу долю. Но мы снова ополчимся, хотя говорятъ, что, вѣроятно, будетъ заключенъ миръ...

— Дай-то Богъ,—перебила я его.—Конечно, уже поздно для моего бѣднаго Арно, но зато уцѣлѣютъ тысячи другихъ.

— Ты постоянно думаешь о себѣ и объ отдѣльныхъ личностяхъ. Но здѣсь идетъ вопросъ объ Австріи.

— Да, но развѣ Австрія состоитъ не изъ отдѣльныхъ личностей?

— Дорогая моя, государство живетъ болѣе продолжительною жизнью, чѣмъ жизнь отдѣльныхъ личностей, и его судьба важнѣе судьбы ихъ. Умираютъ индивидуумы, исчезаютъ поколѣніе за поколѣніемъ, а государство распространяется, растутъ его слава, величіе, могущество, или же оно падаетъ, уменьшается и гибнетъ, если оно позволитъ другимъ государствамъ одолѣть себя. Поэтому самая важная и высокая цѣль, за которую долженъ бороться и умереть каждый индивидуумъ, заключается въ существованіи, величіи и благоденствіи государства.

Я постаралась запомнить эти слова, чтобы записать ихъ въ тотъ же день въ свою красную тетрадку. Мнѣ казалось, что они сжато и ясно выражаютъ то чувство, которое почерпнула я въ мои дѣтскіе годы изъ учебниковъ исторіи и которое въ это послѣднее время, послѣ отъѣзда Арно, было вытѣснено изъ моего сознанія чувствомъ страха и сожалѣнія. Мнѣ хотѣлось снова убѣдиться въ этомъ, чтобы найти утѣшеніе и облегченіе въ мысли, что дорогой мнѣ человѣкъ палъ за великое дѣло, и что мое несчастье было только однимъ изъ элементовъ этого великаго дѣла.

Тетка, съ своей стороны, предлагала мнѣ свои заманчивыя утѣшенія.

— Не плачь, дитя мое,—говорила она, когда мною особенно сильно овладѣвала тоска.—Не будь такъ себялюбива, не оплакивай того, кто теперь вполнѣ счастливъ. Онъ теперь среди праведниковъ и съ благословеніемъ смотритъ съ небесъ на тебя. Пройдетъ нѣсколько лѣтъ, и ты опять увидишь его въ блескѣ славы. Тѣмъ,

кто падаетъ на полѣ битвы, небо даетъ лучшія жилища. Счастливъ тотъ, кто переходитъ туда въ тотъ моментъ, когда исполняетъ свой священный долгъ. Солдаты ближе всего стоятъ къ мученикамъ.

— Значитъ, я должна радоваться, что Арно...

— Нѣтъ... не радоваться... это было бы слишкомъ много, но переносить свою участь съ покорностью и самоотверженіемъ. Это—испытаніе, которое небо посылаетъ тебѣ и изъ котораго ты должна выйти очищенной и укрѣпленной въ вѣрѣ.

— Значитъ, для того, чтобы испытать и очистить меня, Арно долженъ былъ...

— Нѣтъ, не для этого. Но кто можетъ знать тайные пути Провидѣнія? Во всякомъ случаѣ не я.

Хотя я постоянно возражала на такія утѣшенія тетки, но въ глубинѣ сердца я чувствовала облегченіе, что мой мужъ вознагражденъ на небесахъ за свою преждевременную смерть, и что его память на землѣ будетъ окружена славой святого.

Какое возвышающее, но вмѣстѣ съ тѣмъ и грустное впечатлѣніе произвела на меня печальная церемонія, на которой я присутствовала въ соборѣ св. Стефана въ день нашего отъѣзда! Это была панихида по воинамъ, павшимъ въ чужой землѣ и погребеннымъ тамъ. Посреди церкви стоялъ высокій катафалкъ, окруженный сотнею зажженныхъ свѣчей и украшенный военными эмблемами — знаменами и оружіемъ. Съ хоръ неслись трогательные звуки реквіема, а присутствующіе, главнымъ образомъ женщины, одѣтыя въ трауръ, почти всѣ громко рыдали. И каждая оплакивала не только того, кого потеряла она, но и всѣхъ остальныхъ, кто нашелъ тамъ смерть, всѣхъ этихъ бѣдныхъ собратьевъ по оружію, отдавшихъ свою молодую жизнь за насъ, т.-е., за свое отечество, за честь своего народа. И всѣ солдаты, которые присутствовали на этой церемоніи, всѣ генералы и офицеры, которые оставались въ Вѣнѣ, и части войскъ, выстроенныя въ глубинѣ собора,—всѣ они готовы были послѣдовать за своими павшими товарищами безъ колебанія, безъ ропота, безъ страха. Да, съ клубами ѳиміама, подъ звонъ колоколовъ и звуки органа,

среди слезъ, проливаемыхъ въ общемъ горѣ, вѣроятно, жертва была принята небомъ, и Всевышній Царь простилъ прегрѣшенія тѣхъ, ради которыхъ былъ воздвигнутъ этотъ катафалкъ.

Такъ думала я тогда. По крайней мѣрѣ такъ записала я въ своемъ дневникѣ эту печальную церемонію.

Спустя двѣ недѣли послѣ извѣстій о пораженіи при Сольферино, пришли извѣстія о томъ, что въ Виллафранкѣ ведутся прелиминарные переговоры о мирѣ. Мой отецъ употреблялъ всевозможныя усилія, стараясь объяснить, что миръ заключается только въ силу настоятельныхъ политическихъ соображеній; я отвѣчала ему, что это извѣстіе во всякомъ случаѣ очень пріятно мнѣ, потому что положится конецъ рѣзнѣ и убійствамъ. Но мой добрый папа не могъ успокоиться и все старался отыскать оправданія этого шага съ нашей стороны.

— Не думай, что мы боимся. Хотя и кажется, какъ будто мы дѣлаемъ уступки, но мы вполнѣ сумѣли сохранить свое достоинство. Если бы тутъ были затронуты интересы насъ однихъ, мы никогда не уступили бы изъ-за пустой неудачи подъ Сольферино. О нѣтъ, ни въ какомъ случаѣ! Намъ нужно было бы послать только еще одинъ корпусъ, и непріятель вынужденъ былъ бы очистить Миланъ въ самое короткое время. Но знай, Марта, что здѣсь замѣшаны другіе, болѣе важные интересы и принципы. Мы прекращаемъ войну, чтобы спасти другія княжества Италіи, которымъ угрожаетъ этотъ атаманъ сардинскихъ разбойниковъ съ своимъ французскимъ палачомъ. Имъ хочется протянуть руку до Модены и Тосканы, гдѣ, какъ ты знаешь, царствуетъ династія, родственная съ нашимъ императорскимъ домомъ. Эти вандалы готовы поднять возстаніе противъ Рима и папы. Если мы уступимъ Ломбардію, зато мы удержимъ Венецію и будемъ въ состояніи оказать поддержку южной Италіи и святому престолу. Ты понимаешь теперь, что единственно изъ политическихъ расчетовъ и въ интересахъ равновѣсія европейскаго...

— О, да, отецъ!—перебила я его.—Я понимаю это. О, если бы только эти соображенія были приняты во вниманіе до Мадженты!—продолжала я, невольно вздохнувши.

Желая перемѣнить разговоръ, я указала на связку книгъ, которая въ этотъ день была прислана намъ изъ Вѣны.

— Посмотри, папа, — сказала я, — книгопродавецъ прислалъ намъ книги для просмотра. Между ними есть книга одного англійскаго естествоиспытателя, нѣкоего Дарвина, „О происхожденіи видовъ". Книгопродавецъ обращаетъ на нее наше вниманіе, какъ на очень интересную работу, которая, можетъ-быть, составитъ эпоху въ наукѣ.

— Извини меня, моя милая. Кому въ такое важное время нужны эти пустяки? Какую эпоху можетъ создать книга, въ которой говорится о разныхъ животныхъ и растеніяхъ? Конфедерація итальянскихъ княжествъ, гегемонія Австріи въ Германскомъ Союзѣ,—вотъ что можетъ имѣть вліяніе; объ этомъ долго-долго будутъ говорить, когда ни одинъ человѣкъ въ мірѣ не будетъ помнить о твоей англійской книгѣ. Увидишь!

Я записала это.

КНИГА ВТОРАЯ.

Мирное время.

Прошло четыре года. Обѣ мои сестры,—теперь уже взрослыя дѣвушки 17 и 18 лѣтъ,—должны были представиться ко двору. По этому случаю я должна была снова „появиться въ обществѣ".

Время, проходя, дѣлало свое дѣло и постепенно смягчало мою скорбь. Отчаяніе смѣнилось сначала печалью, печаль—грустью, грусть—апатіей, и, наконецъ, эта послѣдняя вновь проснувшейся любовью къ жизни. Въ одно веселое прекрасное утро мнѣ вдругъ пришло въ голову, что я, въ дѣйствительности, нахожусь въ завидномъ положеніи и могу еще быть счастлива. Двадцати трехъ лѣтъ, красивая, богатая, знатная, свободная, мать прелестнаго ребенка, членъ любящей семьи... развѣ не достаточно всего этого, чтобы сдѣлать мою жизнь счастливой?

Годъ супружеской жизни казался мнѣ теперь какимъ-то сномъ. Несомнѣнно, я безъ памяти любила своего красиваго гусара; несомнѣнно, мужъ, любя меня, дѣлалъ меня въ полномъ смыслѣ слова счастливой; несомнѣнно, разлука съ нимъ причинила мнѣ страшную печаль, а потеря его—жестокую муку! Но все это прошло... сгладилось! Моя любовь къ нему, разумѣется, не настолько срослась со всѣмъ моимъ существованіемъ, чтобы я не могла пережить эту потерю и забыть свою печаль: для этого наша супружеская жизнь продолжалась слишкомъ недолго. Мы благоговѣли другъ передъ другомъ, какъ горячо влюбленные, но соединиться умомъ, сердцемъ и душой, соединиться узами дружбы и взаимнаго уваженія, долго дѣлить и радость, и горе,— всего этого, что составляетъ участь многихъ супруговъ, судьба не дала намъ. Мой мужъ даже не считалъ меня выше всего на свѣтѣ, чѣмъ-то незамѣнимымъ, иначе онъ не покинулъ бы меня такъ весело и безъ крайней необходимости, такъ какъ его полкъ не былъ назначенъ на театръ военныхъ дѣйствій. Кромѣ того, въ эти четыре года я мало-по-малу измѣнилась, мой умственный горизонтъ расширился во многихъ отношеніяхъ, я пріобрѣла свѣдѣнія, усвоила взгляды, о которыхъ я не имѣла понятія, когда была замужемъ, и которыхъ, какъ я теперь понимаю, не было и у Арно. Такимъ образомъ, если бы онъ воскресъ, онъ оказался бы совершенно чуждымъ моей умственной жизни. Какъ произошла со мной эта перемѣна? Вотъ какъ.

Прошелъ одинъ годъ моего вдовства. Первый фазисъ, отчаяніе, смѣнился печалью. Но это была очень тяжелая печаль, въ моемъ сердцѣ была глубокая рана. О возобновленіи свѣтской жизни я не хотѣла слышать. Я думала, что съ этихъ поръ жизнь моя должна быть занята исключительно воспитаніемъ моего сына Рудольфа. Я больше не звала его Руру и капраломъ. Время забавы влюбленныхъ супруговъ прошло окончательно. Малютка превратился теперь въ „моего сына Рудольфа“ — священный центръ всѣхъ моихъ усилій, надеждъ и любви. Для того, чтобы быть впослѣдствіи

хорошей учительницей для него, лучше слѣдить за его занятіями и быть его способной умственной подругой, я старалась сама пріобрѣсти возможно больше свѣдѣній; такимъ образомъ чтеніе сдѣлалось единственнымъ развлеченіемъ, которое я позволяла себѣ, и я снова погрузилась въ книжныя сокровища нашего замка. Мнѣ хотѣлось заняться тѣмъ, что я больше всего любила— исторіей. Въ послѣднее время, когда война потребовала столько тяжелыхъ жертвъ отъ моихъ современниковъ и отъ меня самой, мой прежній энтузіазмъ началъ сильно охладѣвать, и я хотѣла теперь подогрѣть его соотвѣтствующимъ чтеніемъ. И дѣйствительно, это давало мнѣ нѣкоторое утѣшеніе, когда мнѣ приходилось читать по нѣскольку страницъ описаній войнъ съ прославленіемъ героевъ; я думала, что смерть моего бѣднаго мужа и мое собственное вдовье горе вошли частью въ этотъ великій историческій процессъ. Я говорю „нѣкоторое“, но не полное. Теперь я не могла уже всецѣло чувствовать такъ, какъ во дни моего дѣвичества, когда мнѣ хотѣлось соперничать съ Орлеанской дѣвой. Многое, очень многое въ громкихъ тирадахъ славы, сопровождавшихъ описаніе войнъ, казалось мнѣ фальшивымъ и притворнымъ, когда я представляла себѣ ужасы битвъ,—фальшивымъ, какъ фальшивая монета, платимая за настоящую жемчужину. Хорошо ли платить за жемчужину - жизнь мишурными фразами о славѣ?

Я скоро перечитала весь запасъ историческихъ книгъ, найденныхъ въ нашей библіотекѣ. Я просила нашего книгопродавца прислать мнѣ нѣскольке новыхъ историческихъ сочиненій. Онъ прислалъ мнѣ Томаса Бокля— „Исторія цивилизаціи Англіи“. „Сочиненіе не окончено“, писалъ онъ, „но эти вышедшіе два тома представляютъ законченное цѣлое. Книга обратила на себя большое вниманіе не только въ Англіи, но и во всемъ цивилизованномъ мірѣ. Говорятъ, что авторъ положилъ въ ея основу новое пониманіе исторіи“.

Дѣйствительно, совершенно новое. Когда я прочитала эти два тома и перечитала ихъ еще разъ, то почувствовала себя, какъ-будто я прожила всю свою

жизнь въ глубинѣ узкой долины и только впервые вышла на вершину одной изъ окружающихъ горъ, съ которой открывался широкій видъ на окрестность, съ безчисленными зданіями, садами и безбрежнымъ океаномъ. Я не скажу, что я, двадцатилѣтняя женщина, получившая поверхностное воспитаніе „барышни", вполнѣ поняла все содержаніе книги или, употребляя прежнюю метафору, оцѣнила величіе монументальныхъ зданій и преодолѣла безбрежность океана, разстилавшагося передъ моимъ удивленнымъ взоромъ. Я была ослѣплена, поражена. Я увидѣла, что за предѣлами узкой долины, въ которой я родилась, лежитъ обширный, обширный міръ, о которомъ до этого времени я никогда не слыхала. И только теперь, спустя пятнадцать - двадцать лѣтъ, прочитавъ другія книги, занявшись другими сочиненіями, я начала вникать въ ея смыслъ и могу сказать, что поняла теперь. Только одно сдѣлалось ясно мнѣ еще и тогда, именно то, что исторія человѣчества рѣшается не царями и государственными людьми, какъ думала я прежде, не войнами и хитрыми трактатами, возникающими отъ алчности, но постепеннымъ развитіемъ умственной жизни. Придворныя хроники и войны, вплетаемыя въ историческія книги, представляются изолированными явленіями развитія культуры, но не сами производятъ это развитіе. Традиціоннаго удивленія, съ которымъ историки обыкновенно описываютъ жизнь великихъ побѣдителей и опустошителей, я абсолютно не встрѣтила въ книгѣ Бокля. Напротивъ, онъ доказываетъ, что уваженіе, которымъ пользуется военный классъ, стоитъ въ обратномъ отношеніи съ ступенью культуры, на которой стоитъ нація. Чѣмъ глубже идти въ варварскія времена, тѣмъ чаще встрѣчаются войны, тѣмъ короче промежутки мира, тѣмъ чаще возстаетъ область на область, городъ на городъ, семья на семью. Онъ отмѣчаетъ еще тотъ фактъ, что по мѣрѣ того, какъ общество прогрессируетъ, исчезаетъ не только война, но и страсть къ войнѣ. Это больше всего отвѣтило требованіямъ моего сердца. Такой процессъ совершился еще прежде и со мной, хотя и такія движенія моего сердца и ума мнѣ казались позорной тру-

состью, и я думала, что только я одна такъ сильно заблуждаюсь; теперь, наоборотъ, я поняла, что это чувство во мнѣ было только слабымъ отголоскомъ духа времени, что всѣ ученые и мыслители, подобные англійскому историку, и безчисленное множество людей потеряли прежнее благоговѣніе передъ войной, которое бываетъ, по словамъ этой книги, только въ дѣтскомъ періодѣ общества, какъ оно было и у меня во время моего дѣтства.

Такимъ образомъ въ „Исторіи цивилизаціи" Бокля я нашла совершенно противоположное тому, чего искала. И однако я считала свою находку счастливой. Я чувствовала, что она возвысила меня, просвѣтила, успокоила. Однажды я попробовала заговорить съ моимъ отцомъ объ усвоенномъ мною новомъ взглядѣ, но напрасно. Онъ не захотѣлъ всходить со мною на гору, другими словами, онъ не захотѣлъ читать книги, такъ что нельзя было разсчитывать поговорить съ нимъ о вещахъ, которыхъ онъ не могъ видѣть со дна своей долины.

Затѣмъ прошелъ еще годъ — второй фазисъ, когда печаль смѣнилась грустью. Теперь я читала и занималась съ еще большимъ прилежаніемъ. Первая книга Бокля возбудила во мнѣ страсть къ мышленію и дала мнѣ желаніе пріобрѣсти болѣе широкій взглядъ на жизнь: я все больше и больше чувствовала въ себѣ этотъ недостатокъ, и послѣ книги Бокля я прочитала еще нѣсколько книгъ въ такомъ же духѣ. Интересъ и удовольствіе, которые я находила при чтеніи, помогли мнѣ перейти въ третій фазисъ, т.-е. излѣчиться отъ грусти. Но когда со мной произошла эта послѣдняя перемѣна, т.-е., когда во мнѣ снова проснулась жажда жизни, книги перестали удовлетворять меня, я увидѣла, что этнографія, антропологія, сравнительная миѳологія и всѣ другія „ологіи" и „графіи" не въ состояніи удовлетворить меня, что жизнь молодой женщины въ моемъ положеніи имѣетъ другіе цвѣты блаженства, къ которымъ стоитъ только мнѣ протянуть руку. И такимъ образомъ все это кончилось тѣмъ, что зимою 1863 года я вызвалась сама вывозить своихъ сестеръ въ свѣтъ и открыла въ Вѣнѣ свой салонъ.

. . . .

„Графиня Марта Доцкая, богатая молодая вдова". Такъ опредѣлена была моя роль въ комедіи „большого свѣта". И я могу сказать, что роль подходила ко мнѣ. Не малое удовольствіе видѣть отовсюду поклоненіе, ухаживанье и отличіе. Не малое удовольствіе послѣ почти четырехлѣтняго уединенія снова попасть въ вихрь всевозможныхъ развлеченій, войти въ знакомство съ интересными и вліятельными лицами, почти ежедневно присутствовать на какомъ-нибудь блестящемъ празднествѣ и чувствовать себя центромъ всеобщаго вниманія.

Насъ, трехъ сестеръ, прозвали „богинями съ горы Иды", и „яблоки раздора", которыя раздавались намъ современными Парисами, были безчисленны. Конечно, я, какъ „богатая молодая вдова", пользовалась предпочтеніемъ. Кромѣ того, и въ нашемъ семействѣ было рѣшено,—и я сама въ глубинѣ души соглашалась съ этимъ,—что я должна выйти замужъ. Тетя Мари уже перестала въ своихъ наставленіяхъ говорить о небесныхъ жилищахъ того, „который ждетъ меня туда къ себѣ"; вѣдь если бы я на то короткое время, которое отдѣляетъ меня отъ этого свиданія, вышла вторично замужъ, — чего желала сама тетя Мари, — то наша встрѣча на небесахъ была бы далеко не такъ радостна.

Всѣ окружающіе меня, казалось, забыли о существованіи Арно. Помнила о немъ только я одна. Хотя время облегчило мою тоску по немъ, но его образъ не изгладился изъ моей памяти. Можно перестать горевать о чьей-нибудь смерти,—печаль не въ нашей власти,—но не должно забывать ихъ. Глубокое молчаніе объ умершемъ, которое хранилось моими окружающими, казалось мнѣ вторымъ добавочнымъ убійствомъ, и въ своихъ мысляхъ я оберегала его, несчастнаго, отъ убійства. Я считала своей обязанностью каждый день говорить маленькому Рудольфу объ его отцѣ и заставляла его произносить его емя на вечерней молитвѣ: „Господи, сдѣлай меня добрымъ и храбрымъ, какимъ хотѣлъ имѣть меня мой дорогой отецъ Арно!"

Мои сестры и я провели эту зиму очень весело, и я, конечно, не менѣе, чѣмъ онѣ. Это было, такъ сказать,

тоже моимъ дебютомъ въ обществѣ. Я вступила въ него какъ невѣста и новобрачная, и потому, конечно, всѣхъ поклонниковъ держала въ отдаленіи отъ себя; а что можетъ быть пріятнѣе въ свѣтской жизни, какъ не поклонники? Но странно, какъ ни нравилось мнѣ быть окруженной толпою обожателей, ни одинъ изъ нихъ не производилъ на меня сильнаго впечатлѣнія. Между ними и мной стояла непреодолимая преграда. И эта преграда вокругъ меня оказалась воздвигнутой въ теченіе трехъ лѣтъ моей уединенной жизни среди занятій и размышленій. Всѣ эти блестящіе молодые люди, интересы которыхъ сосредоточивались на спортѣ, балетѣ, ухаживаньѣ или въ лучшемъ случаѣ на карьерѣ (большинство изъ нихъ были военные), не имѣли ни малѣйшаго понятія о томъ, что я прочитала въ книгахъ и чѣмъ такъ увлеклась. Тотъ языкъ, азбуку котораго я все-таки сумѣла выучить и на которомъ людьми науки дебатируются и рѣшаются важнѣйшіе вопросы, тотъ языкъ казался имъ не то что греческимъ, а прямо патагонскимъ.

Изъ этой категоріи молодежи я не могу выбрать себѣ мужа: это для меня понятно. Кромѣ того, я и не торопилась отдать свою свободу, которая такъ нравилась мнѣ. Я умѣла держать своихъ поклонниковъ на достаточномъ разстояніи и предупреждать ихъ попытки просить моей руки; въ то же время я не давала никому въ обществѣ повода пустить обо мнѣ компрометирующій слухъ, что я увлекаю поклонниковъ. Я должна быть такой, чтобы мой сынъ Рудольфъ могъ потомъ гордиться своею матерью и чтобы тѣнь подозрѣнія не омрачала чистаго зеркала моей репутаціи. Если же мое сердце загорится любовью къ кому-нибудь,—но это можетъ быть только къ человѣку достойному,—то я, конечно, воспользуюсь правомъ, которое даютъ мнѣ молодость и красота, и выйду замужъ.

Но тѣмъ временемъ, хотя и лишенной любви и ея счастья, мнѣ все-таки жилось весело. Танцы, театры, наряды... во всѣмъ этомъ я находила живое удовольствіе. Однако, несмотря на развлеченія, я не пренебрегла ни своимъ маленькимъ Рудольфомъ, ни своимъ

образованіемъ. Спеціально я ничего не изучала, но слѣдила за умственномъ движеніемъ образованнаго мира, доставала всѣ наиболѣе выдающіяся книги, регулярно и внимательно читала всѣ статьи, въ томъ числѣ и научныя, въ Revue des deux Mondes и другихъ подобныхъ журналахъ. Эти занятія имѣли своимъ результатомъ то, что преграда между моимъ внутреннимъ міромъ и окружающей меня молодежью становилась все выше и выше, что и должно было быть. Я съ удовольствіемъ допустила бы въ свою гостиную нѣкоторыхъ изъ выдающихся литераторовъ и ученыхъ, но едва ли это можно было сдѣлать въ томъ обществѣ, въ которомъ я вращалась. Буржуазный элементъ не допускался въ „высшіе круги“ Вѣны. Особенно строго соблюдалось это въ то время—съ тѣхъ поръ этотъ исключительный духъ нѣсколько измѣнился, и теперь принято открывать свои салоны представителямъ искусства и науки. Но въ то время, о которомъ я говорю, этого еще не было, и всякій, кто не могъ насчитать въ своей родословной шестнадцати предковъ, тотъ исключался изъ нашего общества. Оно въ высшей степени непріятно было бы удивлено, если бы встрѣтило вдругъ въ моемъ домѣ незнатныхъ людей, и не сумѣло бы конечно вести себя съ ними. Да и эти послѣдніе, въ свою очерель, нашли бы невыносимо скучнымъ мой салонъ, наполненный графинями и спортсменами, старыми генералами и старыми канониссами. Могли ли участвовать люди ума и науки, писатели и артисты въ нашихъ вѣчно однихъ и тѣхъ же разговорахъ: у кого были танцы вчера, у кого будутъ завтра, у Шварценберга или Паллавичини, кто влюбился въ баронессу Пахеръ, и кому отказала графиня Пальфи; сколько помѣстій у князя Круа, кто урожденная Альмази—Фестетигъ или Вендгеймъ; и если Вендгеймъ, не та ли это Вендгеймъ, мать которой урожденная Кевенгюллеръ, и т. д... Вотъ разговоръ, который вели обыкновенно около меня. Даже умные и образованные люди, которые все-таки встрѣчались въ нашемъ кругу, напр., государственные дѣятели, считали себя обязанными при встрѣчѣ съ нами, танцующей молодежью, вести тотъ же

пустой безсодержательный разговоръ. Съ какимъ удовольствіемъ иногда я подсѣла бы въ отдаленный уголокъ, гдѣ собрались два-три нашихъ дипломата или краснорѣчивыхъ оратора рейхстага и другихъ выдающихся лицъ, высказывая другъ другу свои мнѣнія по какимъ-нибудь важнымъ вопросамъ,—но это было невозможно! Я должна была быть съ молодыми дамами и толковать съ ними о туалетахъ, которые мы готовили къ предстоящему балу. Если бы, наконецъ, я и присѣла къ этой компаніи, то всякій разговоръ, какой бы и не вели они, о народномъ хозяйствѣ, о поэзіи Байрона, о теоріяхъ Штраусса и Ренана, тотчасъ же прекращался, и онѣ обращались ко мнѣ со словами: „Ахъ, графиня, какъ очаровательны были вы вчера на пикникѣ! Будете вы завтра на пріемѣ въ русскомъ посольствѣ?“

— Позволь, Марта, представить тебѣ подполковника барона Тиллинга,—сказалъ мнѣ двоюродный братъ Конрадъ Альтгаузъ на одномъ танцовальномъ вечерѣ.

Я поклонилась. Конрадъ ушелъ, а подполковникъ не сказалъ мнѣ ни слова. Я сочла это за приглашеніе танцовать, встала и хотѣла было уже положить свою лѣвую руку на плечо барона Тиллинга.

— Простите, графиня, я не танцую,—сказалъ онъ съ легкой улыбкой, показавъ ослѣпительно бѣлые зубы.

— Правда? тѣмъ лучше!—отвѣтила я, снова садясь на стулъ.—Я отошла сюда, чтобы немножко отдохнуть.

— А я желалъ имѣть честь быть представленнымъ вамъ, графиня, такъ какъ я долженъ передать вамъ нѣчто.

Я удивленно взглянула на него. Взглядъ барона былъ очень серьезенъ. Вообще это былъ господинъ очень солидный, уже не молодой, лѣтъ около сорока, съ просѣдью на вискахъ и очень симпатичный на видъ. Я привыкла смотрѣть на каждаго новаго знакомаго съ вопросомъ: не женихъ ли? подходяща ли я для васъ? Въ этомъ случаѣ я на оба вопроса отвѣтила вполнѣ отрицательно. Во-первыхъ, лицо, стоящее предо мною, не имѣло того выраженія обожанія, какое

обыкновенно принимаютъ тѣ, которые приближаются къ женщинѣ съ „видами на бракъ"; на второй вопросъ я отвѣтила отрицательно въ виду его военнаго мундира. Я не отдала бы своей руки второй разъ солдату, какъ я твердо рѣшила про себя, не только потому, чтобы не подвергнуть себя еще разъ той мукѣ, когда мужъ будетъ уѣзжать на войну, но и потому, что теперь я усвоила такіе взгляды на войну, съ которыми мнѣ невозможно было бы жить вмѣстѣ съ военнымъ.

На мое приглашеніе сѣсть около меня подполковникъ отказался.

— Я не буду задерживать васъ, графиня,—сказалъ онъ.—Говорить съ вами о томъ, о чемъ я долженъ, неумѣстно среди бала. Я хотѣлъ только попросить у васъ позволеніе пріѣхать къ вамъ. Не будете ли вы добры назначить мнѣ день и часъ, когда я могу говорить съ вами?

— Я принимаю по субботамъ отъ двухъ до четырехъ.

— Но вѣдь вашъ домъ по субботамъ отъ двухъ до четырехъ похожъ, вѣроятно, на пчелиный улей, куда ежеминутно влетаютъ съ медомъ и улетаютъ пчелы.

— А я сижу, точно царица, хотите сказать вы?.. Милый комплиментъ!

— Я не говорю никогда комплиментовъ, такъ же какъ и не влетаю съ медомъ, а потому буду не на своемъ мѣстѣ въ вашемъ субботнемъ собраніи. Мнѣ хотѣлось бы поговорить съ вами наединѣ.

— Вы подстрекаете мое любопытство. Тогда позвольте просить васъ завтра, во вторникъ, въ тѣ же часы. Я буду дома для васъ, и кромѣ васъ не будетъ никого.

Онъ поблагодарилъ меня, поклонился и ушелъ. Немного спустя, ко мнѣ подошелъ мой двоюродный братъ Конрадъ. Я подозвала его къ себѣ, велѣла сѣсть и начала разспрашивать о баронѣ Тиллингѣ.

— Онъ понравился тебѣ? Онъ произвелъ на тебя, должно-быть, сильное впечатлѣніе, если ты съ такимъ нетерпѣніемъ разспрашиваешь о немъ? Онъ годится въ женихи, т.-е., онъ не женатъ. Но, вѣроятно, онъ

не свободенъ, какъ и всѣ. Говорятъ, одна знатная дама (Альтгаузъ назвалъ одну принцессу изъ королевскаго дома) привязала его къ себѣ нѣжными узами, и потому онъ не женится. Его полкъ переведенъ сюда недавно, оттого здѣсь прежде его и не видно было. Онъ, кажется, врагъ баловъ и всего подобнаго. Я познакомился съ нимъ въ Благородномъ собраніи, гдѣ онъ бываетъ ежедневно одинъ-два часа и проводитъ время или въ чтеніи газетъ, или за игрой въ шахматы съ лучшими нашими игроками. Я очень удивился, встрѣтивъ его здѣсь, но это объяснилось тѣмъ, что хозяйка дома его родственница. Теперь онъ уже уѣхалъ. Я видѣлъ, какъ онъ, отойдя отъ тебя, пошелъ прямо къ двери.

— Ты многимъ другимъ представилъ его?

— Нѣтъ, только тебѣ. Но ты не воображай, что ты поразила его сердце и что онъ поэтому захотѣлъ съ тобой познакомиться. Онъ спросилъ меня: „Скажите, не находится ли здѣсь графиня Доцкая, урожденная Альтгаузъ, вѣроятно, ваша родственница? Мнѣ надобно поговорить съ ней.“ „Да“, отвѣчалъ я, „вотъ она сидитъ въ углу на диванѣ, въ голубомъ платьѣ“. „Ахъ, эта! Не будете ли вы такъ добры представить меня ей?“ Я сдѣлалъ съ удовольствіемъ и не думалъ того, что этимъ нарушаю твое спокойствіе.

— Не говори глупостей, Конрадъ. Мое спокойствіе не легко нарушить. Тиллингъ? Что это за фамилія? Прежде я никогда не слышала этого имени.

— Ага! Ты интересуешься! А я цѣлыхъ три мѣсяца, при помощи всей силы моихъ чаръ, старался проникнуть въ твое сердце, и—напрасно! А этотъ холодный подполковникъ—позволь мнѣ сказать тебѣ, что онъ холоденъ и безчувственъ — пришелъ, увидѣлъ и побѣдилъ. Что за фамилія Тиллингъ, говоришь ты? Я думаю, онъ изъ Ганновера. Но уже его отецъ былъ на австрійской службѣ. Мать его изъ Пруссіи. Ты, вѣроятно, обратила вниманіе на его сѣверо-германскій акцентъ?

— Да, онъ говоритъ по-нѣмецки отлично.

— Конечно. Въ немъ все отлично. Ну, съ меня

теперь вполнѣ довольно. Позволь мнѣ предоставить тебя твоимъ грезамъ. А я попытаюсь найти себѣ собесѣдницъ, которыя...

— Тѣбѣ кажутся отличными. Такихъ много здѣсь.

Я рано уѣхала съ бала. Сестры остались съ теткой Мари, меня ничто болѣе не манило здѣсь. Желаніе танцовать вдругъ исчезло у меня; я чувствовала себя утомленной, мнѣ хотѣлось быть одной. Зачѣмъ? Конечно, не затѣмъ, чтобы имѣть возможность на свободѣ думать о Тиллингѣ? Однако это оказалось вѣрнымъ. Я за полночь просидѣла за красной тетрадкой, записала туда переданные сейчасъ разговоры, сопровождая ихъ такими замѣчаніями: „Интересный господинъ этотъ Тиллингъ. Знатная дама, которая любитъ его, вѣроятно, думаетъ сейчасъ о немъ; или, можетъ быть, въ этотъ моментъ онъ у ея ногъ, и она не такъ одинока, такъ страшно одинока, какъ я. Любить кого-нибудь всецѣло, всею силою души! Не Тиллинга, конечно, я его не знаю. Я завидую принцессѣ не потому, что она любитъ Тиллинга, но потому, что она любитъ и любима. И чѣмъ страстнѣе, чѣмъ сильнѣе любитъ она, тѣмъ больше я завидую ей".

Первое, о чемъ я вспомнила, проснувшись на другое утро, былъ опять Тиллингъ. Вполнѣ естественно: онъ долженъ былъ пріѣхать ко мнѣ сегодня ради какихъ-то важныхъ сообщеній. Давно уже я не чувствовала въ себѣ такого волненія, ожидая визита.

Я отдала приказаніе не принимать никого, кромѣ барона. Сестеръ не было дома. Неутомимая тетка уѣхала съ ними на катокъ.

Я сѣла въ моей маленькой гостиной въ кокетливомъ домашнемъ туалетѣ фіолетоваго цвѣта (этотъ цвѣтъ идетъ къ блондинкамъ), взяла книгу и начала ждать. Но я ждала не долго. Десять минутъ третьяго пріѣхалъ баронъ Тиллингъ.

— Вы видите, графиня, я поспѣшилъ воспользоваться вашимъ позволеніемъ,—сказалъ онъ, цѣлуя мою руку.

— Къ счастью,—отвѣтила я, улыбаясь и указывая ему на кресло,—иначе я умерла бы отъ ожиданія: вы поставили меня въ такое недоумѣніе.

— Въ такомъ случаѣ я начну прямо съ того, зачѣмъ я пріѣхалъ къ вамъ. Вчера я не сказалъ вамъ этого, потому что не хотѣлъ смущать вашего веселья.

-- Вы пугаете меня.

— Однимъ словомъ, я участвовалъ въ битвѣ подъ Маджентой.

— И вы видѣли, какъ умиралъ Арно?—вскрикнула я.

— Да. Я могу разсказать вамъ его послѣднія минуты.

— Говорите,—сказала я, дрожа.

— Успокойтесь, графиня. Если бы эти послѣднія минуты были такъ страшны, какъ у многихъ другихъ моихъ товарищей, то, конечно, я не сталъ бы гововить вамъ о нихъ: нѣтъ ничего ужаснѣе, какъ слышать о смерти дорогого человѣка, и особенно если эта смерть была мучительная. Но въ данномъ случаѣ этого нѣтъ.

— Вы сняли камень съ моего сердца. Разсказывайте.

— Я не буду повторять вамъ пустыхъ фразъ, которыми утѣшаютъ обыкновенно родныхъ павшихъ солдатъ, не буду говорить вамъ, что „онъ умеръ, какъ герой". Но я могу дать вамъ существенное утѣшеніе, сказавъ, что онъ умеръ, не думая о смерти. Передъ началомъ битвы онъ былъ вполнѣ убѣжденъ, что съ нимъ ничего не случится. Мы много бывали вмѣстѣ, и онъ часто говорилъ о своемъ семейнымъ счастьѣ, показывалъ мнѣ портретъ своей молодой жены и ребенка; онъ приглашалъ меня „послѣ кампаніи" бывать въ его домѣ. Въ кровопролитной битвѣ подъ Маджентой я случайно оказался рядомъ съ нимъ. Я не стану описывать вамъ подробностей окружающей сцены: такихъ вещей описать нельзя. Люди, обладающіе воинственнымъ духомъ, теряютъ въ пороховомъ дыму и подъ градомъ стрѣлъ всякое сознаніе и не даютъ себѣ отчета, что дѣлается вокругъ нихъ. Доцкій принадлежалъ къ числу такихъ людей. Его глаза блистали, рука его была тверда: онъ опьяненъ былъ битвой. Будучи вполнѣ хладнокровенъ, я могъ видѣть все это. Вдругъ падаетъ граната въ нѣсколькихъ шагахъ отъ

того мѣста, гдѣ мы стояли. Когда это чудовище разорвалась, десять человѣкъ оказались на землѣ, и среди нихъ Доцкій. Поднялся раздирающій душу стонъ раненыхъ, но Доцкій не издалъ крика: онъ былъ мертвъ. Я и нѣсколько другихъ наклонились къ раненымъ, чтобы помочь, насколько возможно. Но этого нельзя было сдѣлать. Они лежали въ предсмертныхъ судорогахъ съ разорванными членами. Доцкій, къ которому я бросился прежде всѣхъ, лежалъ безъ дыханія; сердце его не билось, и изъ разорваннаго бока текла кровь такъ сильно, что нельзя было опасаться, что онъ придетъ въ себя, если онъ былъ только въ обморокѣ.

— Опасаться?—спросила я со слезами.

— Да, потому что мы должны были оставить ихъ, не оказавъ имъ никакой помощи. Впереди насъ снова грянуло смертоносное ура, а сзади несся эскадронъ, которому предстояло проскакать по этимъ умирающимъ. Счастье тому, кто потерялъ сознаніе! Лицо вашего мужа было совершенно спокойно и не выражало страданій. Когда же послѣ битвы мы стали подбирать нашихъ убитыхъ и раненыхъ, я нашелъ его на томъ же мѣстѣ, въ томъ же положеніи и съ тѣмъ же спокойнымъ лицомъ. Вотъ, что я имѣлъ сообщить вамъ, графиня. Я могъ бы сдѣлать это нѣсколько лѣтъ тому назадъ или написать, если бы не встрѣтился съ вами; но эта мысль мнѣ пришла въ голову только вчера, когда моя кузина сказала мнѣ, что между прочимъ она ждетъ къ себѣ молодую вдову Арно Доцкаго. Простите, графиня, что я вызвалъ у васъ печальныя воспоминанія. Я думаю, однако, что это была моя обязанность и что этимъ я освободилъ васъ отъ мучительныхъ сомнѣній.

Онъ всталъ. Я протянула ему руку.

— Благодарю васъ, баронъ,—сказала я, утирая слезы.—Дѣйствительно, вы оказали мнѣ неоцѣненную услугу, сказавъ, что конецъ дорогого моего мужа былъ безъ страданій и мученій. Но подождите немного, прошу васъ. Мнѣ такъ хотѣлось бы послушать васъ. Своимъ способомъ выраженія вы затронули во мнѣ чувствительную струну. Скажите прямо: вы питаете отвращеніе къ войнѣ?

Лицо Тиллинга омрачилось.

— Простите меня, графиня,—сказалъ онъ,—я не могу говорить съ вами объ этомъ. Я очень сожалѣю, что не могу остаться дольше. Меня ждутъ.

Мое лицо приняло холодное выраженіе. Конечно, его ждетъ принцесса. Это было больно для меня.

— Въ такомъ случаѣ, я не задерживаю васъ, полковникъ,—сказала я холодно.

Не попросивъ позволенія бывать у меня, онъ поклонился и вышелъ.

. . . .

Зимній сезонъ кончился. Мои сестры веселились вполнѣ. Каждая имѣла до полдюжины побѣдъ. Однако подходящей партіи не встрѣтилось ни для той, ни для другой. Такъ было гораздо лучше. Имъ хотѣлось еще нѣсколько зимъ пользоваться дѣвической свободой, прежде чѣмъ надѣть на себя супружеское ярмо.

А я?.. Я записала въ красную тетрадку свои впечатлѣнія зимняго сезона слѣдующимъ образомъ: „Слава Богу, танцы окончились. Это начинало становиться скучнымъ. Постоянно одни и тѣ же туры, одни и тѣ же разговоры, одни и тѣ же кавалеры, потому что будь-то X, гусарскій поручикъ, или Y, драгунскій ротмистръ, или Z, какой-нибудь уланскій офицеръ,—все равно, совершенно одни и тѣ же поклоны, одни и тѣ же разговоры, одни и тѣ же взгляды и вздохи. Ни единаго интереснаго человѣка среди нихъ, ни единаго! И только одинъ, который... но о немъ нечего говорить; онъ, я знаю, принадлежитъ своей принцессѣ. Она, правда, красивая женщина, я согласна съ этимъ, но непріятная.

Хотя зимній сезонъ съ своими большими балами окончился, но развлеченія не прекратились. Вечера, обѣды, концерты были продолженіемъ того вихря. Предполагался еще любительскій спектакль, но уже послѣ Пасхи. Въ теченіе поста мы возлагали на себя нѣкоторое воздержаніе, хотя, по мнѣнію тети Мари, мы исполняли это не такъ, какъ слѣдовало бы. Она не могла примириться съ тѣмъ, что я не совсѣмъ правильно посѣщаю проповѣди, и вознаграждала себя за мою нерадивость тѣмъ, что водила сестеръ Розу и Лили слушать

всѣхъ проповѣдниковъ придворной церкви. Дѣвушки охотно подчинялись ей потому, что это давало имъ случай встрѣтить въ церкви все избранное общество: патеръ Клинковстремъ былъ въ такой модѣ въ церкви, какъ m-lle Мурска въ оперѣ, и имъ было довольно весело.

Въ теченіе постнаго сезона я держалась довольно далеко не только отъ проповѣдей, но и отъ званыхъ вечеровъ. Я вдругъ потеряла всякое желаніе бывать въ обществѣ, мнѣ было гораздо пріятнѣе оставаться дома, проводить время со своимъ ребенкомъ, а когда малютка засыпалъ, я садилась съ хорошей книгой у камина и читала. Иногда въ это время заходилъ ко мнѣ отецъ, и мы сидѣли и разговаривали съ нимъ по нѣскольку часовъ. Конечно, онъ безпрестанно вспоминалъ о своихъ походахъ. Я передала ему разсказъ Тиллинга о смерти Арно, но онъ выслушалъ это очень холодно. Мучительна или нѣтъ была смерть человѣка, это казалось ему дѣломъ второстепеннымъ. „Остаться на полѣ битвы“,—какъ говорится это о смерти въ сраженіи,—казалось ему до того доблестнымъ, такой завидной участью, что могущія встрѣтиться тутъ страданія не стоили того, чтобы толковать о нихъ. Слова „остался на полѣ битвы“ онъ произносилъ такъ, какъ будто бы онъ завидовалъ такому счастью и какъ будто „остался“ было несравненно пріятнѣе, чѣмъ „быть раненому“. Его тонъ, которымъ онъ разсказывалъ, что онъ былъ раненъ, обнаруживалъ въ немъ такую гордость этимъ, что слушателю не могло даже придти въ голову, что раны причиняютъ боль. Какая разница съ короткимъ разсказомъ Тиллинга! Съ его упоминаніемъ о десяти несчастныхъ, раздробленныхъ разорвавшейся гранатой и безпомощно стонавшихъ отъ боли! Сколько состраданія слышалось въ его разсказѣ! Я не передала отцу этихъ словъ Тиллинга, я инстиктивно чувствовала, что они покажутся ему недостойными солдата, а между тѣмъ мнѣ хотѣлось, чтобы отецъ имѣлъ къ нему уваженіе; его ужасъ, съ которымъ онъ говорилъ о мучительномъ концѣ его товарищей и который проникъ мнѣ въ самую душу, былъ, можетъ-быть, и недостоинъ сол-

дата, но во всякомъ случаѣ говорилъ о его благородномъ, гуманномъ характерѣ.

Съ какимъ удовольствіемъ поговорила бы я объ этомъ съ Тиллингомъ! но онъ, повидимому, не интересовался моимъ знакомствомъ. Прошло двѣ недѣли со дня его визита, и онъ не только не былъ у меня, но мы не встрѣтились съ нимъ ни разу и въ обществѣ. Только два или три раза видѣла я его на Рингштрассѣ и въ Бургъ-театрѣ. Онъ почтительно кланялся мнѣ, я отвѣчала ему дружески, и больше ничего. Ничего? Почему же мое сердце билось при этихъ случайныхъ встрѣчахъ? Почему подолгу я не могла забыть эти молчаливые поклоны?

— Дорогое дитя, у меня есть къ тебѣ просьба,— вошелъ однажды утромъ отецъ ко мнѣ съ этими словами, держа въ рукахъ какой-то пакетъ, завернутый въ бумагу.—А вотъ я принесъ тебѣ кое-что,—прибавилъ онъ, кладя пакетъ на столъ.

— Какъ? просьба и подарокъ?—сказала я смѣясь.— Это подкупъ!

— Прежде чѣмъ развернуть подарокъ и прельститься имъ, выслушай мою просьбу. Сегодня у меня скучный обѣдъ.

— Да, я знаю. Три старыхъ генерала съ своими женами.

— Еще два министра съ женами; однимъ словомъ, обѣдъ торжественный, безжизненный и сонный.

— Но ты, конечно, не надѣешься, что я...

— Именно, надѣюсь на тебя; такъ какъ сегодня почтятъ меня своимъ посѣщеніемъ важныя дамы, мнѣ нужно имѣть хозяйку дома.

— Тетя Мари всегда исполняетъ эту обязанность.

— У нея сегодня опять ея головная боль, и мнѣ не остается ничего дѣлать, какъ...

— Принести въ жертву свою дочь? Хорошо, я покоряюсь.

— Впрочемъ, среди гостей будутъ двое молодыхъ. Во-первыхъ, докторъ Брессеръ, такъ удачно лѣчившій меня во время моей послѣдней болѣзни; этимъ приглашеніемъ я хочу оказать ему свое вниманіе. И еще—

подполковникъ Тиллингъ. Что это ты вспыхнула, какъ зарево? Что съ тобой?

— Я?.. Изъ любопытства.,. Теперь мнѣ можно посмотрѣть, что ты принесъ?

И я начала развертывать пакетъ.

— Это не для тебя. Не брилліантовое ожерелье. Это для Руди.

— Да, я вижу, игрушка. А! коробка съ солдатиками! Но, папа, четырехлѣтній ребенокъ не можетъ...

— Я игралъ въ солдатики, когда мнѣ было три года. Это никогда не бываетъ рано. Самыми первыми моими игрушками были барабаны, сабли, маневры, команда. Только такимъ способомъ можно внушить ребенку любовь къ этому дѣлу.

— Рудольфъ не пойдетъ въ военную службу,—прервала я его.

— Марта!.. Я знаю, по крайней мѣрѣ, что это было желаніе его отца.

— Бѣднаго Арно нѣтъ на свѣтѣ. Вся моя любовь сосредоточивается на Рудольфѣ, и я не сдѣлаю того...

— Чтобы онъ избралъ наиболѣе благородное и почетное званіе?

— Жизнь моего единственнаго сына не должна подвергаться риску на войнѣ.

— Я тоже былъ единственнымъ сыномъ и сдѣлался солдатомъ. Арно не имѣлъ братьевъ, насколько мнѣ извѣстно; твой братъ Отто тоже единственный сынъ; и, однако, я послалъ его въ военную академію. Традиція нашихъ семействъ требуетъ, чтобы потомокъ Доцкихъ и Альтгаузовъ посвятилъ себя службѣ отечеству.

— Отечество въ немъ не такъ нуждается, какъ я.

— Если бы всѣ матери думали такъ...

— Тогда не было бы ни парадовъ и смотровъ, ни слезъ, проливаемыхъ по людямъ, убитымъ на войнѣ, ни „пушечнаго мяса", какъ всѣ называютъ ихъ. Въ мірѣ было бы гораздо меньше несчастій.

Отецъ сдѣлалъ недовольное лицо и пожалъ плечами.

— Охъ, вы, женщины!—презрительно сказалъ онъ.— Къ счастью, онъ не спроситъ твоего позволенія. Въ его жилахъ течетъ солдатская кровь. Кромѣ того, онъ, во

всякомъ случаѣ, не останется твоимъ единственнымъ сыномъ. Ты должна выйти замужъ, Марта. Не хорошо быть одной въ твои годы. Скажи мнѣ, неужели изъ всѣхъ твоихъ поклонниковъ ни одинъ не нашелъ расположенія въ твоихъ глазахъ? Напримѣръ, капитанъ Оленскій, который такъ влюбленъ въ тебя? Онъ только недавно признавался мнѣ въ этомъ. Было бы очень пріятно имѣть такого зятя.

— Но не мужа!

— А маіоръ Миллерсдорфъ?

— Нѣтъ; если бы вы развернули передо мной весь списокъ военныхъ чиновъ, то и тамъ не нашлось бы никого. Въ которомъ часу вашъ обѣдъ? Мнѣ когда надобно пріѣхать?—сказала я, чтобы перемѣнить разговоръ.

— Въ пять. Но ты пріѣзжай получасомъ раньше. Теперь прощай—мнѣ надобно ѣхать. Поцѣлуй за меня Руди, будущаго главнокомандующаго императорской и королевской арміи.

. . . .

Торжественный, безжизненный и сонный обѣдъ, какъ назвалъ его отецъ и какъ назвала бы его и я сама, если бы не было здѣсь одного гостя, присутствіе котораго необыкновенно какъ-то волновало меня!

Баронъ Тиллингъ пріѣхалъ за одну минуту до обѣда; когда онъ здоровался со мною въ гостиной, мы обмѣнялись только нѣсколькими словами; а за столомъ, гдѣ я сидѣла между двумя сѣдыми генералами, баронъ былъ такъ далеко отъ меня, что невозможно было втянуть его въ разговоръ, происходившій на нашемъ концѣ стола. Я была очень рада, когда мы снова перешли въ гостиную; здѣсь я намѣревалась подозвать къ себѣ Тиллинга и разспросить его о томъ сраженіи: мнѣ хотѣлось еще разъ услышать тотъ же тонъ его голоса, который въ первый разъ звучалъ для меня такъ симпатично.

Но сначала мнѣ неудобно было исполнить мое намѣреніе: оба старые генерала не отходили отъ меня и послѣ обѣда, усѣвшись рядомъ со мной, когда я начала разливать черный кофе. Къ нимъ присоединились, размѣстившись полукругомъ, мой отецъ, министръ, Брессеръ и Тиллингъ, и разговоръ завязался общій.

Остальные гости—въ томъ числѣ и всѣ дамы—усѣлись въ другомъ углу гостиной, гдѣ не курили; тогда какъ у насъ куреніе дозволялось, и даже я сама закурила папиросу.

— А у насъ, можно думать, опять что-нибудь разразится?—замѣтилъ одинъ изъ генераловъ.

— Гм!—сказалъ другой,—я думаю, что теперь у насъ будетъ война съ Россіей.

— Неужели должна быть непремѣнно „война"?—вмѣшалась я, но не получила отвѣта.

— Сперва съ Италіей,—настаивалъ отецъ;—во всякомъ случаѣ мы должны взять назадъ Ломбардію. Вступить въ Миланъ, какъ мы сдѣлали это въ 49 году съ старикомъ Радецкимъ! Какъ мнѣ хотѣлось бы дожить до этого! Было солнечное утро...

— О!—прервала я,—мы всѣ знаемъ исторію вступленія въ Миланъ.

— А знаете исторію храбраго Гупфауфа?

— Знаемъ; и я считаю ее въ высшей степени возмутительной.

— Потому что ты не понимаешь этихъ вещей.

— Разскажите, Альтгаузъ; мы не знаемъ.

Отецъ не дожидался, чтобы попросили его вторично.

— Этотъ Гупфауфъ, изъ полка тирольскихъ стрѣлковъ и самъ тиролецъ, сдѣлалъ знаменитое дѣло. Онъ былъ отличнымъ стрѣлкомъ, какого только можно себѣ представить. На каждомъ состязаніи въ стрѣльбѣ онъ постоянно былъ королемъ: онъ всегда попадалъ въ цѣль. Что же сдѣлалъ онъ, когда взбунтовались миланцы? Онъ выпросилъ позволеніе сѣсть съ четырьмя товарищами на крышу собора и стрѣлять оттуда въ бунтовщиковъ. Онъ получилъ позволеніе и выполнилъ свой планъ. Четверо его товарищей должны были заряжать свои винтовки и подавать Гупфауфу, такъ что онъ стрѣлялъ, не переставая. И такимъ образомъ онъ застрѣлилъ девяносто итальянцевъ.

— Ужасно! — вскрикнула я.—Каждый изъ убитыхъ имъ итальянцевъ, въ которыхъ онъ стрѣлялъ съ своей безопасной высоты, имѣли дома мать или невѣсту, да и самому, несомнѣнно, не хотѣлось разставаться съ своею жизнью.

— Милая моя, вѣдь всѣ они были непріятели, а это измѣняетъ точку зрѣнія.

— Совершенно вѣрно,—сказалъ докторъ Брессеръ;— пока понятіе „врагъ" санкціонируется среди людей, до тѣхъ поръ заповѣдь любви къ человѣку не можетъ имѣть универсальнаго приложенія.

— Что же скажете вы, баронъ Тиллингъ?—сказала я.

— Я желалъ бы, чтобы орденъ украсилъ эту доблестную грудь, а пуля пронзила жестокое сердце. Его дѣло было бы достойно того и другого.

Я посмотрѣла на него теплымъ, благодарнымъ взглядомъ. Всѣмъ остальнымъ, за исключеніемъ доктора, повидимому, его слова не понравились. Наступила небольшая пауза, какъ говорятъ французы, cela avait jeté un froid.

— А слыхали ли вы, ваше превосходительство, о книгѣ англійскаго натуралиста Дарвина?—сказалъ докторъ, обращаясь къ моему отцу.

— Нѣтъ.

— Но, папа, припомни: четыре года тому назадъ нашъ книгопродавецъ прислалъ намъ эту книгу, только-что вышедшую тогда въ свѣтъ; и ты сказалъ тогда объ ней, что ее скоро всѣ забудутъ.

— Можетъ-быть, но я совершенно забылъ объ этомъ.

— Наоборотъ, она вызвала, кажется, во всѣмъ мірѣ страшное движеніе,—сказалъ докторъ.—Всюду ведется страшная полемика по поводу новой теоріи происхожденія видовъ.

— Вы говорите про обезьяню теорію?—сказалъ старый генералъ, сидѣвшій вправо отъ меня.—Вчера въ казино былъ разговоръ объ этомъ. Эти ученые договариваются иногда до странныхъ вещей: будто человѣкъ былъ прежде орангъ-утаномъ!

— Конечно,—сказалъ министръ, кивнувъ головою (а когда министръ говорилъ „конечно", это всегда означало, что онъ намѣренъ произнести длинную рѣчь),— такая мысль очень комична, а между тѣмъ ей могутъ повѣрить. Эта научная теорія построена не безъ таланта и подтверждается цѣлымъ аппаратомъ искусно подобранныхъ фактовъ; и хотя, конечно, она, вѣроят-

но, будетъ отвергнута спеціалистами, но какъ всякая смѣлая идея, какъ бы она странна ни была, она произвела извѣстный эффектъ и находитъ защитниковъ. Теперь сдѣлалась модой разговаривать о Дарвинѣ, но это не надолго; и хотя изобрѣтено уже слово „дарвинизмъ“, но, конечно, эта такъ-называемая теорія исчезнетъ. Жалко только то, что люди такъ горячо ратуютъ за этого сумасшедшаго англичанина, отчего теорія пріобрѣтаетъ въ глазахъ общества значеніе, котораго она не стоитъ. Въ особенности, разумѣется, духовенство недовольно этой теоріей, такъ какъ, конечно, унизительно для человѣка, созданнаго по образу Божію, слышать, что онъ произошелъ отъ обезьяны, и такое предположеніе, конечно, оскорбительно съ религіозной точки зрѣнія. Но, какъ извѣстно, церковное осужденіе теоріи, выдающей себя за научную истину, неспособно остановить ея вреднаго вліянія. Такая теорія оказывается безвредной только тогда, когда представители науки приведутъ ее ab absurdum, и что касается дарвинизма, то конечно...

— Безсмыслица!—прервалъ мой отецъ, боясь, какъ кажется, что нескончаемая цѣпь этихъ „конечно“ можетъ въ концѣ-концовъ надоѣсть гостямъ. — Безсмыслица! Человѣкъ отъ обезьяны! Простой здравый смыслъ говоритъ противъ этого! Едва ли понадобятся здѣсь „научныя“ опроверженія!

— А почему же эти опроверженія считать безусловно доказательными? — сказалъ докторъ. — Правда, они возбудили справедливыя сомнѣнія, но теорія имѣетъ за себя много вѣроятностей, и потребуется много времени, чтобы ученые пришли къ согласію по поводу ея.

— Я думаю, что эти господа никогда не придутъ къ согласію,—сказалъ генералъ, сидѣвшій влѣво отъ меня, говорившій рѣзко съ вѣнскимъ акцентомъ. — Они любятъ спорить. Я тоже слышалъ не разъ по поводу этихъ обезьянъ. Но это, по моему мнѣнію, слишкомъ глупо для того, чтобы интересоваться этимъ. Если ломать голову надъ всей той ерундой, въ которой хотятъ насъ увѣрить эти астрономы, собиратели травъ и потрошители лягушекъ, то, право, сдѣлаешься дуракомъ.

Кромѣ того, недавно въ одномъ иллюстрированномъ журналѣ я видѣлъ портретъ этого Дарвина, — настоящая обезьяна! такъ что я вполнѣ могу вѣрить, что его дѣдушка былъ шимпанзе.

Эта шутка, которая очень понравилась самому говорившему, была подхвачена взрывомъ смѣха, къ которому присоединился и мой отецъ, какъ любезный хозяинъ.

— Смѣхъ, конечно, тоже оружіе,—сказалъ серьезно министръ, — но онъ ничего не доказываетъ. Противъ дарвинизма—я употребляю этотъ новый терминъ—можно выставить серьезные аргументы на научныхъ основаніяхъ и уничтожить его. Если противъ писателя, неимѣющаго авторитета, выставляются такія имена, какъ Линней, Кювье, Агассицъ, Катрфажъ, то его система должна пасть. Съ другой стороны, конечно, нельзя отрицать, что между человѣкомъ и обезьяной существуетъ большое сходство въ организаціи и что...

— Однако, несмотря на это сходство, между ними цѣлая пропасть,—перебилъ его спокойный генералъ.— Можно ли представить себѣ такую способную обезьяну, которая бы изобрѣла телеграфъ? Одно обладаніе языкомъ такъ возвышаетъ человѣка надъ обезьяной...

— Извините, ваше превосходительство, — сказалъ докторъ,—рѣчь и искусства не прирожденны человѣческому роду. Даже и теперь дикарь не построитъ телеграфнаго аппарата. Все это плоды медленнаго усовершенствованія и развитія.

— Да, да, милый докторъ,—возразилъ генералъ.— „Развитія“, это — слово новой теоріи. Но вѣдь вы не разовьете верблюда изъ кенгуру, да и почему въ настоящее время обезьяны не обращаются въ людей?

— А что скажете вы?—обратилась я къ Тиллингу.— Слышали вы о Дарвинѣ? Вы сторонникъ его или противникъ?

— Слышалъ я объ этой книгѣ много, графиня, но не могъ составить сужденія, потому что самъ не читалъ ея.

— Долженъ сознаться,—сказалъ докторъ,—что и я тоже не читалъ.

— Читать? Конечно, и я тоже не читалъ,—сказалъ министръ.

— И я, и я, и я,—сказали всѣ остальные другъ за другомъ.

— Но,—продолжалъ министръ,—объ этомъ предметѣ такъ много говорится, выраженія „борьба за существованіе“, „естественный подборъ“, „эволюція“ и т. д. слышатся отъ каждаго, такъ что можно составить себѣ ясное понятіе объ этомъ вопросѣ и стать на сторону его защитниковъ или противниковъ. Къ первымъ, конечно, принадлежатъ люди, которые любятъ разрушать старое и гоняться за эффектомъ, между тѣмъ какъ хладнокровные, строго критическіе умы, требующіе положительныхъ доказательствъ, по необходимости становятся на сторону ихъ противниковъ и примыкаютъ къ солиднымъ спеціалистамъ, которые, конечно...

— Едва ли можно такъ положительно утверждать, не зная доказательствъ сторонниковъ этой теоріи,—замѣтилъ Тиллингъ.—Чтобы знать, насколько справедливы аргументы, которые обыкновенно хоромъ повторяются противъ всякой новой идеи, лишь только она появится, надобно хорошо познакомиться съ самой идеей. Масса повторяетъ обыкновенно съ единодушіемъ худшіе и слабѣйшіе доводы; и на такой почвѣ я не стану основывать своего сужденія. Когда появилась теорія Коперника, только тѣ, которые внимательно прослѣдили всѣ доказательства Коперника, увидѣли, что онъ правъ; а другіе, которые руководились въ своихъ сужденіяхъ анаѳемой, посылаемой изъ Рима противъ новой системы...

— Въ нашемъ вѣкѣ,—перебилъ его министъ,—научныя гипотезы, какъ я уже замѣтилъ, отвергаются, если онѣ невѣрны, не церковью, а наукой.

— Не только если онѣ невѣрны, — отвѣтилъ Тиллингъ,—но даже и такія теоріи, которыя впослѣдствіи признаются всѣми, постоянно при своемъ появленіи вызываютъ возраженія со стороны отсталыхъ ученыхъ. Люди не любятъ, чтобы кто-нибудь коснулся ихъ освященнымъ временемъ взглядовъ и догматовъ. Точно такъ же и тогда не только отцы церкви, но и астрономы раздраженно возставали на Коперника.

— Не думали ли вы,—перебилъ его рѣзко говорящій генералъ,—что эта обезьянья идея сумасшедшаго англичанина такъ же вѣрна, какъ и идея Коперника, что земля движется вокругъ солнца?

— Я не могу утверждать этого, потому что, какъ я уже сказалъ, я не читалъ книги. Теперь я прочитаю ее. Можетъ-быть (только *можетъ-быть*, потому что мои свѣдѣнія по этому предмету очень незначительны), можетъ-быть, тогда я въ состояніи буду составить свой взглядъ. А теперь я держусь того мнѣнія, что если эта теорія вызвала столько страстныхъ возраженій, то, *конечно*, по моему мнѣнію, это говоритъ скорѣе за ея справедливость.

„У тебя смѣлый, прямой, ясный умъ“, подумала я, посмотрѣвъ на него ободряюшимъ взглядомъ.

Около 8 часовъ гости начали разъѣзжаться. Отецъ удерживалъ ихъ, и я механически пробормотала нѣсколько гостепріимныхъ фразъ въ родѣ: „выпейте еще чашку чаю“, но напрасно. Каждый извинялся по-своему: одинъ обѣщалъ быть въ казино, другой на вечерѣ; одна изъ дамъ ѣхала въ оперу, и ей непремѣнно хотѣлось прослушать четвертый актъ „Гугенотовъ“; другая ждала къ себѣ нѣсколькихъ друзей, однимъ словомъ, намъ приходилось отпустить ихъ, и, разумѣется, не съ такимъ сожалѣніемъ, какъ мы показывали это.

Теллингъ и Брессеръ встали вслѣдъ за другими и стали прощаться.

— Ну, а у васъ обоихъ какія важныя дѣла?—сказалъ отецъ.

— У меня нѣтъ никакихъ,—сказалъ Тиллингъ, улыбаясь,—но такъ какъ всѣ уходятъ, я думалъ, что было бы неделикатно...

— И я тоже,—сказалъ докторъ.

— Ну, въ такомъ случаѣ я не отпущу васъ ни того, ни другого.

Минутъ пять спустя, отецъ и докторъ усѣлись за карточный столъ, а Тиллингъ сѣлъ рядомъ со мной у камина. „Сонный обѣдъ?—нѣтъ, въ дѣйствительности, никогда ни одинъ обѣдъ не проходилъ съ такимъ удовольствіемъ для меня“, подумала я.

— Я должна попенять вамъ, баронъ,—сказала я.— Почему же послѣ перваго визита вы забыли дорогу въ мой домъ?

— Вы не пригласили меня.

— Но вѣдь я сказала вамъ, по субботамъ...

— О да! отъ двухъ до четырехъ. Но, откровенно сказать, вы не должны ожидать этого отъ меня, графиня. Мнѣ кажется, нѣтъ ничего ужаснѣе этихъ офиціальныхъ пріемовъ. Войти въ гостиную, полную незнакомыхъ людей, поздороваться съ хозяйкой, занять крайнее мѣсто въ полукругѣ, обмѣняться замѣчаніемъ о погодѣ, и если случится, что сидящій рядомъ знакомъ тебѣ, то и онъ вставитъ свое замѣчаніе; и если хозяйка дома обратится къ тебѣ съ вопросомъ, ты со всею поспѣшностью отвѣчаешь на него, въ надеждѣ, что начнешь разговоръ съ той, ради которой пришелъ сюда; но напрасно. Въ этотъ самый моментъ входитъ новый гость, котораго надобно встрѣтить и который занимаетъ слѣдующее мѣсто въ полукругѣ; думая, что вопросъ о погодѣ еще не затронутъ, онъ начинаетъ говорить о ней; десять минутъ спустя новые гости — мамаша съ четырьмя взрослыми дѣвицами, для нихъ недостаетъ стульевъ, и ты находишь себя вынужденнымъ встать съ нѣкоторыми другими, проститься съ хозяйкой дома и уйти. Нѣтъ, графиня, это превосходитъ мои слабыя способности.

— Вы, кажется, вообще сторонитесь отъ общества. Васъ нигдѣ не видно. Не мизантропъ ли вы? Но нѣтъ; я беру свое слово назадъ. Изъ того немногаго, что я слышала отъ васъ, я вывела заключеніе, что вы любите людей.

— Я люблю человѣчество, но всѣхъ людей—нѣтъ. Среди нихъ есть столько недостойныхъ, ограниченныхъ, эгоистовъ, безсердечныхъ, жестокихъ... Такихъ я не могу любить, хотя и жалѣю ихъ, за то, что воспитаніе и обстоятельства не позволили имъ сдѣлаться достойными любви.

— Обстоятельства и воспитаніе? Но вѣдь характеръ каждаго зависитъ главнымъ образомъ отъ унаслѣдованныхъ имъ свойствъ. Вы не вѣрите этому?

— То, что вы называете „унаслѣдованными свойствами“, я называю обстоятельствами... унаслѣдованными.

— Значитъ, вы того мнѣнія, что дурной человѣкъ не заслуживаетъ порицанія за свою низость и не долженъ вызывать отвращеніе къ себѣ?

— Нѣтъ, мои слова не даютъ повода къ такому заключенію; такой человѣкъ можетъ не заслуживать порицанія и въ то же время вызывать отвращеніе къ себѣ. Вы, напримѣръ, не отвѣтственны за свою красоту и въ то же время вы вызываете восхищеніе собой...

— Баронъ Тиллингъ! Мы начали говорить серьезно, какъ два разумныхъ человѣка. Развѣ я заслужила чѣмъ-нибудь того, чтобы вы обращались со мной какъ съ салонной дамой, восторгающейся комплиментами?

— Извините, я не хотѣлъ сказать вамъ комплимента. Я привелъ только первый, пришедшій мнѣ въ голову аргументъ.

Наступило короткое молчаніе. Тиллингъ съ восхищеніемъ, почти съ нѣжностью смотрѣлъ мнѣ въ глаза, и я не опустила ихъ. Я понимала, что мнѣ слѣдовало бы смотрѣть въ сторону, но я не сдѣлала этого. Я чувствовала, что мои щеки горятъ, и знала, что, если прежде онъ считалъ меня красивой, то въ настоящую минуту я была еще красивѣе,—это было пріятное „злое“ чувство, но продолжалось оно полминуты: я не могла вытерпѣть долѣе. Я прикрылась вѣеромъ, перемѣнила позу и сказала по возможности равнодушнымъ голосомъ:

— А вы хорошо отвѣтили министру на его „конечно“.

Тиллингъ какъ будто вздрогнулъ, точно очнувшись отъ сна.

— Я? Не помню. Наоборотъ, мнѣ показалось, что всѣ остались очень недовольны моимъ замѣчаніемъ о Шпрингауфѣ или Гупсауфѣ, какъ его? какъ фамилія этого отважнаго стрѣлка?

— Гупфауфъ.

— Вы были единственная, кто согласился со мною. Но зато я оскорбилъ, разумѣется, ихъ превосходительства неумѣстными въ устахъ полковника выраженіями, назвавъ „жестокимъ“ человѣка, который показывалъ на врагѣ мѣткость своей стрѣльбы. Богохуль-

ство! Солдатъ, какъ извѣстно, тѣмъ выше, чѣмъ хладнокровнѣе убиваетъ.

— Зачѣмъ вы сдѣлались солдатомъ?

— Вы дѣлаете мнѣ такой вопросъ, который показываетъ, что вы заглянули мнѣ въ душу. Эту профессію выбралъ для себя не я, не Фридрихъ Тиллингъ, тридцатидевятилѣтній человѣкъ, сдѣлавшій три похода, а маленькій Фредди, десятилѣтній ребенокъ, который росъ среди деревянныхъ лошадокъ и оловянныхъ полковъ, которому отецъ, украшенный орденами генералъ, и дядя, сердцеѣдъ-поручикъ, то-и-дѣло твердили: „ну, милый, чѣмъ ты хочешь быть? настоящимъ солдатомъ съ настоящей саблей на живомъ конѣ?"

— Я получила сегодня ящикъ оловянныхъ солдатиковъ для своего сына Рудольфа, но я не отдамъ ихъ ему. Почему же теперь, когда Фредди превратился въ Фридриха, почему же теперь вы не оставите ненавистнаго вамъ дѣла?

— Ненавистнаго? Это сказано слишкомъ сильно. Я ненавижу положеніе вещей, которое налагаетъ на насъ такія жестокія обязанности, какъ веденіе войны; но разъ оно существуетъ и притомъ неизбѣжно, я не могу ненавидѣть людей, которые берутъ на себя проистекающія отсюда обязанности и исполняютъ ихъ добросовѣстно, тратя на это лучшія силы. Предположимъ, что я оставлю военную службу, вѣдь отъ этого не уменьшится количество войнъ? Тогда, вмѣсто меня, другой будетъ рисковать своей жизнью, а это могу дѣлать и я.

— Вы могли бы принести бóльшую пользу своимъ ближнимъ на другомъ поприщѣ.

— Я не могу. Я ничему не учился основательно, за исключеніемъ военнаго дѣла. Кромѣ того, человѣкъ всегда можетъ принести извѣстную пользу окружающимъ его: мнѣ представляется масса случаевъ облегчить участь своимъ подчиненнымъ. Что же касается меня лично, я пользуюсь уваженіемъ, которое свѣтъ оказываетъ военному сословію, я сдѣлалъ себѣ порядочную карьеру, любимъ товарищами, имѣю все, къ чему стремился. Состоянія у меня нѣтъ; и если я выйду изъ военной службы, я не буду въ состояніи быть по-

лезнымъ ни другимъ ни себѣ. Зачѣмъ же мнѣ бросать мое дѣло?

— Потому что избіеніе людей вызываетъ въ васъ отвращеніе.

— Если дѣло идетъ о защитѣ собственной жизни отъ нападеній другого, человѣкъ не виновенъ въ убійствѣ. Война справедливо называется массовымъ избіеніемъ, но индивидуумъ не чувствуетъ себя убійцей. Въ то же время совершенно справедливо, что мнѣ отвратительна драка, что быть на полѣ битвы для меня мучительно и противно. Я страдаю отъ этого, страдаю сильно, но и морякъ иной, вѣроятно, страдаетъ морской болѣзнью во время бури; но если онъ человѣкъ отважный, онъ держится на палубѣ, и если нужно, снова пускается въ море.

— Да, если нужно, но нужна ли война?

— Это—другой вопросъ. Но *каждый долженъ* принять въ ней участіе; и если это сознаніе не даетъ утѣшенія, то во всякомъ случаѣ облегчаетъ исполненіе своей обязанности.

Такъ разговаривали мы долго, понизивъ голосъ, съ одной стороны, чтобы не мѣшать игрокамъ, а съ другой стороны, чтобы они не слыхали насъ, такъ какъ баронъ Тиллингъ нарисовалъ мнѣ нѣсколько эпизодовъ войны, разсказывалъ мнѣ о томъ, какой ужасъ внушали они ему, а я сообщала ему мнѣніе Бокля о сокращеніи войнъ по мѣрѣ развитія цивилизаціи,—такой разговоръ, конечно, не понравился бы генералу Альтгаузу. Я чувствовала, что если баронъ Тиллингъ такъ откровенно говоритъ со мной, значитъ, онъ довѣряетъ мнѣ, и что между нами въ одинъ вечеръ возникла глубокая симпатія.

— О чемъ это вы перешептываетесь тамъ съ такимъ увлеченіемъ?—крикнулъ отецъ, тасуя карты.—Не заговоръ ли вы составляете?

— Я разсказываю графинѣ событія изъ походной жизни.

— О! она съ дѣтства привыкла къ этому. Я тоже часто разсказываю ей объ этомъ.

Мы продолжали свой разговоръ.

Вдругъ, въ то время, какъ Тиллингъ говорилъ о чемъ-то, такъ довѣрчиво и симпатично смотря мнѣ въ глаза, я вспомнила о принцессѣ. Мнѣ сдѣлалось страшно больно, я отвернулась. Тиллингъ остановился на полусловѣ.

— Что вы, графиня?—испуганно спросилъ онъ.—Я сказалъ что-нибудь, что не понравилось вамъ?

— О, нѣтъ!.. одна горькая мысль... продолжайте, пожалуйста.

— Я забылъ, о чемъ я говорилъ. Вы лучше повѣрьте мнѣ свою горькую мысль. Я открылъ вамъ свое сердце, теперь вы отплатите мнѣ тѣмъ же.

— Я не могу сказать вамъ, о чемъ я подумала.

— Не можете? Но можно угадать мнѣ? О себѣ?

— Нѣтъ.

— Обо мнѣ?

Я утвердительно кивнула головой.

— Какая же можетъ быть горькая мысль обо мнѣ? И почему вы не можете сказать этого? Можетъ-быть...

— Не ломайте своей головы; я отказываюсь отъ дальнѣйшихъ объясненій.

Я встала и взглянула на часы.

— Какъ? уже половина десятаго!.. Я хочу проститься съ тобой, папа.

Отецъ поднялъ голову отъ картъ.

— Ты ѣдешь на вечеръ?

— Нѣтъ, домой. Вчера я легла поздно.

— И тебѣ захотѣлось спать. Плохой комплиментъ вамъ, баронъ Тиллингъ!

— Нѣтъ, нѣтъ,—протестовала я, улыбаясь;—баронъ не виноватъ; мы поговорили очень пріятно.

Я простилась съ отцомъ и съ докторомъ. Баронъ попросилъ позволеніе проводить меня до кареты. Онъ надѣлъ мнѣ шубу въ передней. Когда мы сошли съ лѣстницы, онъ остановился на минуту и серьезно спросилъ:

— Еще разъ, графиня, вы не обидѣлись на меня?

— Нѣтъ, увѣряю васъ.

— Въ такомъ случаѣ я спокоенъ.

Подсаживая меня въ карету, онъ пожалъ мнѣ руку и поднесъ ее къ губамъ.

— Когда же я могу явиться къ вамъ?

— По субботамъ я...

— Дома... Понимаю... значитъ, рѣшительно никогда.

Онъ поклонился и отошелъ.

Я хотѣла подозвать его къ себѣ, но лакей захлопнулъ дверцу.

Я откинулась въ уголъ кареты. Мнѣ хотѣлось кричать, плакать съ досады, какъ капризному ребенку. Я сердилась сама на себя. Какъ я могла быть такой холодной, невѣжливой и даже грубой съ человѣкомъ, къ которому чувствовалась у меня такая горячая симпатія? Во всемъ этомъ виновата принцесса. Какъ я ненавижу ее! Что это значитъ? Ревность? И вдругъ мнѣ сдѣлалось понятно это чувство... Я влюблена въ Тиллинга. „Влюблена, влюблена, влюблена!" стучали колеса по мостовой. „Ты влюблена въ него!" мигали мнѣ уличные фонари. „Ты любишь его!" доносилось до меня вмѣстѣ съ запахомъ духовъ отъ моей перчатки, которую я прижала къ губамъ тѣмъ мѣстомъ, которое онъ поцѣловалъ.

Прошло нѣсколько дней, я нигдѣ не встрѣчала Тиллинга. Каждый вечеръ я ѣздила въ театръ, оттуда на вечеръ, ожидая и надѣясь гдѣ-нибудь встрѣтиться съ нимъ. Напрасно.

Въ пріемный день у меня собралось нѣсколько посѣтителей, но его, разумѣется, не было. Я и не ждала его. Послѣ рѣшительно сказанныхъ имъ словъ: „этого вы не должны ожидать отъ меня, графиня", и послѣ того, что онъ сказалъ, подсаживая меня въ карету: „понимаю... значитъ, никогда", онъ не могъ явиться ко мнѣ въ этотъ день. Я оскорбила его въ тотъ вечеръ... это было ясно; и нѣтъ сомнѣнія, онъ избѣгаетъ встрѣчи со мной. Что мнѣ было дѣлать? Я горѣла какъ въ огнѣ отъ желанія увидѣть его, исправить свою навѣжливость и поговорить съ нимъ опять такъ же, какъ въ послѣдній разъ въ домѣ отца. Это воспоминаніе становилось для меня еще пріятнѣе теперь, когда я поняла, что люблю его.

Въ слѣдующую субботу вмѣсто Тиллинга ко мнѣ пріѣхала его двоюродная сестра, на балу у которой я

познакомилась съ нимъ. При входѣ ея у меня сильно забилось сердце: теперь-то, по крайней мѣрѣ, я узнаю что-нибудь о томъ, о которомъ я не переставала думать. Между тѣмъ я не рѣшалась спросить ее о немъ: я чувствовала, что я не въ состоянiи произнести его имя, не покраснѣвъ и не выдавъ этимъ себя. Я разговарила съ своей гостьей о всевозможныхъ вещахъ дажѣ о погодѣ, но избѣгала того, что̀ лежало у меня на сердцѣ.

— Ахъ, Марта!—вдругъ сказала она,—у меня порученiе къ тебѣ. Мой кузенъ Фридрихъ велѣлъ кланяться тебѣ; третьяго дня онъ уѣхалъ.

Я чувствовала, какъ кровь отхлынула отъ моихъ щекъ.

— Уѣхалъ? Куда? Его полкъ перевели?

— Нѣтъ. Онъ взялъ короткiй отпускъ. Онъ уѣхалъ въ Берлинъ къ матери,—она умираетъ. Бѣдный, мнѣ жаль его; я знаю, какъ онъ обожаетъ свою мать.

Спустя два дня я получила письмо, писанное неизвѣстной мнѣ рукой и съ берлинской маркой. Не взглянувъ на подпись, я догадалась уже, что это было письмо отъ Тиллинга. Онъ писалъ мнѣ:

„8 Фридрихштрассе. Март. 30. 1863 г. 1 ч. ночи.

„Дорогая графиня! Я долженъ съ кѣмъ-нибудь подѣлиться своимъ горемъ, но почему же съ вами? Имѣю ли я право поступить такъ? Нѣтъ. Но я чувствую неодолимую потребность къ этому. Вы поймете меня. Я увѣренъ, что поймете.

„Если бы вы знали ту, которая борется теперь со смертью, вы полюбили бы ее. Кроткое сердце, ясный умъ, веселый характеръ,—все это обречено теперь въ могилу. Надежды нѣтъ. Я весь день провелъ у ея постели и проведу здѣсь всю ночь... ея послѣднюю ночь. Бѣдная, она много страдала. Теперь она спокойна. Но силы падаютъ, пульсъ почти остановился. Кромѣ меня, въ ея комнатѣ дежуритъ ея сестра и докторъ.

„Ахъ! Эта страшная разлука! Смерть! Правда, знаешь, что это случится съ каждымъ, но не вѣришь, что та же участь должна постигнуть и дорогихъ намъ людей. Я не сумѣю даже выразить, чѣмъ была для меня

моя мать. Она сознаетъ, что она умретъ. Когда сегодня утромъ я вошелъ къ ней, она встрѣтила меня радостнымъ восклицаніемъ: „Это ты! Еще разъ я увидѣла тебя, мой Фрицъ. Я такъ боялась, что ты опоздаешь". „Ты поправишься еще!" воскликнулъ я. „Нѣтъ! нѣтъ! не говори этого, дорогой мой. Не унижай послѣднихъ минутъ безсмысленными утѣшеніями. Простимся лучше!"

„Я упалъ на колѣни. „Ты плачешь, Фрицъ. Смотри, я не говорю тебѣ обычнаго: „не плачь". Мнѣ пріятно, что разлука съ твоимъ старымъ лучшимъ другомъ огорчаетъ тебя. Это показываетъ мнѣ, что ты долго будешь помнить обо мнѣ. Помни, что ты доставилъ мнѣ много радости. Если не считать заботъ, которыя причиняли мнѣ твои болѣзни въ дѣтствѣ, и тѣхъ мученій, которыя приходилось мнѣ испытывать, когда ты бывалъ на войнѣ, ты доставлялъ мнѣ только радость и помогалъ мнѣ переносить печали, которыя давала мнѣ судьба. Благословляю тебя за это, сынъ мой". Тутъ сдѣлался приступъ боли. Слыша ея крики и стоны, видя, какъ искажалось отъ страданій лицо ея, у меня разрывалось сердце. Да! страшна смерть! Это—жестокій врагъ. Видъ ея агоніи вызвалъ въ моемъ воспоминаніи тѣ агоніи, при которыхъ я присутствовалъ на полѣ битвы и въ лазаретахъ. А мы подстрекаемъ молодежь идти добровольно и весело на смерть и въ полнотѣ силъ охотно отдавать себя этому страшному врагу, съ которымъ такъ отчаянно борется утомленная и разбитая старость.—возмутительно!

„Ночь тянется страшно долго. Если бы бѣдная страдалица хоть могла спать! Но она лежитъ съ открытыми глазами. Я провожу неподвижно около получаса у ея изголовья, потомъ пробираюсь тихонько къ этому листку бумаги, пишу нѣсколько словъ и снова возвращаюсь къ ней. Такимъ путемъ время дошло до четырехъ часовъ. Я только что слышалъ, какъ били часы на городской башнѣ; этотъ бой часовъ такъ холоденъ, такъ безчувственъ; время такъ упорно, такъ неумолимо идетъ къ вѣчности, между тѣмъ какъ чрезъ нѣсколько минутъ оно должно остановиться для горячо любимаго мною существа... Но чѣмъ равнодушнѣе, чѣмъ безчувствен-

нѣе смотритъ міръ на наши страданія, тѣмъ нетерпѣливѣе прибѣгаешь къ другому человѣческому сердцу, которое, мы думаемъ, бьется въ унисонъ съ нашимъ чувствомъ. Поэтому-то листъ бѣлой бумаги, оставленный докторомъ на столѣ, соблазнилъ меня написать вамъ это письмо.

„Бьетъ семь. Кончено.

„Прощай, дорогой сынъ,"—сказала она послѣднія слова, закрыла глаза и заснула. Спи спокойно, моя дорогая мать.

„Въ слезахъ цѣлую ваши милыя руки.
Вашъ смертельно огорченный
Фр. Тиллингъ".

Я до сихъ поръ берегу это письмо. Какъ истерся и выцвѣлъ теперь этотъ листокъ бумаги! И эту перемѣну произвели въ немъ не только протекшія съ тѣхъ поръ двадцать пять лѣтъ, но также слезы и поцѣлуи, которыми я покрывала тогда его письмо. „Смертельно огорченный". Да, а я была безъ памяти отъ радости, когда читала это. Хотя здѣсь не было ни слова о любви, но письмо ясно говорило, что пишущій любитъ только того, къ кому онъ пишетъ, и больше никого. Тотъ фактъ, что въ эту печальную минуту, у смертнаго одра его матери, ему хотѣлось излить свое сердце передо мной, а не передъ принцессой, заглушалъ во мнѣ всякое ревнивое сомнѣніе.

Въ тотъ же день я послала на гробъ усопшей вѣнокъ изъ бѣлыхъ камелій, и между ними выдавалась одна полураспустившаяся роза. Пойметъ ли онъ, что блѣдные цвѣты безъ запаха предназначаются покойницѣ, какъ символъ смерти, а роза—ему?

. . . .

Прошло три недѣли.

Конрадъ Альтгаузъ сдѣлалъ предложеніе моей сестрѣ Лили и получилъ отказъ. Однако, онъ не принялъ этого близко къ сердцу и остался исправнымъ посѣтителемъ нашего дома и являлся всюду тамъ, гдѣ бывала она. Я высказала ему однажды удивленіе по поводу такой рабской его преданности.

— Я очень рада,—сказала я ему,—что ты не сердишься, но изъ этого я вижу, что твое чувство къ Лили не такъ горячо, какъ ты утверждаешь, такъ какъ отвергнутая любовь всегда вызываетъ озлобленіе и месть.

— Ошибаешься, уважаемая кузина, я люблю Лили до безумія. Сначала мнѣ казалось, что мое сердце принадлежитъ тебѣ, но ты держала себя такъ неприступно и была такъ холодна, что я во-время заглушилъ зародившуюся во мнѣ страсть; потомъ одно время я увлекался Розой, и наконецъ моя страсть остановилась на Лили, и этой страсти я останусь теперь вѣренъ до конца моей жизни.

— Этого можно ожидать отъ тебя!

— Лили или никто!

— Ну, а если она не хочетъ быть твоею?

— Неужели ты думаешь, что, получивъ отказъ, я не сдѣлаю второй и третій разъ предложенія, которое будетъ, наконецъ, принято, можетъ-быть, на четвертый разъ, чтобы отдѣлаться отъ моей навязчивости? Лили не любитъ меня; хотя и странно, но тѣмъ не менѣе это фактъ. Мнѣ очень нравится въ ней то, что она устояла противъ соблазна, непреодолимаго для большинства дѣвушекъ,—сдѣлаться женщиной, и не приняла предложенія, заманчиваго съ свѣтской точки зрѣнія, и за это я влюбленъ въ нее еще больше прежняго. Моя преданность въ концѣ-концовъ тронетъ ея сердце, вызоветъ въ ней взаимную любовь и... дорогая Марта, ты сдѣлаешься моей свояченицей. Надѣюсь, ты не будешь дѣйствовать противъ меня?

— Я? О, нѣтъ! Напротивъ, твоя система настойчиваго ухаживанія нравится мнѣ. Время и нѣжность возьмутъ свое: наши молодые люди не даютъ себѣ труда любить и добиваться, они не желаютъ борьбой добывать себѣ счастья, но безъ труда срывать его, какъ цвѣты на дорогѣ.

Тиллингъ, какъ я слышала, вернулся въ Вѣну около двухъ недѣль тому назадъ и однако не шелъ ко мнѣ. Я, разумѣется, не могла ожидать встрѣтиться съ нимъ гдѣ-нибудь, такъ какъ по случаю траура онъ не бывалъ нигдѣ. Но я надѣялась, что онъ пріѣдетъ ко мнѣ

или по крайней мѣрѣ напишетъ мнѣ; проходили дни за днями, не было ни его самого, ни письма.

— Не понимаю, Марта, что дѣлается съ тобой,— говорила мнѣ тетка;—съ нѣкотораго времени ты такая разстроенная, такая разсѣянная, такая... не знаю даже, какъ назвать это. Ты плохо дѣлаешь, что не обращаешь вниманія ни на одного изъ своихъ жениховъ. Я давно говорю тебѣ, что одиночество дурно дѣйствуетъ на тебя. Слѣдствіемъ этого и является то состояніе духа, которое въ послѣднее время замѣчается у тебя. Напримѣръ, ты совсѣмъ забыла о говѣніи въ посту, а это принесло бы тебѣ пользу.

— Я думаю, что и то и другое, т.-е., и выходить замужъ и говѣть, можно сдѣлать только по сердечному расположенію, а не для того, чтобы избавиться отъ дурного расположенія духа. Изъ моихъ жениховъ мнѣ не нравится никто, а что касается говѣнья...

— То теперь для этого самое удобное время. Завтра Великій Четвергъ. У тебя есть билетъ на церемонію „умовенія ногъ“?

— Да, папа, прислалъ мнѣ, но я не знаю, пойду ли я.

— Ты должна идти. Нѣтъ ничего болѣе красиваго и возвышающаго, какъ эта церемонія. Торжество христіанскаго смиренія. Императоръ и императрица нагибаются къ землѣ, умываютъ ноги бѣднымъ старикамъ и старухамъ изъ богадѣльни. Не служитъ ли это символомъ ничтожества земного величія передъ небеснымъ?

— Чтобы колѣнопреклоненіемъ символически изобразить смиреніе, надобно сознавать себя очень важнымъ лицомъ. Смыслъ церемоніи такой: „насколько Сынъ Божій выше сравнительно съ апостолами, настолько же я, императоръ, выше сравнительно съ этими бѣдными людьми“. Этотъ основной мотивъ церемоніи кажется мнѣ не особенно смиреннымъ.

— Какіе у тебя странныя мысли, Марта. Въ эти три года, которые ты провела въ уединеніи, занимаясь чтеніемъ разныхъ вредныхъ книгъ, ты усвоила себѣ такіе ложные взгляды...

— Вредныхъ книгъ?

— Да, вредныхъ. Я считаю это выраженіе совер-

шенно правильнымъ. Надняхъ, когда я, разговаривая съ архіепископомъ, сказала ему объ одной книгѣ, которую я видѣла у тебя на столѣ и которую по заглавію приняла за божественную,—*Жизнь Іисуса*, какого-то Штрауса, онъ схватился руками за голову и закричалъ: „Милосердное Небо! откуда у васъ эта злодѣйская книга?“ Я покраснѣла отъ стыда и старалась увѣрить его, что я сама не читала этой книги, а только видѣла ее у своей родственницы. „Въ такомъ случаѣ, потребуйте отъ своей родственницы, если ей дорого спасеніе ея души, сжечь эту книгу“. Вотъ, Марта, его слова. Ты сожжешь книгу?

— Если бы мы съ вами жили двѣсти-триста лѣтъ тому назадъ, то на костеръ попалъ бы самъ авторъ, а не только его книга. И это было бы дѣйствительнѣе... дѣйствительнѣе на время, хотя и не на долгое.

— Ты мнѣ не отвѣчаешь, сожжешь книгу или нѣтъ?

— Нѣтъ.

— Какъ, нѣтъ,—и больше ничего?

— О чемъ говорить еще? Въ этомъ дѣлѣ мы не поймемъ другъ друга, дорогая тетя. Позволь мнѣ лучше разсказать тебѣ, какъ вчера Рудольфъ...

И такимъ образомъ разговоръ благополучно перешелъ на другую, выгодную тему, на которой мы никогда не расходились во мнѣніяхъ, такъ какъ мы вполнѣ были согласны, что Рудольфъ Доцкій—самый милый, необыкновенный и для своихъ лѣтъ самый умный на свѣтѣ мальчикъ.

На другой день я тѣмъ не менѣе рѣшилась отправиться на „умовеніе ногъ“. Въ самомъ началѣ одиннадцатаго часа сестра Роза и я, обѣ въ черныхъ платьяхъ, какъ подобаетъ на Страстной недѣлѣ, явились въ большой залъ Бурга. Здѣсь на эстрадѣ были приготовлены мѣста для аристократіи и членовъ дипломатическаго корпуса. Такимъ образомъ мы попали въ среду „своихъ“ и обмѣнивались поклонами налѣво и направо. Галлерея была набита счастливцами, которымъ удалось получить впускные билеты, но это было уже смѣшанное общество, не принадлежащее къ „сливкамъ“, какъ мы, сидящіе на эстрадѣ. Однимъ словомъ,

обычныя кастовыя дѣленія и привилегіи вполнѣ соотвѣтствовали этому празднику символическаго смиренія. Не знаю, было ли у остальныхъ религіозное настроеніе, но я ожидала предстоящей церемоніи съ такимъ же чувствомъ, съ какимъ ожидала обыкновенно представленія въ театрѣ. Какъ тамъ, обмѣнявшись поклонами, съ нетерпѣніемъ смотришь на занавѣсъ и ждешь, когда подымется онъ, съ такимъ же нетерпѣніемъ я смотрѣла и здѣсь на ту сторону, откуда должны были появиться хоръ и солисты. Сцена была уже готова: стоялъ длинный столъ, за который должны были сѣсть двѣнадцать стариковъ и двѣнадцать старухъ.

Теперь я была рада, что пріѣхала сюда: я чувствовала себя возбужденной, а это бываетъ очень пріятно, такъ какъ избавляетъ на время отъ печальныхъ думъ. Меня постоянно мучила мысль: „почему нигдѣ не видно Тиллинга?“ Но теперь эта неотвязная мысль оставила меня. Я ждала и хотѣла увидѣть, какъ будетъ происходить эта церемонія. И въ ту самую минуту, когда я всего менѣе думала о Тиллингѣ, я вдругъ увидѣла его.

Обѣдня кончилась; въ залъ стали входить придворные сановники въ сопровожденіи генералитета и корпуса офицеровъ. Я разсѣянно смотрѣла на эти одѣтыя въ мундиры фигуры, которыя не были здѣсь дѣйствующими лицами, а предназначались только для заполненія сцены, какъ вдругъ я узнала Тиллинга, который остановился какъ разъ противъ нашего мѣста. По мнѣ точно пробѣжала электрическая искра. Онъ не смотрѣлъ въ нашу сторону. Его взглядъ носилъ слѣды того страданія, которое онъ пережилъ за послѣдніе дни: на его лицѣ было выраженіе глубокаго горя. Какъ хотѣлось мнѣ высказать ему свое сочувствіе молчаливымъ, крѣпкимъ пожатіемъ руки. Я не спускала глазъ съ него, надѣясь, что, можетъ-быть, магнетическая сила моихъ глазъ заставитъ его взглянуть въ мою сторону... Напрасно!

— Идутъ! идутъ!—сказала Роза, толкнувъ меня.— Смотри! Какъ красиво! Какая картина!

Вошли сначала старики и старухи, одѣтые въ ста-

рые нѣмецкіе костюмы. Младшей изъ старухъ, какъ говорили газеты, было 88 лѣтъ; младшему старику—восемьдесятъ пять. Морщинистые, беззубые, сгорбленные... Мнѣ не казалось, что это очень красиво, какъ говорила Роза. Мнѣ понравились, правда, только костюмы. Они очень подходили ко всей этой церемоніи, отъ которой вѣяло духомъ среднихъ вѣковъ. Анахронизмомъ въ этомъ отношеніи явились мы: въ своихъ новыхъ костюмахъ, съ нашими новыми понятіями мы не гармонировали съ картиной.

Послѣ, того какъ 24 старика заняли свои мѣста за столомъ, нѣсколько сановниковъ, въ шитыхъ золотомъ мундирахъ и орденахъ, вошли въ залъ—тайные совѣтники и камергеры, нѣкоторые изъ нихъ были наши знакомые, въ томъ числѣ и министръ „конечно". Затѣмъ вошли священники, принимавшіе участіе въ этомъ священномъ обрядѣ. Всѣ вошедшіе размѣстились, кому куда слѣдовало, и народъ съ напряженнымъ вниманіемъ ожидалъ выхода императора.

Однако я не такъ пристально, какъ всѣ остальные, смотрѣла въ ту сторону, откуда ожидался этотъ выходъ, я то и дѣло взглядывала на Тиллинга. Наконецъ, онъ взглянулъ въ мою сторону, увидѣлъ меня и поклонился мнѣ.

Роза прикоснулась своей рукой къ моей.

— Марта! Что съ тобой! Ты то поблѣднѣла, то покраснѣла. Смотри! Идутъ! идутъ!

Дѣйствительно, церемоніймейстеръ поднялъ свой жезлъ и далъ знакъ о приближеніи императорской четы. На это во всякомъ случаѣ стоило посмотрѣть, такъ какъ наша императорская чета была безспорно самая красивая во всемъ государствѣ. Вслѣдъ за императоромъ и императрицей вошло нѣсколько эрцгерцоговъ и эрцгерцогинь —и торжество могло теперь начаться. Стольники и пажи внесли блюда, наполненныя кушаньями; императоръ и императрица поставили ихъ передъ стариками и сѣли за столъ. Сцена очень напоминала произведенія старыхъ художниковъ: посуда, блюда и манера пажей нести ихъ напоминала пиры эпохи возрожденія.

Однако лишь только кушанья были поставлены на столъ, какъ тотчасъ же были убраны; этотъ трудъ въ знакъ смиренія былъ исполненъ эрцгерцогами. Потомъ унесли столъ—и началась главная часть церемоніи (какъ французы говорятъ le clou de pièce)—омовеніе ногъ. Но омовеніе было только мнимое, какъ и самый пиръ. Опустившись на колѣни, императоръ касался ноги старика полотенцемъ, а прислуживавшій священникъ показывалъ видъ, что онъ льетъ воду изъ кувшина. Такъ обошли они всѣхъ стариковъ отъ перваго до двѣнадцатаго, а императрица въ томъ же смиренномъ положеніи, но не теряя своего обычнаго величія и граціи, обошла точно такъ же всѣхъ двѣнадцать старухъ. При этомъ читалось соотвѣтствующее евангеліе.

Мнѣ хотѣлось бы хотя на нѣсколько минутъ испытать то, что чувствовали эти бѣдные люди, когда они въ странныхъ костюмахъ сидѣли передъ блестящей толпой и видѣли у ногъ своихъ главъ своего отечества. Но вѣроятно, что если бы мнѣ дали испытать это чувство, едва ли я опредѣлила бы его—смущеніе, ослѣпленіе точно волшебнымъ сномъ и мучительное и радостное чувство; вообще бѣдныя головы стариковъ, и безъ того уже слабыя отъ лѣтъ, разумѣется, совсѣмъ потеряли способность думать и отдавать себѣ отчетъ. Все, что было наиболѣе реальнаго и постигаемаго для этого добраго бѣднаго люда, состояло, вѣроятно, въ ожиданіи получить красный шелковый мѣшочекъ съ тридцатью серебряными монетами, который собственноручно навѣшивали на шею каждаго августѣйшія руки, и корзину съ провизіей, которая выдавалась каждому передъ его отправкой домой.

Церемонія окончилась скоро, и зала быстро начала пустѣть. Сначала удалился дворъ, вслѣдъ за нимъ пошли всѣ остальные, кто принималъ участіе въ торжествѣ, а вмѣстѣ съ ними поднялась и публика съ эстрады и галлереи.

— Какъ хорошо! Какъ хорошо!—шептала Роза съ глубокимъ вздохомъ.

Я не отвѣтила ей ничего. Въ сущности, я не долж-

на была относиться съ состраданіемъ къ смущенію и растерянности стариковъ, участвовавшихъ въ церемоніи, потому что я была также смущена и растеряна и у меня въ головѣ была только одна мысль: „будетъ-ли онъ ждать насъ у выхода?“

Однако пройти къ выходу оказалось не такъ легкимъ, какъ я того желала бы. Прежде всего начались рукопожатія и обмѣнъ привѣтствіями между знакомыми, сидящими на эстрадѣ, которые всѣ, такъ же какъ и мы, направлялись къ выходу. Вся эта масса народа остановилась на площадкѣ, и получился настоящій утренній раутъ.

— Здравствуй, Тини!

— Bonjour, Марта.

— Ахъ, графиня, вы тоже здѣсь?

— Ты гдѣ будешь въ первый день Пасхи?

— Здравствуйте, ваше сіятельство, не забудьте, что въ понедѣльникъ вечеромъ мы ждемъ васъ на танцы.

— Ты была вчера на проповѣди въ Доминиканской церкви?

— Нѣтъ, я была въ Sacré Coeur, гдѣ воспитываются мои дочери.

— Слѣдующая репетиція нашего благотворительнаго спектакля назначена на четвергъ, въ 12 часовъ. Дорогой баронъ, пожалуйста будьте аккуратны.

— Императрица опять была величественна.

— Ты замѣтила, Лори, что эрцгерцогъ Людвигъ Викторъ все время посматривалъ на очаровательную Фанни?

— Madame, j'ai l'honneur de vous présenter mes hommages.

— Ah! c'est vous marquis, charmée!

— Y wish you good morning, Lord Chesterfild.

— Oh, how are you? Awfully fine woman, your empress.

— Вы взяли ложу на представленіе Аделины Патти? Восходящая звѣзда!

— Значитъ, слухъ о бракѣ Дронтгейма съ дочерью банкира—правда? Это настоящій скандалъ!

Такое щебетанье неслось со всѣхъ сторонъ. Невозможно было предположить, чтобы такіе разговоры ве-

лись людьми, которые должны были бы находиться подъ впечатлѣніемъ сцены христіанскаго смиренія.

Наконецъ, мы вышли на крыльцо, гдѣ насъ ждали наши кареты и собралась толпа народа. Этимъ людямъ хотѣлось увидѣть хотя бы только тѣхъ, которые имѣли счастье видѣть дворъ, и затѣмъ похвалиться передъ остальными тѣмъ, что они видѣли видѣвшихъ торжество.

Едва мы вышли, какъ передо мной очутился Тиллингъ. Онъ поклонился мнѣ.

— Я долженъ поблагодарить васъ, графиня, за великолѣпный вѣнокъ.

Я подала ему руку, но не могла сказать ни одного слова.

Подъѣхала карета. Надобно было садиться, и Роза толкала меня впередъ. Тиллингъ сдѣлалъ подъ козырекъ и отошелъ. Тутъ я сдѣлала надъ собой страшное усиліе и сказала голосомъ, котораго я сама не могла узнать:

— Въ воскресенье, между двумя и тремя, я буду дома.

Онъ молча поклонился. Мы уѣхали.

— Ты, вѣроятно, простудилась, Марта, — сказала мнѣ сестра;—когда ты приглашала его, ты говорила совсѣмъ охрипшимъ голосомъ. Почему ты не представила мнѣ этого мрачнаго офицера? Мнѣ нигдѣ не приходилось видѣть такое задумчивое лицо.

Въ назначенный часъ Тиллингъ былъ у меня. Ожидая его, я записала въ свою красную тетрадку слѣдующее:

„Мнѣ кажется, что этотъ день будетъ рѣшающимъ для моей судьбы. Я чувствую въ себѣ какое-то приподнятое настроеніе, какое-то безпокойство, и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ сладко ожиданіе. Я должна записать то, что я чувствую теперь, для того, чтобы впослѣдствіи можно было живо вызвать въ памяти тѣ часы, которые я ожидаю теперь съ такимъ волненіемъ. Можетъ-быть, все пойдетъ совершенно иначе, чѣмъ я ожидаю, а, можетъ-быть, и именно такъ. Во всякомъ случаѣ будетъ интересно посмотрѣть, насколько основательно

бываетъ предчувствіе. Ожидаемый гость любитъ меня; это ясно показываетъ то письмо, которое онъ написалъ мнѣ у смертнаго одра своей матери. И онъ, въ свою очередь, любимъ; это должна была сказать ему роза, посланная ему мною въ погребальномъ вѣнкѣ. Теперь намъ предстоитъ встрѣтиться безъ свидѣтелей: ему нужно утѣшеніе, и я горю желаніемъ утѣшить его. Думаю, намъ не потребуется много словъ. Слезы въ глазахъ у насъ обоихъ, крѣпкое пожатіе дрожащихъ рукъ — и мы поймемъ другъ друга. Два любящихъ, два счастливыхъ, серьезно, преданно, страстно, искренно счастливыхъ, а въ обществѣ будутъ отзываться объ этомъ равнодушно и грубо: „Слышали? Марта Доцкая помолвлена съ Тиллингомъ... незавидная партія!“ Пять минутъ третьяго. Можетъ-быть, онъ придетъ сію минуту... Звонокъ!.. Какъ бьется у меня сердце... Я дрожу... Я чувствую, что...

Эти послѣднія слова, написанныя такъ, что едва можно разобрать ихъ, доказываютъ, что слова „бьется сердце“ и „дрожу“ не были простой риторической фигурой.

Предчувствіе оказалось неосновательнымъ. Въ продолженіе своего получасового визита Тиллингъ велъ себя очень сдержанно и холодно. Онъ извинился за свою смѣлость писать мнѣ и выразилъ надежду, что я сумѣю оправдать такое нарушеніе приличій съ его стороны тѣмъ, что онъ потерялъ надъ собою власть въ тѣ печальныя минуты. Затѣмъ онъ разсказалъ мнѣ о послѣднихъ дняхъ жизни своей матери, но ни слова о томъ, чего я ожидала. Такимъ образомъ и я стала сдержаннѣе и холоднѣе. Когда онъ поднялся уходить, я не стала задерживать его и не сказала ему, чтобъ онъ пришелъ опять.

Когда онъ ушелъ, я снова кинулась къ своей красной тетрадкѣ, которая лежала открытой, и докончила прерванную фразу:

„Я чувствую, что все кончено... что я ошибалась... что онъ не любитъ меня, и теперь онъ будетъ думать, что я равнодушна къ нему, такъ же какъ онъ ко мнѣ. Я приняла его почти такъ, какъ будто хотѣла оттолкнуть его. Я чувствую, что онъ больше не придетъ ко

мнѣ. И однако кромѣ него я никого не могу любить. Никого нѣтъ такого добраго, такого благороднаго, такого умнаго, и ни одна женщина, Фридрихъ, не полюбитъ тебя такъ, какъ я, и уже во всякомъ случаѣ не твоя принцесса, къ которой ты, кажется, вернулся. Рудольфъ, ты будешь теперь мнѣ утѣшенiемъ и опорой: съ этой минуты я отказываюсь отъ любви женщины, и только одна любовь матери будетъ наполнять мое сердце и мою жизнь. Если я сумѣю воспитать тебя такимъ, какъ онъ; если когда-нибудь ты будешь оплакивать меня, какъ онъ оплакиваетъ свою мать, я буду счастлива".

Но, во всякомъ случаѣ, глупая привычка — писать дневникъ. Записывать эти желанія, планы, взгляды, постоянно мѣняющіеся, исчезающіе и опять возникающіе—исторію нашей духовной жизни — все равно не помогаетъ нашимъ цѣлямъ, и только впослѣдствіи, когда перечитываешь ихъ, становится стыдно видѣть свое непостоянство. Здѣсь, напр., на одной страницѣ и подъ общимъ числомъ записаны два такихъ различныхъ настроенія, сначала вѣра и надежда, рядомъ—полнѣйшее отчаяніе, а дальше опять совсѣмъ другое.

Въ понедѣльникъ на Пасхѣ была великолѣпная весенняя погода, и обычное катанье на Пратерѣ въ этотъ день, нѣчто въ родѣ праздничнаго подготовленія къ майскому „корсо", прошло съ блестящимъ успѣхомъ. Я не могу выразить, какъ этотъ весенній и праздничный блескъ и радость, окружавшіе меня, противорѣчили тому печальному настроенію, которое наполняло мое сердце. И однако я не хотѣла отдавать своей печали и взять обратно ту веселость, но вмѣстѣ съ тѣмъ и ту душевную пустоту, какія были у меня два мѣсяца тому назадъ, когда я не знакома была еще съ Тиллингомъ. Хотя моя любовь, насколько можно было судить по наружности, не встрѣчала взаимности, все-таки это была любовь, которая давала мнѣ энергію, и теплое нѣжное чувство охватывало мое сердце всякій разъ, какъ дорогой образъ вставалъ передъ моими духовными очами. Безъ этого я не могла бы теперь жить.

Я не думала, что здѣсь, на Пратерѣ, среди вихря

свѣтскаго веселья, мнѣ посчастливится встрѣтить предметъ моихъ грезъ. И вотъ когда я, не думая о немъ, скользила взглядомъ по прогуливающейся толпѣ, вдругъ увидѣла офицера, скачущаго въ нашу сторону; хотя по близорукости я не могла отчетливо различить его, но я узнала въ немъ Тиллинга. Поравнявшись съ нами, онъ сдѣлалъ подъ козырекъ; я поклонилась ему и даже сдѣлала знакъ, чтобы онъ остановился, но тутъ же спохватилась, что это было неприлично.

— Кому ты дѣлала эти знаки?—спросила Лили.—А! вижу,—прибавила она,—неизбѣжному Конраду.

Неожиданное появленіе „неизбѣжнаго Конрада" было очень кстати. Я была за это очень благодарна своему вѣрному кузену и тотчасъ же постаралась отблагодарить его на дѣлѣ.

— Слушай, Лили,—начала я;—онъ, я въ этомъ увѣрена, очень хорошій человѣкъ и пріѣхалъ сюда, несомнѣнно, только изъ-за тебя. Ты должна пожалѣть его... ты должна быть къ нему добрѣй. О, если бы ты знала, какъ сладко любить, ты не заставляла бы свое сердце молчать. Сдѣлай его счастливымъ.

Лили смотрѣла на меня съ удивленіемъ.

— Но представь себѣ, что онъ не нравится мнѣ.

— Можетъ-быть, ты любишь кого-нибудь другого?

— Нѣтъ, никого.

— Бѣдная!

Мы проѣхались еще два-три раза по аллеѣ. Но я уже не видала того, кого искали мои глаза. Онъ уѣхалъ.

. . . .

Спустя немного дней Тиллингъ пріѣхалъ ко мнѣ послѣ завтрака.

Я была не одна: у меня сидѣли—отецъ, тетя Мари, Роза, Лили, Конрадъ Альтгаузъ и министръ „конечно". Я почти-что вскрикнула отъ изумленія: этотъ визитъ такъ удивилъ и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ обрадовалъ меня. Но радость быстро исчезла, такъ какъ Тиллингъ, поздоровавшись съ присутствующими и занявъ, по моему приглашенію, мѣсто противъ меня, сказалъ равнодушнымъ тономъ:

— Я пріѣхалъ проститься съ вами, графиня; на этихъ дняхъ я уѣзжаю изъ Вѣны.

— На долго ли? Куда? Почему?—посыпались отовсюду вопросы. Всѣ интересовались, я одна оставалась нѣма.

— Можетъ-быть, навсегда. Въ Венгрію. Я перевелся въ другой полкъ. Люблю мадьяръ, — отвѣчалъ Тиллингъ на предлагаемые ему вопросы.

Наконецъ, я собралась съ духомъ.

— Какъ неожиданно вы сдѣлали это,—сказала я спокойно, насколько могла.—Что дурного сдѣлала вамъ наша Вѣна, что вы такъ скоро покидаете ее?

— Здѣсь слишкомъ шумно и весело для меня. У меня такое настроеніе, что мнѣ хочется уединенія.

— Вотъ!—сказалъ Конрадъ.—Чѣмъ мрачнѣе настроеніе, тѣмъ больше надобно искать развлеченій. Одинъ вечеръ въ Карлъ-театрѣ будетъ для васъ гораздо цѣлительнѣй, чѣмъ многодневныя мечты въ уединеніи.

— Лучше всего было бы для васъ, дорогой Тиллингъ, если бы у насъ грянула хорошая война,—сказалъ мой отецъ,—но, къ несчастью, на это нѣтъ никакихъ надеждъ. Миръ угрожаетъ длиться безъ конца.

— Что за странное сопоставленіе словъ у тебя, папа!—не могла удержаться я отъ возраженія;—„война—хорошая“, „миръ—угрожаетъ“.

— Конечно,—согласился со мною министръ,—политическій горизонтъ въ настоящее время совершенно ясенъ; но буря налетаетъ иногда совершенно неожиданно, и никогда не слѣдуетъ терять расчетовъ, что какая-нибудь самая незначительная причина можетъ послужить взрывомъ войны. Я говорю это въ утѣшеніе вамъ, полковникъ. Что касается меня, то я, въ силу своихъ обязанностей заботиться о внутреннемъ благосостояніи страны, долженъ, конечно, заботиться исключительно о поддержаніи возможно продолжительнаго мира, такъ какъ только миръ можетъ содѣйствовать тѣмъ интересамъ, о которыхъ забочусь я. Однако это не мѣшаетъ мнѣ сочувствовать желаніямъ тѣхъ, которые, конечно, съ военной точки зрѣнія...

— Позвольте мнѣ, ваше превосходительство, возразить вамъ, что я вовсе не желаю войны, и протесто-

вать, что существуетъ какая-то военная точка зрѣнія, отличная отъ общечеловѣческой. Мы существуемъ для того, чтобы защищать страну, если врагъ будетъ угрожать ей, совершенно такъ, какъ существуютъ пожарные, чтобы тушить пожаръ, если онъ вспыхнетъ; но эта обязанность не даетъ солдату права желать войны, какъ пожарному—желать пожара. То и другое причиняетъ бѣдствія... страшныя бѣдствія... а человѣкъ не долженъ желать несчастій ближнему.

„Ты—добрый, хорошій человѣкъ“, мысленно сказала я говорившему.

Онъ продолжалъ:

— Я вполнѣ согласенъ, что случай отличиться одному даетъ пожаръ, другому—война, но какое пустое сердце и какой узкій умъ долженъ имѣть тотъ человѣкъ, которому его личные интересы кажутся такими гигантскими, что не даютъ ему замѣтить несчастій цѣлой страны! Миръ—величайшее благо или вѣрнѣе—отсутствіе величайшаго зла. Это, какъ вы сказали, единственное условіе, при которомъ можетъ развиваться благоденствіе страны, а вы даете арміи, составляющей бо̀льшую часть этого населенія, право желать, чтобы прекратилось это условіе роста и счастья страны и наступило ея бѣдствіе, питать это „справедливое“ желаніе, пока оно не разрастется въ требованіе, и стараться его осуществить! Вести войну, чтобы дать дѣло арміи и удовлетворить ее, это то же самое, какъ если бы поджигать дома, чтобы дать пожарной командѣ возможность отличиться и прославиться!

— Ваше сравненіе, любезный полковникъ, нѣсколько хромаетъ, — возразилъ мой отецъ, называя Тиллинга, противъ своего обыкновенія, этимъ титуломъ, вѣроятно, для того, чтобы напомнить ему, что его мнѣнія не согласуются съ его званіемъ.—Пожары не приносятъ ничего, кромѣ убытковъ, между тѣмъ какъ войны даютъ силу и величіе странѣ. Чѣмъ другимъ, какъ не побѣдоносными кампаніями образовались и расширились государства? Личное честолюбіе—не единственная причина, ради которой солдатъ желаетъ войны: слава на-

рода, страны—вотъ главный поводъ любить войну... однимъ словомъ, патріотизмъ.

— Любовь къ отечеству!—возразилъ Тиллингъ.—Я не понимаю, почему только мы, военные, постоянно говоримъ о любви къ отечеству, какъ будто мы хотимъ монополизировать это чувство, которое присуще большей части человѣческаго рода. Каждый любитъ страну, въ которой онъ выросъ; каждый желаетъ счастья и блага своимъ соотечественникамъ. Но доставить счастье и славу можно инымъ путемъ, нежели войной; можно гордиться другими подвигами, кромѣ завоеваній. Я, напримѣръ, гораздо больше горжусь Анастасіемъ Грюномъ, чѣмъ какимъ-нибудь фельдмаршаломъ.

— Можно-ли сравнивать поэта съ полководцемъ?—вскричалъ отецъ.

— Въ томъ-то и дѣло, что лавры, необагренные кровью, заслуживаютъ большаго поклоненія.

— Но, любезный баронъ,—замѣтила тутъ моя тетка,—я никогда не слыхала, чтобы военный говорилъ такимъ образомъ. Гдѣ же тогда боевой пылъ, воинственная отвага?

— Сударыня, эти чувства хорошо извѣстны мнѣ. Ими воодушевленъ былъ я, когда девятнадцатилѣтнимъ юношей впервые попалъ на поле битвы. Но когда я увидалъ всю реальность этой бойни, когда познакомился съ тѣми звѣрскими инстинктами, которые просыпаются тогда въ человѣкъ,—мой энтузіазмъ исчезъ; и когда я вторично попалъ въ битву, я принялъ въ ней участіе безъ удовольствія и жертвовалъ собою лишь по долгу службы.

— Послушайте меня, Тиллингъ,—сказалъ отецъ.—Я участвовалъ въ походахъ больше, чѣмъ вы, и видѣлъ больше этихъ страшныхъ сценъ; но моя ревность не охладѣла отъ этого. Когда, уже пожилымъ человѣкомъ, я принималъ участіе въ войнѣ 49 года подъ командой Радецкаго, я испытывалъ такое же удовольствіе, какъ и въ первый разъ.

— Извините, ваше превосходительство, вы принадлежите къ старому поколѣнію, въ которомъ воинственный духъ былъ развитъ сильнѣе, чѣмъ въ насъ, и которому

совершенно неизвѣстны были чувства человѣчности, требующія уничтоженія всякихъ бѣдствій и проникшія уже во всѣ слои общества.

— Но вѣдь бѣдствія всегда должны быть: ихъ уничтожить нельзя, такъ же какъ и войну.

— Прошу васъ замѣтить, графъ, что въ этихъ словахъ вы становитесь на старую, теперь уже поколебленную точку зрѣнія, съ которой на всякое соціальное зло смотрѣли какъ на нѣчто неизбѣжное, обусловленное законами самой природы. Но если когда-нибудь предъ картиной страшнаго бѣдствія у васъ шевельнется сомнѣніе: „неужели же такъ должно быть?“ ваше сердце уже не будетъ оставаться спокойнымъ, и вслѣдъ за состраданіемъ у васъ возникнетъ и раскаяніе... правда, не личное раскаяніе, а какъ бы это выразиться... протестъ со стороны совѣсти эпохи.

Отецъ пожалъ плечами.

— Это выше моего пониманія,—сказалъ онъ.—Я увѣряю васъ въ одномъ, не только мы, дѣды, съ гордостью и восторгомъ вспоминаемъ о нашихъ старыхъ походахъ, но и большинство нашей молодежи, если спросить ихъ, хотятъ ли они на войну, отвѣтитъ: „да! съ удовольствіемъ, съ большимъ удовольствіемъ!“

— Молодежь, конечно. Въ ихъ головахъ говоритъ еще тотъ энтузіазмъ, который былъ привитъ имъ въ школѣ. Иные отвѣтятъ, какъ вы говорите: „съ удовольствіемъ“, потому что, по общепринятому взгляду, такъ долженъ отвѣтить мужчина и храбрецъ; прямой, честный отвѣтъ: „не хочу“ можетъ быть истолкованъ какъ признакъ трусости.

— Ахъ!—сказала Лили, вздрогнувъ,—я была бы, должно-быть, очень трусливой. Какъ страшно, когда кругомъ летаютъ пули и каждую минуту грозитъ смерть!

— Для молодой дѣвушки это чувство вполнѣ естественно,—отвѣчалъ Тиллингъ.—Но мы, солдаты, должны бываемъ подавить все и въ томъ числѣ даже инстинктъ самосохраненія. Солдаты должны заглушить въ себѣ состраданіе въ этой гигантской сутолокѣ, обнимающей и друга и врага, потому что всякое движеніе чувства для насъ позорно, такъ же, какъ и трусость.

— Только на войнѣ, любезный Тиллингъ, только на войнѣ,—сказалъ мой отецъ.—Въ частной жизни, благодаря Бога, мы имѣемъ мягкое сердце.

— О, да! я знаю это. Здѣсь дѣйствуетъ какая-то магическая сила. Лишь только объявятъ войну, всѣ ея ужасы начинаютъ считаться дозволенными. Такъ иногда дѣти дѣлаютъ уговоръ въ играхъ: то-то и то-то „можно дѣлать“. И при игрѣ въ войну существуетъ такой же договоръ, хотя и не высказанный: совершать убійства можно; грабежъ не считается грабежомъ; воровство дозволяется и носитъ въ это время имя „реквизиціи“; сожженныя деревни называются не поджогомъ, а „занятыми позиціями“. Всѣ заповѣди Библіи, наставленія катехизиса, законы нравственности умолкаютъ, потому что при игрѣ въ войну условливаются, что все „можно дѣлать“. Но если у кого-нибудь исчезнетъ охота къ игрѣ, если на минуту онъ забудетъ условіе „можно дѣлать“, сознательно посмотритъ на окружающую его сцену и пойметъ всю глубину варварства этого массоваго избіенія, онъ захочетъ только одного—избавиться отъ невыносимой муки этого зрѣлища—умереть.

— Да, правда!—замѣтила въ раздумьѣ тетя Мари;—заповѣди: не убій, не укради, люби ближняго какъ самого себя, прощай враговъ...

— Все это можно дѣлать,—повторилъ Тиллингъ.—А тѣ, которые призваны учить насъ этимъ заповѣдямъ, первые благословляютъ наше оружіе и призываютъ благословленіе Неба на наше кровавое дѣло.

— И правильно дѣлаютъ,—замѣтилъ отецъ.—Библейскій Богъ—Богъ битвъ, Богъ воинствъ. Онъ самъ повелѣваетъ намъ поднять мечъ. Онъ...

— Люди,—прервалъ его Тиллингъ,—постоянно приписываютъ волѣ Божьей то, что сами хотятъ дѣлать, они приписываютъ Ему вѣчный законъ любви; Онъ же, по ихъ мнѣнію, и отмѣняетъ его, когда они начинаютъ между собою вражду. Непослѣдовательно и дѣтски наивно заставлять Бога принимать въ расчетъ наши страсти!.. А теперь, графиня,—прибавилъ онъ, вставая, — изви-

ните, что я поднялъ такой скучный для васъ разговоръ и позвольте проститься съ вами.

Бурный потокъ ощущеній хлынулъ на меня. За все только-что сказанное имъ я полюбила его еще больше. И теперь я должна разстаться съ нимъ и, можетъ-быть, никогда не увидѣться! Холодно проститься передъ посторонними людьми!.. Это невозможно. Какъ только дверь затворится за нимъ, я непремѣнно разрыдаюсь... Нѣтъ, этого не должно быть! Я встала.

— Одну минуту, баронъ,—сказала я;—я хочу все-таки показать вамъ тѣ фотографіи, о которыхъ мы говорили съ вами прошлый разъ.

Онъ удивленно взглянулъ на меня, потому что ни о какихъ фотографіяхъ мы никогда не говорили съ нимъ. Однако онъ отошелъ за мною въ другой уголъ гостиной, гдѣ на столѣ лежало нѣсколько альбомовъ и гдѣ насъ не могли слышать остальные.

Я открыла какой-то альбомъ. Тиллингъ наклонился.

— Я не могу отпустить васъ такимъ образомъ, я хочу... я должна говорить съ вами,—сказала я ему тихимъ, дрожащимъ голосомъ.

— Какъ хотите, графиня; я слушаю.

— Нѣтъ, не теперь; вы должны придти еще разъ... завтра, въ это же время.

Онъ какъ-будто колебался.

— Я приказываю вамъ. Заклинаю васъ памятью вашей матери, которую я оплакивала вмѣстѣ съ вами.

— Марта!..

Произнесеніе имъ моего имени освѣтило меня свѣтомъ радости.

— Итакъ, завтра,—повторила я, смотря ему въ глаза;—въ этотъ часъ.

Я вернулась къ гостямъ, а Тиллингъ, поцѣловавъ еще разъ у меня руку и поклонившись остальнымъ, ушелъ.

— Странная личность,—замѣтилъ отецъ, качая головою.—Эти слова его не понравятся въ высшихъ сферахъ.

Когда на слѣдующій день наступилъ назначенный часъ, я отдала приказаніе не принимать никого, кромѣ Тиллинга.

Я ожидала этотъ визитъ съ какимъ-то смѣшаннымъ чувствомъ: безпокойствомъ, сладкимъ нетерпѣніемъ и отчасти даже смущеніемъ. Я совершенно не знала, что сказать ему; мнѣ не хотѣлось даже обдумывать это. Если бы Тиллингъ, напримѣръ, спросилъ меня: „что же имѣете вы сообщить мнѣ, графиня? чего вы желаете отъ меня?“ конечно, я не могла бы отвѣтить ему правды: „я имѣю сообщить вамъ, что я люблю васъ; желаю я отъ васъ, чтобы вы остались здѣсь“. Разумѣется, онъ не могъ задать мнѣ вопросъ такъ прямо, и мы ясно понимали другъ друга безъ всякихъ категорическихъ вопросовъ и отвѣтовъ. Самое главное заключалось въ томъ, чтобы увидѣть его еще разъ и не разстаться съ нимъ,—если это необходимо — не сказавши другъ другу задушевнаго слова и не обмѣнявшись на прощанье теплымъ, искреннимъ пожеланіемъ. И лишь только мелькнуло у меня въ мысли „прощанье“, глаза мои наполнились слезами.

Ожидаемый гость явился въ эту самую минуту.

— Повинуюсь вашему приказанію, графиня, и... Но что съ вами? Вы плакали? Вы плачете и сейчасъ?

— Я? Нѣтъ, это дымъ... каминъ въ сосѣдней комнатѣ... Садитесь, Тиллингъ. Я рада, что вы пришли.

— И я счастливъ, что вы приказали мнѣ придти... именемъ моей матери. Тогда я рѣшился сказать вамъ все, что есть у меня на сердцѣ. Я...

— Ну, что же вы остановились?

— Сказать это гораздо труднѣе, чѣмъ я думалъ.

— Вы оказали мнѣ столько довѣрія въ ту печальную ночь, когда вы сидѣли около своей умирающей матери! Почему же вы теперь потеряли ко мнѣ это довѣріе?

— Въ тотъ горестный часъ я не владѣлъ собой... а теперь на меня напала моя обычная робость. Теперь я понимаю, что я сдѣлалъ тогда то, на что не имѣлъ права; и чтобы не преступить его еще разъ, я избѣгалъ встрѣчаться съ вами.

— Да, правда; вы, очевидно, избѣгали меня. Но почему это?

— Почему? Потому что... потому что я обожаю васъ!

Я ничего не отвѣтила и отвернулась, чтобы скрыть волненіе. Тиллингъ тоже молчалъ. Наконецъ, я собралась съ силами и спросила:

— Почему же вы уѣзжаете?

— По той же причинѣ.

— И теперь уже нельзя измѣнить этого рѣшенія?

— Можно; переводъ еще не утвержденъ.

— Въ такомъ случаѣ останьтесь.

Онъ взялъ мою руку.

— Марта!

Въ второй разъ онъ назвалъ меня по имени. И эти два слога звучали въ его устахъ опьяняющей для меня силой. Мнѣ хотѣлось сказать ему что-нибудь, что звучало бы для него такъ же сладко, такіе же два слога, въ которыхъ могло бы излиться все мое сердце, и, поднявъ глаза на Тиллинга, я тихо и горячо произнесла:

— Фридрихъ.

Въ эту самую минуту дверь отворилась, и вошелъ отецъ.

— А! ты здѣсь. Лакей сказалъ, что тебя нѣтъ дома, но я вошелъ, желая дождаться тебя. Здравствуйте, Тиллингъ. Я очень удивился, увидѣвъ васъ здѣсь, послѣ вчерашняго прощанья.

— Мой переводъ не состоялся, ваше превосходительство, и я пришелъ...

— Сдѣлать визитъ моей дочери, точно послѣ возвращенія... хорошо. А теперь скажу тебѣ, Марта, что привело меня къ тебѣ. Одно семейное дѣло...

Тиллингъ поднялся.

— Я, можетъ-быть, мѣшаю.

— О, нѣтъ! это дѣло не такъ настоятельно.

Я посылала отца и его семейное дѣло къ антиподамъ. Его приходъ былъ самый неумѣстный. Тиллингу ничего не оставалось теперь, какъ только уйти. Но его уходъ не грозилъ теперь разлукой: наши мысли, наши сердца были теперь связаны другъ съ другомъ.

— Когда же я увижу васъ опять?—спросилъ онъ вполголоса, когда, прощаясь, поцѣловалъ мою руку.

— Завтра, въ девять часовъ я пріѣду верхомъ на Пратеръ,—отвѣтила я такъ же тихо.

Отецъ простился съ нимъ довольно холодно, и, когда дверь затворилась за нимъ, онъ сурово обратился ко мнѣ:

— Что это значитъ? Ты велишь говорить, что тебя нѣтъ дома... и я нахожу тебя tête-à-tête съ этимъ господиномъ?

Я вспыхнула отъ гнѣва и смущенія.

— Какое семейное дѣло, о которомъ ты...

— Только это... Я хотѣлъ этимъ только удалить твоего поклонника и сказать тебѣ то, что я думаю. Гордость нашей семьи требуетъ, чтобы ты, графиня Доцкая, урожденная Альтгаузъ, не играла такимъ образомъ своей репутаціей.

— Дорогой папа, самый надежный хранитель моей репутаціи и чести—мой маленькій Рудольфъ Доцкій, а что касается авторитета графа Альтгаузъ, то позволь мнѣ напомнить тебѣ, что при всемъ моемъ уваженіи я считаю себя независимой отъ тебя, какъ самостоятельная женщина и вдова. Я не намѣрена имѣть интимнаго друга,—будь спокоенъ насчетъ этого, такъ какъ ты, повидимому, это предполагаешь; если же я захочу вступить вторично въ бракъ, то я сохраняю за собою право свободнаго выбора человѣка по влеченію своего сердца.

— Выйти за Тиллинга? Гдѣ голова у тебя? Это было бы несчастьемъ для нашей семьи. Я лучше согласился бы... но нѣтъ... я не хочу говорить объ этомъ. Но, серьезно! Надѣюсь, ты не имѣешь такого намѣренія?

— Что же въ этомъ дурного? Еще очень недавно вы предлагали мнѣ капитана и маіора... а Тиллингъ уже полковникъ...

— Это-то и хуже всего. Если бы онъ былъ статскій, для него были бы извинительны его вчерашнія выраженія, но въ устахъ военнаго, это — государственная измѣна... Несомнѣнно, ему хочется избавиться отъ военной службы, не подвергать себя опасностямъ походовъ, которые, очевидно, пугаютъ его своими трудностями. И такъ какъ у него нѣтъ состоянія, то вполнѣ

понятно, что ему хочется жениться на богатой. Но я надѣюсь на Господа, что Онъ не дастъ ему въ жены дочь стараго солдата, который участвовалъ въ четырехъ походахъ и теперь съ охотой пошелъ бы на войну, не вдову храбраго молодого воина, который со славойпалъ на полѣ чести.

Такъ говорилъ отецъ, ходя взадъ и впередъ по комнатѣ; лицо его было красно, и голосъ дрожалъ отъ волненія. Я возмущена была до глубины души. Пустыя фразы, презрительныя слова, съ которыми онъ нападалъ на любимаго мною человѣка, страшно раздражали меня. Но я не хотѣла дѣлать возраженій отцу. Я понимала, что моя защита не избавитъ Тиллинга отъ несправедливыхъ нападокъ отца на него. Если отецъ считалъ высказанныя вчера Тиллингомъ мнѣнія совершенно ложными, значитъ, онъ не понималъ ихъ. Отецъ былъ совершенно неспособенъ смотрѣть на вещи съ точки зрѣнія Тиллинга, и я не могла бы разъяснить ее ему, я не могла бы заставить его оцѣнить идеи Тиллинга, какъ человѣка и мыслителя, инымъ этическимъ масштабомъ, а не военнымъ, который былъ въ глазахъ генерала Альтгауза выше всего. Но въ то время какъ я должна была оставаться совершенно безотвѣтной на эти вспышки отца и позволяла, вѣроятно, ему думать, что онъ пристыдилъ меня и уничтожилъ мой проектъ, я чувствовала, что я съ удвоенной страстью стремлюсь къ тому, кого не понимаютъ, и твердо рѣшила быть его женой. Къ счастью, я была свободна. Несогласіе отца, конечно, огорчало меня, но не могло помѣшать мнѣ дѣйствовать по влеченію моего сердца. Да кромѣ того я и не огорчалась очень сильно. Чудное могучее счастье, которое открылось передо мною четверть часа тому назадъ, было слишкомъ сильно, чтобы могло омрачиться чѣмъ-нибудь.

. . . .

На слѣдующее утро я проснулась съ такимъ же чувствомъ, какое испытывала въ дѣтствѣ въ рождественскій сочельникъ, и еще одинъ разъ утромъ въ день свадьбы съ Арно—то же возбужденіе, то же ожиданіе, что сегодня мнѣ предстоитъ что-то радостное и вели-

кое. И только тогда, когда вспомнила слова отца, во мнѣ шевельнулось маленькое огорченіе, но я скоро отогнала эту мысль.

Еще не было девяти, когда я вышла изъ экипажа у поворота на Пратеръ и сѣла на лошадь, которую послала впередъ съ грумомъ. Погода была весенняя, мягкая... Правда, солнца не было, но воздухъ былъ отъ этого еще мягче, да солнце и безъ того сіяло въ моемъ сердцѣ. Ночью шелъ дождь; листья свѣже зеленѣли, и съ земли подымался запахъ чернозема.

Едва я проѣхала по аллеѣ сотню шаговъ, какъ услышала сзади топотъ копытъ.

— Ахъ, здравствуй, Марта! Какъ я радъ, что встрѣтилъ тебя здѣсь.

Это былъ „неизбѣжный“ Конрадъ. Я, конечно, не была рада, что встрѣтила его. Однако Пратеръ былъ не мой частный паркъ, и въ такое прекрасное весеннее утро былъ постоянно полонъ гуляющими. И какъ неопытна была еще я, разсчитывая, что свиданію нашему здѣсь не помѣшаютъ! Альтгаузъ поѣхалъ со мною рядомъ, и, очевидно, твердо рѣшился быть моимъ спутникомъ. Въ эту самую минуту я замѣтила вдали Тиллинга, скакавшаго къ намъ.

— Кузенъ! Ты имѣешь во мнѣ хорошую союзницу. Ты знаешь, я дѣлаю все возможное, чтобы склонить на твою сторону расположеніе Лили?

— Да, благороднѣйшая изъ кузинъ.

— Вчера вечеромъ я хвалила передъ ней твои высокія достоинства, такъ какъ ты, дѣйствительно, молодой человѣкъ пріятный, разсудительный...

— Скажи, чего ты хочешь отъ меня?

— Чтобы ты далъ шпоры своему коню и ускакалъ. Тиллингъ въ это время былъ совсѣмъ около меня. Конрадъ посмотрѣлъ на него, потомъ взглянулъ на меня и, не сказавши ни слова, кивнулъ мнѣ съ улыбкой головой и поскакалъ, какъ будто спасаясь отъ преслѣдованія.

— Опять этотъ Альтгаузъ,—были первыя слова Тиллинга, послѣ того какъ онъ повернулъ свою лошадь и поѣхалъ рядомъ со мною. Въ его голосѣ и на лицѣ

видна была мучительная ревность. Мнѣ это было очень забавно.—Онъ самъ такъ пустился при видѣ меня или его понесла лошадь?

— Я сама отослала его, потому что...

— Графиня Марта... я встрѣчаю васъ съ Альтгаузомъ... а знаете ли вы, что въ свѣтѣ говорятъ, что онъ влюбленъ въ свою кузину?

— Это вѣрно.

— И добивается получить ея благосклонность?

— И это тоже вѣрно.

— И не безъ надежды?

— Не совсѣмъ безъ надежды.

Тиллингъ замолчалъ. Я смотрѣла ему въ лицо съ счастливой улыбкой.

— Вашъ взглядъ противорѣчитъ вашимъ послѣднимъ словамъ, — сказалъ онъ, послѣ небольшой паузы. — Ваши глаза какъ будто говорятъ мнѣ: „Альтгаузъ любитъ меня безнадежно“.

— Онъ не любитъ меня вовсе. Предметъ его увлеченія—моя сестра Лили.

— Вы сняли камень съ моего сердца. Альтгаузъ былъ главной причиной, почему я хотѣлъ уѣхать изъ Вѣны. Я не могъ бы вынести, если бы мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ...

— Ну, а какія же были у васъ еще не главныя причины?—перебила я его.

— Опасеніе, что моя страсть усилится, что я не въ силахъ буду долѣе скрывать ее, что сдѣлаюсь смѣшнымъ и несчастнымъ въ одно и то же время...

— А теперь вы несчастны?

— О, Марта! Со вчерашняго дня въ моемъ сердцѣ и головѣ такой хаосъ мыслей и чувствъ, что я потерялъ почти сознаніе... И испытываю только страхъ, не сонъ ли все это и не пришлось бы мнѣ пробудиться къ печальной дѣйствительности. Я не имѣю права ожидать, что вы будете отвѣчать мнѣ на любовь. Что могу я предложить вамъ? Сегодня ваша благосклонность улыбается мнѣ и возноситъ меня на седьмое небо... Завтра или, можетъ-быть, немного позднѣе вы отнимете у меня это незаслуженное счастье и ввергнете меня въ бездну

отчаянія... Я не узнаю себя... Я говорю гиперболами, я — такой хладнокровный, осмотрительный человѣкъ, врагъ всякой экзальтаціи! Но въ вашемъ присутствіи мнѣ ничего не кажется преувеличеннымъ. Вь вашей власти сдѣлать меня счастливымъ и жалкимъ.

— Позвольте теперь мнѣ высказать свои сомнѣнія. Принцесса...

— О! Эта сплетня дошла и до васъ? Этого не было, ничего не было...

— Конечно, отказываться—вашъ долгъ.

— Сердце этой особы приковано теперь, какъ извѣстно, къ Бургъ-театру, но надолго ли? Ея сердце увлекается такъ часто... Это—особа, о которой самый скромный человѣкъ едва ли могъ бы молчать. Поэтому, вы вдвойнѣ обязаны вѣрить мнѣ. И кромѣ того могъ ли я желать оставить Вѣну, если бы этотъ слухъ былъ вѣренъ?

— Ревность не подчиняется выводамъ разсудка. Могла ли я назначить вамъ здѣсь свиданіе, если бы я имѣла въ виду встрѣтиться здѣсь съ Альтгаузомъ?

— Какъ трудно мнѣ, Марта, ѣхать рядомъ съ вами такъ спокойно. Какъ хочется мнѣ упасть къ вашимъ ногамъ или хоть поцѣловать вашу милую руку!..

— Дорогой Фридрихъ! — сказала я нѣжно, — такія внѣшнія выраженія совсѣмъ не нужны. Можно выразить свою преданность и словами, такъ же какъ колѣнопреклоненіемъ и...

— Поцѣлуемъ, —досказалъ онъ.

При этомъ послѣднемъ словѣ, которое подѣйствовало на насъ точно электричество, мы взглянули въ глаза другъ другу и нашли, что можно поцѣловать и взорами.

— Когда?..—спросилъ онъ.

Я хорошо поняла его неоконченный вопросъ.

— Съ обѣда у моего отца,—отвѣтила я.—А вы?

— Вы? Это вы звучитъ диссонансомъ, Марта. Я отвѣчу только тогда, когда вопросъ будетъ предложенъ въ другой формѣ.

— Ну, а... ты?

— Я? Тоже съ того вечера. Но вполнѣ ясно это стало для меня только у смертнаго одра моей бѣдной

матери. О, какъ хотѣлось мнѣ тогда имѣть тебя около себя.

— Да, я поняла это. А ты тогда не понялъ, что означала красная роза, которая вплетена была въ вѣнокъ, предназначавшійся для усопшей; въ противномъ случаѣ ты не избѣгалъ бы меня, вернувшись изъ Берлина. Все-таки я не понимаю причины этой сдержанности, и почему ты хотѣлъ уѣхать?

— Потому, что мои мысли никогда не возвышались до надежды, что ты когда-нибудь будешь моею. И только когда ты именемъ моей матери приказала мнѣ придти къ тебѣ и остаться около тебя, только тогда понялъ я, что ты расположена ко мнѣ и что я могу отдать тебѣ свою жизнь.

— Значитъ, если бы я первая „не бросилась тебѣ на шею", какъ говорятъ французы, ты не потрудился бы пріобрѣсти мою любовь?

— У тебя было столько поклонниковъ! Я никогда не вмѣшался бы въ ихъ толпу.

— Ихъ нечего считать. Большинство изъ нихъ видѣло во мнѣ только богатую вдову.

— Видишь? Ты сама назвала ту преграду, которая отдѣляла меня отъ тебя: ты богатая вдова, у меня нѣтъ ровно ничего. Лучше умереть отъ безотвѣтной любви, чѣмъ быть заподозрѣннымъ свѣтомъ и особенно любимою женщиной въ томъ, въ чемъ ты только сейчасъ упрекала толпу своихъ поклонниковъ.

— О! какой ты гордый, благородный, хорошій! Я никогда не могла бы приписать тебѣ чего-нибудь низкаго.

— Почему же ты могла питать ко мнѣ такое довѣріе? Ты знаешь меня очень мало.

И мы начали задавать другъ другу такіе вопросы. За вопросомъ: когда мы полюбили другъ друга? послѣдовалъ вопросъ: почему? Что меня прежде всего привлекало къ нему, это его тонъ, которымъ онъ говорилъ о войнѣ. Тѣ убѣжденія и чувства, которыя я скрывала въ себѣ, воображая, что объ этомъ нельзя не только говорить, но даже думать, были и у него, и притомъ составленныя въ болѣе ясной и сильной формѣ, и высказывалъ онъ ихъ совершенно свободно. Такимъ обра-

зомъ я увидѣла, насколько его сердце было выше интересовъ его личнаго дѣла и насколько его умъ поднимался надъ взглядами его современниковъ. Это создало основу моей возвышенной любви къ нему. И кромѣ того много было еще другихъ „потому что"... потому что у него была красивая, выдающаяся среди другихъ наружность; потому что въ его голосѣ, хотя мягкомъ и тихомъ, слышался твердый характеръ; потому что онъ самъ былъ любящимъ сыномъ; потому что...

— А ты... за что ты полюбилъ меня?—спросила я прерывая себя въ перечисленіи причинъ, заставившихъ меня полюбить его.

— О! здѣсь была тысяча и одна причина.

— Скажи. Сначала перечисли эту тысячу.

— Великое сердце, маленькая ножка, ласковый взглядъ, блестящій умъ, кроткая улыбка, веселость бѣлая ручка, женское достоинство, чудесное...

— Довольно, довольно! Не перечислять же цѣлую тысячу! Лучше скажи мнѣ одну причину.

— Это, несомнѣнно, будетъ, проще, такъ какъ въ ея силѣ и непреодолимости заключаются всѣ остальныя Я люблю тебя, Марта, потому, что люблю тебя. Вотъ почему!

. . . .

Съ Пратера я поѣхала прямо къ моему отцу. Я предвидѣла, что сообщеніе, которое мнѣ предстояло сдѣлать ему, должно было вызвать непріятныя объясненія мнѣ хотѣлось возможно скорѣе покончить съ этими неизбѣжными непріятностями, и я предпочла стать лицомъ къ лицу съ ними подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ счастья, которымъ я только что завладѣла. Когда я вошла къ отцу, онъ сидѣлъ за завтракомъ и читалъ газеты; тутъ же была и тетя Мари и тоже читала газету.

При моемъ поспѣшномъ входѣ въ комнату отецъ съ удивленіемъ взглянулъ на меня изъ-за своей *Presse*, а тетя Мари положила на столъ *Fremdenblatt*.

— Марта! Такъ рано и въ амазонкѣ! Что это значитъ?

Я поцѣловала ихъ обоихъ и сказала, бросаясь въ кресло:

— Это значитъ, что я каталась сейчасъ въ Пратерѣ, гдѣ случилось нѣчто такое, о чемъ мнѣ захотѣлось сообщить вамъ теперь же; у меня недостало терпѣнія даже на то, чтобы съѣздить домой и переодѣться.

— Какое же такое важное и неотложное дѣло?— спросилъ отецъ, зажигая сигару. — Говори, ты даже встревожила меня этимъ.

Говорить ли прямо?.. Не лучше ли сначала какъ-нибудь подготовить?.. Нѣтъ, лучше броситься прямо, какъ бросаются въ воду пловцы!

— Я выхожу замужъ...

Тетка всплеснула руками, отецъ нахмурилъ брови.

— Надѣюсь, однако, не...—началъ было онъ, но я не дала ему окончить.

— Я выхожу замужъ за человѣка, котораго я люблю всѣмъ сердцемъ, котораго я уважаю и съ которымъ надѣюсь быть счастливой... за барона Фридриха фонъ-Тиллинга.

Отецъ вскочилъ съ мѣста.

— Что я говорилъ тебѣ? Послѣ вчерашняго разговора!..

Тетя Мари качала головою.

— Я желала бы услышать отъ тебя другое имя,— сказала она.—Прежде всего баронъ Тиллингъ тебѣ не партія, онъ не пойдетъ далеко; а, во-вторыхъ, его принципы и взгляды кажутся мнѣ...

— Его принципы и взгляды всецѣло сходятся съ моими. А что касается того, что онъ мнѣ „не партія“, какъ говорятъ, то я и не намѣрена искать себѣ партіи. Папа, дорогой мой папа, не смотри такъ строго на меня, не отравляй моего счастья, которое я переживаю въ эту минуту! Мой милый, дорогой, любимый папа!...

— Но, дитя мое,—отвѣтилъ онъ нѣсколько мягче, потому что моя ласка всегда обезоруживала его, — я забочусь о твоемъ же счастьѣ. Я не думаю, чтобы можно было чувствовать себя счастливой, будучи женой такого военнаго, который не преданъ этому дѣлу всей душой.

— Дѣйствительно, тебѣ не слѣдуетъ выходить з
Тиллинга,—сказала тетка педантичнымъ тономъ.—Ег
отзывы о военномъ дѣлѣ — еще не важная вещь, но
не могла бы быть счастлива съ мужемъ, который так
свободно говоритъ о Богѣ, Библіи, какъ онъ намедни.

— Позволь мнѣ, дорогая тетя, обратить твое внима
ніе на то, что не ты выходишь замужъ за Тиллинга.

— Ну что жъ? Пусть каждый и отвѣчаетъ за сво
поступки!—сказалъ со вздохомъ отецъ, снова садясь н
свое мѣсто.—Тиллингъ, я полагаю, оставляетъ военну
службу?

— Объ этомъ у насъ не было еще рѣчи. Лично я
конечно, желала бы этого, но боюсь, что онъ не согла
сится.

— Подумать только,—вздохнула тетя Мари,—что т
отказала князю, а теперь, вмѣсто того, чтобы под
няться, ты спускаешься по соціальной лѣстницѣ!

— Какъ не ласковы оба вы, а говорите, что любит
меня. Въ первый разъ послѣ смерти бѣднаго Арно
прихожу вамъ сказать, что я вполнѣ счастлива; а вы
вмѣсто того чтобы радоваться этому, стараетесь вся
чески огорчить меня... и милитаризмъ, и Іегова, и со
ціальная лѣстница!

Тѣмъ не менѣе, разговаривая на всевозможные лад
около получаса, мнѣ удалось, наконецъ, немного умиро
творить стариковъ. Судя по разговору, который я вел
съ отцомъ наканунѣ, я ожидала гораздо большаго со
противленія съ его стороны. Весьма возможно, что есл
бы я высказала ему только проектъ или намѣреніе по
ступить такъ, онъ, несомнѣнно, употребилъ бы больш
настойчивости, отклоняя меня отъ этого проекта; н
въ виду совершившагося факта, онъ видѣлъ, что сопро
тивленіе съ его стороны не привело бы ни къ чему
Или, можетъ-быть, чувство моего блаженства, которо
виднѣлось и на моемъ лицѣ и слышалось въ голосѣ
смягчило его досаду и заставило его уступить мнѣ..
Какъ бы то ни было, но когда я стала уходить, отец
крѣпко и съ чувствомъ поцѣловалъ меня въ щеку
обѣщалъ заѣхать ко мнѣ въ тотъ же вечеръ познако
миться хорошенько съ своимъ будущимъ зятемъ.

Къ сожалѣнію, я не нашла въ своихъ тетрадяхъ описанія того, какъ прошелъ вечеръ этого дня. Подробности изгладились теперь изъ моей памяти. Я знаю одно только, что это были чудные часы.

Я пригласила къ вечернему чаю весь семейный кружокъ и представила имъ Фридриха фонъ-Тиллинга какъ своего будущаго мужа.

Роза и Лили пришли въ восторгъ. Конрадъ Альтгаузъ кричалъ: „Браво, Марта! Бери, Лили, примѣръ съ своей сестры!“ Отецъ или побѣдилъ свою старую антипатію къ Тиллингу, или скрывалъ ее изъ любви ко мнѣ; тетя Мари была нѣжна и растрогана.

— Браки опредѣляются на небѣ, — говорила она,— и каждый получаетъ свой жребій по его волѣ. Вы будете счастливы, если Богъ благословитъ васъ, и я буду постоянно просить Его объ этомъ.

„Новый папа“ былъ представленъ и сыну моему Рудольфу. Мнѣ было какъ-то особенно пріятно, когда любимый мною человѣкъ взялъ на руки дорогого мнѣ ребенка, горячо поцѣловалъ его и сказалъ: „Изъ тебя, маленькій юноша, мы оба будемъ стараться сдѣлать цѣльнаго человѣка.“

Въ теченіе вечера отецъ поднялъ, конечно, рѣчь объ оставленіи Тиллингомъ военной службы.

— Вы, разумѣется, оставите службу, Тиллингъ? Вы такъ не любите войны.

Тиллингъ удивленно посмотрѣлъ на отца.

— Оставить службу! Почему? У меня нѣтъ другой карьеры! Не надобно непремѣнно любить войну, чтобы быть военнымъ, точно такъ же какъ...

— Да, да!—прервалъ отецъ,—чтобы быть пожарнымъ, не нужно любить пожары, какъ вы говорили здѣсь на этихъ дняхъ.

— Я могъ бы привести вамъ и другіе примѣры: чтобы быть докторомъ, не надобно любить ракъ или тифъ, чтобы быть судьей, не надобно любить...

— Чтобы избавить свою жену,—сказала тетя Мари,— отъ жизни въ какомъ-нибудь гарнизонномъ городкѣ, или отъ безпокойства въ случаѣ войны, хотя это безпокойство, конечно, не имѣетъ никакого смысла; кому

назначено дожить до старости, тотъ доживетъ, несмо-
тря ни на какія опасности.

— Вы назвали, несомнѣнно, важныя причины. Моей
главнѣйшей заботой будетъ, разумѣется, удалить все,
что хоть сколько-нибудь могло бы омрачить жизнь моей
жены. Но я увѣренъ, что непріятность имѣть мужа
безъ положенія и безъ занятій больше той непріятно-
сти, которая можетъ быть отъ жизни въ гарнизонномъ
городкѣ. А опасность, что мой выходъ въ отставку
объяснятъ лѣностью и трусостью, страшнѣе опасностей
похода. Правду сказать, эта мысль мнѣ никогда не при-
ходила въ голову; надѣюсь, и тебѣ, Марта?

— А представь, что я потребую этого.

— Ты не можешь потребовать этого, такъ какъ въ
этомъ случаѣ мнѣ пришлось бы отказаться отъ вели-
чайшаго счастья. Ты богата, у меня нѣтъ ничего, кро-
мѣ военной службы и надеждъ на повышеніе; и этой
своей собственности я не отдамъ. Это было бы для
меня униженіемъ личнаго достоинства и шло бы въ раз-
рѣзъ съ моими понятіями о чести.

— Браво, сынъ мой! Теперь я спокоенъ. Въ самомъ
дѣлѣ это было бы грѣхомъ и оскорбленіемъ вашей про-
фессіи. Теперь уже недолго вамъ до полковника, а по-
томъ, конечно, вы подыметесь и до генеральскаго чина
и тамъ вы можете быть комендантомъ крѣпости, губер-
наторомъ, военнымъ министромъ. А это дастъ завидное
положеніе вашей женѣ.

Я сидѣла и слушала молча. Я не восторгалась пер-
спективой, что я буду женой коменданта.

Мнѣ казалось, что я была бы гораздо счастливѣе,
если бы я уѣхала съ любимымъ человѣкомъ въ уедине-
ніе. Но мнѣ было пріятно его намѣреніе не оставлять
лять военной службы, такъ какъ это избавляло его
отъ тѣхъ позорныхъ подозрѣній, которыя имѣлъ про-
тивъ него мой отецъ и которыя, несомнѣнно, счита-
лись дѣйствительными въ глазахъ всего свѣта.

— Да, теперь я совершенно спокоенъ,—продолжалъ
отецъ;—прежде я думалъ, что вы главнымъ образомъ
имѣете въ виду... Ну, ну, не смотрите такъ сердито.
У меня мелькала мысль, что вы хотите сдѣлаться част-

нымъ человѣкомъ; и это было бы съ вашей стороны большой опрометчивостью... и несправедливостью по отношенію къ моей Мартѣ, дочери и вдовѣ солдата. Я не думаю, чтобы она могла долго любить статскаго.

Тиллингъ улыбнулся. Онъ посмотрѣлъ на меня такимъ взглядомъ, который ясно говорилъ мнѣ: „Я знаю тебя лучше“, и отвѣтилъ отцу: „Я думаю то же; ей понравился только мой мундиръ.“

. . . .

Въ сентябрѣ этого года была наша свадьба. Тиллингъ взялъ двухмѣсячный отпускъ, и мы уѣхали путешествовать. Первая наша остановка была въ Берлинѣ: я выразила желаніе положить вѣнокъ на могилу матери Фридриха, и наше странствованіе началось этимъ пилигримничествомъ.

Въ столицѣ Пруссіи мы пробыли восемь дней. Фридрихъ познакомилъ меня со своими родными, которые жили тамъ, и всѣ они показались людьми самыми пріятными на свѣтѣ. И, правду сказать, что ни встрѣчали мы, мнѣ все казалось красивымъ и пріятнымъ, потому что въ свой медовый мѣсяцъ я смотрѣла на міръ сквозь розовыя очки. Кромѣ того, насъ, какъ новобрачныхъ, всюду принимали ласково и предупредительно; каждый какъ будто считалъ своимъ долгомъ разсыпать розы на нашемъ озаренномъ солнцемъ пути.

Что особенно понравилось мнѣ въ сѣверной Германіи, это—ея діалектъ, не только потому, что въ рѣчи моего мужа слышался его акцентъ,—главная причина, почему мнѣ казался пріятнымъ этотъ языкъ,—но также и потому, что, въ сравненіи съ австрійскимъ діалектомъ, онъ указывалъ на болѣе высокую степень развитія того народа, который говорилъ имъ. Солецизмы, которые портятъ языкъ высшихъ классовъ Вѣны, въ Берлинѣ не встрѣчаются вовсе. Въ Пруссіи только въ низшихъ классахъ можно услышать употребленіе винительнаго падежа вмѣсто дательнаго, напримѣръ, „дай *меня* шляпу“; въ Вѣнѣ, даже въ лучшихъ гостиныхъ, можно то-и-дѣло услышать такія выраженія, какъ „безъ *тебѣ*“. Мы можемъ говорить, что нашъ языкъ задушевнѣе,—иностранцы, по крайней мѣрѣ, такъ отзыва-

ются о немъ,—но тѣмъ не менѣе онъ указываетъ, чт мы стоимъ на низшей ступени развитія, чѣмъ пруссаки Если измѣрять достоинство человѣка степенью его обра зованія—а какая же другая правильная мѣра может быть?—то сѣверогерманецъ окажется немножко болѣ человѣкомъ, чѣмъ австріецъ; это мнѣніе можетъ *дерзк* звучать въ устахъ пруссака и казаться *непатріотич нымъ* въ устахъ австрійца; но вѣдь рѣдко можно выска зать правду, не оскорбивши кого-нибудь.

Первый нашъ визитъ въ Берлинѣ, послѣ посѣщені кладбища, былъ къ сестрѣ покойной. По любезности умственному развитію ея я могла судить, какъ любез на и умна была мать Фридриха, если она походила н фрау Корнелію фонъ-Тессовъ. Эта послѣдняя был вдова прусскаго генерала и имѣла единственнаго сына который тогда былъ только-что произведенъ въ пору чики. Во всю свою жизнь я не встрѣчала болѣе кра сиваго юноши, чѣмъ Готфридъ фонъ-Тессовъ. Трога тельно было видѣть, какъ мать и сынъ любили друг друга; мнѣ казалось, что и въ этомъ фрау Корнелі напоминала свою умершую сестру. Видя, какъ она гор дилась своимъ Готфридомъ и какъ нѣжно онъ отно сился къ своей матери, я заранѣе приходила въ восторгъ представляя себѣ то время, когда выраститъ мой Ру дольфъ. Одного только я не могла понять и высказал свое сомнѣніе мужу:

— Какимъ образомъ мать можетъ позволить своем сыну, своему сокровищу, идти на такое опасное дѣло какъ военная служба?

— Дорогая моя, есть вещи, о которыхъ никто ни когда не думаетъ,—отвѣчалъ мнѣ Фридрихъ,—есть со ображенія, которыя такъ близки каждому изъ насъ, чт на нихъ никто не обращаетъ вниманія. Таковы и сообра женія объ опасностяхъ военной службы. Люди не при нимаютъ ихъ въ расчетъ и считаютъ неприличнымъ трусостью задумываться надъ этимъ. Подвергать себ этой опасности считается естественнымъ и неизбѣжнымъ и при этомъ почти всегда безсознательно является мысл о счастливомъ исходѣ, такъ какъ процентъ убитыхъ распредѣляется между *другими*, и такимъ образомъ пред

ставляется мало шансовъ быть убитымъ. Опасность смерти, конечно, есть; но вѣдь она есть и для каждаго человѣка, а однако никто не думаетъ о смерти: человѣкъ умѣетъ отогнать отъ себя тяжелыя мысли. И, наконецъ, какое можетъ быть болѣе пріятное и болѣе уважаемое положеніе для прусскаго дворянина, какъ не положеніе кавалерійскаго офицера?

Я, повидимому, также понравилась тетѣ Корнеліи.

— Ахъ!—со вздохомъ сказала она,—какъ жаль, что бѣдной сестрѣ не суждено было испытать радость имѣть такую невѣстку и видѣть своего Фридриха такимъ счастливымъ, какимъ онъ чувствуетъ себя съ вами. Увидѣть его женатымъ было постоянно горячимъ ея желаніемъ. Но онъ такъ много требовалъ отъ брака...

— Вѣроятно, немного, тетя, если онъ полюбилъ меня.

— Это, какъ говорятъ англичане, *fisching fora compliment*. Я одного желала бы моему Готфриду, чтобы онъ сдѣлалъ такую же находку. Мнѣ уже давно хочется испытать радость быть бабушкою. Но мнѣ долго еще придется ждать этого — моему сыну только двадцать одинъ годъ.

— Вѣроятно, онъ кружитъ головы молодыхъ барышень,—сказала я,—и разбиваетъ неопытныя сердца?

— Къ этому онъ неспособенъ; едва ли можно найти болѣе честнаго юношу. Его жена будетъ истинно счастливой.

— Какъ и я съ Фридрихомъ!

— Вы не можете еще говорить этого такъ утвердительно, моя милая. О супружескомъ счастьѣ мы можемъ говорить, проживъ съ мужемъ лѣтъ десять. А первыя недѣли почти всѣ бываютъ счастливы. Не то, чтобы я сомнѣвалась въ моемъ племянникѣ или въ васъ... Я вѣрю, что ваше счастье продлится долго.

Это пророчество тети Корнеліи я записала въ свой дневникъ и сдѣлала замѣтку: „правда ли это? Отвѣтъ будетъ записанъ черезъ десять лѣтъ“. И для записи отвѣта пропустила одну строчку.

Изъ Берлина мы поѣхали путешествовать по германскимъ курортамъ. Кромѣ Италіи, гдѣ я была съ Арно и о которой у меня осталось очень неясное воспоми-

ваніе, я никогда не была за-границей. Посѣщеніе новыхъ мѣстъ, встрѣча съ новыми людьми, новый образъ жизни,—все это приводило меня въ восторженное настроеніе. Міръ казался мнѣ такимъ прекраснымъ и интереснымъ. Если бы не забота о маленькомъ Рудольфѣ, который остается дома, я сказала бы Фридриху: „давай путешествовать такъ цѣлые годы; объѣздимъ Европу, потомъ другія части свѣта. Давай наслаждаться этой свободной жизнью туристовъ, переѣзжая, по своему желанію, изъ страны въ страну, собирая сокровища впечатлѣній и свѣдѣній. Куда мы ни пріѣдемъ, къ чужому народу или въ чужую страну, мы будемъ чувствовать себя какъ дома, зная, что мы вдвоемъ". Что отвѣтилъ бы мнѣ Фридрихъ на такое предложеніе? Вѣроятно, что путешествіе не можетъ быть содержаніемъ всей жизни человѣка, что у него отпускъ только на два мѣсяца, и вѣроятно много другихъ серьезныхъ причинъ.

Мы были въ Баденъ-Баденѣ, Гамбургѣ, Висбаденѣ. Вездѣ та же самая веселая, элегантная жизнь, вездѣ множество интересныхъ лицъ со всѣхъ концовъ свѣта. При встрѣчѣ съ иностранцами я увидѣла, что Фридрихъ вполнѣ владѣетъ французскимъ и англійскимъ языками, что еще болѣе возвысило его въ моихъ глазахъ. Я постоянно открывала въ немъ новыя достоинства—благородство, веселость, живую любовь ко всему прекрасному. Путешествіе по Рейну привело его въ восторгъ, и радость свѣтилась въ его глазахъ, когда въ театрахъ и концертахъ мы слушали знаменитыхъ исполнителей; поэтому Рейнъ и его замки казались мнѣ еще романтичнѣе и еще болѣе усиливалось мое восхищеніе знаменитыми пѣвцами и музыкантами. Эти два мѣсяца промелькнули быстро. Фридрихъ просилъ продлить отпускъ, но ему было отказано. Это была первая непріятная минута, пережитая мною въ эти два мѣсяца, когда я прочитала офиціальную бумагу, коротко приказывавшую намъ вернуться домой.

— И люди называютъ это свободой!—вскричала я, бросая на столъ оскорбившій меня документъ.

— О! я никогда не смотрѣлъ на себя, какъ на сво-

бѣднаго человѣка, моя повелительница,—улыбаясь отвѣтилъ Тиллингъ.

— Если бы я была твоя повелительница, я приказала бы тебѣ проститься съ твоей военной службой и служить только одной мнѣ.

— Относительно этого вопроса мы пришли уже къ соглашенію...

— Да, я знаю. Я должна подчиняться, но это доказываетъ, что ты не рабъ мой... Въ глубинѣ души я чувствую, что это хорошо, мой дорогой, гордый мужъ!

КНИГА ТРЕТЬЯ.

1864 годъ.

Мы прожили въ Вѣнѣ двѣ недѣли. Но мнѣ было не до святочнаго веселья. Эта война, о которой теперь ежедневно писали въ газетахъ и говорили во всѣхъ салонахъ, отравляла мнѣ всю радость моей жизни. Лишь только я вспомню о своемъ счастьѣ и объ обладаніи мужемъ, который становился для меня все болѣе и болѣе дорогимъ, мнѣ тотчасъ же приходитъ въ голову мысль о непрочности этого счастья, объ угрожающей опасности, о войнѣ, которая снова разобьетъ мою жизнь. И я не могла быть спокойна. И безъ того намъ грозятъ постоянно всякія опасности со стороны силъ природы—и болѣзнь, и смерть, и пожаръ, и землетрясеніе; но каждый изъ насъ старается не думать объ нихъ, чтобы жить, чувствуя себя до нѣкоторой степени безопаснымъ отъ всего этого. Зачѣмъ же люди сами создаютъ еще другія опасности, увеличиваютъ ихъ, зачѣмъ же они добровольно, съ какимъ-то дерзкимъ хвастовствомъ, колеблютъ вулканическую почву, на которой построено счастье нашей жизни? Правда, что люди пріучили себя смотрѣть на войну, какъ на естественное явленіе, относить ее къ одной категоріи съ землетрясеніемъ и засухой, и потому думать объ ней какъ можно меньше. Но я не могла уже стоять на

этой точкѣ зрѣнія. На вопросъ, который возникалъ и въ головѣ Фридриха: „неужели такъ должно быть?" я отвѣчала отрицательно; вмѣсто покорности я испытывала муку и негодованіе, мнѣ хотѣлось крикнуть: „не дѣлайте этого, не дѣлайте!" Эти шлезвигъ-голштинскія дѣла и датская конституція... какое дѣло намъ до нихъ? Отмѣнилъ или подписалъ „протокольный принцъ" законы 13 ноября 1863 года—что намъ до этого? Однако всѣ газеты, всѣ разговоры заняты были этимъ, какъ будто бы это самый важный, самый рѣшающій и самый всеобъемлющій вопросъ въ мірѣ, такъ что нельзя было и посмѣть спросить: „неужели наши мужья и сыновья пойдутъ умирать ради этого?" Только на короткія минуты я примирялась съ этимъ положеніемъ вещей, когда въ моемъ умѣ являлось понятіе: „долгъ". Дѣйствительно, мы принадлежали къ Германскому союзу и вмѣстѣ съ нашими братьями, нѣмцами, обязаны были драться за права угнетаемыхъ нѣмцевъ. Принципъ національности требовалъ, несомнѣнно, со стихійной силой такого образа дѣйствій; и съ этой точки зрѣнія война *должна* быть. При этой мысли мучительное негодованіе немного стихало въ моей душѣ. Однако если бы я могла предвидѣть, что два года спустя этотъ Германскій союзъ братьевъ превратится въ самую непримиримую вражду, что Австрія будетъ питать къ Пруссіи еще бо̀льшую ненависть, чѣмъ теперь къ Даніи, я убѣдилась бы уже тогда,—въ чемъ убѣждена теперь,—что мотивы, приводимые въ оправданіе враждебныхъ дѣйствій, есть только фразы, фразы и отговорки.

Новый годъ мы встрѣчали опять въ домѣ моего отца. Лишь только пробило двѣнадцать, отецъ поднялъ стаканъ:

— Пусть та кампанія, которая предстоитъ намъ въ новомъ году, покроетъ славой наше оружіе,—сказалъ онъ торжественно.

При этихъ словахъ я поставила на столъ свой бокалъ который тоже только-что подняла.

— И пусть,—добавилъ онъ,—она пощадитъ нашихъ близкихъ.

Послѣ этого и я чокнулась съ нимъ.

— Почему ты не хотѣла пить за первую половину моего тоста, Марта?

— Потому что относительно кампаніи я могу желать только того, чтобы ея никогда не было.

Когда мы съ мужемъ вернулись въ отель и вошли въ спальню, я бросилась на шею Фридриху.

— Единственный мой! Фридрихъ! Фридрихъ!

— Что съ тобой, Марта? Ты, кажется, плачешь... сегодня, въ ночь Новаго года! Къ чему встрѣчать Новый годъ слезами? Развѣ ты несчастлива? Можетъ-быть, я обидѣлъ тебя чѣмъ-нибудь?

— Ты! О! нѣтъ, нѣтъ! Я счастлива, очень счастлива... и мнѣ становится страшно отъ этого...

— Ты суевѣрна, Марта? Ты думаешь, что боги могутъ позавидовать твоему счастью и разрушать его за то, что оно слишкомъ велико?

— Не боги, а глупые люди, которые сами ищутъ себѣ горя.

— Ты думаешь объ этой предполагаемой войнѣ. Но она еще не рѣшена. Зачѣмъ же плакать раньше времени! Кто знаетъ, дойдетъ ли дѣло до схватки? и даже если дойдетъ, вѣдь неизвѣстно, пойду ли я. Поди, сядь сюда, моя милая,—и онъ привлекъ и посадилъ меня на диванъ рядомъ съ собой.—Не трать своихъ слезъ изъ-за пустого предположенія.

— Одно уже предположеніе страшно для меня. Если бы это было не предположеніе, а дѣйствительность, я не плакала бы такъ тихо у тебя на плечѣ. Я кричала и рыдала бы громко. Но предположеніе... одна только мысль о томъ, что въ этомъ году, который только-что начинается, ты можешь быть вырванъ изъ моихъ объятій и посланъ на войну,—этого достаточно, чтобы заставить меня мучиться и плакать.

— Подумай, Марта. Тебѣ самой предстоитъ опасность изъ-за того, о чемъ такъ мило сообщилъ мнѣ твой рождественскій аистъ, и вѣдь однако мы оба не думаемъ о возможной опасности, которая грозитъ каждой женщинѣ во время родовъ еще больше, чѣмъ мужчинѣ на полѣ битвы. Давай наслаждаться жизнью и не-

будемъ думать о смерти, которая виситъ надъ головой у каждаго изъ насъ.

— Ты говоришь совершенно такъ же, какъ тетя Мари, какъ будто наша судьба зависитъ отъ какого-то „предопредѣленія“, а не отъ безсмысленности, дикости, невоздержанности и глупости людей, Ну, скажи, почему эта война съ Даніей необходима?

— Но вѣдь она не началась еще, и, можетъ-быть...

— Я знаю, знаю... Можетъ-быть, счастливый случай отвратитъ это зло. Но вѣдь это должно бы зависѣть не отъ случая, не отъ политическихъ интригъ и расположенія духа отдѣльныхъ личностей, которыя будутъ рѣшать этотъ роковой вопросъ, но отъ твердой, честной воли всего человѣчества. Но что толку отъ моихъ разсужденій о томъ, что „должно“ и „не должно“ быть? Не въ моей власти измѣнить порядокъ вещей, я могу только жаловаться. Но ты долженъ помогать мнѣ, Фридрихъ! Не старайся утѣшать меня пустыми, избитыми фразами. Вѣдь я знаю, ты самъ не вѣришь въ нихъ! Ты самъ негодуешь на это! И я нахожу одно только утѣшеніе въ томъ, что ты, такъ же какъ и я, осуждаешь и проклинаешь этотъ порядокъ вещей, который дѣлаетъ такъ несчастными и меня и безчисленное множество другихъ.

— Да, дорогая моя, если это несчастье разразится, я скажу, что ты была права. Я не буду скрывать отъ тебя того ужаса и отвращенія, которые внушаетъ мнѣ приказаніе избивать людей. А теперь давай покамѣстъ наслаждаться жизнью. Мы принадлежимъ другъ другу... ничто не разъединяетъ насъ. Между нашими сердцами нѣтъ ни малѣйшей преграды! Давай наслаждаться счастьемъ, пока оно есть у насъ... наслаждаться, забывая все. Не будемъ думать о грозящемъ крушеніи его. Счастье никогда не бываетъ вѣчно. Черезъ сто лѣтъ будетъ все равно—долга или коротка была наша жизнь. Значеніе имѣетъ не количество счастливыхъ дней, а степень ихъ блаженства. Пусть будущее приноситъ намъ, что ему угодно... моя дорогая, милая... настоящее такъ хорошо, такъ безподобно хорошо, что теперь я не чувствую ничего, кромѣ восторга и блаженства.

Такъ говорилъ онъ, обнималъ меня и цѣловалъ мою голову, лежавшую у него на груди. И тогда грозное будущее исчезло предо мною въ сладкомъ забвенiи настоящей минуты.

....

10 января мы вернулись въ Ольмюцъ.

Никто уже болѣе не сомнѣвался, что война будетъ. Въ Вѣнѣ мнѣ приходилось еще слышать мнѣнiя, что шлезвигъ-голштинскiй вопросъ можетъ быть улаженъ дипломатическимъ путемъ, но въ военныхъ кружкахъ нашего гарнизона не вѣрили въ возможность мирнаго рѣшенiя дѣла. Среди офицеровъ и ихъ женъ замѣтно было большое увлеченiе и радостное оживленiи. Всякiй надѣялся отличиться и подвинуться по службѣ.

— Эта война--знаменитая,—сказалъ полковникъ на обѣдѣ, на который была приглашена и я съ своимъ мужемъ въ числѣ другихъ офицеровъ и ихъ женъ;—знаменитая война, она должна сдѣлаться необыкновенно популярною. Опасности потерять территорiю нѣтъ; и даже населенiе не потерпитъ никакого убытка, такъ какъ театромъ военныхъ дѣйствiй будетъ иноземная область.

— Что меня воодушевляетъ въ этомъ дѣлѣ, — сказалъ молодой подпоручикъ,—это—благородный мотивъ войны: защита правъ нашихъ оскорбленныхъ братьевъ. Фактъ, что пруссаки идутъ съ нами—или вѣрнѣе, мы съ ними—прежде всего обезпечиваетъ намъ побѣду, а во-вторыхъ, соединитъ еще тѣснѣе нацiональныя узы. Нацiональная идея...

— Не говорите объ этомъ, — перебилъ его полковникъ нѣсколько строго.—Это все вранье, оно не годится для Австрiи. Изъ-за этихъ пустяковъ у насъ вышла послѣдняя война съ Италiей, которую поднялъ Людвигъ Наполеонъ съ своимъ „Италiя для итальянцевъ“; этотъ принципъ рѣшительно противорѣчитъ интересамъ Австрiи. Богемцы, венгерцы, нѣмцы, кроаты... гдѣ тутъ нацiональная связь? Мы знаемъ одинъ принципъ, который объединяетъ насъ—принципъ любви къ нашей царствующей династiи. Онъ долженъ воодушевлять насъ, когда мы будемъ на полѣ битвы, а не то, что мы—нѣмцы и

въ союзѣ съ нѣмцами. Мы должны служить и жертвовать собой нашему возлюбленному вождю. Да здравствуетъ императоръ!

Всѣ поднялись и стоя пили тостъ. Искра воодушевленія попала и въ мое сердце, вспыхнувъ на мгновеніе и исполнивъ его теплотой, принесшей мнѣ забвеніе. Когда видишь, что тысячи людей любятъ одно и то же дѣло, одно и то же лицо, этотъ предметъ увлеченій тысячъ людей вызываетъ самоотверженную преданность къ себѣ. Это—чувство, которое такъ сладко сердцу подъ именемъ преданности престолу, патріотизма, національнаго единства. Въ сущности это не что иное, какъ любовь, которая оказываетъ такое могучее вліяніе, что въ дѣлѣ ненависти, предпринятомъ во имя ея, въ самомъ ужасномъ дѣлѣ ненависти — войнѣ — человѣкъ видитъ только исполненіе долга любви.

Но мое увлеченіе было минутнымъ: въ моемъ сердцѣ жила болѣе сильная любовь, любовь къ моему мужу. Его жизнь была для меня самымъ дорогимъ изъ моихъ владѣній; и если она будетъ поставлена на карту, я буду проклинать игру, будетъ ли отдана эта моя собственность въ пользу Шлезвигъ-Голштиніи или Японіи.

Безпокойное было то время. 16 января союзныя державы потребовали у Даніи, чтобы она отмѣнила какой-то законъ, противъ котораго политическій сеймъ и мѣстное дворянство Голштиніи просили защиты у Германскаго союза; для отмѣны давалось времени двадцать четыре часа. Данія отказала. Кто же, въ самомъ дѣлѣ, позволитъ распоряжаться собой такимъ образомъ? Въ отказѣ, конечно, были увѣрены заранѣе, такъ какъ австрійскія и прусскія войска уже стояли на границѣ, и 1-го февраля перешли Эйдеръ.

Такимъ образомъ кровавый жребій былъ снова брошенъ и война началась. Это дало моему отцу поводъ прислать намъ поздравленіе.

„Радуйтесь, дѣти,—писалъ онъ,—наконецъ-то, намъ представляется удобный случай загладить пораженія, понесенныя нами въ 59 году, и нанести ихъ датчанамъ. Когда вернемся побѣдителями съ сѣвера, мы въ состояніи будемъ обратиться къ югу. Пруссаки останутся на-

шими вѣрными союзниками, а въ такомъ случаѣ эти нищіе итальянцы и ихъ интриганъ Людвигъ Наполеонъ не устоятъ противъ насъ".

Полкъ Фридриха, къ немалому разочарованію полковника и офицеровъ, не былъ посланъ за-границу. По этому случаю мы получили отъ отца соболѣзнующее письмо.

„Сердечно сожалѣю, что Тиллингъ имѣетъ несчастье служить въ такомъ полку, которому не пришлось участвовать въ походѣ, который обѣщаетъ столько хорошаго, но все же можно надѣяться, что онъ будетъ потребованъ потомъ Марта, конечно, довольна этимъ и радуется, что она избавлена отъ страха за своего мужа, да и Фридрихъ въ глубинѣ души не другъ войны; но я думаю, что онъ только въ принципѣ противъ нея, что онъ, такъ сказать, желаетъ только ради такъ называемой гуманности, чтобы никогда не было войны; но если она возникнетъ, то я увѣренъ, что онъ предпочтетъ принимать въ ней участіе и что въ немъ проснется его мужественное сердце. По правдѣ сказать, слѣдуетъ постоянно посылать въ огонь всю армію: сидѣть дома въ такое время солдату трудно".

— И тебѣ, мой Фридрихъ, трудно сидѣть около меня?— сказала я моему мужу, прочитавъ письмо.

Онъ прижалъ меня къ сердцу. Этотъ молчаливый отвѣтъ удовлетворилъ меня вполнѣ.

Но что хорошаго въ этомъ? Мой миръ нарушенъ. Не нынче, завтра можетъ придти приказъ выступить. Хоть бы кончалась скорѣе эта злополучная война!

Съ жадностью прочитывала я въ газетахъ извѣстія, идущія съ театра войны, и горячо желала союзнымъ войскамъ быстрыхъ и рѣшительныхъ побѣдъ. Сознаюсь, что это желаніе вызывалось не патріотизмомъ. Мнѣ, разумѣется, было бы пріятнѣе, чтобы побѣда осталась за нами; но единственной цѣлью, которую я имѣла въ виду при этихъ пожеланіяхъ, было окончаніе войны, прежде чѣмъ потребуется туда Фридрихъ; и такимъ образомъ тріумфъ моихъ соотечественниковъ занималъ въ моихъ мысляхъ только второе мѣсто, и уже на самомъ послѣднемъ планѣ стояли интересы „опоясаннаго моремъ"

клочка земли. И правда, какое мнѣ дѣло до того, будетъ ли Шлезвигъ принадлежать Даніи или нѣтъ? Да, наконецъ, для самихъ датчанъ или шлезвигъ-голштинцевъ какая въ этомъ разница? И неужели обѣ эти націи не видѣли, что здѣсь только ихъ правители спорятъ изъ-за обладанія территоріей и властью и что въ данномъ случаѣ имѣлось въ виду не ихъ благо или бѣдствія, а только притязанія такъ называемаго „протокольнаго“ принца и Аугустенбурга? Если нѣсколько собакъ дерутся изъ-за костей, то онѣ рвутъ другъ друга; въ исторіи же народовъ сами глупыя кости кидаются другъ на друга и рвутъ другъ друга за права тѣхъ, которые домогаются обладанія ими. „Меня хочетъ сгрызть Ліонъ“, а на меня точитъ зубы Таузеръ“; „я протестую противъ нападенія Каро“, „а я считаю за честь быть съѣденной Граулеранъ“, кричатъ кости одна другой. „Данія до Эйдера!“ кричали датскіе патріоты. „А мы хотимъ имѣть герцогомъ Фридриха Аугустенбурскаго!“ кричали голштинцы. Статьи нашихъ газетъ и рѣчи нашихъ политиковъ были, разумѣется, проникнуты тѣмъ принципомъ, что дѣло, за которое вступились „мы“, было единственно правое, единственно „обоснованное исторически“, единственно необходимое для поддержанія политическаго равновѣсія въ Европѣ. Въ руководящихъ статьяхъ и политическихъ рѣчахъ въ Копенгагенѣ съ такимъ же воодушевленіемъ и настойчивостью поддерживался противоположный принципъ. Почему бы не взвѣсить хладнокровно притязанія и права той и другой сторонъ, и придти къ мирному рѣшенію, и если это не удастся, пригласить судьей третью державу? Зачѣмъ постоянно кричать съ той и другой сторонъ: „Я, я правъ!“ кричать противъ своей совѣсти, не взирая на голосъ разсудка, и въ безпамятствѣ дойти до того, что предоставить рѣшеніе правового вопроса грубой силѣ? Не отзывается ли это обычаями дикихъ культуръ? И даже третья держава, вмѣсто того, чтобы взвѣсить права спорящихъ и произнести свое рѣшеніе, прямо поднимаетъ оружіе! И это называется „внѣшней политикой“! Это—не внѣшняя политика, это — внѣшняя и внутренняя дикость, международное варварство!

. . . .

Конечно, въ то время я не понимала еще съ такой ясностью всего того, что происходило вокругъ меня. На меня только минутами нападали сомнѣнія, и я употребляла всевозможныя старанія, чтобы отогнать ихъ отъ себя. Я старалась убѣдить себя, что эта таинственная сила, такъ называемыя „государственныя соображенія", выше пониманія непосвященныхъ людей и недоступна моимъ скромнымъ способностямъ, и что она-то и составляетъ тотъ рычагъ, на которомъ движется жизнь государствъ. Я начала старательно заниматься исторіей Шлезвигъ-Голштиніи, чтобы понять, какія „историческія права" защищаются и оспариваются сейчасъ.

Оказалось, что тотъ клочокъ земли, изъ-за котораго велась война, сталъ принадлежностью Даніи еще въ 1027 году. Такимъ образомъ, въ дѣйствительности, права были на сторонѣ Даніи; она была законной владѣтельницей этой мѣстности.

Двѣсти лѣтъ спустя, этотъ округъ отошелъ къ младшей линіи датскаго королевскаго дома и сдѣлался леннымъ владѣніемъ датской короны. Въ 1326 году Шлезвигъ былъ отданъ графу Гергарду Голштинскому, и „вальдемаровская конституція" постановила, „чтобы никогда это герцогство не соединялось съ Даніей и не было подъ однимъ скипетромъ съ нею". Да, стало-быть право на сторонѣ Германскаго союза. Мы отстаиваемъ „конституцію Вальдемара". Это вполнѣ правильно: какая же будетъ гарантія постановленій, если будутъ безнаказанно нарушать ихъ?

Въ 1448 году конституція Вальдемара была подтверждена королемъ Христіаномъ I. Слѣдовательно, не можетъ быть никакого сомнѣнія, что оба государства не должны быть „подъ однимъ скипетромъ". Чего же хочетъ „протокольный принцъ"?

Черезъ двѣнадцать лѣтъ послѣ этого умираетъ герцогъ Шлезвига безъ наслѣдниковъ. Въ Рипенѣ собирается сеймъ и провозглашаетъ датскаго короля герцогомъ Шлезвига; король съ своей стороны обѣщаетъ имъ, что „оба государства отнынѣ вѣчно останутся нераздѣльны". Это меня немного смутило: является

опять новая точка опоры: „останутся вѣчно нераздѣльными“.

Но мое недоумѣніе возрастало постоянно по мѣрѣ того, какъ я знакомилась съ исторіей этого вопроса. Несмотря на постановленіе „вѣчно останутся нераздѣльными“ (въ политикѣ слово „вѣчно“ играетъ вообще необыкновенную роль), начинается безконечная смѣна то дробленія территоріи между сыновьями короля, то соединенія ея подъ однимъ скипетромъ, то появленія новыхъ царствующихъ фамилій — Голштейнъ - Готторпскихъ, Шлезвигъ-Зондербургскихъ, которыя путемъ захватовъ и уступокъ своихъ удѣловъ подраздѣляются на семьи — Зондербургъ-Аугустенбургскихъ, Бекъ-Глюксбургскихъ, Зондербургъ - Глюксбургскихъ, Голштейнъ - Глюкштадскихъ. Однимъ словомъ, я ничего не понимала.

Однако, надобно идти дальше. Можетъ - быть, это „историческое право“, за которое сыны нашей родины проливаютъ теперь кровь, возникло и выяснилось впослѣдствіи?

Христіанъ IV вмѣшался въ тридцатилѣтнюю войну. Имперскія войска и шведы вторглись въ герцогства. Въ Копенгагенѣ въ 1658 году былъ подписанъ новый трактатъ, который закрѣплялъ Шлезвигское герцогство за Голштейнъ-Готторпскимъ домомъ: такъ было поступлено, наконецъ, съ феодальнымъ владѣніемъ Даніи. Это уже навсегда. Славу Богу! Теперь мнѣ становится ясно: мы правы.

Но что случилось въ силу патента 22 августа 1721 года? Очень просто: Шлезвигскія владѣнія Готторпскаго дома были присоединены къ королевству Даніи. Въ январѣ 1773 года и Голштинія была уступлена королевскому датскому дому; и оба герцогства составили одну датскую провинцію. Все дѣло приняло другой оборотъ: датчане правы.

Однако еще не все. Вѣнскій конгрессъ 1815 года объявилъ Голштинію составной частью Германскаго союза. Датчанамъ это не нравится. Они изобрѣли формулу „Данія до Эйдера“ и требуютъ осуществленія своихъ правъ на Шлезвигъ, называемый ими „Южной Ютландіей“, а Шлезвигъ отстаиваетъ „наслѣдственныя

права Аугустенбурга“ и взываетъ о помощи къ германскому народу. Въ 1846 году король Христіанъ издалъ манифестъ, въ которомъ онъ объявлялъ, что онъ стремится къ объединенію государства, противъ чего протестуютъ „германскія земли“. Два года спустя, было объявлено съ высоты трона о полномъ возсоединеніи, какъ о совершившемся уже фактѣ; въ отвѣтъ на это поднимается возстаніе въ „германскихъ земляхъ“. И начинается война. Первая битва окончилась побѣдой датчанъ, вторая—осталась за шлезвигъ-голштинцами. Затѣмъ вмѣшивается Германскій союзъ. Пруссаки „занимаютъ“ дюппельскія высоты, но это не рѣшило еще спора. Пруссія и Данія заключаютъ миръ. Шлезвигъ-Голштинія остается одна, борется съ Даніей безъ союзниковъ и терпитъ рѣшительное пораженіе подъ Идштедтомъ.

Союзъ требуетъ отъ „возставшихъ“, чтобы они сложили оружіе; тѣ отказываются. Австрійскія войска занимаютъ Голштинію, и оба герцогства *раздѣлены*. Поддержано ли обѣщаніе короля, что герцогства „останутся вѣчно нераздѣльными?“

Этимъ дѣло еще не кончилось. 8 мая 1852 года (хорошо, что хоть точно обозначаются даты такихъ хрупкихъ договоровъ) въ Лондонѣ былъ подписанъ протоколъ, который утверждалъ престолонаслѣдіе въ Шлезвигѣ за принцемъ Христіаномъ Глюксбургскимъ („утверждалъ“ отлично!). Теперь и я по крайней мѣрѣ знаю, откуда произошло это имя „протокольный принцъ“.

Въ 1854 году, послѣ того какъ оба герцогства получили свою конституцію, оба они „данизировались“. Но въ 1858 году „данизированіе“ Голштиніи пришлось прекратить. Такимъ образомъ историческій очеркъ дошелъ до настоящаго времени, а мнѣ все-таки не ясно еще, кто же „имѣетъ права“ на эти двѣ области и что послужило поводомъ къ настоящей войнѣ.

18 ноября 1858 года въ рейхсратѣ прошелъ знаменитый „основной законъ, регулирующій взаимныя отношенія Даніи и Шлезвига“. Чрезъ два дня послѣ этого умеръ король. Съ его смертью прекратилась Голштейнъ-Глюкштадтская линія, и лишь только на сцену является наслѣдникъ монарха и принимаетъ этотъ новый законъ,

Фридрихъ Аугустенбургскій заявляетъ свои права и вмѣстѣ съ дворянствомъ обращается за помощью къ Германскому союзу.

Этотъ послѣдній тотчасъ же занялъ Голштинію саксонскими и ганноверскими войсками и объявилъ Аугустенбурга герцогомъ. Почему? Пруссія и Австрія оказались несогласны въ этомъ. Почему? Этого я не понимаю до сихъ поръ.

Оказывается, что лондонскій протоколъ долженъ быть уваженъ. Почему? Неужели протоколы о вещахъ, которыя насъ совершенно не касаются, должны быть такъ уважаемы, что надо защищать ихъ кровью нашихъ дѣтей? Если это такъ, то за этимъ скрывается какое-нибудь непонятное для насъ „государственное соображеніе". Приходится твердо помнить догматъ: что бы ни рѣшили дипломаты за своимъ письменнымъ столомъ, должно считать безусловно мудрымъ и полезнымъ для страны. Лондонскій протоколъ 8 мая 1859 года долженъ быть удержанъ неприкосновеннымъ; а копенгагенскій „основной законъ" 13 января 1863 года долженъ быть отмѣненъ и притомъ въ двадцать четыре часа; отъ этого будто бы зависитъ честь и благосостояніе Австріи. Въ этотъ догматъ немножко трудно было увѣровать, но въ политическихъ дѣлахъ еще охотнѣе, чѣмъ въ религіозныхъ, масса позволяетъ увлекать себя принципу „*quia absurdum*", она отказывается отъ попытокъ разсуждать и понимать. Когда обнаженъ мечъ, не требуется ничего, кромѣ какъ только крикнуть „ура"! и, ни о чемъ не думая, броситься къ побѣдѣ. Впрочемъ, надобно призвать еще на войну благословеніе Бога. Вѣдь Богу, конечно, нужно, чтобы протоколъ 8 мая былъ утвержденъ, а „законъ" 5 ноября отмѣненъ. Вѣдь это Онъ устраиваетъ, что должно быть убито опредѣленное количество людей, предано огню опредѣленное число деревень для того, чтобы Глюкштадтская или Аугустенбургская семья управляла маленькимъ клочкомъ земли. Глупый, жестокій, безсмысленный міръ! У тебя нѣтъ ни воли, ни разсудка, ты самъ не понимаешь, куда ты идешь! Вотъ выводъ, который сдѣлала я изъ своихъ историческихъ занятій.

. . . .

Съ театра военныхъ дѣйствій приходили благопріятныя извѣстія. Союзники выигрывали битву за битвой. Тотчасъ же послѣ первыхъ сраженій датчане очистили весь Даниверкъ. Шлезвигъ и Ютландія до Лимфіорда были заняты нашими войсками, и непріятель держался только на Дюппельскихъ высотахъ и въ Альзенѣ. Я знала все это хорошо, такъ какъ на столахъ были опять разложены карты, на которымъ мы отмѣчали булавками движенія и позиціи нашихъ войскъ. „Если бы только намъ занять теперь Дюппельскія высоты! А, можетъ-быть, даже мы возьмемъ и Альзенъ!“ толковали ольмюцкіе граждане (никто не любитъ такъ развивать военные планы, какъ тѣ, которые никогда не бывали на войнѣ); „тогда мы достигли бы всего. Наши австрійцы показали, что могутъ они сдѣлать. Пруссаки дерутся тоже блестяще. Такой союзъ, разумѣется, непобѣдимъ. Кончится тѣмъ, что Данія будетъ побѣждена и присоединена къ Германскому союзу; славная благодарная война!“

Я тоже съ безпокойствомъ и нетерпѣніемъ ожидала занятія Дюппельскихъ высотъ—и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, такъ какъ это во всякомъ случаѣ рѣшило бы дѣло и положило конецъ войнѣ. А мнѣ хотѣлось конца войны, прежде чѣмъ полкъ Фридриха могъ бы получить приказъ къ выступленію.

О! этотъ Дамокловъ мечъ! Каждый день я просыпалась со страхомъ услышать: „мы выступаемъ“. Мужъ былъ спокоенъ. Хотя онъ и не желалъ этого, но ждалъ такого приказа ежедневно.

— Привыкни, дорогая, къ этой мысли,—говорилъ онъ мнѣ.—Борьба съ неумолимой необходимостью безполезна. Война не прекратится, вѣроятно, даже и въ томъ случаѣ, если Дюппель падетъ. Выставленная въ поле союзная армія слишкомъ мала, чтобы принудить датчанъ принять наши условія. Намъ придется посылать значительныя подкрѣпленія, и тогда моему полку не миновать похода.

Дѣйствительно, война тянулась уже болѣе двухъ мѣсяцевъ и совсѣмъ безрезультатно. Хорошо, если бы эти страшные походы оканчивались одной битвой, какъ

дуэли! Но нѣтъ! проиграютъ одну битву, даютъ другую; отдадутъ позицію, укрѣпятся на другой и такъ дальше, пока одна изъ армій не будетъ уничтожена или обѣ стороны потеряютъ силу продолжать войну.

Наконецъ, 14 апрѣля Дюппельскія высоты были взяты.

Это извѣстіе было принято съ такимъ взрывомъ радости, какъ будто бы за этими высотами лежалъ рай. Народъ на улицахъ обнималъ и цѣловалъ другъ друга. „Слышали?.. Дюппель... О! наше храброе войско! Неслыханное дѣло! Соединимся всѣ въ благодарственной молитвѣ къ Богу!“ Во всѣхъ церквахъ служились благодарственные молебны, а военные капельмейстеры торопливо сочиняли маршъ—„Дюппельскія высоты“, галопъ—„Штурмъ Дюппеля“ и т. д.

Товарищи моего мужа и ихъ жены, ликуя наружно, внутренно испытывали сильную досаду, что ихъ не было тамъ, что такой тріумфъ обошелся безъ нихъ; какое несчастіе!

Эта побѣда обрадовала меня сильно, такъ какъ тотчасъ послѣ этого въ Лондонѣ собралась мирная конференція и прекратила враждебныя дѣйствія. Какъ свободно вздохнулось при одномъ только словѣ: „прекращеніе враждебныхъ дѣйствій“. А какъ, думала я, вздохнула бы вся вселенная, если бы всѣ единодушно сказали: „долой оружіе! долой навсегда!“ Такъ записала, было, я въ свою красную тетрадку, но рядомъ прибавила съ отчаяніемъ въ скобкахъ: „утопія“.

Я не сомнѣвалась, что лондонскій конгрессъ положитъ конецъ шлезвигъ-голштинской войнѣ. Союзники побѣдили, дюппельскія высоты взяты; объ этихъ высотахъ въ послѣднее время такъ много говорили, что взятіе ихъ мнѣ казалось рѣшающимъ дѣломъ: послѣ этого Данія не можетъ долѣе держаться! Переговоры тянулись невѣроятно долгое время; это промедленіе было бы для меня настоящей пыткой, если бы я съ самаго начала не была увѣрена въ мирномъ исходѣ. Если уполномоченные великихъ державъ, которые во всякомъ случаѣ должны быть людьми умными, желающими блага народу, съѣзжаются для того, чтобы дать людямъ миръ, неужели они не сумѣютъ какъ-нибудь придти къ хоро-

шему результату? Тѣмъ ужаснѣе было мое разочарованіе, когда послѣ двухмѣсячныхъ дебатовъ пришло извѣстіе, что конгрессъ разошелся, не придя къ соглашенію.

Чрезъ два дня послѣ этого пришелъ приказъ о выступленіи полка Фридриха на театръ военныхъ дѣйствій.

На сборы въ дорогу и прощанье дано было только двадцать четыре часа. Между тѣмъ я со дня на день ждала родовъ. Въ тяжелый, грозящій смертью часъ, когда единственное утѣшеніе женщины состоитъ въ томъ, чтобы имѣть около себя дорогого человѣка, я должна была остаться одна, одна съ мучительнымъ сознаніемъ, что дорогой мнѣ мужъ ушелъ на войну... что и ему такъ же страшно тяжело оставлять свою жену въ такую минуту, какъ и мнѣ быть безъ него.

Это было утромъ 20 іюня. Подробности этого памятнаго дня твердо запечатлѣлись въ моемъ воспоминаніи.

Была страшная жара, и для защиты отъ нея въ моей спальнѣ были спущены шторы. Завернувшись въ легкій широкій капотъ, я лежала въ изнеможеніи на диванѣ. Я не спала почти всю ночь и теперь закрыла глаза въ полудремотѣ. На столѣ, около меня, стояла ваза съ розами, отъ которыхъ распространялся по комнатѣ одуряющій запахъ. Чрезъ открытое окно доносились звуки сигнальнаго рожка. Все клонило къ дремотѣ, но сознаніе не оставляло меня совсѣмъ: я не чувствовала только остроты своихъ страданій. Я забыла и объ опасностяхъ войны, и объ опасностяхъ, которыя предстояли мнѣ. Я сознавала только, что я живу... что розы подъ звуки утренней зари, наигрываемой горнистомъ, распространяли сладкій убаюкивающій ароматъ... что, можетъ-быть, сію минуту вернется мужъ и, увидѣвъ, что я сплю, войдетъ въ комнату тихо, чтобы не разбудить меня. И правда, дверь, противъ которой стоялъ мой диванъ, отворилась. Полуоткрывши глаза, я увидѣла того, кого ждала. Но я не сдѣлала даже попытки очнуться отъ полудремоты, боясь, что если я сдѣлаю это, видѣніе исчезнетъ; я думала, что это сонъ и что мнѣ только показалось во снѣ, что я полураскрыла глаза. Я старалась даже закрыть глаза, чтобы сонъ продолжался...

чтобы Фридрихъ подошелъ ко мнѣ, наклонился надо мной и поцѣловалъ меня въ лобъ.

Такъ, дѣйствительно, и было. Потомъ онъ опустился около меня на колѣни и наклонился надо мною. Розы все благоухали, а горнистъ вдали продолжалъ свою игру.

— Марта, ты спишь?—спросилъ онъ тихо.

Я открыла глаза.

— Ради Бога! что случилось?—вскричала я, испуганная до смерти, такъ такъ лицо моего мужа было до того печально, что я тотчасъ поняла, что случилось какое-нибудь несчастье. Вмѣсто отвѣта онъ упалъ головой на мою грудь.

Я поняла все. Онъ долженъ уѣхать. Я обвила его шею руками, и такъ пробыли мы нѣкоторое время, не говоря ни слова.

— Когда?—спросила я наконецъ.

— Завтра утромъ.

— О! Боже мой! Боже мой!

— Успокойся, бѣдная моя...

— Нѣтъ, нѣтъ, дай мнѣ плакать. Мое горе слишкомъ велико, и я знаю... я вижу по твоему лицу, что и ты страдаешь не меньше. Никогда ни у кого я не видѣла на лицѣ такого страданія...

— Да, для меня большое несчастье оставить тебя въ эту минуту...

— Фридрихъ, Фридрихъ! Мы не увидимся больше... я умру...

— Или я паду. Да, я думаю объ этомъ тоже: мы не увидимся больше.

Сколько муки вынесли мы въ эти двадцать четыре часа! Уже второй разъ въ жизни я отправляла мужа на войну. Но это второе разставанье было несравненно больнѣе перваго. Тогда и мои взгляды на вещи, и взгляды Арно были совсѣмъ другіе и болѣе примитивные. Я смотрѣла на его съѣздъ какъ на естественную необходимость, предъ которой исчезаютъ всѣ личныя чувства, а онъ видѣлъ въ войнѣ только веселую экспедицію для погони за славой. Онъ шелъ съ одушевленіемъ. Я оставалась безъ ропота. Тогда во мнѣ было еще немного энтузіазма къ военной славѣ, привитаго мнѣ воспита-

ніемъ. Я раздѣляла вмѣстѣ съ нимъ гордость солдата, которую испытывалъ онъ въ „великомъ предпріятіи". Но теперь я знала, что мой мужъ идетъ на дѣло смерти съ отвращеніемъ, а не съ одушевленіемъ; я знала, что онъ любитъ жизнь, которой теперь приходится ему рисковать; что одна вещь ему дороже всего... всего на свѣтѣ, въ томъ числѣ и правъ Аугустенбурга... его жена... жена, которая чрезъ нѣсколько дней будетъ матерью. Провожая Арно, я знала, что онъ уѣзжаетъ съ такимъ чувствомъ, которому можно позавидовать; при этомъ второмъ разставаньи оба мы заслуживали сожалѣнія. Да, мы страдали одинаково, сознавались въ этомъ и жалѣли другъ друга. Ни лицемѣрія, ни возвышенныхъ пустыхъ фразъ утѣшенія, ни хвастовства; мы чувствовали одно и то же и не пытались обманывать другъ друга. Лучшимъ нашимъ утѣшеніемъ было то, что каждый изъ насъ отлично понималъ, какъ безутѣшенъ другой. Разразившагося надъ нами несчастья мы не старались прикрывать личиной героизма или патріотизма. Нѣтъ, перспектива стрѣлять по датчанамъ и рубить ихъ не могла вознаградить моего мужа за мученіе оставить меня одну; наоборотъ, это еще больше усиливало его горе, такъ какъ убивать и разрушать претитъ каждому „благородному человѣку". И для меня тяжесть нашей разлуки рѣшительно нисколько не облегчалась надеждами и видами на повышеніе Фридриха по службѣ. А если Фридрихъ падетъ, если эта наша разлука навсегда, то всѣ государственныя соображенія, ради которыхъ начата эта война, какъ бы возвышенны и священны ни были они, не могутъ уравновѣсить въ моемъ умѣ такой жертвы. „Защитникъ отечества"—почетный титулъ, которымъ украшаютъ солдата! И, дѣйствительно, что можетъ быть благороднѣе для члена общества, какъ не защищать его благо, когда угрожаютъ ему? Но зачѣмъ же военной присягой заставлять солдата принимать на себя другія обязанности, кромѣ защиты отечества? Зачѣмъ обязываютъ ихъ дѣлать нападенія на чужія страны? Зачѣмъ должны они даже въ томъ случаѣ, когда родинѣ не грозитъ вторженіе врага, рисковать жизнью и здоровьемъ, вмѣшиваясь въ споры

чужеземныхъ принцевъ изъ-за территоріи, какъ будто бы здѣсь шло дѣло о защитѣ блага своей страны—мотивъ, который приводится обыкновенно въ оправданіе войны? Зачѣмъ, напримѣръ, въ настоящемъ случаѣ, австрійское войско должно драться за то, чтобы посадить на чужой тронъ Аугустенбурга? Зачѣмъ? Зачѣмъ? Если задать такой вопросъ императору, тебя сочтутъ за измѣнника; если задать его папѣ, это будетъ сочтено за кощунство: въ первомъ случаѣ нарушается вѣрноподданническій долгъ, во второмъ—оскорбляется религія; и ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ не получишь отвѣта.

Полкъ долженъ былъ выступить изъ Ольмюца въ 10 часовъ утра. Мы не спали всю ночь, не желая потерять ни минуты времени, которое намъ осталось провести вмѣстѣ.

Намъ такъ много хотѣлось сказать другъ другу, но мы не могли говорить. Поцѣлуи и слезы говорили краснорѣчивѣе словъ:—я такъ люблю тебя и долженъ оставить!..—Отъ времени до времени вырывались слова надежды: — когда ты вернешься?.. — Конечно, это было возможно — вѣдь многіе возвращаются съ войны. Но странно, повторяя: „когда ты вернешься?“, я старалась представить себѣ восторгъ этой минуты, и—напрасно. Мое воображеніе настойчиво рисовало мнѣ другую картину: трупъ мужа на полѣ, и самое себя въ гробу съ мертвымъ младенцемъ на рукахъ.

Фридриха также мучили предчувствія. Его слова: „когда вернусь“ звучали неискренно, и онъ чаще говорилъ, „если я останусь тамъ“.

— Не выходи, Марта, въ третій разъ замужъ. Не изглаживай впечатлѣніями новой любви воспоминаній этого счастливаго года. Не правда ли, это было счастливое время?

Мы вспоминали сотни мельчайшихъ подробностей отъ первой нашей встрѣчи до настоящаго часа.

— А мой малютка, мой бѣдный малютка, котораго, можетъ-быть, мнѣ не придется прижать къ своей груди, какъ назовешь ты его?

— Фридрихомъ или Фридерикой.

— Нѣтъ, лучше Мартой. Пусть моя дочь носитъ то имя, которое ея умирающій отецъ повторялъ въ послѣднія секунды жизни...

— Фридрихъ, зачѣмъ ты постоянно говоришь о смерти? Если ты вернешься...

— Да, *если*, —повторилъ онъ со вздохомъ.

Къ утру мои глаза, отяжелѣвшіе отъ слезъ, сомкнулись, и легкая дремота одолѣла насъ обоихъ. Крѣпко обнявшись, мы сидѣли рядомъ, не теряя сознанія, что часъ разлуки близокъ.

Вдругъ я вскочила съ громкимъ стономъ. Фридрихъ поднялся.

— Ради Бога, Марта, что съ тобой? Неужели? О! говори! Это...

Я утвердительно кивнула головой.

Съ его губъ сорвался мучительный крикъ—было ли то проклятіе или молитва? Онъ позвонилъ и поднялъ на ноги весь домъ.

— Скорѣе за докторомъ... за акушеркой,—крикнулъ онъ вбѣжавшей горничной. И затѣмъ онъ бросился на колѣни около меня и началъ цѣловать мою свѣсившуюся руку.

— Милая моя! жизнь моя! И *теперь, теперь* я долженъ оставить тебя.

Я не могла говорить. Сильнѣйшая физическая боль, какую только можно себя представить, ломала и терзала мое тѣло. И эта агонія становилась еще сильнѣе при сознаніи, что „онъ уходитъ именно *теперь*", и что отъ этого онъ чувствуетъ себя еще болѣе несчастнымъ. Явились докторъ и акушерка и принялись ухаживать за мною. А Фридрихъ между тѣмъ доканчивалъ свои сборы. „Докторъ, докторъ", умолялъ онъ врача, взявши его за руки, „скажите, она останется жива? Телеграфируйте мнѣ сегодня же туда-то и туда-то", и онъ назвалъ станціи, чрезъ которыя поѣдетъ его полкъ. „А если будетъ опасность... Да впрочемъ что изъ этого?" перебилъ онъ самого себя. „Даже если бы опасность была очень велика, развѣ я могъ бы вернуться?"

— Да, тяжело вамъ, баронъ,—замѣтилъ докторъ.— Но не безпокойтесь, паціентка молода и сильна. Се-

годня къ вечеру все будетъ хорошо, и вы получите успокоительную телеграмму.

— О да! Вы хотите посылать мнѣ благопріятныя извѣстія... Но я хочу знать правду! Слышите, докторъ! Я требую, чтобы вы дали мнѣ честное слово, клятву, что вы будете сообщать мнѣ правду... всю правду. Только при этомъ условіи успокоительныя телеграммы могутъ, дѣйствительно, успокоить меня. Иначе я не буду вѣрить вашимъ сообщеніямъ. Поклянитесь!

Докторъ далъ требуемую клятву.

— О мой бѣдный, бѣдный мужъ! Даже если ты сегодня получишь извѣстіе о томъ, что твоя Марта умираетъ, тебѣ нельзя будетъ вернуться закрыть ей глаза! Ты идешь на болѣе важное дѣло—посадить Аугустенбурга на тронъ, Фридрихъ!—громко крикнула я.

Онъ бросился ко мнѣ. Въ этотъ самый моментъ начали бить часы. Намъ осталось теперь одна или двѣ минуты. Но и эти послѣднія минуты были отравлены: со мной сдѣлался приступъ, и вмѣсто словъ прощанья я могла только охать.

— Идите, баронъ... лучше скорѣе прервать тяжелую сцену,—сказалъ докторъ;—для больной волненіе опасно.

Еще одинъ поцѣлуй—и Фридрихъ выбѣжалъ изъ комнаты. Напутствіемъ ему были мои стоны и послѣднее слово доктора „опасно".

Что долженъ былъ чувствовать онъ, уѣзжая? На слѣдующій день въ мѣстныхъ ольмюцкихъ газетахъ было помѣщено такое сообщеніе:

„Вчера —скій полкъ выступилъ изъ нашего города съ музыкой и развернутыми знаменами, чтобы пріобрѣсти себѣ новые лавры въ опоясанной моремъ братской странѣ. Воодушевленіе замѣтно было въ рядахъ войска, въ глазахъ солдатъ виднѣлись радость и отвага..." и т. д.

Передъ отъѣздомъ Фридрихъ телеграфировалъ тетѣ Мари, что я нуждаюсь въ ея помощи, и чрезъ нѣсколько часовъ она была уже около меня. Я лежала безъ памяти и была въ большой опасности.

Нѣсколько недѣль я была между жизнью и смертью. Ребенокъ умеръ въ тотъ же день, въ который родился. Душевная мука, причиненная мнѣ отъѣздомъ мужа,

именно въ то самое время, когда я нуждалась въ поддержкѣ, чтобы перенести физическую муку, сдѣлала меня неспособной бороться съ нею, и я едва не умерла.

Связанный клятвою докторъ вынужденъ былъ послать моему бѣдному мужу печальное извѣстіе о томъ, что ребенокъ умеръ, а мать—въ опасности.

Что же касается извѣстій, присылаемыхъ имъ съ дороги, то мнѣ они не передавались. Я никого не узнавала и бредила день и ночь. Странный бредъ!

Когда я приходила въ сознаніе, я вспоминала, хотя и слабо, бродившія въ моей головѣ мысли, но передать ихъ связно, словами для меня было бы невозможно. Въ ненормальномъ хаосѣ мыслей воспаленнаго мозга проходятъ такія понятія и образы, для которыхъ нѣтъ выраженій въ языкѣ, приспособленномъ къ нашему нормальному сужденію. Мнѣ помнится, будто я пытаюсь занести фантастическіе образы въ свою красную тетрадку, что у меня въ головѣ перепутывались оба событія—война и роды. Мнѣ представлялось, что пушки и холодное оружіе (я ясно чувствовала удары штыковъ) были орудіями моего разрѣшенія и что я лежала на землѣ какъ предметъ спора двухъ армій. Я знала, что мужъ ушелъ въ походъ, но мнѣ казалось, что онъ стоитъ передо мной въ видѣ умершаго Арно, и самъ Фридрихъ сидѣлъ у моей постели, переодѣтый акушеркой, и гладилъ серебрянаго аиста. И я ждала съ минуты на минуту, что вотъ, вотъ лопнетъ граната и разобьетъ въ куски всѣхъ насъ троихъ—Арно, Фридриха и меня—для того, чтобы явился на свѣтъ ребенокъ, которому предназначено царствовать надъ „Дикштейномъ“, „Шлезмаркомъ“ и „Гольвигомъ“... Все это причиняло мнѣ невыразимую боль, и было не нужно... Однако долженъ же гдѣ-нибудь на свѣтѣ находиться такой человѣкъ, который могъ бы все это измѣнить и передѣлать, который своимъ могучимъ словомъ снялъ бы невыносимую тяжесть, давившую и мою грудь и грудь всего человѣчества, и я рвалась, чтобы броситься къ ногамъ его и молить его: „Помоги намъ! Помоги во имя благости и справедливости! Долой оружіе! долой!“ Такъ вскрикнула я однажды утромъ въ бреду и пришла въ

сознаніе. Отецъ и тетя Мари стояли въ ногахъ моей постели, и отецъ сказалъ мнѣ, успокаивая меня:

— Да, да, дитя мое, успокойся, оружіе положено.

Возвращеніе къ сознанію послѣ долгаго безпамятства—странная вещь. Прежде всего испытываешь радостное удивленіе, сознавая, что ты живъ, а затѣмъ является тревожный вопросъ: что со мной?..

Но отвѣтъ на этотъ вопросъ разомъ измѣнилъ проявившуюся во мнѣ радость бытія на страшную муку. Я—больная Марта Тиллингъ, новорожденный ребенокъ которой умеръ и мужъ которой ушелъ на войну. Но когда все это было? Этого я не знала.

— Живъ ли онъ? есть ли отъ него письма... телеграммы?—былъ первый мой вопросъ.

Да, была цѣлая большая связка телеграммъ и писемъ, пришедшихъ во время моей болѣзни. Бо̀льшая часть изъ нихъ состояла только изъ вопросовъ о моемъ положеніи и просьбъ посылать ему сообщенія ежедневно, и если можно, ежечасно. Но это было возможно, конечно, только въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ проходилъ съ своимъ полкомъ въ мѣстахъ, имѣвшихъ телеграфное сообщеніе.

Мнѣ не позволено было тотчасъ же прочитать письма Фридриха; они думали, что это сильно взволнуетъ и разстроитъ меня, а мнѣ, едва опомнившейся отъ бреда, требовался, прежде всего, покой. Они сказали мнѣ только одно, что „Фридрихъ невредимъ.“ Онъ участвовалъ уже въ нѣсколькихъ удачныхъ сраженіяхъ. Война должна теперь скоро окончиться. Враги держались только въ Альзенѣ, и если эта позиція будетъ взята, наши войска вернутся, увѣнчанныя славой. Такъ говорилъ мнѣ отецъ, желая успокоить меня, а тѐтя Мари разсказывала мнѣ исторію моей болѣзни. Съ ея пріѣзда прошло нѣсколько недѣль; она пріѣхала въ тотъ день, когда уѣхалъ Фридрихъ, родился и умеръ мой ребенокъ. Это еще немного сохранилось въ моей памяти, но что было потомъ—пріѣздъ отца, письма отъ Фридриха, ходъ моей болѣзни,—обо всемъ этомъ я не знала ничего. Только теперь я узнала, что мое положеніе было такъ опасно, что доктора потеряли надежду,

и отецъ былъ вызванъ проститься со мной. Фридриху посылались обо мнѣ всѣ—и хорошія и дурныя—вѣсти. Уже нѣсколько дней, какъ врачи подали надежду, и вѣроятно телеграмма объ этомъ получена имъ.

— Да, если онъ живъ, — замѣтила я съ тяжелымъ вздохомъ.

— Не грѣши, Марта,—увѣщавала меня тетка.—Милосердый Богъ и Его святые угодники спасли тебя, по нашимъ молитвамъ, не для того, чтобы послать тебѣ такое страшное испытаніе. Они спасутъ для тебя твоего мужа, за котораго я—ужь ты повѣрь моимъ словамъ—такъ же горячо молилась, какъ и за тебя. Я послала даже ему ладонку. О, конечно! Не пожимай плечами, ты не вѣришь въ эти вещи; вреда онѣ не приносятъ никакого, а сколько было примѣровъ, что онѣ спасали. Ты сама можешь служить примѣромъ, какъ много значитъ заступничество святыхъ; когда бывало тебѣ особенно тяжело, я обращалась съ молитвой къ твой покровительницѣ святой Мартѣ.

— А я,—перебилъ ее отецъ, стоявшій на сторонѣ клерикаловъ въ политикѣ, но не сочувствовавшій набожности сестры,—я выписалъ изъ Вѣны доктора Брауна и спасъ тебя.

На другой день по моей неотступной просьбѣ мнѣ было позволено прочитать всѣ письма, присланныя Фридрихомъ. Большею частью это были только вопросы въ одну-двѣ строчки и такія же лаконическія сообщенія: „Вчера было сраженіе. Невредимъ". „Сегодня идемъ дальше. Письма адресовать туда-то". Но было и одно пространное письмо, на конвертѣ котораго была надпись: „Передать Мартѣ, когда она будетъ внѣ опасности". Его я прочитала послѣ всѣхъ.

„Жизнь моя! прочитаешь-ли ты это когда-нибудь? Послѣднее извѣстіе, полученное мною отъ врача, говорило: „У больной сильная горячка, положеніе опасное". „Опасное!" Можетъ-быть, онъ употребилъ это выраженіе, жалѣя меня, и долженъ былъ бы сказать „безнадежное". Когда же тебѣ дадутъ въ руки это письмо, знай, что ты внѣ опасности. Можешь себѣ представить, что чувствовалъ я, когда наканунѣ одного сраженія мнѣ пред-

ставилось, что моя обожаемая жена лежитъ теперь умирающей и зоветъ меня къ себѣ, протягивая ко мнѣ руки; что мы даже и не простились, какъ слѣдуетъ, а нашъ ребенокъ, которому я такъ радовался, умеръ! А завтра... весьма вѣроятно, что на меня налетитъ пуля. Если тебя нѣтъ въ живыхъ, то смертоносная пуля будетъ для меня самымъ желаннымъ подаркомъ. Но если ты спасена,—нѣтъ! Тогда я не хочу и думать о смерти. „Радость смерти", о которой постоянно говорятъ намъ полевые проповѣдники,—неестественное чувство, и счастливый человѣкъ не можетъ переживать его. Если ты жива и я вернусь домой, мнѣ предстоитъ испытать невыразимое блаженство.

„Сегодня мы въ первый разъ встрѣтились со врагомъ. До сихъ поръ мы шли уже по завоеванной землѣ, изъ которой вышли датчане. Дымящіяся развалины деревень, уничтоженныя хлѣбныя поля, оружіе и ранцы, валяющіеся по землѣ, изрытая гранатами почва, лужи крови, трупы лошадей, рвы, наполненные убитыми,—вотъ сцены, которыми любовались мы, идя слѣдомъ за побѣдителями, для того, чтобы, если возможно, увеличить число побѣдъ, т.-е., сжечь еще больше деревень и т. д. Сегодня мы такъ и сдѣлали. Сзади насъ пылаетъ деревня. Жители ея, къ счастью, успѣли заблаговременно покинуть ее; но въ одной конюшнѣ осталась лошадь. Слышно было, какъ она въ отчаяніи ржала и била копытами. Знаешь, что я сдѣлалъ? Во всякомъ случаѣ я не разсчитываю получить за это ордена: вмѣсто того, чтобы употребить время на избіенье двухъ-трехъ датчанъ, я поскакалъ къ конюшнѣ и хотѣлъ выпустить бѣдное животное. Но было невозможно: ясли были охвачены огнемъ, и тотчасъ же вспыхнула солома подъ ея ногами и грива. Я выстрѣлилъ ей въ голову изъ револьвера, она упала мертвой и такимъ образомъ спаслась отъ страданій сгорѣть заживо. Затѣмъ я снова въ битвѣ, въ захватывающемъ дыханіе пороховомъ дыму, среди дикаго шума свистящихъ пуль, разрывающихся гранатъ, бѣшеныхъ криковъ сражающихся. Большая часть людей,—своихъ и враговъ,—дравшихся вокругъ меня, были, правду сказать, безъ сознанія. Но моя голова была

свѣжа. Я никакъ не могъ настроить себя на чувство ненависти къ датчанамъ. Они храбры; и если напали на насъ, то вѣдь этимъ они выполняютъ свой гражданскій долгъ! Мои мысли были около тебя, Марта. Ты представлялась мнѣ мертвой, и я желалъ одного—чтобы пуля сразила меня. Но чрезъ минуту мелькнетъ опять лучъ надежды: „А что, если она жива? А что, если я вернусь еще къ ней?“

„Бойня продолжалась два часа; поле сраженія осталось за нами. Врагъ бѣжалъ, но мы не преслѣдовали его. У насъ было много дѣла на полѣ. Въ ста шагахъ отъ деревни стояла большая ферма съ большими комнатами и конюшнями; здѣсь мы остались на ночь и сюда перенесли раненыхъ. Погребеніе убитыхъ отложено до завтрашняго утра. Много, конечно, живыхъ будетъ погребено вмѣстѣ съ мертвыми, такъ какъ летаргія послѣ тяжелыхъ ранъ—явленіе обыкновенное. Многихъ, которые отстали, умершихъ или раненыхъ, или даже и не раненыхъ, придется бросить безъ вниманія, особенно тѣхъ, которые лежатъ подъ развалинами зданій. Если они мертвы, пусть гніютъ потихоньку тамъ, гдѣ лежатъ, если только ранены, пусть истекаютъ кровью; если не ранены, пусть умираютъ медленной смертью отъ голода. А мы, ура! Идемъ впередъ съ нашей веселой молодецкой войной!

„Слѣдующее сраженіе будетъ, вѣроятно, рѣшительнымъ. Повидимому, та и другая стороны выставятъ значительныя силы. Число убитыхъ и раненыхъ легко дойдетъ до десяти тысячъ: когда пушки начнутъ свою смертоносную работу, онѣ такъ и сметаютъ рядъ за рядомъ. Чудесный снарядъ! Было бы лучше, если бы артиллерійское искусство дошло до того, чтобы одной бомбой уничтожать цѣлую непріятельскую армію, тогда, можетъ-быть, войны сдѣлались бы безсмысленными. При полномъ равновѣсіи силъ сражающихся нельзя было бы предоставлять двумъ войскамъ рѣшеніе правовыхъ вопросовъ.

„Почему я пишу тебѣ все это? Почему я не пою, какъ слѣдовало бы воину, торжественныхъ побѣдныхъ гимновъ нашимъ военнымъ подвигамъ? Почему? Потому

что я жажду правды и жажду высказаться объ этомъ безъ утайки. Я всегда ненавидилъ фразы; а въ эту минуту, когда я самъ близокъ къ смерти и говорю съ тобой, которая, можетъ-быть, тоже лежитъ въ смертной агоніи, мнѣ необходимо высказать то, что лежитъ у меня на душѣ. Хотя бы тысячи другихъ были несогласны со мной или по крайней мѣрѣ считали себя обязанными говорить иначе, я хочу, я долженъ сказать еще разъ, что война мнѣ ненавистна. Если бы каждый чувствующій то же, что и я, безстрашно заявилъ это вслухъ, какой грозный протестъ раздался бы со всѣхъ сторонъ! Всѣ „ура!“, которыя раздаются теперь, всѣ громы пушекъ, которые сопровождаютъ ихъ, были бы заглушены этимъ крикомъ человѣчества, требующаго человѣчности, этимъ побѣдоноснымъ крикомъ: „Война войнѣ!“

„Половина четвертаго ночи. Первую часть письма я писалъ тебѣ прошлой ночью. Затѣмъ я легъ на мѣшокъ съ соломой и проспалъ одинъ - два часа. Черезъ полчаса мы выступаемъ, и, слѣдовательно, я успѣю еще передать это письмо полевой почтѣ. Всѣ на ногахъ и готовятся къ выступленію. Бѣдные! Какъ мало имъ удалось отдохнуть послѣ вчерашняго кроваваго дѣла и подкрѣпиться для той работы, которая предстоитъ имъ сегодня. Я обошелъ нашъ импровизированный полевой госпиталь, который останется здѣсь. Я видѣлъ нѣсколькихъ такихъ раненыхъ и умирающихъ, что съ удовольствіемъ оказалъ бы имъ ту же услугу, какъ и вчера горѣвшей лошади. Есть одинъ, у котораго отстрѣлена вся нижняя челюсть; другой... но довольно! Я не могу помочь ему, да никто не поможетъ кромѣ смерти. Къ несчастью, она приходитъ иногда очень медленно; она всегда бываетъ глуха, когда человѣкъ зоветъ ее. Зато она старательно гонится за тѣми, которые бѣгутъ отъ нея и молятъ ее: „Пощади меня, меня ждетъ дома любимая мною жена!“ Лошадь осѣдлана; приходится запечатывать письмо. Прощай, Марта, если ты еще жива!“

. . . .

Къ счастью, въ пачкѣ находились письма, помѣченныя и позднѣйшимъ числомъ, чѣмъ приведенное выше.

Послѣ большого сраженія, котораго ждалъ Фридрихъ въ послѣднемъ письмѣ, онъ могъ написать мнѣ только:

„Побѣда за нами. Я невредимъ. Шлю два хорошихъ извѣстія: одно—твоему отцу, другое—тебѣ. Но я не могу умолчать, что этотъ день принесъ безчисленное множество страданій безчисленному множеству другихъ“...

Въ другомъ письмѣ Фридрихъ описывалъ мнѣ, какъ онъ встрѣтился съ кузеномъ Готфридомъ.

„Представь себѣ мое удивленіе. Кого увидалъ я проѣзжающаго мимо меня во главѣ кавалерійскаго отряда? Сына тети Корнеліи! Какъ, вѣроятно, боится теперь за него бѣдная женщина... Самъ онъ очень увлеченъ войной. Я замѣтилъ это и въ его гордомъ веселомъ взглядѣ, и потомъ онъ самъ говорилъ мнѣ объ этомъ. Въ этотъ вечеръ мы рядомъ расположились лагеремъ, и я пригласилъ его къ себѣ въ палатку. „Какъ это, правда, хорошо“, вскричалъ онъ съ восхищеніемъ, „что мы сражаемся за одно и то же дѣло и даже рядомъ! Не правда ли, какая мнѣ удача, что вспыхнула война въ первый годъ моей службы? Я заслужу орденъ“.— „Ну, а тетя, какъ перенесла она твой отъѣздъ?“ „О! разумѣется, какъ всѣ матери, со слезами... которыя она старалась скрыть, чтобы не уменьшить моего одушевленія... съ благословленьями, съ печалью, съ гордостью“.—„Ну, а что чувствовалъ ты, когда въ первый разъ попалъ въ этотъ хаосъ?“—„О! восторгъ!“—„Тебѣ нѣтъ надобности притворяться предо мною: съ тобой говоритъ не штабъ-офицеръ, который разспрашиваетъ тебя, какъ поручика, и которому ты обязанъ отвѣтить извѣстнымъ образомъ; тебя спрашиваетъ человѣкъ и другъ“.—„Я могу только повторить: восторгъ! Долженъ сознаться, что немного страшно, но вмѣстѣ съ тѣмъ великолѣпно. Одно только сознаніе, что я исполняю высшій долгъ человѣка предъ всѣмъ человѣчествомъ и предъ отечествомъ, что мнѣ въ этомъ помогаетъ самъ Богъ! А потомъ, что я смотрю въ глаза смерти, одного призрака который всѣ такъ боятся и бѣгутъ, что она работаетъ около меня, что я чувствую ея дыханіе... эта мысль возвышаетъ, испытываешь какое-

то эпическое настроеніе, какъ будто чувствуешь, что муза исторіи летаетъ надъ нашими головами и даетъ побѣду нашему оружію. Я пылалъ благороднымъ гнѣвомъ противъ надменнаго врага, который дерзнулъ посягнуть на право германскихъ народовъ, и для меня было счастьемъ удовлетворить свою ненависть къ нему. Интересная, таинственная вещь—имѣть право убивать... или нѣтъ—приказаніе убивать, и не бить убійцей и вмѣстѣ съ тѣмъ безстрашно рисковать своей собственной жизнью".

„Такъ долго болталъ онъ. Я остановилъ его. Я пережилъ то же самое, когда въ первый разъ участвовалъ въ битвѣ. „Эпическое настроеніе"... да, онъ употребилъ здѣсь очень мѣткое слово. Героическія стихотворенія и героическія исторіи, съ помощью которыхъ наши школы дѣлаютъ изъ насъ настоящихъ воиновъ, крѣпко сидятъ въ нашемъ мозгу, точно впечатлѣнія отъ грохота канонады, блеска холоднаго оружія и крика сражающихся. Кромѣ того, свобода отъ обыкновенныхъ ограниченій жизни, свобода отъ законовъ, въ которой вдругъ очутишься, создаютъ иллюзію, какъ будто человѣкъ перенесся въ другой міръ, оставивъ за собой мишурное земное существованіе, съ его мирнымъ домашнимъ покоемъ, и бросился въ титаническую борьбу подземныхъ духовъ. Но этотъ угаръ быстро прошелъ у меня, и я только съ большимъ усиліемъ могу возстановить въ своей памяти тѣ ощущенія, которыя описывалъ мнѣ молодой Тессовъ. Я скоро понялъ, что въ разгарѣ битвы человѣкъ не возвышается надъ своей природой, а унижается; что онъ не получаетъ какого-нибудь таинственнаго откровенія изъ царства Божества, а что въ немъ просыпаются инстинкты царства животныхъ, пробуждается дикій звѣрь. И человѣкъ, который способенъ опьянѣть отъ пролитія крови, который—какъ я часто наблюдалъ надъ своими людьми—можетъ шпагой разбить черепъ безоружному врагу, который способенъ опуститься до палача или, еще ниже, до кровожаднаго тигра... только такой человѣкъ можетъ въ эту минуту испытать увлеченіе битвой. Со мной никогда этого не было... повѣрь мнѣ,—никогда!

„Готфридъ въ восторгѣ, что мы, австрійцы, присоединились къ нимъ въ борьбѣ за „правое дѣло“ (почему онъ знаетъ? вѣдь каждый увѣряетъ, что его дѣло „правое“). „Да, мы, нѣмцы, составляемъ одинъ братскій народъ“, восторженно говорилъ онъ.—„Это извѣстно давно... еще въ тридцатилѣтнюю войну, а потому и въ семилѣтнюю“, замѣтилъ я ему вполголоса. Онъ не слыхалъ моихъ словъ и продолжалъ: „Въ союзѣ другъ съ другомъ мы можемъ побѣдить кого угодно“.—„А что скажешь ты, мой молодой другъ, если не сегодня-завтра поссорятся пруссаки и австрійцы, и мы съ тобой окажемся во враждебныхъ лагеряхъ?“—„Это немыслимо теперь, послѣ того какъ мы вмѣстѣ проливали кровь за одно и то же дѣло. Теперь никогда не будетъ того, чтобы...“—„Никогда? Совѣтую тебѣ не употреблять выраженій „никогда“ и „вѣчно“, если будешь говорить о политикѣ. Что эфемериды въ животномъ царствѣ, то же самое дружба и вражда народовъ въ ходѣ историческихъ явленій.“

„Я пишу тебѣ все это, Марта, не потому, чтобы я думалъ, что могу заинтересовать тебя, моя бѣдная больная, и не потому, чтобы хотѣлъ вызвать тебя на подобныя размышленія, но у меня не выходитъ изъ головы мысль, что я буду убитъ, и не хочу уносить съ собой въ могилу невыраженныхъ чувствъ. Можетъ-быть, мое письмо найдутъ и прочтутъ другіе. Пускай не остается невысказаннымъ и скрытымъ то, что копошилось въ умѣ солдата, который мыслилъ свободно и чувствовалъ по-человѣчески. „Вотъ на что я посягнулъ“, было девизомъ Ульриха фонъ-Гуттена. „Вотъ что я высказалъ“, могу сказать я передъ смертью и со спокойной совѣстью оставить эту жизнь“.

Послѣднее письмо Фридриха было послано имъ пять дней тому назадъ и получено нами за два дня. Какъ можно надѣяться, что въ эти пять дней—пять дней на войнѣ—не случилось чего-нибудь? Тревога и страхъ охватили меня. Почему не получено мною отъ него ни одной строчки вчера или сегодня? О, какъ хотѣлось мнѣ получить письмо... а еще лучше телеграмму. Думаю, что ни одинъ больной горячкой не могъ жаждать такъ

воды, какъ я жаждала извѣстія отъ мужа. Я была спасена. Какъ будетъ онъ радъ, найдя меня въ живыхъ, если... Это „если“ убиваетъ всякую надежду въ самомъ зародышѣ.

Мой отецъ долженъ былъ уѣхать. Теперь онъ могъ спокойно оставить меня. Опасность миновала, а его призывали настоятельныя дѣла въ Грумицѣ. Я должна была, когда соберусь съ силами, отправиться туда же съ своимъ сыномъ Рудольфомъ. Жизнь въ деревнѣ на свѣжемъ воздухѣ прежде всего возстановитъ мои силы, да и мальчику она будетъ полезна. Тетя Мари оставалась покамѣстъ со мною. Она должна была ухаживать за мною и потомъ отвезти меня въ Грумицъ, куда Роза и Лили уѣхали раньше. Я молча слушала, какъ старики строили относительно меня свои планы, и не говорила объ этомъ никому ни слова, но твердо рѣшила про себя уѣхать въ Шлезвигъ-Голштинію, лишь только немного поправлюсь.

Гдѣ могъ быть въ настоящій моментъ полкъ Фридриха, мы не знали. Было невозможно послать ему письмо или, какъ хотѣлось бы мнѣ дѣлать, телеграфировать ему каждый часъ и спрашивать: „живъ ли ты?“

— Ты не должна такъ тревожиться,—говорилъ мнѣ отецъ, прощаясь со мной,—иначе ты опять сдѣлаешься больна. Два дня безъ извѣстій—что за важность? Въ этомъ нѣтъ еще никакого повода къ безпокойству. На боевомъ полѣ нѣтъ почтовыхъ ящиковъ и телеграфовъ, не говоря уже о томъ, что человѣкъ во время похода, среди битвъ и на бивуакахъ, не въ состояніи писать. Полевая почта тоже не всегда аккуратна, и легко можетъ случиться, что цѣлыхъ двѣ недѣли не встрѣтится случая послать письма. Въ мое время я еще рѣже писалъ домой, и никто не безпокоился обо мнѣ изъ-за этого.

— А ты почему знаешь это, папа? Я увѣрена, что твои родные такъ же боялись за тебя, какъ и я за Фридриха. Правда, тетя?

— Мы больше вѣрили въ Бога, чѣмъ ты,—отвѣтила она.—Мы знали, что если благое Провидѣніе захочетъ, чтобы твой папа вернулся домой, онъ вернется, будемъ ли мы получать отъ него письма или нѣтъ.

— А если бы я не вернулся и бомба разбила меня вдребезги, то вы настолько любили свое отечество, что жизнь отдѣльнаго солдата для васъ была такой ничтожной вещью, что совершенно исчезала предъ тѣмъ великимъ дѣломъ, за которое она положена. А у тебя, моя дочь, нѣтъ такого патріотизма. Впрочемъ, я не хочу огорчать тебя теперь. Главное, это—то, чтобы ты поправилась и берегла себя для своего Руди, чтобы сдѣлать изъ него храбраго защитника отечества.

. . . .

Мое выздоровленіе шло не такъ быстро, какъ можно было ожидать. Отсутствіе извѣстій причиняло мнѣ муку и поддерживало постоянную лихорадку. Ночью мнѣ представлялись разные ужасы, а дни проходили въ томительномъ ожиданіи или мучительной апатіи, такъ что мнѣ трудно было собраться съ силами.

Однажды цѣлую ночь меня мучилъ страшный кошмаръ: мнѣ представлялся Фридрихъ заживо погребеннымъ подъ грудою труповъ человѣческихъ и конскихъ. Утромъ у меня обнаружились признаки возвратной горячки, и я опять была на краю могилы. Бѣдная тетя Мари пережила со мной тяжелое время. Она считала своею обязанностью проповѣдывать мнѣ для моего успокоенія о преданіи себя волѣ Божіей, и ея доводы, состоящіе только въ вѣчномъ повтореніи о предопредѣленіи и судьбѣ, начали бѣсить меня, и вмѣсто того, чтобы покоряться и успокаиваться, я начинала горячо противорѣчить ей, проклинать свою судьбу, вопреки ея увѣщаніямъ, и въ пылу досады говорила, что ея вѣра въ предопредѣленіе—безсмыслица. Конечно, это было въ ея глазахъ кощунствомъ, и моя добрая старушка не только чувствовала себя лично оскорбленной, но мучилась и за мою грѣшную душу, которой, можетъ-быть, скоро предстоитъ явиться предъ престоломъ Вѣчнаго Судьи. Было только одно средство успокоить меня на нѣсколько минутъ: это—привести въ мою спальню маленькаго Рудольфа. „О, любимое мое дитя! Ты—мое утѣшеніе, моя опора, мое будущее!“ Такъ привѣтствовала я въ душѣ своего ребенка, всякій разъ какъ видѣла его. Но ему не хотѣлось долго сидѣть въ полу-

сумракѣ моей комнаты. Ему непривычно было видѣть свою веселую всегда маму лежащей въ постели, блѣдной и плачущей. Онъ какъ-то притихалъ около меня, и потому я не могла долго держать его около себя.

Отъ моего отца часто приходили письма. Онъ писалъ полковнику Фридриха и нѣкоторымъ другимъ лицамъ, но „не получалъ отвѣта“. Какъ только приходилъ списокъ убитыхъ и раненыхъ, онъ давалъ намъ телеграмму: „въ ихъ числѣ Фридриха нѣтъ“.

— Можетъ-быть, вы обманываете меня?—спросила я однажды тетку.—Можетъ-быть, уже давно пришло извѣстіе о его смерти, и вы скрываете это отъ меня...

— Клянусь тебѣ...

— Поклянись своей вѣрой, своей душой!

— Клянусь тебѣ моей душой.

Такое увѣреніе принесло мнѣ невыразимую отраду; я всячески хваталась за надежду и всякій часъ ждала письма или телеграммы. При малѣйшемъ шумѣ въ сосѣдней комнатѣ мнѣ казалось, что это почтальонъ, и я почти не отрывала глазъ отъ двери: я все ждала, что вотъ-вотъ войдутъ въ комнату съ благодатной вѣстью. Когда я вспоминаю теперь эти дни, они представляются мнѣ цѣлымъ годомъ непрерывныхъ пытокъ. Отраднымъ лучомъ мелькнуло для меня извѣстіе, что арміи прекратили враждебныя дѣйствія: это уже, навѣрное, предвѣстіе мира. Въ день полученія этого извѣстія я въ первый разъ ненадолго встала съ постели. Миръ! Какая радость! Какое счастье! Но, можетъ-быть, для меня уже поздно? Все равно. Я почувствовала, что я начала успокаиваться; по крайней мѣрѣ, я не буду представлять себѣ теперь ежедневно и ежечасно, что, можетъ-быть, въ этотъ моментъ Фридрихъ падаетъ мертвымъ въ пылу боя.

— Слава Богу! теперь ты скоро поправишься,—говорила мнѣ однажды тетя, помогая мнѣ сѣсть на кушетку, придвинутую для меня къ открытому окну.—И тогда мы можемъ отправиться въ Грумицъ...

— Какъ только я соберусь съ силами, я поѣду въ Альзенъ.

— Въ Альзенъ? Что ты еще придумала, дорогое дитя мое?

— Я хочу найти мѣсто, гдѣ Фридрихъ былъ раненъ или...—начала, было, я и не могла кончить.

— Привести къ тебѣ Рудольфа?—сказала тетя послѣ небольшой паузы. Она знала, что это лучшее средство отогнать отъ меня мрачныя мысли.

— Нѣтъ, не надо. Я хочу отдохнуть и побыть одной. И ты, тетя, хорошо сдѣлала бы, если бы ушла въ сосѣднюю комнату. Можетъ-быть, я засну немного, я чувствую такую слабость!..

— Хорошо, милая, я оставлю тебя въ покоѣ. Вотъ на столѣ около тебя колокольчикъ. Если тебѣ понадобится что-нибудь, позвони.

— Почтальонъ былъ уже?

— Нѣтъ; еще рано.

— Если онъ придетъ, разбуди меня.

Я откинулась на подушки и закрыла глаза. Тетя тихо вышла изъ комнаты.

Не спать хотѣла я; я хотѣла только остаться одной съ моими мыслями. Я лежала въ той же самой комнатѣ, на той же самой кушеткѣ, какъ и въ то утро, когда Фридрихъ пришелъ сказать мнѣ: „мы получили приказъ выступить“. Было такъ же удушливо-жарко, какъ и въ тотъ день, и розы такъ же благоухали въ вазѣ около меня, и горнистъ наигрывалъ такъ же. Я могла всецѣло перенестись мыслью къ тому дню... Мнѣ хотѣлось такъ же заснуть и увидѣть въ полудремотѣ, что тихо отворяется дверь и входитъ мужъ... Розы благоухали все сильнѣе, чрезъ открытое окно доносилось отдаленное тра-ра-ра горниста... Я понемногу теряла сознаніе настоящаго и все болѣе и болѣе переносилась въ прошлое... въ моей памяти постепенно исчезало все, что произошло съ тѣхъ поръ, и только одна мысль все интенсивнѣе овладѣвала мною въ этотъ моментъ, что вотъ-вотъ можетъ отвориться дверь и войдетъ тотъ, кто составляетъ всю радость моей жизни. Но для этого надобно, чтобы мнѣ приснилось, будто я полуоткрыла глаза... Я едва-едва приподняла вѣки... И вотъ передо мной видѣніе: Фридрихъ, мой возлюбленный Фридрихъ стоитъ въ двери... Съ громкимъ рыданіемъ, закрывъ лицо руками, я пробудилась отъ грезъ. И я пожалѣла,

что этотъ лучъ небеснаго блаженства, мелькнувшій мнѣ на мгновеніе, можетъ сдѣлать еще мрачнѣе ночь моего несчастья.

— О, мой Фридрихъ! Я потеряла тебя!—простонала я.

— Марта! Жена моя!

Что это? Живой голосъ, его голосъ!... И чьи-то руки страстно обняли меня.

Я не спала. Я лежала на груди моего мужа.

. . . .

Какъ въ послѣдніе часы предъ разлукой наше горе выражалось больше въ слезахъ и поцѣлуяхъ, чѣмъ въ словахъ, такъ и теперь въ часы свиданья, крѣпко обнимая любимаго человѣка, котораго я считала уже умершимъ, рыдая, смѣясь и дрожа отъ волненія, обнимая дорогую голову обѣими руками, цѣлуя ее въ лобъ, въ глаза, въ губы, говоря безсвязныя слова ласки, я поняла, что можно сойти съ ума отъ радости.

Услышавъ мой радостный крикъ, тетя Мари испуганно вбѣжала ко мнѣ въ комнату. Она не знала о пріѣздѣ Фридриха и при видѣ его упала въ кресло, воскликнувъ: „Іисусъ, Марія, Іосифъ!“

Прошло много времени, прежде чѣмъ улегся первый порывъ радости настолько, что мы были въ состояніи задавать другъ другу вопросы и разсказывать о томъ, что случилось съ нами за это время. Фридрихъ разсказалъ намъ, что онъ раненый лежалъ въ домѣ одного крестьянина, въ то время какъ полкъ его ушелъ дальше. Рана была не тяжелая, но онъ пролежалъ нѣсколько дней безъ сознанія. Въ это время и онъ не получалъ нашихъ писемъ, и самъ не могъ посылать намъ. Когда онъ оправился, было объявлено уже перемиріе, и война, очевидно, приходила къ концу: такимъ образомъ ему можно было возвратиться домой. Въ это время онъ уже не писалъ и не телеграфировалъ, но ѣхалъ день и ночь, чтобы вернуться домой какъ можно скорѣе. Онъ не зналъ, жива ли я, онъ не хотѣлъ даже справляться объ этомъ, но спѣшилъ, спѣшилъ впередъ, не теряя ни минуты и не разбивая своей надежды найти дома того, кто для него дороже

всего. И эта надежда не обманула его; онъ нашелъ дорогого ему человѣка спасеннымъ и счастливымъ, счастливымъ выше мѣры.

Скоро мы всѣ уѣхали въ помѣстье моего отца. Фридрихъ получилъ продолжительный отпускъ для поправленія здоровья, и предписанныя ему докторомъ условія жизни—спокойствіе и чистый воздухъ—онъ могъ лучше всего найти у насъ дома, въ Грумицѣ.

Счастливое было время, этотъ конецъ лѣта. Я не помню другого періода въ моей жизни, который былъ бы такъ же хорошъ, какъ этотъ. Если долго ожидаемое свиданіе съ любимымъ человѣкомъ бываетъ безконечно сладко, то, конечно, свиданіе съ любимымъ человѣкомъ, съ которымъ я уже не надѣялась встрѣтиться, должно было быть еще пріятнѣе. Когда, бывало, я хоть на одну минуту вспомню страхъ, наполнявшій мое сердце предъ возвращеніемъ Фридриха, или вызову передъ собой картины, мучившія меня во время моихъ лихорадочныхъ ночей, когда мнѣ представлялся Фридрихъ въ предсмертныхъ страданіяхъ, я не спускала глазъ съ него, стараясь насладиться видомъ его, и сердце мое билося отъ радости. Я любила теперь его еще больше, въ тысячу разъ больше, и обладаніе имъ мнѣ представлялось все нароставшимъ богатствомъ. Незадолго передъ тѣмъ я считала себя нищей, а теперь неожиданно для себя сдѣлалась обладательницей громаднаго состоянія!

Въ Грумицѣ собралась вся семья. Мой братъ, Отто, любимецъ и гордость моего отца, проводилъ вакаціи тоже вмѣстѣ съ нами. Ему было теперь пятнадцать лѣтъ, и ему предстояло пробыть въ военной вѣнской нейштадской академіи еще три года. Вмѣстѣ съ Розой и Лили они наполняли домъ весельемъ. У насъ были постоянный смѣхъ, шумъ, игры въ мячъ, воланъ и всякія дурачества. Кузенъ Конрадъ, полкъ котораго стоялъ недалеко отъ Грумица, пріѣзжалъ къ намъ верхомъ, какъ только было ему возможно, и охотно принималъ участіе во всѣхъ играхъ молодежи. Другую партію составляли старики—тетя Мари, отецъ и нѣсколько его знакомыхъ, гостившихъ у насъ. У нихъ

происходили постоянно серьезныя карточныя игры, прогулки въ паркъ и безконечные разговоры о политикѣ. Послѣдняя война и шлезвигъ-голштинскій вопросъ, который не пришелъ ни къ какому разрѣшенію, давали имъ богатый матеріалъ для разговоровъ. Фридрихъ и я жили совершенно особнякомъ отъ остальныхъ... мы появлялись только за столомъ, да и то не всегда... намъ позволили дѣлать это, какъ намъ хотѣлось. Они рѣшили, что мы вновь переживаемъ свой медовый мѣсяцъ и что уединеніе для насъ пріятно. И дѣйствительно, мы съ большимъ удовольствіемъ проводили время вдвоемъ, находя полное для себя удовлетвореніе другъ въ другѣ. Послѣ тяжелыхъ заботъ и страха, которые намъ пришлось пережить другъ за друга, насъ не могло занимать наивное веселье молодежи, и еще менѣе насъ тянули къ себѣ интересы и разговоры солидныхъ стариковъ, и потому мы предпочли отвоевать себѣ уединеніе—привилегію влюбленныхъ, которая была признана за нами молчаливымъ соглашеніемъ всѣхъ. Мы предпринимали вдвоемъ отдаленныя прогулки, иногда поѣздки въ окрестности, на которыя тратили цѣлые дни; цѣлыя часы мы проводили вмѣстѣ въ библіотекѣ, а по вечерамъ, когда у стариковъ начиналась карточная игра, мы уходили въ свою комнату, гдѣ за чаемъ и папиросой у насъ шли нескончаемые разговоры, для которыхъ у насъ постоянно находился неисчерпаемый матеріалъ. Охотнѣе всего мы передавали другъ другу, сколько печали и страха переживали мы во время разлуки, и эти воспоминанія заставляли насъ сильнѣе чувствовать радость свиданія. Мы пришли къ тому заключенію, что предчувствіе смерти и тому подобныя вещи—не что иное какъ суевѣріе: оба мы въ минуту разставанья были убѣждены, что одинъ изъ насъ или даже и оба мы умремъ непремѣнно и не увидимся больше— и вотъ теперь мы снова вмѣстѣ! Фридрихъ разсказывалъ мнѣ во всѣхъ подробностяхъ о тѣхъ лишеніяхъ и опасностяхъ, которыя переживалъ онъ во время похода, и описывалъ мнѣ картины ужаса боевого поля и госпиталя, которыя заставляли содрогаться его отзывчивую душу. Мнѣ нравился тонъ негодованія и состра-

данія, который слышался въ его голосѣ во время этихъ разсказовъ: о безчеловѣчныхъ жестокостяхъ, видѣнныхъ имъ въ хаосѣ войны, онъ говорилъ такимъ образомъ, что у меня возникали въ головѣ мысли о будущей побѣдѣ гуманности надъ старымъ варварствомъ, сначала у отдѣльныхъ личностей, потомъ у большинства и, наконецъ, у всего человѣчества.

Мой отецъ и Отто часто обращались къ Фридриху съ просьбой разсказать имъ эпизоды изъ послѣдней войны. Эти эпизоды, конечно, должны были быть совсѣмъ иного характера, чѣмъ тѣ, о которыхъ говорили мы, и Фридрихъ разсказывалъ ихъ совершенно другимъ тономъ. Онъ ограничивался описаніемъ тактическихъ передвиженій войскъ, различныхъ случайностей во время битвъ, имена сдавшихся и устоявшихъ крѣпостей, рисовалъ отдѣльныя сцены битвъ, повторялъ мѣткія изреченія генераловъ и т. п. Слушатели приходили отъ этого въ восторгъ. Отецъ сіялъ довольствомъ, Отто—восхищеніемъ, генералы поддакивали съ важностью знатоковъ. Только я не находила ничего пріятнаго въ этихъ сухихъ разсказахъ. Я знала, что этотъ сухой разсказъ скрывалъ за собой цѣлый міръ мыслей и чувствъ, сдерживаемыхъ въ глубинѣ души разсказчика. Однажды, когда мы остались вдвоемъ, я стала упрекать его за это. Онъ возразилъ мнѣ:

— Лицемѣріе? Неискренность? Малодушіе? Нѣтъ, моя милая, ты не понимаешь. Это просто соблюденіе приличія. Вспомни наше свадебное путешествіе, отъѣздъ изъ Вѣны и первое время, когда мы были съ тобой одни! Будешь ли ты повторять всѣ подробности этихъ часовъ и разсказывать своимъ подругамъ и знакомымъ чувства и волненія этого счастливаго времени?

— Нѣтъ; конечно, нѣтъ. Каждая женщина бережетъ тайну этого.

— Вотъ видишь. Есть также вещи, о которыхъ не всѣмъ разсказываетъ мужчина. Ты не можешь говорить о радостяхъ любви, а мы не должны говорить о страданіяхъ, испытываемыхъ нами на войнѣ. Первое можетъ уронить вашу главную добродѣтель — скромность; послѣднее—нашу, мужество. О восторгахъ ме-

дового мѣсяца и ужасахъ боевого поля не станутъ говорить ни одна „женственная“ женщина, ни одинъ „мужественный“ мужчина. Почему? Ты, можетъ-быть, проливала сладкія слезы въ упоеніи любви, а я, можетъ-быть, кричалъ отъ страха смерти! А можешь ли ты признаться въ такой чувствительности, а я—въ такой трусости?

— А ты, правда, кричалъ, Фридрихъ, дрожалъ отъ страха? Скажи мнѣ откровенно. Ты знаешь, я не скрываю отъ тебя радостей моей любви, и ты, конечно, не скроешь отъ меня...

— Сознаться тебѣ въ страхѣ смерти, который овладѣваетъ нами, солдатами на полѣ битвы? Да какъ же можетъ быть иначе? Тѣ, кто отрицаетъ это, лгутъ. Воодушевленіе, искусственно возбуждаемое фразами и поэзіей, способно на минуту заглушить естественное чувство самосохраненія, но только на минуту. Страсть къ убійству и разрушенію въ грубомъ человѣкѣ заставляетъ, можетъ-быть, замолкнуть на время страхъ за собственную жизнь. Человѣкъ гордый, можетъ-быть, сумѣетъ скрыть наружное проявленіе страха... Но я самъ слышалъ, какъ плакали и стонали молодые солдаты; я самъ видѣлъ ихъ лица, искаженныя отчаяніемъ и ужасомъ смерти! Какіе дикіе вопли и жалобныя мольбы можно услышать тогда!

— И это мучило тебя, мой хорошій, благородный мужъ?

— Часто мучило такъ, что я самъ кричалъ. И, однако, Марта, я жалѣлъ ихъ въ то время меньше. Можно думать, что если чувствуешь сожалѣніе при видѣ страданія одного человѣка, то, при видѣ мученій тысячъ людей, это чувство сожалѣнія должно было бы увеличиться въ тысячу разъ Но на самомъ дѣлѣ, наоборотъ; размѣры страданій притупляютъ чувство жалости. Не можетъ быть той интенсивности чувства сострадапія къ отдѣльному лицу, когда видишь вокругъ него 999 такихъ же несчастныхъ. Положимъ даже, что въ человѣкѣ чувство жалости можетъ доходить только до извѣстнаго предѣла, за которымъ оно уже притупляется, то все-таки можно обдумать и разсчитать необъятное количество страданій на войнѣ.

— Это можешь сдѣлать ты, да еще два-три человѣка, но большинство людей не способно ни думать, ни разсчитывать этого.

Мнѣ удалось убѣдить Фридриха оставить военную службу. То обстоятельство, что онъ, послѣ женитьбы, служилъ болѣе года и отличился во время датской войны, могло защитить его отъ подозрѣній, которыя имѣлъ противъ него мой отецъ во время сватовства, что будто бы, женясь на мнѣ, онъ имѣлъ въ виду оставить военную службу. Теперь, въ виду того, что ожидался миръ, о которомъ съ успѣхомъ шли прелиминарные переговоры, и въ виду того, что ожидалось продолжительное мирное время, выходъ въ отставку не могъ нанести ущерба чести моего мужа. Правда, гордость Фридриха сильно сопротивлялась этому, ему жаль было оставить свое положеніе и отказаться отъ связанныхъ съ нимъ денежныхъ выгодъ и, какъ выражался онъ, „ничего не дѣлать, быть ничѣмъ и не имѣть ничего“, но его любовь ко мнѣ оказалась сильнѣе его гордости, и онъ не устоялъ противъ моихъ просьбъ. Я говорила ему, что я не въ состояніи буду перенести еще разъ такую пытку разлуки съ нимъ, и онъ самъ сознавалъ, что у него не достанетъ силъ вторично подвергать такой мукѣ насъ обоихъ. Его деликатность, которая до нашего брака заставляла его отказаться отъ мысли жить на счетъ богатой жены, отступила теперь на задній планъ: мы оба такъ слились въ одно, что уже не чувствовали разницы между „моимъ“ и „твоимъ“ и понимали другъ друга такъ хорошо, что онъ болѣе не могъ опасаться, что я превратно истолкую его поступки. Кромѣ того, послѣдній походъ до того увеличилъ въ немъ отвращеніе къ обязанностямъ избивать людей, и это чувство до того обострилось въ немъ, что его выходъ въ отставку былъ не только уступкой нашему домашнему счастью, но и подтвержденіемъ на дѣлѣ его убѣжденій. Такимъ образомъ онъ обѣщалъ мнѣ, что, если миръ будетъ заключенъ, то осенью онъ выйдетъ въ отставку.

Мы предполагали купить имѣніе на мои деньги, лежавшія въ банкирской конторѣ Шмидта съ сыновьями,

и Фридрихъ долженъ былъ заниматься хозяйствомъ. Такимъ образомъ устранялся первый изъ пунктовъ его смущенія „ничего не дѣлать, быть ничѣмъ и не имѣть ничего“. Что же касается второго и третьяго „быть ничѣмъ и не имѣть ничего“, то я старалась успокоить его слѣдующимъ образомъ:

— Ты будешь отставнымъ полковникомъ императорской королевской службы и счастливымъ человѣкомъ; развѣ этого недостаточно тебѣ? А собственностью твоею будемъ мы—я, Руди и тѣ дѣти, которыя будутъ у насъ. Развѣ и этого тебѣ мало?

Онъ засмѣялся и обнялъ меня.

Мы рѣшили не говорить покамѣстъ ничего о нашихъ планахъ отцу и всѣмъ остальнымъ. Они, разумѣется, начали бы отговаривать насъ, давать разные совѣты, высказывать сомнѣнія въ успѣхѣ нашихъ замысловъ, а, между тѣмъ, мы все равно не обратили бы вниманія на всѣ эти разговоры. Сдѣлавши дѣло, намъ легко будетъ избавиться отъ всѣхъ этихъ непріятностей; когда два человѣка составляютъ другъ для друга все, постороннія мнѣнія для нихъ не имѣютъ никакого значенія. Увѣренность въ счастливомъ будущемъ еще больше увеличивала радость настоящаго, которое и безъ этого казалось такимъ возвышеннымъ и свѣтлымъ послѣ горькаго прошедшаго, только что пережитаго нами. Я могу только повторить: это было счастливое время. Мой сынъ Рудольфъ, которому было теперь семь лѣтъ, началъ учиться читать и писать, а его учительницей была я. Мнѣ не хотѣлось отдать боннѣ удовольствіе—да кромѣ того она и не нашла бы, вѣроятно, удовольствія въ этомъ—слѣдить за постепеннымъ развитіемъ младенческой души и сообщать ему первыя свѣдѣнія. Мальчикъ часто бывалъ нашимъ спутникомъ на прогулкахъ, и мы постоянно отвѣчали ему на всѣ вопросы, которые возникали въ его маленькомъ любознательномъ умѣ; отвѣчали, насколько мы умѣли, но никогда не позволили себѣ лицемѣрить съ нимъ. На такіе, которыхъ мы не могли объяснить ему, мы откровенно отвѣчали: „Этого мы не знаемъ, Руди“. Сначала бывали случаи, что Рудольфъ, неудовлетворенный такимъ от-

вѣтомъ, обращался съ этимъ же вопросомъ къ тетѣ Мари, или къ дѣдушкѣ, или къ нянькѣ и получалъ отъ нихъ всегда скорые и авторитетные отвѣты. Тогда съ тріумфомъ онъ прибѣгалъ къ намъ: „Вы не знали, сколько лѣтъ мѣсяцу? а я знаю теперь; ему шесть тысячъ лѣтъ“. Тутъ мы съ Фридрихомъ молча переглядывались. И въ этомъ молчаливомъ взглядѣ выражалось столько жалобъ и сомнѣній, что могли бы наполнить цѣлую книгу о педагогикѣ.

Но менѣе всего я могла выносить игру въ солдатики, которой занимались съ мальчикомъ не только мой отецъ, но и братъ. Я и не замѣтила, какъ они внушили ему идею о „врагѣ“ и о томъ, что „надобно поколотить его“. Однажды Фридрихъ и я наткнулись на сцену, какъ Рудольфъ немилосердно билъ хлыстомъ двухъ щенятъ, изъ которыхъ одинъ игралъ у него роль итальянца, а другой—датчанина.

Фридрихъ выхватилъ хлыстъ изъ рукъ карателя націй.

— Вотъ тебѣ, жестокій австріецъ,—сказалъ онъ, ударивъ одинъ или два раза по плечамъ Рудольфа. Итальянецъ и датчанинъ обрадовались и убѣжали, и визжать теперь пришлось нашему маленькому соотечественнику.

— Ты не сердишься на меня, Марта, за то, что я ударилъ твоего сына? Я ненавижу тѣлесное наказаніе, но жестокое обращеніе съ животными возмущаетъ меня.

— Ты сдѣлалъ хорошо.

— Стало-быть... только съ одними людьми можно... обращаться такъ жестоко?—сказалъ мальчикъ рыдая.

— О, нѣтъ! еще меньше!

— А какъ же ты самъ... билъ итальянцевъ и датчанъ?

— Они были непріятели.

— Значитъ, мы должны ихъ ненавидѣть?

— А сегодня или завтра,—сказалъ мнѣ тихо Фридрихъ,—пасторъ будетъ говорить ему, что надо любить своихъ враговъ. Что за логика!

И, обратившись къ мальчику, прибавилъ вслухъ:

— Нѣтъ, мы бьемъ враговъ не потому, что мы ихъ ненавидимъ, а потому что они хотятъ бить насъ!

— А за что они хотятъ бить насъ?

— За то, что мы хотимъ бить... Нѣтъ, нѣтъ,—прервалъ онъ самого себя,—изъ этого круга выхода нѣтъ. Иди, играй, Руди; мы простили тебя, но ты никогда больше не дѣлай этого.

Кузенъ Конрадъ, какъ мнѣ казалось, дѣлалъ большіе успѣхи въ пріобрѣтеніи расположенія Лили. Дѣйствительно, сильнѣе постоянства нѣтъ ничего. Мнѣ было очень пріятно видѣть, что его ухаживанья идутъ къ цѣли, и я съ удовольствіемъ замѣчала, какъ загорались радостью глаза моей сестры всякій разъ, какъ она слышитъ въ отдаленіи топотъ копытъ лошади Конрада, и какъ она взыхала, когда онъ уѣзжалъ. Кузенъ не ухаживалъ больше за нею, т.-е., онъ не говорилъ ей больше о своей любви, не возобновлялъ сватовства, но велъ противъ ея сердца правильную осаду.

— Какъ существуютъ разные способы брать крѣпость,—объяснялъ онъ однажды,—штурмомъ и голодомъ, точно такъ же есть нѣсколько средствъ принудить къ капитуляціи сердце женщины. Самое дѣйствительное изъ нихъ—привычка. Во всякомъ случаѣ Лили тронута тѣмъ, что я такъ постояненъ въ любви, такъ постояненъ въ сохраненіи молчанія объ этомъ и постоянно возвращаюсь къ ней. Если меня не будетъ теперь около нея, она почувствуетъ большой пробѣлъ въ своей жизни. И если я буду продолжать дѣйствовать такимъ же путемъ, она не въ силахъ будетъ обходиться безъ меня.

— А сколько семилѣтій намѣренъ ты служить ей за то, чтобы она полюбила тебя?

— Я не разсчитываю этого. До тѣхъ поръ, пока полюбитъ.

— Удивляюсь тебѣ. Неужели нѣтъ на свѣтѣ другихъ дѣвушекъ?

— Для меня нѣтъ. Я рѣшилъ имѣть Лили. У нея есть что-то въ складѣ рта, въ походкѣ, въ манерѣ говорить, чего не можетъ замѣнить мнѣ ни одна женщина. Напримѣръ, ты, Марта; ты въ десять разъ красивѣе и въ сто разъ умнѣе ея...

— Благодарю.

— Но я не женился бы на тебѣ.

-- Благодарю.

— Именно потому, что ты слишкомъ умна. Ты смотрѣла бы на меня свысока. Звѣздочка на воротникѣ, сабля, шпоры не импонируютъ тебя. Лили смотритъ на такого человѣка съ уваженіемъ. Я знаю, она обожаетъ военныхъ, а ты...

— А я уже два раза была за военными,—добавила я, смѣясь.

Во время обѣдовъ на верхнемъ концѣ стола, гдѣ мой отецъ и его старые друзья давали тонъ и гдѣ сидѣли также Фридрихъ и я (молодежь помѣщалась и вела свои собственные разговоры на другомъ концѣ), главнымъ предметомъ разговоровъ была политика—самая любимая тема стариковъ. Переговоры о мирѣ, которые все еще велись тогда, давали имъ достаточно матеріала, чтобы показать свое глубокомысліе, такъ какъ у большинства существуетъ твердое убѣжденіе, что политическія событія—самая настоящая и приличная тема для разговоровъ среди серьезныхъ людей. Изъ любезности и снисхожденія къ моему слабому женскому разсудку кто-нибудь изъ генераловъ скажетъ бывало: „Эти вещи едва ли интересуютъ нашу юную баронессу; объ этомъ мы могли бы поговорить, когда будемъ одни; не правда ли?“ Я защищалась отъ такихъ предположеній и серьезно просила ихъ продолжать разговоръ. Меня, дѣйствительно, очень интересовали и безпокоили событія въ военномъ и дипломатическомъ мірѣ. Хотя и не съ той точки зрѣнія, какъ эти старые сановники, но я внимательно слѣдила за рѣшеніемъ „датскаго вопроса“, происхожденіе и развитіе котораго я такъ старательно изучила во время войны. Теперь, послѣ стольких сраженій и побѣдъ, конечно, должна была бы рѣшиться судьба этихъ спорныхъ герцогствъ; но дѣла были все еще въ неопредѣленномъ положеніи. Будетъ ли утвержденъ на престолѣ Аугустенбургъ, этотъ знаменитый Аугустенбургъ, изъ-за оскорбленія правъ котораго загорѣлось все это дѣло? Нѣтъ! Теперь явился еще новый претендентъ. Всѣхъ этихъ Глюксбурговъ и Готторповъ, всѣхъ этихъ прямыхъ и побочныхъ линій, имена которыхъ держались у меня въ головѣ, оказа-

лось мало. Теперь выступила Россія и предложила вмѣсто *Аугустен*бурга *Ольден*бурга! Однако въ результатѣ войны вышло, что эти герцогства не могутъ принадлежать ни Глюксбургамъ, ни Аугустенбургамъ, ни Ольденбургамъ и никакимъ другимъ „бургамъ", а должны отойти къ побѣдителямъ. Статьи мирнаго трактата, обсуждавшагося въ то время, оказались слѣдующія:

1. Данія уступаетъ герцогства Австріи и Пруссіи.

Я осталась довольна этимъ. Союзники, конечно, отдадутъ эти страны тому, за права котораго они сражались.

2. Граница будетъ опредѣлена точно.

Это было вполнѣ справедливо, если только это опредѣленіе будетъ устойчиво: жаль даже смотрѣть, какъ эти синія и зеленыя линіи на картахъ безпрестанно мѣняютъ свое направленіе.

3. Государственный долгъ раздѣляется пропорціонально населенію.

Этого я не поняла. Я еще не занималась до тѣхъ поръ политико-экономическими и финансовыми вопросами. Да и въ области политики меня интересовали только вопросы войны и мира, такъ какъ они были наиболѣе жизненные для меня и по человѣколюбію, и по привязанности къ мужу.

4. Военныя издержки платятъ герцогства.

Это было опять непонятно для меня. Страна опустошена, поля вытоптаны, народъ перебитъ; и вотъ вмѣсто того, чтобы дать ей собраться съ силами, ее же заставляютъ платить контрибуцію.

— Что новаго насчетъ Шлезвигъ-Голштиніи?—спросила однажды я сама, видя, что разговоръ не переходитъ на политическую почву.

— Послѣднія свѣдѣнія, — отвѣтилъ отецъ, —отъ 13-го августа тѣ, что фонъ-Бейстъ поднялъ передъ собраніемъ союза вопросъ, по какому праву союзники принимаютъ уступку этихъ герцогствъ отъ короля, котораго союзъ не признаетъ законнымъ владѣтелемъ.

— По правдѣ сказать, это возраженіе вполнѣ основательное,—замѣтила я.—Вѣдь въ самомъ дѣлѣ, вы

не признавали протокольнаго принца законнымъ владѣтелемъ германской земли, а принимаете отъ Христіана IX...

— Ты не понимаешь, милая,—прервалъ меня отецъ.— Это просто наглость, хитрость Бейста и больше ничего. Кромѣ того, герцогства принадлежать намъ уже потому, что мы завоевали ихъ.

— Но вѣдь вы сражались изъ-за нихъ не для себя, а для Аугустенбурга.

— Опять ты не понимаешь этого. На мотивы, которые указываются кабинетами передъ началомъ войны, никто не обращаетъ вниманія, когда она кончится. Тогда побѣды и пораженія вызываютъ совершенно новыя комбинаціи; тогда государства уменьшаются или увеличиваются и перекраиваются по непредвидѣннымъ мѣркамъ.

— Изъ твоихъ словъ выходитъ, что и въ данномъ случаѣ мотивами къ войнѣ были одни только предлоги,—сказала я.

— Предлоги? нѣтъ!—вступился одинъ изъ генераловъ на помощь моему отцу;—это скорѣе мотивы для тѣхъ событій, которыя совершаются потомъ.

— Если бы зависѣло отъ меня,—сказалъ отецъ,— то послѣ Дюппеля и Альзена я не пошелъ бы ни на какіе переговоры о мирѣ; намъ легко было бы завоевать всю Данію.

— Для чего?

— Присоединить къ Германскому союзу.

— Ты, милый папа, на все смотришь исключительно съ точки зрѣнія патріотизма австрійца. Ну, для чего увеличить Германію?..

— А ты забыла, что Габсбурги были прежде германскими императорами? Они могли бы сдѣлаться ими опять!

— И ты радъ былъ бы этому?

— Какой же австріецъ не радовался бы и не гордился бы этимъ?

— А предположимъ,—замѣтилъ Фридрихъ, — что и другія державы Германіи питаютъ такія же мечты?

Мой отецъ разсмѣялся.

— Какъ! Корона священной римско-германской имперіи на головѣ протестантскаго королька? Въ умѣ ли ты?

— Теперь или когда-нибудь потомъ,—сказалъ докторъ Брессеръ,—но изъ-за этихъ герцогствъ непремѣнно будетъ ссора между двумя великими германскими державами. Побѣдить эльбскія провинціи было легко; но что дѣлать съ ними? Этотъ вопросъ непремѣнно послужитъ поводомъ ко всевозможнымъ осложненіямъ. Каждая война, какъ бы она ни кончилась, неизбѣжно содержитъ въ себѣ зародышъ слѣдующей войны. Да это вполнѣ естественно: актъ насилія всегда оскорбляетъ чьи-нибудь права. Рано или поздно потребуютъ возстановленія правъ—вотъ и новый конфликтъ! Это новое столкновеніе поведетъ за собой новое насиліе, новые акты несправедливости и т. д. безъ конца.

Нѣсколько дней спустя, мы узнали новость. Прусскій король Вильгельмъ сдѣлалъ визитъ нашему императору въ Шенбруннѣ. Необыкновенно теплый пріемъ, объятія, прусскіе орлы, прусскій народный гимнъ, привѣтственные клики!

Это извѣстіе очень обрадовало меня, потому что оно опровергало зловѣщее предсказаніе д-ра Брессера о томъ, что обѣ германскія державы поссорятся изъ-за сообща завоеванныхъ ими герцогствъ. Газеты тоже писали въ самомъ успокоительномъ тонѣ.

Мой отецъ тоже очень радовался этому дружескому свиданію въ Шенбруннѣ, но однако не съ точки зрѣнія упроченія мира, а въ цѣляхъ войны.

— Я очень радъ,—говорилъ онъ,—что мы имѣемъ теперь такого союзника. При поддержкѣ Пруссіи мы легко вернемъ себѣ Ломбардію, какъ легко завоевали провинціи по Эльбѣ.

— Наполеонъ III не допуститъ до этого, а Пруссія, конечно, не захочетъ ссориться съ нимъ,—сказалъ одинъ изъ генераловъ.—Кромѣ того Бенедетти, сильнѣйшій врагъ Австріи, состоитъ теперь посланникомъ въ Берлинѣ, а это—дурной признакъ.

— Но скажите мнѣ, господа,—вскричала я, складывая руки,—почему всѣ европейскія державы не заключатъ между собою союза? Это было бы проще всего.

Мои „господа“ пожали плечами, улыбнулись снисходительно и ничего не отвѣтили мнѣ. Я, должно-быть, ска-

зала одну изъ тѣхъ глупостей, какія говорятъ обыкновенно „дамы“, когда пускаются въ недоступную для нихъ область высшей политики.

. . . .

Пришла осень. 30 октября былъ подписанъ миръ въ Вѣнѣ, а вмѣстѣ съ этимъ настало время, когда могла осуществиться моя завѣтная мечта—выходъ Фридриха въ отставку. Но человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Случилось обстоятельство, тяжелый ударъ для меня, который разрушилъ всѣ надежды, питаемыя мною съ такой радостью. Сказать попросту: банкирскій домъ Шмитъ и С-ья обанкротился, и я потеряла все свое состояніе.

Это банкротство было слѣдствіемъ войны. Бомбы разбиваютъ не только стѣны, на которыя онѣ направляются; онѣ погребаютъ подъ развалинами множество банкирскихъ домовъ и компаній.

Я не была доведена этимъ до нищеты, какъ многіе другіе, такъ какъ отецъ не допустилъ меня до того, чтобы я терпѣла въ чемъ-нибудь недостатокъ. Но пришлось совершенно оставить планъ о выходѣ Фридриха въ отставку. Мы не были теперь самостоятельными людьми, и жалованье Фридриха сдѣлалось единственнымъ существеннымъ источникомъ нашихъ доходовъ. Хотя мой отецъ и обезпечилъ меня достаточнымъ содержаніемъ, однако при такихъ обстоятельствахъ нельзя было и подымать вопроса объ оставленіи Фридрихомъ военной службы. Я не настаивала болѣе на этомъ: какую роль долженъ былъ бы онъ играть въ глазахъ моего отца?

Ничего не оставалось дѣлать: мы должны были покориться судьбѣ. „Судьбѣ“, о которой говорила тетя Мари. Не могу сказать, чтобы меня очень убивала такая крупная денежная потеря: мой лопнувшій капиталъ простирался до нѣсколькихъ сотъ тысячъ флориновъ. Въ моемъ дневникѣ ничего не записано объ этомъ, а моя память, испытавшая съ тѣхъ поръ много гораздо болѣе тяжелыхъ впечатлѣній, не сохранила живыхъ слѣдовъ этой катастрофы. Знаю только одно, что больше всего я сожалѣла о своихъ прекрасныхъ воздушныхъ

замкахъ—объ оставленіи военной службы мужемъ, покупкѣ имѣнія, жизни вдали отъ такъ называемаго „свѣта“,— въ остальномъ же моя потеря не такъ сильно огорчала меня. Я знала, что отецъ при своей жизни не допуститъ, чтобы я терпѣла нужду, а послѣ смерти оставитъ мнѣ большое наслѣдство, а сыну моему Рудольфу предстояло сдѣлаться наслѣдникомъ большого состоянія. Въ виду не было никакой войны, даже самой ничтожной, такъ что мы могли надѣяться на десять или на двадцать мирныхъ лѣтъ, и это очень радовало меня.

По мирному трактату 30-го октября, Шлезвигъ-Голштинія и Лауэнбургъ были отданы въ свободное распоряженіе Пруссіи и Австріи.

Можно было разсчитывать, что оба эти государства, столь дружественныя теперь, братски, безъ ссоры, подѣлятся пріобрѣтенными выгодами. На всемъ политическомъ горизонтѣ не виднѣлось ни одной черной точки. Позоръ нашихъ пораженій въ Италіи достаточно изгладился славой побѣдъ, одержанныхъ нами въ Шлезвигъ-Голштиніи, и такимъ образомъ военному честолюбію не было поводовъ затѣвать новую кампанію. Слѣдующія размышленія вполнѣ успокаивали меня: война была у насъ такъ недавно, и она не можетъ повториться очень скоро. Стоитъ послѣ дождя проглянуть солнцу, и въ блескѣ его мы забываемъ о дождѣ. Даже послѣ землетрясеній и изверженій вулкановъ люди вновь выстраиваютъ себѣ жилища на томъ же мѣстѣ и не думаютъ, что катастрофа не нынче-завтра можетъ повториться. Главнымъ элементомъ въ жизненной энергіи служитъ, повидимому, забывчивость человѣка.

Зиму мы прожили въ Вѣнѣ. Фридрихъ перешелъ на службу въ военное министерство, и теперешнія занятія ему нравились гораздо больше казарменной службы. Мои сестры и тетя Мари захотѣли провести карнавальный сезонъ въ Прагѣ. Полкъ Конрада тоже стоялъ въ столицѣ Богеміи, но это было, вѣроятно, простымъ совпаденіемъ, хотя, можетъ - быть, обстоятельства и имѣли нѣкоторое вліяніе на выборъ мѣста зимняго пребыванія Лили и Розы. Когда я однажды высказала это

свое предположеніе сестрѣ, она сильно покраснѣла и отвѣтила, пожимая плечами:

— Какъ? Ты вѣдь знаешь, что я равнодушна къ нему.

Мой отецъ переѣхалъ на прежнюю квартиру въ Геренгассе. Онъ предлагалъ намъ поселиться съ нимъ, такъ какъ его квартира была очень большая, но мы предпочли жить отдѣльно и наняли entresol на набережной Франца-Іосифа. Жалованья мужа и денегъ, получаемыхъ мною отъ отца, съ избыткомъ доставало на нашу скромную жизнь. Разумѣется, намъ пришлось отказаться отъ абонемента въ театрахъ, отъ придворныхъ баловъ и вообще отъ выѣздовъ въ „свѣтъ". Но лишенія этого мы совсѣмъ не чувствовали. Въ дѣйствительности намъ было пріятно, что мы могли вполнѣ основательно оправдать свою уединенную жизнь, которая такъ нравилась намъ.

Я заболѣла сильной нервной горячкой и пролежала въ постели шесть недѣль. Въ сущности, это событіе было печальное, но какъ много счастья принесло оно мнѣ съ собою и какъ сильно повліяло оно на процессъ сближенія нашихъ и безъ того крѣпко привязанныхъ другъ къ другу сердецъ. Изъ страха ли разлуки я сдѣлалась моему мужу еще дороже, или его любовь сдѣлалась еще понятнѣе мнѣ во время его ухаживанія за мной въ теченіе моей болѣзни,—однимъ словомъ, во время моей нервной горячки и послѣ нея я все болѣе и болѣе стала чувствовать, что меня любятъ еще сильнѣе, чѣмъ прежде.

Я, конечно, боялась умереть, во-первыхъ, потому, что страшно жалѣла потерять жизнь, которая казалась мнѣ такой прекрасной и счастливой, и мнѣ не хотѣлось разставаться съ любимыми мною людьми—Фридрихомъ, съ которымъ я охотно дожила бы до старости, и Рудольфомъ, изъ котораго мнѣ хотѣлось сдѣлать хорошаго человѣка. Во-вторыхъ, смерть пугала меня не столько изъ-за себя самой, сколько изъ-за Фридриха: я отлично понимала, что проводить меня въ могилу для него будетъ невыносимо. Нѣтъ! нѣтъ! Люди, которые счастливы и которыхъ любятъ тѣ, кто дорогъ имъ, не

могутъ не бояться смерти. Когда я лежала въ постели, и смерть властно носилась надо мною, я представляла себѣ, что чувствуютъ солдаты на полѣ битвы, если они любятъ жизнь и знаютъ, что ихъ смерть повергнетъ въ отчаяніе сердца, любящія ихъ.

— У солдата есть одно преимущество передъ человѣкомъ, больнымъ горячкой,—замѣтилъ мнѣ Фридрихъ, когда я сообщила ему свою мысль,—сознаніе выполненнаго долга. Впрочемъ, я согласенъ съ тобой: умереть хладнокровно или съ радостью, какъ предписываютъ намъ, можетъ только тотъ человѣкъ, который не имѣетъ счастья въ жизни, только тѣ, которые, какъ въ древнія времена, подвергались всевозможнымъ лишеніямъ жизни, или тѣ, которымъ нечего терять внѣ войны, или же, наконецъ, тѣ, которые только своей смертью должны были спасти своихъ братьевъ и сестеръ отъ позора и рабства.

Когда опасность миновала, какъ радовалась я своему выздоровленію, моему новому рожденію! Это былъ праздникъ для насъ обоихъ, подобный счастью свиданія послѣ шлезвигъ-голштинской войны, но только въ иномъ родѣ. Тогда радость наступила внезапно, а здѣсь понемногу, и кромѣ того съ этого времени мы становились все ближе и ближе другъ къ другу.

Во время болѣзни отецъ навѣщалъ меня ежедневно и очень безпокоился обо мнѣ, но я знала, что моя смерть не очень огорчила бы его. Онъ гораздо больше былъ привязанъ къ своимъ двумъ младшимъ дочерямъ, чѣмъ ко мнѣ, но дороже всего на свѣтѣ былъ ему Отто. У меня же, послѣ двухъ браковъ и особенно послѣ второго, произошло нѣкоторое отчужденіе съ нимъ, но главную роль въ этомъ играла, кажется, разница нашихъ убѣжденій. Когда я поправилась совершенно—это случилось въ половинѣ іюня,—онъ уѣхалъ въ Грумицъ и очень настойчиво звалъ меня и Рудольфа къ себѣ. Но такъ какъ Фридриху нельзя было оставить городъ по служебнымъ обязанностямъ, я предпочла провести лѣто близъ Вѣны, наняла дачу въ Гитцингѣ, куда Фридрихъ могъ ѣздить ежедневно.

Сестры, подъ надзоромъ тети Мари, поѣхали въ Ма-

ріенбадъ. Въ послѣднемъ письмѣ изъ Праги Лили писила мнѣ, между прочимъ, слѣдующее: „Должна тебѣ сознаться, что кузенъ Конрадъ становится вовсе не противнымъ мнѣ. Нѣсколько разъ, во время котильоновъ, я была въ такомъ состояніи, что отвѣтила бы ему „да", если бы онъ затронулъ вопросъ. Но онъ пропустилъ удобный моментъ. Передъ нашимъ отъѣздомъ онъ, правда, возобновилъ предложеніе, но мнѣ захотѣлось еще разъ отказать ему. Я такъ привыкла поступать такимъ образомъ съ бѣднымъ Конрадомъ, что лишь только произнесъ онъ свою обычную фразу: „не хочешь ли ты, Лили, выйти за меня замужъ", я какъ-то автоматично произнесла: „и не думай объ этомъ". Но на этотъ разъ я прибавила: „спроси меня объ этомъ черезъ шесть мѣсяцевъ". Я испытаю свое сердце лѣтомъ. Если я буду скучать о немъ, и если мысль о немъ (которая теперь преслѣдуетъ меня почти неотступно днемъ и ночью) не будетъ давать покоя и въ Маріенбадѣ; если ни на водахъ, ни во время охотничьяго сезона никто другой не произведетъ на меня впечатлѣнія, тогда я уступлю настояніямъ упрямаго кузена".

Въ то же самое время тетя Мари писала мнѣ:

„Милое дитя мое! Какъ устала я въ эту зиму! Какъ была бы я рада, если бы Роза и Лили поскорѣе нашли себѣ хорошія партіи. Женихи-то есть, и даже очень много ихъ: ты вѣдь знаешь, что каждая изъ нихъ имѣла чуть не по полдюжинѣ предложеній, не считая вѣчнаго Конрада. Теперь то же мученіе предстоитъ мнѣ въ Маріенбадѣ. Я предпочла бы поѣхать въ Грумицъ и провести время съ тобой, а вмѣсто этого я должна исполнять утомительную и неблагодарную роль дуэньи дѣвушекъ, не думающихъ ни о чемъ, кромѣ веселья. Я очень рада, что ты поправилась. Теперь, когда опасность прошла, я могу сказать тебѣ, что мы очень боялись за тебя. Твой мужъ писалъ намъ въ это время такія отчаянныя письма: онъ боялся, что ты умрешь. Но благодареніе Богу, это не было назначено тебѣ судьбой. Можетъ-быть, твоему спасенью помогли девять обѣденъ, которыя я заказала за твое здоровье въ монастырѣ Урсулы. Вседержитель сохранилъ тебя для твоего маленькаго

Руди. Поцѣлуй отъ меня своего малютку и скажи ему, чтобы онъ хорошенько учился. Одновременно съ этимъ письмомъ посылаю ему двѣ книги: „Благочестивое дитя и его ангелъ-хранитель“—превосходная исторія и „Герои нашего отечества“—собраніе военныхъ разсказовъ для мальчиковъ. Любовь къ этимъ вещамъ надобно развивать въ ребенкѣ какъ можно раньше. Напримѣръ, твоему брату Отто не было еще пяти лѣтъ, когда я начала разсказывать ему про Александра Македонскаго, Цезаря и другихъ знаменитыхъ полководцевъ; зато теперь пріятно видѣть, какимъ геройствомъ одушевленъ онъ.

„Я слышала, что ты хочешь остаться на лѣто въ окрестностяхъ Вѣны, вмѣсто того чтобы ѣхать въ Грумицъ. Ты напрасно дѣлаешь это. Воздухъ въ Грумицѣ былъ бы для тебя полезнѣе, чѣмъ душный Гитцингъ. Да и бѣдный папа будетъ очень скучать одинъ. Вѣроятно, это изъ за мужа ты хочешь остаться около Вѣны, но мнѣ кажется, что и обязанностями дочери не слѣдуетъ пренебрегать. Тиллингъ отъ времени до времени сталъ бы пріѣзжать къ вамъ на денекъ. Быть постоянно вмѣстѣ тоже не очень полезно для супруговъ... повѣрь моей житейской опытности. Я замѣтила, что самые счастливые браки бываютъ тамъ, гдѣ мужъ и жена не сидятъ постоянно другъ около друга, но предоставляютъ одинъ другому маленькую свободу. Покамѣстъ, прощай. Береги себя... и подумай насчетъ Гитцинга. Да хранитъ небо тебя и твоего Руди. Это постоянная молитва любящей тебя

тети Мари“.

„P. S. У твоего мужа есть, кажется, родные въ Пруссіи (къ счастью, онъ не такой заносчивый, какъ его соотечественники); скажи ему, что здѣсь очень сомнѣваются относительно политическаго положенія дѣлъ, которое, кажется, принимаетъ очень серьезный оборотъ“.

Это письмо тетки заставило меня опять вспомнить о „политическомъ положеніи дѣлъ“. Все это время такіе вопросы не омрачали счастья моей жизни. Правда, до и послѣ моей болѣзни я читала очень много ежедневныхъ газетъ, журналовъ, брошюръ, книгъ, но передовыя статьи я пропускала; когда меня не мучилъ во-

просъ, „быть или не быть“ войнѣ, меня не занимала эта пустая болтовня о внутренней и внѣшней политикѣ. Postscriptum письма тети заставилъ меня серьезно обратиться къ тому, чѣмъ я пренебрегала, и освѣдомиться о современномъ положеніи нашихъ политическихъ дѣлъ.

— Скажи, пожалуйста, на что это намекаетъ тетя, называя тебя самымъ незадорнымъ изъ пруссаковъ?— сказала я своему мужу и дала ему прочитать тетино письмо.—Развѣ въ политическихъ отношеніяхъ опять вышли какія-нибудь недоразумѣнія?

— Да, они къ несчастью непостоянны, какъ погода.

— Въ чемъ же дѣло? Неужели до сихъ поръ еще не сговорились насчетъ этихъ герцогствъ?

— Изъ-за нихъ спорятъ теперь больше, чѣмъ когдалибо и не могутъ придти рѣшительно ни къ какому соглашенію. Шлезвигъ-голштинцамъ очень хочется совсѣмъ освободиться отъ пруссаковъ... отъ „заносчивыхъ“ пруссаковъ, какъ прозвали ихъ въ послѣднее время. „Лучше быть датскими, чѣмъ прусскими“, повторяютъ они данный имъ центральными государствами лозунгъ. И знаешь, извѣстная пѣсня объ „Опоясанной моремъ землѣ“ поется теперь съ новымъ варіантомъ:

Schleswig-Holstein stammverwandt
Schmeisst die Preussen aus dem Land.

(Родственные Шлезвигъ и Голштинія выживаютъ отъ себя пруссаковъ).

— А что же Аугустенбургъ? Получилъ ли онъ свои законныя владѣнія? О! Не говори мнѣ, Фридрихъ, не говори мнѣ, что онъ не получилъ ихъ! Вѣдь только изъ-за того, что онъ хотѣлъ взять себѣ эти угнетенныя датчанами страны, возгорѣлась послѣдняя война, которая чуть не стоила мнѣ *твоей* жизни. Оставь же мнѣ, по крайней мѣрѣ, утѣшеніе, что этотъ Аугустенбургъ, за котораго вы умирали, возстановленъ въ своихъ правахъ и царствуетъ теперь надъ нераздѣльными герцогствами. Я подчеркиваю это слово „нераздѣльными“, потому что это тоже историческое право, освященное вѣками, происхожденіе котораго мнѣ такъ трудно было прослѣдить.

— Плохо приходится твоимъ „историческимъ правамъ“, моя милая Марта,—сказалъ, улыбаясь, Фридрихъ.— Объ Аугустенбургѣ теперь не говоритъ уже никто, кромѣ его самого въ издаваемыхъ имъ протестахъ и манифестахъ.

Съ этихъ поръ я опять начала слѣдить за политическими осложненіями и узнала слѣдующее. Несмотря на то, что всѣ подписали протоколъ вѣнскаго мира, рѣшительно ничего не было признано и приведено въ исполненіе. Съ того времени шлезвигъ-голштинскій вопросъ перешелъ всевозможныя стадіи и теперь вызывалъ споры болѣе, чѣмъ когда-нибудь. Когда Глюксбургъ отказался отъ кандидатуры, Аустенбургъ и Ольденбургъ поспѣшили заявить свои права собранію Союза. Лауенбургъ настойчиво просилъ присоединить его къ Пруссіи. Никто въ точности не зналъ, что сдѣлаютъ союзники съ завоеванными ими провинціями, а эти обѣ державы подозрѣвали одна другую въ стремленіи къ захвату.

„Чего хочетъ Пруссія?“ Вотъ вопросъ, который съ неудовольствіемъ постоянно задавали себѣ и Австрія, и центральныя государства, и герцогства. Наполеонъ III совѣтовалъ Пруссіи присоединить къ себѣ герцогства до Сѣвернаго Шлезвига, гдѣ говорятъ уже на датскомъ языкѣ. Но Пруссія въ данный моментъ не имѣла такого намѣренія. Въ концѣ концовъ, 22 февраля 1865 года, она формулируетъ свои требованія слѣдующимъ образомъ: „въ герцогствахъ стоитъ прусское войско, герцогства отдаютъ свои военныя силы подъ предводительство Пруссіи, за исключеніемъ небольшого контингента войскъ, присоединеннаго къ Союзу. Гавань Киль оккупируется пруссаками. Почта и телеграфъ переходятъ къ Пруссіи. Герцогства присоединяются къ таможенному союзу“.

Противъ этихъ требованій—не знаю почему—высказалъ неудовольствіе нашъ министръ Менсдоръ-Понилли. И еще больше (уже вовсе не могу представить, почему—вѣроятно изъ зависти, этого главнаго мотива въ „международныхъ отношеніяхъ“) высказывали по этому поводу неудовольствія центральныя государства. Они особенно настойчиво требовали, чтобы Аугустенбургъ

былъ посаженъ на тронъ какъ можно скорѣе. Но вѣдь должна же и Австрія сказать что-нибудь, и вотъ она, игнорируя Аугустенбурга, какъ будто бы онъ совсѣмъ не существовалъ, даетъ свое согласіе на оккупированіе Киля Пруссіей и возстаетъ противъ дарованія ей правъ на рекрутированье солдатъ и матросовъ.

И такимъ образомъ споры разрастались безъ конца. Пруссія заявляла, что ея требованія имѣютъ въ виду только интересы Германскаго союза; что о захватѣ она и не думаетъ; что Аугустенбургъ можетъ вступить въ права наслѣдства, если приметъ выставленныя выше условія; но если эти необходимыя и скромныя требованія не будутъ удовлетворены, то (повышая голосъ съ угрозой) Пруссія будетъ вынуждена потребовать и бо̀льшаго. Противъ этого угрожающаго голоса послышались насмѣшки и вызовы. Въ центральныхъ государствахъ и въ Австріи общественное мнѣніе съ каждымъ днемъ все больше и больше возстаетъ противъ Пруссіи и особенно противъ Бисмарка. 27 іюня центральныя государства обращаются къ великимъ державамъ за разъясненіями; но такъ какъ дипломаты имѣютъ обыкновеніе не давать разъясненія, а дѣлать все тайно, то великія державы начали переговоры между собою. Король Вильгельмъ поѣхалъ въ Гаштейнъ, императоръ Францъ-Іосифъ—въ Ишль, графъ Блюме летаетъ то къ тому, то къ другому, и въ нѣкоторыхъ пунктахъ, наконецъ, было достигнуто соглашеніе: оккупація должна быть на половину прусской, на половину австрійской. Лауенбургъ, согласно его собственному желанію, присоединяется къ Пруссіи. За это Австрія получаетъ вознагражденіе въ $2^1/_2$ милл. талеровъ. Послѣднее обстоятельство не могло внушить мнѣ патріотической радости. Какую пользу принесетъ эта незначительная сумма тридцатишестимилліонному населенію Австріи, даже если и раздѣлить ихъ между тѣми, кто ничего не имѣетъ? Можетъ ли она вознаградить меня хотя бы за тѣ нѣсколько сотенъ тысячъ гульденовъ, которыя я потеряла при крахѣ банка „Шмитъ съ сыновьями“? А тѣхъ, кто потерялъ въ этой войнѣ близкихъ и дорогихъ людей? Я все-таки обрадовалась договору, подписанному въ Гаштейнѣ 14 авгу-

ста. „Договоръ“ — при этомъ словѣ чувствуется успокоеніе. Тогда я не знала еще, что международные договоры очень часто служатъ только для того, чтобы при нарушеніи ихъ имѣть такъ называемый casus belli. Тогда стоитъ только одному государству обвинить другое въ „нарушеніи договора“, и тотчасъ же подъ видомъ защиты нарушенныхъ правъ мечи вынимаются изъ ноженъ.

Тогда этотъ гаштейнскій договоръ мнѣ принесъ успокоеніе. Несогласія, повидимому, прекратились. Генералъ Габленцъ, красавецъ, къ которому всѣ мы, женщины, были неравнодушны, былъ назначенъ намѣстникомъ въ Голштинію, Мантейфель—въ Шлезвигъ. Такимъ образомъ отъ увѣреній 1640 года, что эти области будутъ вѣчно нераздѣльными, не осталось ничего. А что касается моего Аугустенбурга, за права котораго я стояла такъ горячо, то онъ однажды вздумалъ явиться въ эту страну и получить отъ населенія изъявленіе симпатій; Мантейфель заявилъ ему, что если онъ когда-нибудь пріѣдетъ сюда безъ разрѣшенія, то онъ арестуетъ его. Кто не видитъ въ этомъ остроумной шутки Кліо, тотъ не можетъ понять комизма исторіи.

Несмотря на гаштейнскій договоръ, положеніе дѣлъ было не лучше. И теперь, испуганная письмомъ тети Мари и послѣдовавшими объясненіями, я рѣшила регулярно прочитывать политическія статьи и собирала всюду ходившія мнѣнія, такъ что я могла аккуратно прослѣдить фазы этого запутаннаго спора. Я не думала, чтобы онъ могъ привести къ войнѣ. Такіе юридическіе вопросы должны рѣшаться юридическимъ путемъ, т.-е., взвѣшиваніемъ требуемыхъ правъ той и другой сторонъ и произнесеніемъ соотвѣтствующаго приговора. Совѣщательныя собранія министровъ, сеймы, переговоры государственныхъ людей и монарховъ, идущіе въ дружественномъ тонѣ, конечно, уладятъ такое пустое дѣло. И я скорѣе съ любопытствомъ, чѣмъ съ безпокойствомъ слѣдила за развитіемъ этого инцидента, различныя перипетіи котораго я нашла теперь записанными въ своихъ красныхъ тетрадкахъ. 1-го октября 1865 г. Съѣздъ делегатовъ во Франкфуртѣ пряналъ слѣдующее

рѣшеніе: „1. Право шлезвигъ-голштинскаго народа рѣшить свою собственную участь остается въ силѣ. Гаштейнскій договоръ отвергается націей, какъ правонарушеніе. 2. Всѣ народные представители должны отказывать въ уплатѣ податей и отбываніи повинностей государствамъ, которыя держатся политики насилія“.

Октября 15. Прусскій королевскій синдикъ не признаетъ наслѣдственныхъ правъ принца Аугустенбурга, такъ какъ отецъ послѣдняго отказался за себя и за все свое потомство отъ престола за сумму въ $1^1/_2$ милл. талеровъ. По вѣнскому трактату герцогства принадлежатъ Союзу; слѣдовательно, Аугустенбургъ не долженъ имѣть притязаній на нихъ.

„Дерзость!“—вотъ какимъ именемъ клеймили эти рѣчи, произносимыя въ Берлинѣ, и „прусская заносчивость“ сдѣлалась пословицей. „Надобно ея остерегаться“. „Король Вильгельмъ, кажется, хочетъ сыграть изъ себя нѣмецкаго Виктора Эммануила“. „Тайное намѣреніе Австріи отвоевать назадъ Силезію“. „Пруссія заигрываетъ съ Франціей“. „Австрія заигрываетъ съ Франціей“ et patati et patatà, какъ говорятъ французы. По-нѣмецки это называетъ tritsch tratsch, и кабинеты великихъ державъ занимаются этимъ не меньше, чѣмъ за чашкой кофе въ дружескомъ кругу нашихъ провинціальныхъ городовъ.

Зима опять свела всю нашу семью въ Вѣну. Роза и Лили очень много веселились на богемскихъ водахъ, но ни одна изъ нихъ не была еще помолвлена. Дѣла Конрада были блестящи. Во время охотничьяго сезона онъ пріѣзжалъ въ Грумицъ, и хотя рѣшительное слово опять не было произнесено, но оба они въ душѣ были убѣждены, что дѣло кончится ихъ бракомъ.

Я же, несмотря на настойчивыя просьбы отца, не поѣхала въ Грумицъ даже и въ осенній охотничій сезонъ. Фридриху не дали отпуска, а разставаться съ нимъ мнѣ такъ не хотѣлось, что я не стала подвергать себя этой непріятности, разъ это не было крайне необходимо. Второй причиной, почему я избѣгала ѣхать въ Грумицъ къ отцу, было то, что мнѣ не хотѣлось подвергать своего маленькаго Рудольфа вліянію дѣдушки, который

всячески старался внушить ребенку любовь къ военной службѣ. И безъ того въ ребенкѣ сильно сказывалась наклонность мальчика къ этому дѣлу, котораго мнѣ такъ не хотѣлось давать ему въ руки. Вѣроятно, эта страсть была у него наслѣдственной. Потомокъ длиннаго ряда воиновъ, естественно, долженъ былъ родиться съ воинственными инстинктами. Изъ сочиненій по естественнымъ наукамъ, которыми я занималась теперь съ еще бо́льшимъ усердіемъ, чѣмъ прежде, я узнала о могущественномъ вліяніи наслѣдственности, о существованіи такъ называемыхъ „прирожденныхъ наклонностей", которыя представляютъ собой не что иное, какъ стремленіе слѣдовать привычкамъ, унаслѣдованнымъ отъ предковъ.

Въ день рожденія дѣдушка подарилъ ему саблю.

— Но знаешь, папа, — съ неудовольствіемъ сказала я, — что Рудольфъ ни въ какомъ случаѣ не будетъ военнымъ, и я прошу тебя серьезно...

— Что же? ты хочешь сдѣлать изъ него нѣженку? Надѣюсь, что ты не успѣешь въ этомъ. Въ его жилахъ течетъ отличная солдатская кровь. Только не мѣшай ему, когда онъ выростетъ, самому избрать себѣ карьеру... Нѣтъ лучше той, отъ которой ты хочешь удержать его.

— Марта не хочетъ, — замѣтила тетя, присутствовавшая при этомъ разговорѣ, — подвергать своего единственнаго сына опасностямъ войны, но она забываетъ, что тому, кому предназначено умереть, умретъ и въ постели, не ходя на войну...

— Если на войнѣ пало 100,000 человѣкъ, всѣ они умерли бы въ то же время и безъ войны? — спросила я ее.

Но тетя Мари никогда не затруднялась въ отвѣтахъ.

— Этимъ ста тысячамъ предназначено было умереть на войнѣ.

— Но если бы люди оказались разсудительными и не начали войны? — возразила я.

— О! это невозможно! — вскричалъ отецъ, и нашъ разговоръ снова перешелъ на ту тему, о которой мы такъ часто спорили, и продолжался почти въ тѣхъ же

словахъ: съ одной стороны тѣ же утвержденія и тѣ же принципы, съ другой—ихъ опроверженія и противоположные принципы. Ни къ чему другому не приложима такъ басня о гидрѣ, какъ къ установившемуся мнѣнію. Только-что успѣешь отрубить ему одну голову-аргументъ и готовишься то же сдѣлать со второй, какъ первая опять уже выросла. Мой отецъ имѣлъ нѣсколько излюбленныхъ доводовъ въ пользу войны, которыхъ никакими силами нельзя было опровергнуть.

1. Войны установлены Богомъ, Господомъ воинствъ. Это мы видимъ изъ Священнаго писанія.

2. Войны всегда были и, слѣдовательно, всегда будутъ.

3. Безъ этого децимированья, человѣчество слишкомъ размножилось бы.

4. Постоянный миръ разслабляетъ, изнѣживаетъ, производитъ застой, подобно стоячей водѣ, и порождаетъ порчу нравовъ.

5. Войны—лучшее средство для развитія въ людяхъ самопожертвованія и героизма, однимъ словомъ, онѣ закаляютъ характеръ.

6. Люди постоянно будутъ спорить. Полное согласіе въ ихъ взглядахъ невозможно; вѣчный миръ—contradictio in adiecto.

Ни одно изъ этихъ положеній—въ особенности же ни одно изъ выводимыхъ отсюда слѣдствій—не выдерживаетъ серьезныхъ возраженій. Но каждое изъ нихъ служитъ оплотомъ для защитника войны: когда разрушено одно укрѣпленіе, онъ прячется за другое, и пока разрушаешь это другое, онъ успѣваетъ воздвигнуть изъ развалинъ старое. Напримѣръ, если поборникъ войны загнанъ въ уголъ и принужденъ сознаться, что миръ болѣе соотвѣтствуетъ достоинству человѣка, что онъ благодѣтельнѣе, полезнѣе для культуры, чѣмъ война, онъ говоритъ: „О! да, война—зло, но зло необходимое“, и ссылается снова на опровергнутыя положенія подъ № 1 и 2. Затѣмъ если вы докажете, что ея можно избѣгнуть при помощи союзовъ государствъ: „о! да, войну можно избѣжать, но не слѣдуетъ этого дѣлать“,—и дальше слѣдуютъ ссылки на положенія

подъ № 4 и 5. Затѣмъ, если защитникъ мира опровергаетъ это возраженіе и доказываетъ, что „война дѣлаетъ людей грубыми, уничтожаетъ въ нихъ черты, свойственныя исключительно человѣческой природѣ“, — „О! да! я согласенъ съ этимъ, но...“ и слѣдуетъ № 3. Этотъ аргументъ опровергается тѣмъ, что сама природа заботится о томъ, чтобы „деревья не росли въ небо“, и не нуждается для этого дѣла въ помощи человѣка; да правители государствъ и не заботятся объ этомъ. „Вы правы, но... № 1“. И такъ безъ конца. Защитникъ войны постоянно останется правъ; его разсужденія вертятся въ кругу, гдѣ вы постоянно будете гоняться за нимъ и никогда не поймаете. „Война — ужасное зло, но она должна существовать. Допустимъ, что она не необходима, но она — великое благо“. Этимъ недостаткомъ логической послѣдовательности страдаютъ всѣ, кто хочетъ отстоять свой неаксіоматичный принципъ и для этой цѣли пускаетъ въ ходъ всѣ фразы и общія мѣста, на которыя, какъ онъ слышалъ, ссылаются при защитѣ этого дѣла. Что эти аргументы исходятъ изъ нѣсколькихъ различныхъ точекъ зрѣнія, что они не только не подтверждаютъ, но даже уничтожаютъ другъ друга, это нисколько не смущаетъ спорящаго. Онъ ссылается на нихъ не потому, что дошелъ до нихъ собственнымъ размышленіемъ, или потому, что они гармонируютъ съ общимъ складомъ его убѣжденій; онъ просто приводитъ, безъ всякаго разбора, выводы, которые слышалъ отъ другихъ.

Все, что я высказываю теперь, не могло быть такъ ясно для меня въ то время, когда я спорила объ этомъ съ отцомъ. Только впослѣдствіи я научилась внимательно слѣдить за коварными ухищреніями ума въ своей головѣ и у другихъ. Я припоминаю, что послѣ этихъ споровъ я постоянно чувствовала себя очень утомленной и взволнованной, и понимаю теперь, что это утомленіе происходило отъ „бѣганья въ кругу“, къ которому вынуждала меня аргументація отца. Заключеніемъ этихъ диспутовъ было постоянно то, что онъ сострадательно пожималъ плечами и говорилъ: „Ты не понимаешь этого“. И этотъ приговоръ, касающійся

военнаго дѣла, звучалъ, разумѣется, очень убѣдительно въ устахъ стараго генерала, говорившаго съ молодой женщиной.

. . . .

Канунъ новаго, 1866, года. Всѣ мы сидѣли за пуншемъ и ужиномъ вокругъ отца, когда ударилъ первый часъ этого полнаго событіями года. У насъ былъ пріятный праздникъ: мы праздновали помолвку Конрада и Лили. Едва стрѣлка остановилась на двѣнадцати и раздался торжественный выстрѣлъ, какъ мой предпріимчивый кузенъ обнялъ сидѣвшую съ нимъ молодую дѣвушку, поцѣловалъ ее и, ко всеобщему удивленію, спросилъ:

— Согласна ли ты выйти за меня замужъ въ 66 году?

— Да, согласна, — отвѣтила она,—я люблю тебя, Конрадъ.

Начались чоканье, поцѣлуи, рукопожатія, поздравленія, пожеланія безъ конца.

— За здоровье жениха и невѣсты! Богъ да благословитъ вашъ союзъ, мои дѣти! Счастливой жизни, Конрадъ и Лили! Поздравляю отъ души, кузенъ! Будь счастлива, сестра! и т. д., и т. д.

Всѣ мы чувствовали себя весело и счастливо, можетъ-быть, и не совсѣмъ свободны были отъ чувства зависти: какъ смерть представляетъ собою самое печальное и самое непріятное явленіе, такъ любовь—любовь, которая освящается жизнетворнымъ союзомъ,—самое пріятное и самое завидное чувство. Во мнѣ, разумѣется, не было и слѣда зависти, такъ какъ я прочно и дѣйствительно обладала тѣмъ счастьемъ, которое нареченной невѣстѣ предстояло еще впереди. То, что испытывала я въ эту минуту, было скорѣе сомнѣніе: выпадетъ ли на долю бѣдной Лили такое счастье, какое далъ мнѣ Фридрихъ. Конрадъ, правда, очень добрый человѣкъ, но другого Фридриха нѣтъ.

Отецъ положилъ конецъ поздравленіямъ, позвонивъ о стаканъ своимъ кольцомъ съ печатью на мизинцѣ, и сталъ говорить рѣчь. Онъ говорилъ приблизительно такъ: „Мои дорогіе дѣти и друзья, 66-ой годъ начи-

нается хорошо. Въ самыя первыя свои минуты онъ приноситъ мнѣ исполненіе моихъ завѣтнымъ желаній, такъ какъ мнѣ давно хотѣлось назвать Конрада своимъ зятемъ. Будемъ надѣяться, что этотъ счастливый годъ и Розу одѣнетъ въ дамскій чепчикъ, а вамъ, Марта и Тиллингъ, принесетъ подарокъ аистъ. Вамъ, докторъ Брессеръ, желаю въ этомъ году многочисленныхъ паціентовъ, хотя это положеніе, кажется, идетъ въ разрѣзъ съ пожеланіями здоровья, которыми мы только что обмѣнивались; а тебѣ, дорогая Мари, желаю—конечно, если это предопредѣлено, такъ какъ я знаю твой фатализмъ,—или выиграть, или получить полную индульгенцію грѣховъ, или вообще того, что ты сама себѣ хочешь. Тебѣ, мой Отто, кончить курсъ съ отличіемъ и всевозможныхъ солдатскихъ добродѣтелей и познаній, такъ чтобы ты могъ быть со временемъ украшеніемъ арміи и гордостью своего престарѣлаго отца. Наконецъ, долженъ я пожелать чего-нибудь хорошаго и всѣмъ вообще; а такъ какъ для насъ нѣтъ ничего выше и дороже славы Австріи, то дай Богъ, чтобы наступающій годъ принесъ нашей странѣ великія побѣды: отвоевать себѣ Ломбарію или, кто знаетъ, и Силезію. Нельзя сказать, что будетъ, но весьма возможно, что мы отнимемъ у гордыхъ пруссаковъ страну, которая была отнята у великой Маріи Терезіи.“

Помню, что заключительныя слова тоста подѣйствовали непріятно на насъ. Ломбардія и Силезія!.. Правду сказать, никто изъ насъ не чувствовалъ особенной надобности въ нихъ. А связанная съ этимъ мысль о „войнѣ“, т.-е., о новыхъ страданіяхъ и смерти, отозвалась рѣзкимъ диссонансомъ съ кроткой радостью, которая вызвана была въ нашихъ сердцахъ этимъ новымъ союзомъ любви.

Я позволила даже себѣ сдѣлать ему возраженіе.

— Нѣтъ, дорогой папа, сегодня встрѣчаютъ Новый годъ и итальянцы, и пруссаки, такъ что мы не должны желать имъ несчастья. Пожелаемъ лучше, чтобы въ 66-мъ году всѣ люди жили мирно и счастливо.

Отецъ пожалъ плечами.

— Энтузіазмъ!—сказалъ онъ съ сожалѣніемъ.

— Вовсе нѣтъ!—вступился за меня Фридрихъ.—Желаніе, выраженное Мартой, совсѣмъ не мечта: за его осуществленіе ручается намъ наука. Исторія съ незапамятныхъ эпохъ и до настоящаго времени показываетъ, что люди становятся все добрѣе, единодушнѣе и счастливѣе, хотя этотъ прогрессъ и совершается такъ незамѣтно медленно, что въ такой короткій промежутокъ времени, какъ годъ, едва ли можетъ быть замѣтна какая-нибудь перемѣна.

— Если вы такъ твердо вѣрите въ вѣчный прогрессъ,—замѣтилъ отецъ,—отчего же вы такъ часто жалуетесь на реакцію, на возвращеніе къ варварству?

— Оттого,—Фридрихъ вынулъ карандашъ и начертилъ спираль на клочкѣ бумаги,—оттого, что ходъ цивилизаціи идетъ по такой линіи. Несмотря на случайныя отклоненія ея назадъ, развѣ не подвигается она неуклонно впередъ? Весьма возможно, что начинающійся годъ представляетъ собой одно изъ такихъ отклоненій, особенно если, кажется весьма вѣроятнымъ, у насъ снова будетъ война, и война болѣе, чѣмъ что-либо другое отодвигаетъ назадъ матеріальную и духовную культуру.

— Вы, какъ солдатъ, Тиллингъ, не должны были бы говорить подобныхъ вещей.

— Я говорю объ этомъ, дорогой тесть, съ общей точки зрѣнія. Мой взглядъ можетъ быть вѣренъ или не вѣренъ; при чемъ тутъ мое положеніе—солдатъ я или нѣтъ? Правда можетъ быть только одна. Если вещь красная, неужели надобно называть ее голубой изъ принципа, потому что мы сами въ голубомъ мундирѣ, или черной—потому что на насъ черная ряса?

— Что такое черная?—Мой отецъ имѣлъ обыкновеніе въ томъ случаѣ, если споръ принималъ нежелательное для него направленіе, притворяться, что онъ плохо слышалъ. На этотъ его обычный въ такихъ случаяхъ вопросъ „что такое?“ нужно было повторить всю рѣчь, и немного находилось такихъ терпѣливыхъ оппонентовъ, чтобы дѣлать это, и большинство предпочитало прекратить споръ.

Вернувшись домой, я начала допрашивать своего мужа.

— О чемъ ты говорилъ моему отцу? Развѣ опять ожидается война? Я не хочу, чтобы ты шелъ на войну, не хочу!

— Что ты сдѣлаешь этими страстными „не хочу", дорогая Марта? Ты сама возьмешь ихъ назадъ, въ виду непреодолимыхъ обстоятельствъ. Чѣмъ очевиднѣе война, тѣхъ невозможнѣе хлопотать мнѣ объ отставкѣ. Тотчасъ послѣ шлезвигъ-голштинской кампаніи я могъ бы еще сдѣлать это.

— Ахъ, какое несчастье... этотъ Шмитъ съ с-ми...

— Но теперь, когда надвинулись новыя тучи...

— Такъ ты, дѣйствительно, думаешь, что...

— Я думаю,что эти тучи разсѣются. Двѣ великія державы не захотятъ рвать другъ друга на клочки изъ-за этихъ сѣверныхъ провинцій. Но теперь, когда надвигается гроза, мой выходъ въ отставку можетъ показаться трусостью. Понимаешь это?

Я должна была удовлетвориться этими доводами и возложила всѣ свои надежды на то, что „тучи разсѣются".

Съ безпокойствомъ стала слѣдить я теперь за ходомъ политическихъ событій, за мнѣніями и пророчествами о нихъ въ газетахъ и разговорахъ. „Вооружаться!.. Вооружаться!" всюду кричали теперь.—„Пруссія вооружается молча".—„Австрія вооружается молча".—„Пруссаки увѣряютъ, что мы вооружаемся, но эта не правда, они сами вооружаются".—„Ты вооружаешься!"—„Нѣтъ, не правда: ты вооружаешься!"—„Если они вооружаются, мы тоже должны вооружаться. Если мы не станемъ вооружаться, кто знаетъ, прекратятъ ли они вооруженіе". И это слово „вооруженіе" повторялось всюду со всевозможными варіантами.

— Но къ чему же все это бряцанье оружіемъ, когда ни у кого нѣтъ намѣренія воевать?—спросила я однажды отца.

— Si vis pacem, para bellum,—отвѣтилъ онъ мнѣ латинской пословицей,—мы вооружаемся только изъ предосторожности.

— А другіе?

— Съ намѣреніемъ напасть на насъ.

— Но вѣдь они тоже говорятъ, что вооружаются только изъ предосторожности на случай нападенія съ нашей стороны.

— Это—ихъ притворство.

— А они говорятъ, что мы притворяемся.

— О! они выставляютъ это только какъ предлогъ, чтобы имѣть право вооружаться.

Опять заколдованный кругъ, змѣя, кусающая себя за хвостъ! Это—цѣль произвести давленіе на врага, который желаетъ войны, и такимъ образомъ достигнуть мира. Двѣ равносильныя державы, обѣ желающія мира, могутъ дѣйствовать по этой системѣ только въ томъ случаѣ, что другая обманетъ ее. И это убѣжденіе становится тѣмъ крѣпче, чѣмъ болѣе она знаетъ, что противная сторона, такъ же какъ и она сама, скрываетъ подъ миролюбивыми фразами враждебныя цѣли. Не одни авгуры, но и дипломаты хорошо знаютъ, сколько правды скрывается за публичными церемоніями и рѣчами каждаго изъ нихъ. Обоюдныя приготовленія къ войнѣ шли въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ года. 12 марта отецъ вбѣжалъ ко мнѣ въ комнату съ лицомъ, сіяющимъ радостью.

— Ура!—кричалъ онъ.—Хорошія вѣсти!

— Разоруженіе?—спросила я.

— Зачѣмъ? Наоборотъ: все благополучно! Вчера происходилъ большой военный совѣтъ. Наши дѣла въ отличномъ положеніи: мы вооружены великолѣпно! Задорнымъ пруссакамъ придется призадуматься. Мы можемъ выставить въ поле каждую минуту 800,000 человѣкъ. И Бенедекъ, нашъ лучшій полководецъ, назначенъ главнокомандующимъ съ неограниченными полномочіями. Говорю тебѣ между нами, дитя мое: Силезія—наша, стоитъ только захотѣть.

— О Боже! Боже!—простонала я;—неужели насъ опять постигнетъ этотъ бичъ? Кто... кто такъ безсовѣстенъ, чтобы изъ честолюбія, изъ жадности...

— Успокойся, мы не такъ честолюбивы и не такъ жадны къ территоріальнымъ пріобрѣтеніямъ. Мы хотимъ

(разумѣется, не я; по моему мнѣнію, мы имѣли бы полное право требовать себѣ обратно Силезію), правительство хочетъ сохранить миръ: объ этотъ оно заявляло довольно часто. И громадныя силы нашей дѣйствующей арміи, какъ выяснилось вчера на совѣтѣ при докладѣ императору, внушатъ другимъ державамъ должное къ намъ уваженіе. Пруссіи первой придется умолкнуть и измѣнить свой властный тонъ. Мы съ ней поговоримъ еще насчетъ Шлезвигъ-Голштиніи, и я увѣренъ, что мы никогда не допустимъ, чтобы какая-нибудь другая держава усилилась и получила преобладаніе въ Германскомъ союзѣ. Здѣсь затрогивается наша честь, нашъ „престижъ", какъ сказали бы французы, здѣсь идетъ дѣло, можетъ-быть, о нашемъ существованіи, но ты не понимаешь этого. Все дѣло въ томъ, въ чьихъ рукахъ будетъ гегемонія; жалкій Шлезвигъ играетъ въ этомъ дѣлѣ послѣднюю роль... но нашъ военный совѣтъ ясно доказалъ, кому должно принадлежать первое мѣсто и кто долженъ диктовать условія сосѣдямъ: потомки ли ничтожнаго Бранденбурга, или наслѣдники длиннаго ряда римско-германскихъ императоровъ! Я считаю миръ обезпеченнымъ. Но если другіе будутъ вести себя дерзко и задорно, тогда война неизбѣжна, побѣда обезпечена за нами и мы получимъ неисчислимыя выгоды. Было бы желательно, если бы война...

— Конечно, и ты и военный совѣтъ хотите этого! Хорошо, по крайней мѣрѣ, что люди высказываются откровенно! Къ чему же тогда вводить насъ въ заблужденіе, увѣрять народъ и друзей мира, что всѣ эти вооруженія и требованія кредита на военныя нужды имѣютъ цѣлью упрочить миръ? Если вы показываете зубы, сжимаете кулаки, то не говорите при этомъ нѣжныхъ словъ. Если вы дрожите отъ нетерпѣнія обнажить мечъ, то не увѣряйте, что вы держитесь за рукоятку изъ предосторожности.

Такъ продолжала я говорить дрожащимъ голосомъ и съ возрастающимъ волненіемъ, между тѣмъ мой отецъ не находилъ, что отвѣтить мнѣ; наконецъ, я разразилась слезами.

Наступило время колебанія между страхомъ и надеж-

дою. Сегодня — „миръ обезпеченъ“; завтра — „война неизбѣжна“. Большинство держалось послѣдняго мнѣнія, не столько потому, что обстоятельства сдѣлали кровавую развязку необходимой, но потому, что разъ произнесено слово „война“, то какъ бы ни колебалось рѣшеніе вопроса, но дѣло должно кончиться войной, какъ показалъ опытъ. Маленькое невидимое яичко, содержащее въ себѣ casus belli, высиживается до тѣхъ поръ, пока не вылупится изъ него чудовище.

Ежедневно записывала я въ красныя тетрадки всѣ перемѣны въ развитіи спора и такимъ образомъ знала и знаю теперь, какъ подготовлялась и разразилась роковая война 66-го года. Безъ этого личнаго интереса я легко могла бы оказаться въ такомъ же невѣдѣніи относительно этого отрывка исторіи, въ какомъ живетъ большинство людей среди разыгрывающихся передъ ними историческихъ событій. Большинство обыкновенно не знаетъ ничего о томъ, почему и какъ разыгралась война. Они только ждутъ нѣкоторое время, что она можетъ наступить, вотъ и все. А когда она разразится, уже не спрашиваютъ больше о тѣхъ интересахъ и разногласіяхъ во мнѣніяхъ, которыя вызвали ее; теперь всѣ заняты тѣми крупными событіями, изъ которыхъ слагается она. Когда же, наконецъ, война минуетъ, то мы вспоминаемъ объ ужасахъ и потеряхъ, понесенныхъ нами лично, о побѣдахъ и тріумфахъ, но о политическихъ ея причинахъ больше нѣтъ и помина. Послѣ каждой кампаніи появляются книги подъ заглавіемъ: „Война такого-то года, описанная съ исторической и стратегической точекъ зрѣнія“, или что-нибудь въ этомъ родѣ; здѣсь излагаются всѣ мотивы, вызвавшіе эту войну, всѣ тактическія движенія, и всякій, кто интересуется этими вещами, можетъ почерпнуть здѣсь должныя свѣдѣнія, но въ памяти народа такія событія не живутъ. Даже чувства ненависти и энтузіазмъ, чувства досады и жажда побѣды, съ которыми народъ привѣтствуетъ каждую кампанію,— чувства, которыя выражаются въ отзывахъ: „это—популярная война“,—даже эти чувства замираютъ чрезъ одинъ-два года послѣ войны.

24 марта Пруссія издаетъ циркулярную ноту, въ которой указываетъ на угрожающій образъ дѣйствій Австріи. Почему мы не разоружаемся, если не хотимъ угрожать? Но какъ же мы можемъ сдѣлать это? 28 марта со стороны Пруссіи слѣдуетъ приказъ по арміи, чтобы крѣпости Силезіи и два армейскихъ корпуса были приведены въ полную боевую готовность.

Марта 31. Славу Богу! Австрія объявляетъ, что всѣ слухи о ея вооруженіяхъ ложны. У нея никогда и въ головѣ не было напасть на Пруссію, и въ силу этого заявленія она требуетъ, чтобы Пруссія прекратила свои вооруженія. Пруссія отвѣчаетъ, что у нея и въ головѣ никогда не было напасть на Австрію, но что она вооружается, противъ своего желанія, вслѣдствіе вооруженій Австріи, изъ страха нападенія съ ея стороны.

И послѣ этого начинается безконечная пѣсня въ два голоса:

„Мои вооруженья ради обороны."

„Твои вооруженья съ цѣлью нападенья."

„Я должна вооружаться, потому что ты вооружаешься."

„Я вооружаюсь, потому что ты вооружаешься."

„Станемъ вооружаться обѣ."

„Станемъ вооружаться обѣ."

Газеты изобразили изъ себя оркестръ, аккомпанирующій этому дуэту. Передовыя статьи предаются дикому разгулу въ этой политикѣ предположеній. Онѣ раздуваютъ, травятъ, хвастаются, клевещутъ. Появляются новыя книги о семилѣтней войнѣ, съ очевиднымъ намѣреніемъ возобновить старую вражду.

Державы между тѣмъ обмѣниваются нотами. 7 апрѣля Австрія еще разъ оффиціально заявила, что она не вооружается, но указываетъ на фразу Бисмарка, сказанную имъ графу Кароли, что „на гаштейнскій договоръ нечего обращать вниманія". Значитъ, судьбы націй должны зависѣть отъ того, что могутъ сказать другъ другу два важныхъ дипломата, находясь въ болѣе или менѣе хорошемъ расположеніи духа? И наконецъ, что это за договоры, исполненіе и неисполненіе которыхъ находятся въ полной власти договаривающихся сторонъ и не гарантируются никакой властью третейскаго суда?

На эту ноту Пруссія отвѣтила 15-го апрѣля, что ее обвиняютъ несправедливо, но она все-таки настойчиво указывала на то, что Австрія вооружилась на границахъ, и этотъ фактъ оправдываетъ ея собственныя вооруженія. Если Австрія серьезно не думаетъ о нападеніи, пусть начнетъ разоружаться первая.

Вѣнскій кабинетъ отвѣтилъ: „мы разоружимся 25 числа текущаго мѣсяца, если Пруссія дастъ слово сдѣлать то же самое на слѣдующій день“.

Пруссія обѣщаетъ.

Что за радость! Значитъ, несмотря на всѣ угрожающія мѣры, миръ сохранится! И я записала эту радостную перемѣну въ красную тетрадку.

Но слишкомъ рано! Новыя затрудненія! Австрія заявила, что она можетъ разоружиться только на сѣверныхъ границахъ, но не на южныхъ, такъ какъ оттуда ей грозитъ Италія.

Пруссія отвѣтила: „если Австрія отказывается отъ полнаго разоруженія, то и она не можетъ разоружиться“.

Теперь заявляетъ и Италія, что ей никогда не приходило въ голову нападать на Австрію, но послѣ того какъ Австрія заявила, что она вооружилась на южныхъ границахъ, то и ей, Италіи, необходимо сдѣлать соотвѣтствующія приготовленія.

И такимъ образомъ восхитительная пѣсня объ оборонѣ распѣвается на три голоса.

Звуки этой мелодіи успокаиваютъ меня. Послѣ этихъ громко и неоднократно повторенныхъ заявленій никто, конечно, не смѣетъ дѣлать нападенія; а если никто не начнетъ, то не будетъ и войны. Принципъ, что справедливы только оборонительныя войны, такъ прочно укоренился въ сознаніи общества, что ни одно правительство не рискнетъ сдѣлать нападеніе на сосѣда, а если другъ противъ друга приготовлены войска на случай обороны, то какъ бы ни были грозны эти арміи, какъ бы ни горѣли онѣ желаніемъ схватиться, фактически онѣ безсильны нарушить миръ.

Какое заблужденіе! Я полагаю, что кромѣ „нападенія“ есть много другихъ средствъ начать враждебныя дѣйствія. Напримѣръ, споръ о какомъ-нибудь клочкѣ

земли, который можетъ привести къ оскорбленію какихъ-нибудь правъ; нарушеніе старыхъ договоровъ, защищать которые можно съ помощью силы; или, наконецъ, „политическое равновѣсіе Европы“, которое считается нарушеннымъ, если одна изъ державъ очень усиливается: такому усиленію должно энергически противиться. Хотя и скрытно, но могущественнѣе всего дѣйствуетъ въ этомъ случаѣ ненависть, которая долго таится, разрастается и побуждаетъ къ кровопролитной схваткѣ такъ же страстно и съ такой же стихійной силой, какъ долго сдерживаемая любовь къ живительнымъ объятіямъ.

Теперь событія начинаютъ стремительно смѣняться. Австрія такъ рѣшительно высказывается за Аугустенбурга, что Пруссія сочла это за нарушеніе гаштейнскаго договора и увидѣла въ этомъ явно враждебныя намѣренія ея. Слѣдствіемъ является усиленное вооруженіе съ той и съ другой сторонъ. Теперь и Саксонія начинаетъ дѣлать то же самое. Возбужденіе—всеобщее, которое усиливается со дня на день. „Война!“ „Война!“ пишутъ газеты и кричатъ со всѣхъ сторонъ. Я чувствую себя, какъ будто я плыву въ открытомъ морѣ и вижу приближеніе бури.

Самымъ ненавистнымъ человѣкомъ въ Европѣ, котораго бранили мы болѣе всего, былъ Бисмаркъ. 4-го мая было покушеніе на его жизнь. Хотѣлъ ли Блиндъ его убійствомъ отвратить бурю? Да и отвратилъ ли бы онъ ее?

Я получала письма изъ Пруссіи отъ тети Корнеліи, изъ которыхъ видно было, что народъ тамъ не желалъ войны, между тѣмъ какъ у насъ мысль о войнѣ съ Пруссіей вызывала всеобщій энтузіазмъ, и мы съ гордостью смотрѣли на нашъ „милліонъ готоваго къ бою войска“ и на разладъ, царствовавшій у нашихъ враговъ. Бисмарка бранили въ его собственной странѣ не меньше, чѣмъ у насъ; ходили слухи, что ландверъ отказался принимать участіе въ „братоубійственной войнѣ“, что королева Августа бросилась къ ногамъ своего мужа и умоляла его не нарушать мира. О! съ какою радостью упала бы и я вмѣстѣ съ нею на колѣни и

увлекла бы за собой всѣхъ женщинъ—да, всѣхъ!—и мы стали бы молить о томъ же. Къ этому, единственно къ этому, должны бы стремиться всѣ женщины: „миръ, миръ! долой оружіе!“

А что, если бы наша красавица-императрица бросилась тоже къ ногамъ своего мужа и, поднявъ руки, со слезами стала молить его о разоруженіи?.. кто знаетъ?.. можетъ-быть, она и сдѣлала это; можетъ-быть, императоръ лично и желалъ бы сохранить миръ, но давленію со стороны совѣтниковъ, ораторовъ, крикуновъ и писакъ трудно противиться человѣку, хотя бы и на престолѣ.

1-го іюня Пруссія заявила Союзному собранію, что она готова разоружиться, если Саксонія и Австрія подадутъ тому примѣръ. Тогда изъ Вѣны отвѣтили прямымъ обвиненіемъ, что Пруссія уже давно имѣетъ намѣреніе напасть, въ союзѣ съ Италіей, на Австрію, и потому Австрія желаетъ теперь созвать Германскій союзъ и предложить на его усмотрѣніе рѣшеніе вопроса о герцогствахъ. Въ то же время она желала созвать всесословное собраніе въ Голштиніи.

Противъ такого предложенія Пруссія заявила протестъ, говоря, что оно противорѣчитъ гаштейнскому договору. Такимъ образомъ Австрія, по ея словамъ, возвратилась къ вѣнскому договору, т.-е., къ установленію ихъ общаго владѣнія въ завоеванныхъ провинціяхъ. Слѣдствіемъ этого было то, что Пруссія сочла себя въ правѣ оккупировать Голштинію, а Австріи предоставила занять Шлезвигъ. Пруссаки тотчасъ же двинулись въ Голштинію. Габленцъ отступилъ, не прибѣгая къ оружію, хотя и протестовалъ.

Но предварительно Бисмаркъ разослалъ циркуляръ такого содержанія: „Мы не нашли въ Вѣнѣ никакого желанія компромисса. Наоборотъ, изъ достовѣрныхъ источниковъ до слуха короля дошли такія слова, высказанныя государственными чиновниками Австріи и совѣтниками императора, которыя доказываютъ, что министры, во что бы то ни стало, желаютъ вызвать войну (значитъ, *желаютъ* избіенія своего народа, — страшное обвиненіе!), потому что надѣются на успѣхъ

и думаютъ выпутаться при помощи этого изъ внутреннихъ затрудненій и поправить свои разстроенные финансы прусской контрибуціей (мудро!).

Пресса приняла вполнѣ воинственный тонъ и, конечно (по обычаю патріотовъ), была увѣрена въ побѣдѣ. Возможности пораженія не долженъ допускать ни одинъ вѣрноподданный, котораго его государь призываетъ къ войнѣ. Безчисленныя передовыя статьи описывали вступленіе Бенедека въ Берлинъ и разграбленіе этой столицы кроатами. Нѣкоторые предлагали сравнять прусскую столицу съ землею. „Разграбить“, „сравнять съ землею“—хотя такія выраженія идутъ въ разрѣзъ съ нашими понятіями о правѣ, но они крѣпко засѣли въ нашихъ головахъ со времени нашего изученія исторіи въ школахъ. Объ этомъ такъ часто говорится въ исторіи при описаніи войнъ и заучивается нами наизусть, объ этомъ такъ часто пишутъ ученики въ своихъ классныхъ сочиненіяхъ, что если человѣкъ сядетъ за составленіе газетной статьи на тему о войнѣ, такія выраженія у него льются изъ-подъ пера сами собой. Не находили достаточно ѣдкихъ словъ для выраженія презрѣнія къ врагу: вѣнскія газеты называли прусскихъ солдатъ не иначе, какъ „портными“. Генералъ графъ Грюнне выражался такъ: „мы выгонимъ этихъ пруссаковъ мокрыми швабрами“.

Такимъ способомъ старались сдѣлать войну „популярной“. Не правда ли, вѣдь это поднимаетъ народное самосознаніе?

11 іюня. Австрія предлагаетъ Союзу принять мѣры противъ самоуправства Пруссіи въ Голштиніи и мобилизировать всю союзную армію.

14 іюня. Предложеніе подвергнуто голосованію и принято большинствомъ девяти противъ шести. О! эти три голоса! Какой вопль и крики горя раздались отъ нихъ, точно эхо!

Совершилось!.. Посланники отозваны. 16 іюня. Союзъ предлагаетъ Австріи и Баваріи подать помощь Ганноверу и Саксоніи, которые подверглись уже нападенію Пруссіи.

18-го вышелъ въ Пруссіи манифестъ о войнѣ, въ то

же самое время появился манифестъ и австрійскаго императора къ своему народу и прокламація Бенедека къ войску. 22-го Фридрихъ-Карлъ издалъ приказъ по арміи—и война началась! Эти четыре документа я записала въ свой дневникъ.

Вотъ они.

Король Вильгельмъ говоритъ:

Австрія не хочетъ забыть, что ея государи были нѣкогда повелителями Германіи, и не хочетъ признать въ юной Пруссіи своего союзника, а смотритъ на нее какъ на врага и соперника. Пруссіи, говоритъ она, надобно мѣшать во всѣхъ ея стремленіяхъ, такъ какъ все, что приноситъ пользу Пруссіи, вредитъ Австріи. Старая пагубная зависть ея вспыхнула теперь яркимъ пламенемъ. Она хочетъ ослабить, уничтожить Пруссію. Она не сохраняетъ болѣе никакихъ договоровъ. Куда ни взглянемъ въ Германіи, мы видимъ себя всюду окруженными врагами; и ихъ военный кличъ—„уничтоженіе Пруссіи". Я искалъ, насколько было возможно, путей къ мирному соглашенію. Австрія отказала.

Съ другой стороны, императоръ Францъ Іосифъ выражается такъ:

„Послѣднія событія неоспоримо доказали, что Пруссія хочетъ рѣшать вопросы путемъ силы, а не права. Такимъ образомъ, сдѣлалась неизбѣжной самая нечестивая изъ войнъ — нѣмцевъ противъ нѣмцевъ. Отвѣтственность за свои бѣдствія, которыя она принесетъ съ собой отдѣльнымъ лицамъ, семьямъ, провинціямъ и государствамъ, я возлагаю на тѣхъ, кто вызвалъ ее; на нихъ падетъ приговоръ исторіи и Вѣчнаго Всемогущаго Бога.

Оказывается, что войны желаетъ всегда „непріятель". На него возлагаютъ вину въ томъ, что онъ хочетъ рѣшать вопросы путемъ силы, а не права. Но если существуетъ международное право, какимъ образомъ это можетъ случиться? „Нечестивая" война—потому, что сражаются „нѣмцы противъ нѣмцевъ". Совершенно вѣрно. Эта точка зрѣнія уже болѣе или менѣе высокая, такъ какъ за „Австріей" и „Пруссіей" подымается болѣе общее понятіе „Германія". Сдѣлать еще одинъ шагъ впередъ—и мы получимъ еще болѣе высокое понятіе, въ свѣтѣ котораго всякая война—человѣка противъ человѣка, и въ частности цивилизованныхъ націй противъ цивилизованныхъ—окажется „нечестивой братоубійственной войной". А этотъ „приговоръ исторіи"—какой толкъ изъ него? Исторія, какъ она писалась до сихъ

поръ, никогда не произносила никакого приговора, кромѣ похвалы успѣху. Клика исторіографовъ падаетъ ницъ передъ тѣмъ, кто выйдетъ побѣдителемъ изъ войны, и воскуряетъ передъ нимъ ѳиміамъ, величая его исполнителемъ культурной миссіи. А „приговоръ Всемогущаго Бога?" Да, но вѣдь Его Самого считаютъ руководителемъ войны, и она кончается согласно съ Его всемогущей волей! Противорѣчіе на противорѣчіи! Разумѣется, такъ и должно быть тамъ, гдѣ истина прикрывается лицемѣрными фразами, гдѣ хотятъ соединить въ одно цѣлое два исключающихъ другъ друга принципа, каковы: война и справедливость, ненависть и человѣколюбіе, Бога любви и Бога воинствъ.

Бенедекъ говоритъ:

Мы стоимъ противъ военной силы, состоящей изъ двухъ половинъ — линейнаго войска и ландвера. Первая состоитъ исключительно изъ молодыхъ солдатъ, не привыкшихъ къ трудностямъ похода и лишеніемъ и не участвовавшихъ еще ни разу въ большой войнѣ. Вторая половина состоитъ изъ ненадежныхъ, недовольныхъ элементовъ, которые съ большей охотой ниспровергли бы существующее правленіе, чѣмъ идти драться за него съ нами. Вслѣдствіе продолжительнаго мирнаго періода у врага нѣтъ ни одного генерала, имѣющаго боевую опытность. Ветераны Минчіо и Палестро! вы, я полагаю, сочтете за особую честь, сражаясь подъ предводительствомъ своихъ старыхъ и опытныхъ генераловъ, не дать ни малѣйшаго перевѣса такому противнику. Непріятель давно уже кичится своими скорострѣльными ружьями, но я думаю, что они принесутъ ему немного пользы. Мы не дадимъ ему времени для этого, какъ начнемъ уже работать штыками и прикладами. И какъ только, съ Божьей помощью, мы одолѣемъ врага и принудимъ его къ отступленію, мы будемъ преслѣдовать его по пятамъ, и потомъ вы отдохнете отъ труда въ непріятельской землѣ и найдете тамъ все, на что имѣетъ право побѣдоносное войско.

Наконецъ, принцъ Фридрихъ-Карлъ говоритъ:

Солдаты! Вѣроломная нарушительница союза, Австрія, уже нѣсколько времени, безъ объявленія войны, не уважаетъ границъ Пруссіи въ Верхней Силезіи. Я точно также считаю себя въ правѣ перейти богемскую границу, безъ объявленія войны, Но я не сдѣлалъ этого. Сегодня мною сдѣлано объявленіе войны и сегодня же мы перейдемъ на территорію нашихъ враговъ, чтобы спасти свою собственную страну. Да пошлетъ вамъ Господь свою помощь (Тотъ Самый Господь, помощь котораго и Бенедекъ обѣщалъ своему войску?). Передадимъ свое дѣло въ руки Того, Кто управляетъ сердцами людей, Кто рѣшаетъ судьбы

народовъ и исходы битвъ, какъ сказано въ священномъ писаніи. Пусть ваши серца бьются для Бога, и рука ваша бьетъ врага. Въ этой войнѣ, какъ вы знаете, дѣло идетъ объ интересахъ нашей дорогой Пруссіи, у существованіи любимой нами Пруссіи. Враги открыто высказываютъ желаніе раздробить ее и унизить. Неужели напрасно пролиты рѣки крови вашими и моими отцами при Фридрихѣ Великомъ, и нами подъ Дюппелемъ и Альзеномъ? Нѣтъ! мы должны спасти Пруссію и побѣдами сдѣлать ее еще могущественнѣе и сильнѣе. Мы покажемъ себя достойными нашихъ отцовъ. Вы уповаемъ, что Богъ отцовъ нашихъ будетъ милостивъ и къ намъ и благословитъ оружіе Пруссіи. Итакъ, теперь, впередъ съ нашимъ старымъ военнымъ крикомъ: „съ Богомъ за короля и отечество! да здравствуетъ король!“

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

1866-й годъ.

Опять наступила война—высшее изъ всѣхъ несчастій, которое народъ привѣтствовалъ, однако, обычнымъ ликованіемъ. Полки выступали (въ какомъ-то состояніи они вернутся?) среди пожеланій побѣдъ, благословеній и криковъ уличныхъ мальчишекъ.

Фридрихъ былъ посланъ въ Богемію еще раньше, до объявленія войны, и именно въ такое время, когда можно было надѣяться, что этотъ споръ изъ-за ничтожныхъ герцогствъ уладится мирнымъ путемъ. Такимъ образомъ на этотъ разъ судьба пощадила меня и избавила отъ прощанья съ любимымъ человѣкомъ передъ отъѣздомъ его „на войну“. Когда мой отецъ съ торжествомъ принесъ мнѣ извѣстіе: „война объявлена!“ я была въ одиночествѣ уже цѣлыхъ двѣ недѣли. Да и къ извѣстію этому я была готова, какъ преступникъ въ своей камерѣ, подготовившій себя къ выслушанію смертнаго приговора.

Я опустила голову и не сказала ничего.

— Не падай духомъ, дитя мое. Война будетъ непродолжительна: черезъ два - три дня мы будемъ въ Берлинѣ. И какъ твой мужъ вернулся изъ Шлезвигъ-Голштиніи, такъ вернется онъ и изъ этой кампаніи, увѣнчанный новыми лаврами. Можетъ-быть, правда, ему

непріятно, какъ выходцу изъ Пруссіи, воевать съ пруссаками; но послѣ того, какъ онъ поступилъ на австрійскую службу, онъ сдѣлался нашимъ и душой и тѣломъ. Ахъ, эти пруссаки съ своей заносчивостью! Вздумали вытѣснить насъ изъ Германскаго Союза! Ну, имъ придется раскаяться. Если Силезія перейдетъ къ намъ, и если Габсбурги...

Я протянула руку:—Отецъ, прошу тебя, оставь меня одну.

Онъ, вѣроятно, думалъ, что я хочу проплакаться, и такъ какъ онъ не любилъ чувствительныхъ сценъ, охотно исполнилъ мою просьбу и уѣхалъ.

Однако я не плакала. Я испытывала такое чувство, точно безчисленные удары упали мнѣ на голову. Тяжело дыша и почти безъ сознанія, я неподвижно сидѣла нѣсколько времени. Потомъ я подошла къ письменному столу, открыла свою красную тетрадку и записала:

„Смертный приговоръ произнесенъ. На казнь осуждены сотни тысячъ людей. Попадетъ ли въ число ихъ Фридрихъ? А потомъ... и я за нимъ. Кто я такая, чтобы не погибнуть, какъ гибнутъ сотни тысячъ народа? Зачѣмъ я не умерла раньше?“

Въ тотъ же день я получила отъ Фридриха коротенькое письмо, написанное наскоро.

„Будь тверда, моя милая, не падай духомъ. Мы были счастливы—никто не отыметъ этого у насъ, даже если бы для насъ, какъ и для многихъ другихъ, судьба произнесла свой приговоръ: кончено!“ (Та же мысль, которую я записала въ своемъ дневникѣ „для многихъ произнесенъ приговоръ“). Сегодня мы выступаемъ навстрѣчу „врагу“. Можетъ-быть, я встрѣчу во время битвы товарищей, дравшихся вмѣстѣ со мною подъ Дюппелемъ и Альзеномъ... весьма возможно, что тамъ будетъ и мой кузенъ Готфридъ... Мы должны идти къ Либенау съ авангардомъ графа Кламъ-Галласа. Теперь у насъ нѣтъ ни одной свободной минуты для переписки. Писемъ отъ меня не жди. Самое большее, что я могу сдѣлать, это, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, написать тебѣ одну строчку, чтобы показать, что я живъ. На прощанье мнѣ хотѣлось бы подыскать такое словечко, кото-

рое могло бы выразить тебѣ всю мою любовь; кто знаетъ, можетъ-быть, оно будетъ послѣднимъ. Я не могу придумать ничего, кромѣ — „Марта“. Ты, конечно, знаешь, что значитъ для меня это слово“.

Конрадъ Альтгаузъ также долженъ былъ отправиться въ походъ. Онъ былъ исполненъ страстной жаждой боя и сильной ненавистью къ пруссакамъ, такъ что охотно шелъ на войну, но разставаться съ невѣстой было тяжело ему. Разрѣшеніе жениться онъ получилъ за два дня до приказа о выступленіи.

— О, Лили, Лили!—съ горечью вскричалъ онъ, прощаясь съ ней, — зачѣмъ ты такъ долго отвергала мои просьбы? Быть-можетъ, я не вернусь!

Моя бѣдная сестра сама горько раскаивалась. Только теперь вспыхнула въ ней страстная любовь къ тому, кѣмъ она такъ долго пренебрегала. Когда онъ ушелъ, она бросилась ко мнѣ въ объятія со слезами.

— Зачѣмъ я давно не сказала ему: „да?“ Я была бы теперь его женой.

— Тогда, моя бѣдная Лили, разлука съ нимъ была бы еще тяжелѣе для тебя.

Она покачала головой. Я хорошо понимала, что она чувствовала,—можетъ-быть, даже лучше ея самой. Разстаться съ любимымъ человѣкомъ безъ удовлетворенія страстной любви, которая, можетъ-быть, навсегда останется неудовлетворенной; видѣть кубокъ наслажденія оторваннымъ отъ устъ и разбитымъ, прежде чѣмъ успѣть выпить изъ него хотя бы одинъ глотокъ — это должно быть вдвое мучительнѣй.

Отецъ, сестры и тетя Мари опять уѣхали въ Грумицъ. И я охотно согласилась ѣхать туда же вмѣстѣ съ своимъ маленькимъ сыномъ. Когда Фридриха не было дома, мой домашній очагъ казался мнѣ потухшимъ, и я не могла жить у себя дома. Странно: я чувствовала себя точно вдовой, какъ будто бы извѣстіе о войнѣ было въ то же время и извѣстіемъ о смерти Фридриха. Иногда среди тяжелаго горя у меня мелькала свѣтлая мысль: онъ живъ и, вѣроятно, вернется, но вмѣстѣ съ этимъ тотчасъ же вставала предо мной страшная картина: а что, если онъ умираетъ сейчасъ въ невы-

носимыхъ мукахъ, изнемогаетъ отъ боли въ канавѣ... тяжелыя повозки ѣдутъ чрезъ него... мухи и черви облѣпили его раны... люди, очищающіе поле, не поймутъ, что онъ въ обморокѣ, сочтутъ его за мертваго и свезутъ вмѣстѣ съ мертвецами въ общую могилу... и вдругъ онъ придетъ въ себя и...

Я громко вскрикивала, не могши преодолѣть безсильнаго отчаянія и страха.

— Что съ тобой, Марта?—говорилъ мнѣ отецъ недовольнымъ голосомъ. — Ты доведешь себя до того, что сойдешь съ ума, если будешь такъ предаваться печали и вскрикивать. Ты возбуждаешь свою фантазію и представляешь себѣ разныя глупости. Это грѣшно!

Я часто говорила о томъ, что мнѣ мерещатся такія картины, и этимъ страшно возмущала отца.

— Грѣшно,—продолжалъ онъ, — неприлично и безсмыслено. Такіе случаи, какіе рисуетъ тебѣ твоя возбужденная фантазія, бываютъ, несомнѣнно, только съ однимъ изъ тысячи, да и то простыхъ солдатъ, но штабъ-офицера, какъ твоего мужа, никогда не оставляютъ лежать на полѣ. Кромѣ того, общее правило—не слѣдуетъ никогда думать о страшныхъ вещахъ. Это—оскверненіе святыни, профанація войны, если мы будемъ обращать вниманіе на такія жалкія подробности и терять изъ виду величіе ея. О нихъ не надобно думать.

— Да, да, не думать о нихъ,—возразила я; — это обыкновенный образъ дѣйствій человѣчества передъ лицомъ человѣческаго бѣдствія: „не надобно думать объ этомъ“; на этомъ-то зиждется все наше варварство.

Нашъ домашній докторъ, Брессеръ, не поѣхалъ съ нами въ Грумицъ. Онъ добровольно присоединился къ отряду санитаровъ и отправился на театръ войны; и мнѣ пришла мысль, не поѣхать ли и мнѣ туда сестрой милосердія. Да, если бы знать, что я буду около Фридриха, буду у него подъ рукою на тотъ случай, если онъ будетъ раненъ, я не задумалась бы... Но ухаживать за чужими?.. Нѣтъ, этого не выдержали бы мои силы и недостало бы у меня столько самоотверженія. Видѣть умирающихъ, слышать предсмертное хрипѣнье, испытывать желаніе подать помощь сотнямъ просящихъ

о помощи и не быть въ состоянiи исполнить этого, переживать самой всѣ ихъ страданiя, мучиться, смотря на несчастныхъ, безъ надежды встрѣтиться съ Фридрихомъ, и даже, наоборотъ, потерять шансы свиданья съ нимъ, такъ какъ жизнь сестры милосердiя подвержена всевозможнымъ опасностямъ. Нѣтъ, я не могу сдѣлать это! Кромѣ того, отецъ сказалъ мнѣ, что частныя лица не будутъ приниматься въ полевые лазареты въ качествѣ сестеръ милосердiя, такъ какъ эти обязанности тамъ исполняются солдатами санитарнаго отряда.

— Щипать корпiю, готовить перевязочный матерiалъ для Патрiотическаго Общества поданiя помощи — вотъ единственный трудъ, которымъ женщины могутъ оказать помощь раненымъ, и мои дочери должны усердно заниматься этимъ; на такую работу я благословляю васъ.

И ежедневно, по нѣсколькимъ часамъ, мои сестры и я занимались этимъ дѣломъ. Роза и Лили работали съ увлеченiемъ, съ почти счастливыми лицами. Когда мы превращали тонкiя ниточки въ мягкiя груды корпiи и аккуратно свертывали въ бинты полосы полотна, обѣ дѣвушки увлекались такъ, какъ будто онѣ ходили за больными: онѣ воображали, что онѣ облегчаютъ жгучiя боли, перевязываютъ раны, слышатъ вздохи облегченiя и видятъ благодарные взгляды тѣхъ, за кѣмъ онѣ ухаживаютъ. Картина, которую онѣ рисовали себѣ, была почти прiятна. Завидна участь солдата, который вышелъ живымъ изъ разгара битвы, положенъ теперь на чистую мягкую постель, за которымъ будутъ ухаживать, котораго будутъ беречь теперь до самаго выздоровленiя; убаюканный, въ полубезсознательномъ состоянiя истомы, онъ пробуждается по временамъ для прiятнаго сознанiя, что его жизнь спасена и что онъ вернется домой къ своимъ друзьямъ и роднымъ и разскажетъ имъ, какъ получилъ онъ эти славныя раны...

Отецъ поддерживалъ ихъ въ этомъ наивномъ мнѣнiи.

— Браво, браво, мои дочери! Сегодня опять работаете, опять доставили облегченiе многимъ изъ нашихъ храбрыхъ защитниковъ. Какое облегченiе положить такой комочекъ корпiи на открытую рану! Я могу ска-

зать это по опыту. Давно, когда мнѣ прострѣлили ногу при Палестро... и т. д. и т. д.

Я только вздыхала, не говоря ни слова. Я слышала другія исторіи о раненыхъ, чѣмъ тѣ, которыя любилъ разсказывать мой отецъ, исторіи, которыя отличались отъ анекдотовъ ветерановъ такъ же, какъ настоящая бѣдная пастушеская жизнь отличается отъ идиллій Ватто.

„Красный Крестъ“... Я знала, что это учрежденіе вызвано было къ жизни состраданіемъ народной массы, дошедшимъ до высшей степени. Я слѣдила за переговорами, которые велись въ Женевѣ при возникновеніи этого учрежденіи, и читала брошюру Дюнана, который далъ толчокъ всему этому дѣлу. Раздирающимъ сердце крикомъ жалости была эта брошюра! Благородный женевскій патрицій былъ на полѣ битвы подъ Сольферино съ цѣлью оказать несчастнымъ помощь, какую возможно; и то, что онъ увидѣлъ тамъ, онъ повѣдалъ міру. Безчисленное множество раненыхъ лежало тамъ безъ всякой помощи по пяти и по шести дней. Ему хотѣлось бы спасти ихъ всѣхъ, но что могъ сдѣлать онъ одинъ, что могла сдѣлать небольшая кучка людей передъ лицомъ такой массы страданій? Онъ видѣлъ такихъ, которымъ можно было бы спасти жизнь глоткомъ воды или кусочкомъ хлѣба. Онъ видѣлъ, какъ въ страхѣ и поспѣшности хоронили людей, еще дышавшихъ... Тогда онъ высказалъ... высказалъ то, о чемъ говорили часто, но что нашло отголосокъ только въ послѣднее время,—что средства, доставляемыя военнымъ министерствомъ для спасенія раненыхъ и ухода за ними, слишкомъ малы. И такимъ образомъ возникъ „Красный Крестъ“.

Австрія тогда не примкнула къ женевской конвенціи. Почему?.. Почему все новое, какъ бы просто и полезно ни было оно, встрѣчаетъ постоянно препятствія? По неподвижности и косности. „Идея очень хороша, но невыполнима“, говорили тогда. Я часто слышала, какъ мой отецъ повторялъ этотъ аргументъ нерѣшительности, высказанный нѣкоторыми делегатами на конференціи 1863 года. „Неисполнима, а если и

исполнима, то со многихъ точекъ зрѣнія непріемлема. Военное управленіе не можетъ допустить, чтобы въ дѣла на полѣ битвы вмѣшивались частныя лица. На войнѣ надобно заботиться о тактикѣ, а не о гуманности. И наконецъ, при участіи частныхъ лицъ на полѣ битвы, какая можетъ быть гарантія отъ шпіонства? А расходы! Война и безъ того стоитъ уже слишкомъ дорого! Добровольные санитары падутъ большимъ бременемъ на продовольственный комитетъ; если же они будутъ пріобрѣтать провіантъ на собственный счетъ въ занятой странѣ, то создадутъ затрудненіе для военной администраціи, скупая себѣ вещи, нужныя для войска, и набивая цѣны, создадутъ конкуренцію."

О, офиціальная мудрость! Какъ сухо, учено, дѣловито, предусмотрительно и... незримо глупо!

— Небывалая вещь! Пораженіе за пораженіемъ! Взята штурмомъ забаррикадированная Кламъ-Галласомъ деревня Подолъ, и сдѣлано это ночью при лунномъ свѣтѣ и при заревѣ пожара!.. Взятъ Гичинъ... Игольчатыя ружья, проклятыя игольчатыя ружья укладывали нашихъ на землю цѣлыми рядами... Два громадныхъ армейскихъ корпуса подъ командой кронъ-принца и Фридриха-Карла соединились и двинулись на Мюнхенгретцъ...

Таковы были ужасныя вѣсти съ театра войны, и отецъ сообщилъ ихъ намъ съ такимъ горемъ, глубина котораго вполнѣ соотвѣтствовала той степени восторженности, какую выражалъ онъ при извѣстіи о нашихъ побѣдахъ подъ Кустоццей. Однако онъ все еще вѣрилъ въ успѣхъ.

— Пусть придутъ они всѣ... всѣ въ нашу Богемію, и мы уничтожимъ ихъ здѣсь всѣхъ до единаго человѣка... Тутъ имъ не будетъ ни выхода, ни отступленія; мы окружимъ ихъ желѣзнымъ кольцомъ... и само раздраженное населеніе нанесетъ имъ окончательный ударъ. Дѣйствовать въ непріятельской землѣ совсѣмъ не такъ выгодно, какъ вы, можетъ-быть, предполагаете, такъ какъ въ этомъ случаѣ вы имѣете противъ себя не только войско, но и населеніе... Народъ обливалъ пруссаковъ изъ оконъ домовъ кипящей водой и масломъ...

У меня вырвался глухой стонъ отвращенія.

— Что же?—сказалъ мой отецъ, пожимая плечами.— Ужасно, я согласенъ, но вѣдь это война.

— Въ такомъ случаѣ не утверждай, по крайней мѣрѣ, что война облагораживаетъ людей. Сознайся, что она заглушаетъ въ людяхъ все человѣческое, дѣлаетъ ихъ тиграми, дьяволами... Кипящее масло!.. Ухъ!

— Самозащита, которая дозволяется намъ, и справедливая месть, моя дорогая Марта. А развѣ ты думаешь, что нашимъ людямъ пріятны ихъ игольчатыя ружья? Наши храбрецы должны падать подъ этимъ смертоноснымъ оружіемъ, точно беззащитный убойный скотъ. Но мы слишкомъ многочисленны, слишкомъ воинственны, чтобы не одолѣть въ концѣ концовъ этихъ „портныхъ“. Въ самомъ началѣ мы сдѣлали двѣ ошибки; я согласенъ съ этимъ. Бенедекъ долженъ былъ немедленно перейти прусскую границу... И я нѣсколько сомнѣваюсь, удачно ли былъ сдѣланъ выборъ полководца. Если бы туда послать эрцгерцога Альбрехта, а Бенедеку дать южную армію... Но я не теряю надеждъ. Это были только подготовительныя схватки, которыя пруссаками раздуты въ большія побѣды. Рѣшительное сраженіе впереди. Мы стягиваемъ войска въ Кениггретцъ и тамъ будемъ ждать врага съ арміей въ 100,000 человѣкъ; это будетъ наша сѣверная Кустоцца.

Фридрихъ долженъ былъ участвовать въ этомъ сраженіи. Его послѣднее письмо, пришедшее въ то утро, сообщало мнѣ: „Мы отступаемъ къ Кениггретцу“.

Грянулъ бой подъ Кениггретцемъ. Снова пораженіе, и на этотъ разъ, кажется, рѣшительное. Мой отецъ сообщилъ намъ это извѣстіе такимъ тономъ, какъ будто сообщалъ о свѣтопреставленіи.

И ни письма, ни телеграммы отъ Фридриха. Что съ нимъ? Раненъ? убитъ? Конрадъ прислалъ своей невѣстѣ письмо: онъ невредимъ. Списки раненыхъ и убитыхъ еще не пришли. Было извѣстно только, что убитыхъ и раненыхъ подъ Кениггретцемъ около сорока тысячъ. А въ послѣднемъ письмѣ Фридрихъ писалъ мнѣ, что его полкъ идетъ къ Кениггретцу.

На третій день опять никакихъ извѣстій. Я плачу, плачу по цѣлымъ часамъ: я могла еще плакать потому,

что моя печаль была не совсѣмъ безнадежна. Если бы я знала, что Фридриха нѣтъ, для тяжести моего горя не нашлось бы слезъ. Отецъ тоже былъ убитъ неудачей. А Отто горѣлъ жаждой мщенія. Объявили, что въ Вѣнѣ формируется отрядъ волонтеровъ; ему очень хотѣлось присоединиться къ нимъ. Затѣмъ появилось извѣстіе, что Бенедекъ смѣщенъ и на его мѣсто посланъ побѣдоносный эрцгерцогъ Альбрехтъ, въ надеждѣ, что его пріѣздъ подыметъ духъ арміи, и гордый непріятель, собиравшійся идти на Вѣну и уничтожить насъ въ конецъ, будетъ отбитъ. Всѣ въ страхѣ, бѣшенствѣ, горѣ; для всѣхъ имя „пруссаки" сдѣлалось синонимомъ всего самаго ненавистнаго. Но моя единственная мысль была только о Фридрихѣ, а между тѣмъ никакихъ извѣстій, рѣшительно никакихъ!

Спустя нѣсколько дней, мы получили письмо отъ доктора Брессера. Онъ работалъ въ окрестностяхъ поля битвы, подавая посильную помощь. Здѣсь творилось, писалъ онъ, нѣчто ужасное, чего не можетъ представить себѣ никакое воображеніе. Онъ присоединился къ саксонскому врачу доктору Брауэру, который былъ посланъ туда его правительствомъ, чтобы лично ознакомиться съ исходомъ дѣла. Черезъ два дня должна была прибыть одна саксонская дама, г-жа Симонъ, новая миссъ Найтингель, которая съ самаго начала войны работала въ дрезденскихъ госпиталяхъ и предложила правительству отправиться на поле битвы въ Богемію, чтобы оказать помощь въ тамошнихъ госпиталяхъ. Докторъ Брауэръ съ докторомъ Брессеромъ должны были въ назначенный день, вечеромъ, пріѣхать въ Кенигингофъ, послѣднюю станцію передъ Кениггретцемъ, до которой доходило еще желѣзнодорожное сообщеніе, и здѣсь ждать мужественную сестру милосердія. Брессеръ просилъ насъ прислать ему на эту станцію, если возможно, побольше перевязочнаго матеріала. Прочитавъ его письмо, я немедленно же начала готовить ему посылку.

Въ одномъ изъ тѣхъ госпиталей, которые посѣтитъ госпожа Симонъ, можетъ быть лежитъ Фридрихъ... Я присоединюсь къ ней, и весьма возможно, что найду дорогого страдальца... буду ухаживать за нимъ... спасу

его. Эта мысль овладѣла мной съ импульсивной силой, съ такой импульсивной, что я сочла это магнетическимъ вліяніемъ, исходящимъ отъ страстнаго желанія, съ которымъ мой мужъ призывалъ меня къ себѣ.

Не сказавъ ни слова своей семьѣ объ этомъ намѣреніи, такъ какъ я знала, что отовсюду встрѣчу возраженія, я выѣхала изъ Грумица, спустя нѣсколько часовъ послѣ полученія письма Брессера. Я сказала, что хочу сама купить въ Вѣнѣ все то, о чемъ просилъ насъ Брессеръ. Изъ Вѣны я хотѣла написать отцу одну только фразу: „я уѣзжаю на театръ войны". Правда, во мнѣ возникли сомнѣнія о моей неспособности, о недостаткѣ опытности, о моей боязни ранъ, крови и смерти, но я старалась прогнать отъ себя всякія сомнѣнія. Мнѣ казалось, что я должна такъ поступить, что я чувствую на себѣ умоляющій взглядъ моего мужа, что съ своего страдальческаго ложа онъ протягиваетъ ко мнѣ свои руки, и мысленно я не переставая повторяла: „иду, иду къ тебѣ".

Я нашла Вѣну въ неописуемомъ волненіи и страхѣ. Вездѣ разстроенныя лица. Моя карета встрѣчала и обгоняла множество фургоновъ, переполненныхъ ранеными. Я всматривалась въ нихъ, нѣтъ ли тамъ и Фридриха. Но нѣтъ! Его жаждущій призывъ, отъ котораго содрагались всѣ фибры моего организма, доносился до меня издалека, изъ Богеміи. Если бы его привезли въ Вѣну, то, несомнѣно, насъ увѣдомили бы тотчасъ.

Я поѣхала въ гостиницу, оттуда съѣздила за покупками, послала въ Грумицъ приготовленное заранѣе письмо, переодѣлась въ дорожный костюмъ, наиболѣе приспособленный для предстоящей работы, и поѣхала на Сѣверный вокзалъ. Я хотѣла отправиться съ первымъ поѣздомъ, чтобы не опоздать къ мѣсту моего назначенія. Это была единственная идея, которая руководила всѣми моими дѣйствіями.

На вокзалѣ была большая суета, или вѣрнѣе сказать, суета смерти. Залы, платформа, подъѣздъ,—все было переполнено ранеными, изъ которыхъ многіе были при послѣднемъ издыханіи. Около нихъ толпа сестеръ милосердія, солдаты санитарнаго отряда, доктора, муж-

чины и женщины всѣхъ сословій и профессій, пришедшіе сюда посмотрѣть, не привезенъ ли съ послѣднимъ поѣздомъ кто-нибудь изъ ихъ родныхъ; иные пріѣхали сюда, чтобы одѣлить раненыхъ виномъ, сигарами и другими тому подобными пожертвованіями. Желѣзнодорожные чиновники и служители съ трудомъ сдерживали страшный напоръ публики. Они не пропускали и меня.

— Что вамъ угодно?.. дайте дорогу!.. Здѣсь нельзя раздавать ѣду и питье. Обратитесь въ комитетъ. Тамъ примутъ ваши пожертвованія.

— Нѣтъ, нѣтъ!—говорила я,—мнѣ надобно ѣхать. Когда идетъ слѣдующій поѣздъ?

На этотъ вопросъ я долго не могла добиться отвѣта. Наконецъ, я узнала, что большинство поѣздовъ отправленія было отмѣнено, такъ какъ линія занята транспортомъ раненыхъ, прибывающихъ одинъ вслѣдъ за другимъ, и что сегодня не будетъ ни одного пассажирскаго поѣзда. Пойдетъ только одинъ поѣздъ съ резервными войсками, и другой предоставленный исключительно Патріотическому обществу поданія помощи на войнѣ, который отправится къ Кениггретцу съ врачами, сестрами милосердія и грузомъ необходимаго матеріала.

— Нельзя ли и мнѣ поѣхать съ этимъ поѣздомъ?

— Невозможно.

Мнѣ слышался все болѣе и болѣе жалобный и умоляющій голосъ Фридриха... и я не могла идти на его призывъ. Мнѣ казалось, что съ отчаянія я сойду съ ума. Вдругъ у входа въ одинъ залъ я вижу барона С., вице-президента Патріотическаго общества, съ которымъ я познакомилась впервые во время войны 59 года. Я бросилась къ нему.

— Ради Бога, баронъ, помогите мнѣ!.. Вы, конечно, узнали меня?

— Баронесса Тиллингъ, дочь генерала графа Альтгаузъ. О, разумѣется. Чѣмъ могу служить?

— Вы отправляете поѣздъ въ Богемію. Разрѣшите мнѣ ѣхать съ нимъ. Мой умирающій мужъ зоветъ меня къ себѣ. Если у васъ есть сердце... а ваша дѣятель-

ность показываетъ, что у васъ доброе и благородное сердце... не отвергайте моей просьбы.

Онъ сильно колебался, но послѣ многихъ препятствій и затрудненій мое желаніе было исполнено; баронъ С. подозвалъ одного изъ врачей, посылаемыхъ Патріотическимъ обществомъ, и поручилъ меня его покровительству во время пути.

До нашего отъѣзда оставался часъ. Я пошла въ залу, и тамъ каждое удобное мѣсто было превращено въ лазаретъ. Куда ни посмотришь, всюду полулежачія, лежащія, блѣдныя фигуры въ перевязкахъ. У меня не доставало силъ смотрѣть на нихъ. Небольшую энергію, которой я обладала, мнѣ слѣдовало сохранить для предстоящаго дѣла. Я не должна потерять здѣсь свои силы, я должна сохранить ихъ для того, кто звалъ меня.

Однако здѣсь не было ни одного угла, въ которомъ нельзя было бы не наткнуться на потрясающую сцену. Я думала найти убѣжище на платформѣ, но здѣсь я встрѣтилась лицомъ къ лицу съ самой мучительной картиной: прибылъ громадный поѣздъ, всѣ вагоны котораго были переполнены ранеными, и мнѣ пришлось увидѣть, какъ ихъ выносили на дебаркадеръ. Менѣе тяжко раненые выходили сами и кое-какъ брели въ вокзалъ, но большинство изъ нихъ надобно было поддерживать или вовсе выносить. Всѣ носилки были тотчасъ заняты, и больные ждали возвращенія носильщиковъ, лежа на полу. Я присѣла на какой-то ящикъ, и у моихъ ногъ положили солдата, у котораго въ горлѣ слышалось постоянно какое-то бульканье. Я наклонилась-было къ нему, чтобы сказать ему слово участія, но съ ужасомъ откинулась назадъ, и закрыла лицо руками. Мнѣ сдѣлалось страшно; онъ не имѣлъ даже человѣческаго облика: нижняя челюсть у него была отстрѣлена, одинъ глазъ вытекъ, и ко всему этому отъ него несло запахомъ крови и разложенія. Мнѣ хотѣлось вскочить и убѣжать, но у меня исчезли силы, и голова безпомощно откинулась на стѣну, у которой я сидѣла. „О! какое малодушное, слабое я существо“, съ упрекомъ сказала я сама себѣ; „что могу я сдѣлать въ этомъ мѣстѣ

страданій? я не могу здѣсь ничѣмъ, ничѣмъ помочь!“ Одна только мысль о Фридрихѣ снова дала мнѣ силы. Да! ради него, даже если бы онъ былъ въ такомъ уже положеніи, какъ этотъ несчастный, лежащій у моихъ ногъ, я перенесла бы все. Я стала бы еще обнимать, цѣловать его, и всякое отвращеніе, всякій ужасъ исчезли бы предъ всепобѣждающимъ чувствомъ любви. „Фридрихъ, мой Фридрихъ! иду къ тебѣ!“ повторяла я вполголоса эту мысль, которая засѣла у меня въ головѣ при чтеніи письма Брессера и съ тѣхъ поръ не покидала меня.

Но тутъ въ моемъ мозгу мелькнула страшная мысль... а что, если это Фридрихъ? Я собрала всѣ силы и посмотрѣла на него. Нѣтъ, это былъ не онъ.

. . . .

Наконецъ, прошелъ мучительный часъ ожиданія, хрипѣвшаго несчастнаго унесли. „Положите его туда“, услышала я голосъ полкового врача. „Его нельзя везти въ госпиталь, онъ на три четверти покойникъ“. И несчастный понялъ эти слова, что онъ на три четверти покойникъ, и съ отчаяніемъ поднялъ къ небу обѣ руки.

Я сѣла въ вагонъ съ двумя врачами и четырьмя сестрами милосердія. Было удушливо жарко; нашъ вагонъ былъ переполненъ запахомъ больницы и ризницы,—карболки и ладана. Мнѣ было невыразимо непріятно. Я откинулась въ уголъ и закрыла глаза.

Была ночь, когда я пріѣхала въ Кенигингофъ. Мои спутники должны были слѣзть на послѣдней станціи, и я осталась одна въ страхѣ и безпокойствѣ. А что если доктору Брессеру нельзя будетъ пріѣхать? Что мнѣ тогда дѣлать? Кромѣ того, я была, такъ сказать, изломана этой дорогой; а сцены печали и ужасы, которыя вызвалъ въ моемъ воображеніи разсказъ въ дорогѣ доктора, потрясли мои нервы. Если бы не желаніе увидѣться съ Фридрихомъ, я, кажется, согласилась бы лучше умереть. Лечь... заснуть... и никогда, никогда не пробуждаться въ этомъ мірѣ, полномъ жестокостей и безумствъ! А что, если придется жить и знать, что Фридрихъ значится среди „неотысканныхъ“!

Поѣздъ остановился. Съ трудомъ, дрожа, я вышла изъ вагона и вынесла свой ручной багажъ. У меня былъ чемоданъ съ бѣльемъ, корпіей и бинтами для раненаго и дорожный несессеръ. Послѣдній я захватила совершенно механически, такъ какъ я выросла въ убѣжденіи, что невозможно существовать безъ серебряныхъ коробочекъ и баночекъ, безъ мыла и духовъ, безъ щеточекъ и гребеночекъ. Опрятность, эта добродѣтель тѣла, то же, что честность для души; это вторая натура культурнаго человѣчества; теперь я узнала, что въ водоворотѣ подобныхъ обстоятельствъ нельзя даже и думать о сохраненіи этой особенности цивилизованнаго міра! Это вполнѣ послѣдовательно. Война—отрицаніе цивилизаціи, и слѣдовательно, она должна уничтожать всѣ выгоды побѣдъ цибилизаціи; она—возвращеніе къ обычаямъ дикихъ эпохъ, и слѣдовательно, должна вести за собою все, что свойственно обычаямъ дикарей, въ томъ числѣ и грязь, столь отвратительную для всякаго культурнаго человѣка.

Ящикъ съ матеріалами для госпиталей, который я купила въ Вѣнѣ для доктора Брессера, былъ сданъ вмѣстѣ съ другими ящиками на попеченіе комитета поданія помощи, и кто можетъ сказать, когда и куда онъ будетъ доставленъ? Со мной не было ничего, кромѣ двухъ вещей ручного багажа и денежной сумочки, повѣшанной черезъ плечо, куда я положила нѣсколько стофлориновыхъ ассигнацій. Несмотря на поздній часъ, на платформѣ была такая же суета, какъ и на всѣхъ предыдущихъ станціяхъ, и тѣ же самыя сцены, но хуже. Кенигингофъ былъ переполненъ этими несчастными, во всемъ мѣстечкѣ не нашлось ни одной комнаты, которая не была бы занята ранеными, больныхъ везли кучами на желѣзнодорожную станцію, гдѣ наскоро имъ накладывались бинты; и они лежали здѣсь всюду, гдѣ попало... на землѣ... на камняхъ.

Была темная, безлунная ночь. Сцена освѣщалась тремя-четырьмя фонарями, поставленными на высокихъ столбахъ. Измученной и утомленной мнѣ страшно хотѣлось заснуть сномъ смерти; я отыскала въ углу незанятое мѣсто, сѣла и положила багажъ у ногъ.

У меня недоставало мужества всмотрѣться въ суетившуюся толпу людей и поискать среди нихъ д-ра Брессера. Я была почти увѣрена, что его нѣтъ здѣсь. Было, по крайней мѣрѣ, десять шансовъ противъ одного, что его задержатъ дѣла, что онъ не прибудетъ сюда въ назначенный часъ, такъ какъ теперь не могло быть и рѣчи о правильномъ движеніи поѣздовъ: нашъ поѣздъ, напримѣръ, опоздалъ очень много противъ назначеннаго часа. Порядокъ — другое свойство цивилизаціи, которое теперь тоже исчезло вмѣстѣ со всѣмъ остальнымъ.

Моя поѣздка казалась мнѣ теперь полнымъ безуміемъ. Мнѣ чудился зовъ Фридриха... но можно ли вѣрить мистическимъ вещамъ такого рода? Кто знаетъ? Фридрихъ, можетъ-быть, на пути къ Вѣнѣ; можетъ-быть, онъ умеръ; почему же я буду искать его здѣсь? Теперь другой голосъ послышался мнѣ, другія руки простирались навстрѣчу ко мнѣ. Какъ искалъ, вѣроятно, Рудольфъ свою „маму“, какъ долго не могъ онъ заснуть, потому что къ нему не пришла его мама поцѣловать его на ночь. Если я не найду Брессера, куда мнѣ обратиться? А надежда найти его показалась мнѣ вдругъ такой же невѣроятной, какъ надежда получить главный выигрышъ въ лотереѣ на милліонъ билетовъ. Къ счастью, со мной было столько денегъ, что онѣ могли бы вывести меня изъ какого угодно затрудненія. При этой мысли я безсознательно дотронулась до того мѣста, гдѣ должна была висѣть сумка. Боже мой! Ремень оборванъ... сумки нѣтъ. Все потеряно! И однако я не жаловалась на свою судьбу, на то, что „меня постигло несчастье“; когда видишь, что потоки несчастій захватываютъ и уносятъ съ собою всѣхъ, жаловаться на маленькую непріятность не позволяетъ самолюбіе. Да и кромѣ того, въ настоящую минуту только одно я считала для себя несчастьемъ—смерть Фридриха; все остальное для меня не значило ничего.

Я начала всматриваться въ мелькающій мимо меня народъ. Доктора Брессера не было. Къ кому обратиться? Я остановила одного изъ проходившихъ.

— Гдѣ могу я найти начальника станціи?

— Вы хотите сказать—директора здѣшняго лазарета, доктора С.? Вотъ онъ стоитъ.

Хоть онъ и не былъ то лицо, кого я искала, но, можетъ-быть, онъ сообщитъ мнѣ что-нибудь о Брессерѣ. Я подошла къ нему. Онъ разговаривалъ съ какимъ-то господиномъ.

— Жаль,—говорилъ онъ ему, — здѣсь и въ Турнау учреждены депо для всѣхъ госпиталей театра войны. Пожертвованія стекаются массами — бѣлье, жизненные припасы, перевязочный матеріалъ, всего сколько угодно, но что дѣлать съ этимъ? Какъ его разгружать, сортировать, посылать? Намъ недостаетъ рукъ. Намъ нужна сотня дѣятельныхъ лицъ...

Я только - что хотѣла заговорить съ докторомъ, какъ увидала, что кто-то поспѣшно подходитъ къ нему... О, радость!.. я узнала Брессера. Не помня себя, я бросилась на шею старинному другу дома.

— Вы! Вы! баронесса Тиллингъ! Зачѣмъ вы здѣсь?

— Я пріѣхала помочь... быть сестрой милосердія. Въ вашихъ госпиталяхъ нѣтъ Фридриха?

— Я его не видалъ.

Печалиться или радоваться мнѣ было такому отвѣту, я не знала. Его не было здѣсь, значитъ, онъ или мертвъ или невредимъ... Впрочемъ, Брессеръ не могъ знать всѣхъ раненыхъ въ окрестностяхъ. Мнѣ надобно было самой посѣтить всѣ лазареты.

— А г-жа Симонъ?—спросила я

— Она здѣсь уже нѣсколько часовъ. Необыкновенная женщина, рѣшительная, предусмотрительная! Теперь она занята переноской раненыхъ въ вагоны. Она узнала, что въ ближайшемъ мѣстечкѣ, Гороневосъ, нужда достигла самыхъ крайнихъ размѣровъ. Она ѣдетъ туда, и я вмѣстѣ съ нею.

— И я вмѣстѣ съ вами, д-ръ Брессеръ! Позвольте мнѣ ѣхать съ вами.

— Баронесса Марта, куда хотите вы ѣхать? Вамъ, такой изнѣженной, не привыкшей къ труду, взяться за такую тяжелую, непріятно-тяжелую работу?

— Что же я буду дѣлать здѣсь?—сказала я, прерывая его.—Если вы другъ мнѣ, докторъ, помогите мнѣ

исполнить задуманное. Я буду дѣлать рѣшительно все, буду исполнять всякое дѣло. Представьте меня г-жѣ Симонъ, какъ добровольную сестру милосердія, и возьмите меня съ собой... ради Бога, возьмите съ собой.

— Хорошо. Г-жа Симонъ здѣсь. Пойдемте.

. . . .

Когда д-ръ Брессеръ подвелъ меня къ г-жѣ Симонъ и представилъ ей меня, какъ сестру милосердія, она кивнула головой, но тотчасъ же отвернулась и продолжала отдавать приказанія. Въ полусвѣтѣ нельзя было разглядѣть ея лица. Пять минутъ спустя, мы были на пути въ Гороневосъ. Деревенская телѣга, которая только-что привезла оттуда раненыхъ, служила намъ экипажемъ. Мы сидѣли на соломѣ, которая, можетъ-быть, была еще въ крови отъ своего послѣдняго груза. Солдатъ, сидѣвшій рядомъ съ кучеромъ, держалъ въ рукѣ фонарь, который бросалъ на дорогу слабый свѣтъ. „Тяжелый сонъ... тяжелый сонъ"... мнѣ все больше и больше казалось, что я сплю. И только присутствіе доктора Брессера напоминало мнѣ, что это дѣйствительность. Я взяла его за руку и опиралась ему на плечо.

— Обопритесь на меня хорошенько, баронесса Марта,—кротко произнесъ онъ.

Я устроилась насколько возможно было лучше, но что за пытка была эта дорога! Кто всю жизнь свою привыкъ покоиться на мягкихъ пружинныхъ подушкахъ, въ рессорныхъ экипажахъ, на мягкихъ постеляхъ, какъ тяжело такому человѣку, послѣ утомительнаго путешествія въ теченіе цѣлаго дня, ѣхать на жесткой деревенской телѣгѣ, на соломѣ, пропитанной кровью! А вѣдь я была не ранена. Что́ же долженъ чувствовать тотъ, кого съ раздробленными членами второпяхъ везутъ на такой телѣгѣ по тряской дорогѣ?

Вѣки у меня опускались какъ свинцовыя. Меня одолѣвала мучительная сонливость, но положеніе было такъ неудобно, что спать было невозможно... Всѣ члены мои были разбиты, нервы возбуждены, но сонливость, отъ которой я не могла отдѣлаться, одолѣвала меня все сильнѣй. Мысли и образы, точно безсвязный лихорадочный бредъ, вихремъ проносились въ моемъ мозгу. Всѣ

тѣ сцены ужаса, которыя описалъ намъ въ дорогѣ докторъ, снова проносились въ моей памяти, отчасти въ видѣ образовъ зрѣнія и слуха, вызванныхъ этими словами. Я видѣла передъ собой и роющихъ могильщиковъ, и крадущихся „гіенъ“, слышала крики тѣхъ, которые горѣли въ лазаретѣ, и тутъ же отчетливо слышала, какъ будто полковой врачъ произносилъ ихъ, отдѣльныя слова: „стаи вороновъ“, „маркитанты“, „санитарный патруль“. И однако среди этого хаоса, происходящаго въ моемъ больномъ мозгу, я слышала разговоръ, который мои спутники вели вполголоса.

— Часть разбитой арміи бѣжала въ Кениггрецъ,— говорилъ д-ръ Брессеръ;—но крѣпость была заперта, и съ вала начали стрѣлять въ бѣгущихъ, въ саксонцевъ, которыхъ въ темнотѣ приняли за пруссаковъ. Сотни солдатъ бросились въ крѣпостные рвы и потонули. Бѣглецы достигли Эльбы, и здѣсь поднялся невообразимый безпорядокъ. Мосты до того были загромождены лошадьми и пушками, что для инфантеріи не было мѣста. Тысячи погибли въ Эльбѣ, въ томъ числѣ и раненые.

— Въ Гороневосѣ, должно быть, ужасное положеніе,— сказала г-жа Симонъ.—Деревня и замокъ покинуты обитателями. Дома разрушены и переполнены безпомощно лежащими ранеными. Какъ обрадуются они нашему пріѣзду! Но у насъ мало, мало запасовъ.

— И наша медицинская помощь будетъ ничтожна,— прибавилъ Брессеръ.—Чтобы оказать тамъ достаточную помощь, нужны сотни людей; а у насъ мало и инструментовъ и лѣкарствъ. Да и что мы сдѣлаемъ съ своими средствами? Скученность народа грозитъ опасной эпидеміей. Всегда первой заботой должно быть въ этихъ случаяхъ удаленіе раненыхъ, но положеніе ихъ обыкновенно бываетъ таково, что человѣкъ, у котораго хоть немного говоритъ совѣсть, не рискнетъ взять на себя отвѣтственность тронуть ихъ съ мѣста: перевозить ихъ, значитъ, убивать, оставлять ихъ тамъ, значитъ, вводить въ больницу заразу... Тяжелая альтернатива! Ужасы и бѣдствія, которыя я видѣлъ въ эти дни послѣ битвы подъ Кениггретцемъ, превосходятъ всякое вѣроятіе. Приготовьтесь къ самому худшему, г-жа Симонъ.

— Я опытна и мужественна. Чѣмъ страшнѣе бѣдствіе, тѣмъ больше у меня силы воли.

— Знаю, о васъ всюду идетъ молва. А я, напротивъ, когда вижу такое бѣдствіе, моя энергія падаетъ и замираетъ сердце. Слышать, какъ сотни—да что я, сотни!—тысячи людей просятъ, молятъ о помощи, и не быть въ состояніи помочь—это ужасно! Во всѣхъ этихъ передвижныхъ лазаретахъ, поставленныхъ съ величайшей поспѣшностью на полѣ битвы, недостаетъ съѣстныхъ припасовъ, а главное—воды. Большинство сосѣднихъ колодцевъ испорчено жителями, сдѣланы негодными къ употребленію, нигдѣ не достанешь куска хлѣба. Всѣ зданія, на которыхъ уцѣлѣли крыши, церкви, избы, замки,—всѣ переполнены ранеными. Все, что имѣетъ хоть какую-нибудь форму телѣги, идетъ на перевозку раненыхъ. Дороги по всѣмъ направленіямъ кишатъ этими адскими повозками, потому что, правду сказать, страданіе везомыхъ едва ли меньше адскихъ. На нихъ лежатъ офицеры, унтеръ-офицеры, солдаты, покрытые ранами, которыхъ человѣкъ уже не можетъ облегчить; они испачканы пылью и грязью до неузнаваемости, стоны, крики, въ которыхъ нѣтъ ничего человѣческаго; и все-таки тотъ, кто можетъ кричать, находится въ сравнительномъ хорошемъ положеніи.

— Ихъ много умираетъ дорогой?

— Конечно; или по прибытіи на мѣсто; и не замѣтишь, какъ кто-нибудь ляжетъ на первую связку соломы и умретъ. Одни умираютъ спокойно, другіе мучатся въ отчаянной борьбѣ со смертью, мечутся, проклинаютъ, такъ что волосы становятся дыбомъ. Вѣроятно, эти проклятія слышалъ мистеръ Твинингъ изъ Лондона, который на женевской конференціи сдѣлалъ слѣдующее предложеніе: „Если состояніе раненаго не подаетъ никакой надежды на поправленіе, не лучше ли въ такихъ случаяхъ, послѣ напутствія священника, положить конецъ его агоніи какимъ-нибудь другимъ путемъ? Правда, онъ умретъ нѣсколькими минутами раньше, но зато онъ будетъ мучиться меньше и умретъ безъ богохульства“.

— Это не по-христіански!—воскликнула г-жа Симонъ.

— Что? избавить отъ страданiи?

— Нѣтъ, не это, а мысль, что богохульство, сорвавшееся съ устъ человѣка въ минуту нестерпимой боли, можетъ принести вредъ душѣ. Богъ христiанъ не можетъ быть такъ несправедливъ и навѣрно приметъ милостиво каждаго павшаго воина.

— Магометъ обѣщалъ рай каждому мусульманину, который убьетъ христiанина,—возразилъ Брессеръ.— Повѣрьте мнѣ, г-жа Симонъ, всѣ тѣ божества, которыя изображаются руководителями войны, заступничество и благословенiе которыхъ обѣщаютъ убiйцамъ священники и полководцы, всѣ эти божества одинаково глухи и къ проклятiямъ, и къ молитвамъ. Взгляните на небо; эта звѣзда первой величины съ красноватымъ оттѣнкомъ, которую мы видимъ у себя надъ головами черезъ каждые два года, это—планета Марсъ, звѣзда, посвященная богу войны, тому богу, котораго боялись и уважали въ древнiя времена и которому строили храмовъ больше, чѣмъ богинѣ любви. И въ древности, во время боя и при Мараѳонѣ, и въ Ѳермопильскомъ ущельѣ, эта звѣзда сiяла своимъ кровавымъ свѣтомъ надъ головами сражающихся, и къ ней поднимались проклятiя павшихъ, которые винили ее въ своихъ страданiяхъ, а она равнодушно и спокойно, какъ и теперь, обращалась вокругъ солнца. Враждебныя созвѣздiя? Ихъ нѣтъ. У человѣка нѣтъ другого врага, кромѣ человѣка, но и онъ достаточно страшенъ. Впрочемъ, нѣтъ и другого друга,—прибавилъ Брессеръ послѣ короткой паузы;—доказательствомъ этого служите вы, великодушная женщина. Вы...

— О, докторъ,—перебила его г-жа Симонъ;—посмотрите: зарево на горизонтѣ; должно-быть, горитъ деревня...

Я открыла глаза и увидѣла красный отблескъ на небѣ.

— Нѣтъ,—сказалъ докторъ,—это восходитъ луна.

Я старалась сѣсть поудобнѣе и немного выпрямилась. Я дѣлала надъ собою усилiя, чтобы не закрывать глазъ, такъ какъ полусонное состоянiе, когда сознаешь, что не спишь, а между тѣмъ въ головѣ противъ воли проходитъ рядъ страшныхъ картинъ, бываетъ очень му-

чительно. Лучше принять участіе въ разговорѣ спутниковъ, чтобы отдѣлаться отъ своихъ мыслей. Но докторъ и Симонъ молчали. Они оба смотрѣли въ ту сторону, гдѣ восходило ночное свѣтило. И опять, несмотря на всѣ усилія съ моей стороны, мои глаза закрылись. Теперь я засыпала. Въ ту секунду, когда я почувствовала, что я засыпаю, весь этотъ окружающій міръ пересталъ существовать для меня. Я ощущала такое блаженство небытія, что охотно согласилась бы умереть.

Не знаю, долго ли я пробыла въ этомъ блаженномъ состояніи забвенія, но я вдругъ проснулась. Не шумъ, не толчокъ разбудили меня, но зловоніе невыносимо зараженнаго воздуха.

— Что это?—всѣ мы одновременно задали другъ другу этотъ вопросъ.

Телѣга завернула за уголъ; и тутъ-то мы нашли отвѣтъ на нашъ вопросъ. Ярко освѣщенная луною подымалась бѣлая стѣна, вѣроятно, церкви. Что бы это ни было, во всякомъ случаѣ она служила прикрытіемъ для сражавшихся. У подножія ея лежала груда тѣлъ. Подымавшійся отъ труповъ запахъ гніенія и разбудилъ меня. Въ то время, какъ мы проѣзжали мимо, громадная стая вороновъ съ крикомъ поднялась на воздухъ, полетала немного, выдѣляясь черной сѣтью на свѣтломъ фонѣ неба, и снова опустилась на лакомый пиръ.

— Фридрихъ! Фридрихъ!

— Успокойтесь, баронесса Марта,—сказалъ Брессеръ,—вашъ мужъ не можетъ быть здѣсь.

Солдатъ, правившій лошадьми, началъ погонять ихъ, чтобы поскорѣе отъѣхать отъ мѣста зловонныхъ испареній; телѣга застучала и заковыляла, точно мы спасались отъ погони. Мнѣ показалось, что лошади наткнулись на трупъ... я задрожала отъ страха; обѣими руками схватилась я за руку Брессера, но не могла удержаться, чтобы не повернуть головы и не посмотрѣть туда... на стѣну и... былъ ли это обманчивый свѣтъ луны, или движеніе птицъ туда и сюда, возвращающихся на добычу... но мнѣ показалось, что вся эта толпа мертвецовъ поднялась и, протягивая къ намъ руки, хочетъ

бѣжать за нами. Я хотѣла крикнуть, но отъ страха не могла произнести ни единаго звука.

. . . .

Телѣга опять повернула за уголъ.

— Вотъ и Гороневосъ... теперь мы на мѣстѣ,—услышала я голосъ доктора, который велѣлъ кучеру остановиться.

— Что дѣлать намъ съ этой дамой?—сказала г-жа Симонъ съ сожалѣніемъ. — Она скорѣе будетъ мѣшать намъ, чѣмъ помогать.

— Нѣтъ, нѣтъ,—сказала я, собравшись съ силами;—мнѣ теперь лучше; я буду дѣлать все, что могу, и буду помогать вамъ.

Мы стояли у воротъ замка.

— Сначала надобно осмотрѣть дворецъ, — сказалъ докторъ.—Владѣльцы покинули его, и онъ, вѣроятно, полонъ ранеными отъ погреба до чердака.

Мы слѣзли съ телѣги. Я едва могла держаться на ногахъ, но напрягала все силы, чтобы не дать замѣтить этого.

— Идемте! — сказала г-жа Симонъ.—Захватили ли вы весь багажъ? У меня есть немного освѣжающихъ средствъ для больныхъ.

— И въ моемъ чемоданѣ есть подкрѣпительныя средства и перевязочный матеріалъ,—сказала я.

— А у меня инструменты и лѣкарства,—прибавилъ Брессеръ.

Затѣмъ мы отдали необходимыя приказанія солдатамъ, которые сопровождали насъ: двое должны оставаться у лошадей, а остальные должны были идти съ нами. Мы вошли въ ворота замка. Глухіе жалобные стоны раздавались всюду... Было темно.

— Огня! Зажгите огня!—крикнула г-жа Симонъ.

Увы! Мы принесли съ собою всего—шоколада, мясной эссенціи, сигаръ, бинтовъ, но о свѣчѣ никому не пришло въ голову; не было возможности разсѣять мракъ, окружающій насъ и раненыхъ. Только въ карманѣ доктора была коробка спичекъ, и это дало намъ возможность увидѣть на нѣсколько секундъ тѣ страшныя картины, которыя наполняли этотъ пріютъ страданія. Если кто-

нибудь изъ насъ пробовалъ идти, то ноги его скользили по полу, липкому отъ крови. Что было дѣлать? Къ сотнѣ отчаивающихся людей, которые стонали и вздыхали здѣсь, пришло еще нѣсколько человѣкъ отчаиваться и вздыхать. „Что намъ дѣлать?“ „Что намъ дѣлать?“

— Надобно поискать въ домѣ священника,—сказала г-жа Симонъ,—а, можетъ-быть, и въ деревнѣ отыщется какая-нибудь помощь. Подите, докторъ, проводите меня со спичками до выхода, а вы, г-жа Марта, останьтесь покамѣстъ здѣсь.

Здѣсь, одна, въ темнотѣ, среди стонущихъ въ удушливой атмосферѣ! Какъ быть? Отъ страха у меня морозъ пробѣгалъ по кожѣ. Но я ничего не сказала противъ этого.

— Да,—отвѣтила я,—я останусь здѣсь и буду ждать васъ.

— Нѣтъ, — воскликнулъ Брессеръ, хватая меня за руку,—пойдемте съ нами. Вамъ нельзя оставаться одной въ этомъ чистилищѣ, съ людьми, которые, можетъ-быть, въ горячечномъ бреду.

Я была невыразимо благодарна другу за эту заботливость и крѣпко ухватилась за его руку. Оставшись одна въ этихъ комнатахъ, я, можетъ-быть, помѣшалась бы отъ страха. Ахъ! я была еще робкимъ, безпомощнымъ существомъ, не могущимъ выдерживать вида несчастій и ужасовъ, среди которыхъ я теперь очутилась. Зачѣмъ я не осталась дома? А если я найду здѣсь Фридриха? Кто знаетъ, можетъ-быть, онъ лежитъ здѣсь, въ этихъ темныхъ комнатахъ, которыя мы сейчасъ оставили? Когда мы вышли, я нѣсколько разъ назвала его по имени, но ожидаемаго отвѣта: „я здѣсь, Марта!“ не было слышно.

Мы вышли на улицу. Телѣга стояла на томъ же мѣстѣ. Д-ръ Брессеръ заставилъ меня сѣсть въ нее.

— Мы съ г-жей Симонъ сходимъ въ деревню, поищемъ огня, а вы побудьте здѣсь.

Я согласилась охотно, потому что едва стояла на ногахъ. Докторъ помогъ мнѣ взлѣзть на телѣгу и устроилъ мнѣ изъ соломы сидѣнье поудобнѣе. Со мною

оставались двое солдатъ. Остальные ушли съ г-жею Симонъ и докторомъ.

Чрезъ полчаса они вернулись безъ успѣха. Домъ священника разоренъ, какъ все остальное, и пустъ. Всѣ дома въ развалинахъ, огня достать негдѣ. Ничего не оставалось, какъ только ждать до утра. Сколько страдальцевъ, въ которыхъ нашъ пріѣздъ оживилъ надежду жизни и которыхъ мы, дѣйствительно, могли бы спасти, умрутъ въ теченіе ночи!

Какъ долга, долга была эта ночь! Хотя до восхода солнца оставалось только какихъ-нибудь три часа, какъ безконечны казались намъ эти часы, теченіе которыхъ отмѣчалось не ударами маятника, а безнадежными стонами людей, молившихъ о помощи.

Наконецъ, стало разсвѣтать. Теперь мы могли приняться за работу. Г-жа Симонъ и д-ръ Брессеръ опять пошли въ деревню посмотрѣть, нѣтъ ли тамъ спрятавшихся жителей. На этотъ разъ они были счастливѣе. Изъ-подъ развалинъ тамъ и сямъ выползло нѣсколько человѣкъ крестьянъ, которые сначала недовѣрчиво смотрѣли на незнакомыхъ людей. Однако, когда Брессеръ заговорилъ съ ними на ихъ родномъ языкѣ, а г-жа Симонъ стала упрашивать ихъ кроткимъ голосомъ, они согласились помогать имъ. Прежде всего нужно было уговорить остальныхъ скрывшихся крестьянъ выйти изъ убѣжищъ и помочь похоронить умершихъ, лежавшихъ на каждомъ шагу, очистить колодцы, чтобы можно было доставать оттуда воду для живыхъ, собрать ранцы убитыхъ, чтобы воспользоваться находящимся тамъ бѣльемъ для раненыхъ. Въ это самое время подъѣхалъ прусскій докторъ съ людьми и медицинскими средствами, такъ что можно было надѣяться, что работа поданія помощи пойдетъ съ нѣкоторымъ успѣхомъ. Теперь наступилъ моментъ для меня, когда я могла, можетъ-быть, найти того, по чьему призыву я предприняла это несчастное путешествіе и одно воспоминаніе о которомъ воскресило во мнѣ упавшую энергію.

Г-жа Симонъ въ сопровожденіи прусскаго врача отправилась въ замокъ, гдѣ больше всего лежало раненыхъ. Докторъ Брессеръ пошелъ обыскивать другія

мѣста деревни. Я предпочла остаться съ своимъ другомъ и пошла вмѣстѣ съ нимъ, тѣмъ болѣе что онъ успѣлъ уже обойти замокъ и убѣдился, что Фридриха не было тамъ.

Едва мы прошли сто шаговъ, какъ насъ остановили громкіе стоны. Они выходили изъ отворенной двери маленькой деревенской церкви. Мы вошли туда. Тамъ на каменномъ полу лежало болѣе ста человѣкъ тяжело раненыхъ. Съ лихорадочно горѣвшими глазами кричали и стонали они, прося воды. Я чуть было не упала на порогѣ. Однако я осмотрѣла ихъ всѣхъ, ища между ними Фридриха; его не было.

Брессеръ съ своими людьми принялся ухаживать за ними. Я отошла къ боковому алтарю и съ невыразимымъ ужасомъ смотрѣла на эту сцену людского горя.

И это—храмъ Бога любви! И святые чудотворцы, сложивъ благоговѣйно руки, смотрѣли на эти сцены изъ нишъ и со стѣнъ. „О, Матерь Божія... Пресвятая Матерь Божія... одну каплю воды; умилосердись надо мной!“ услышала я молитву бѣднаго солдата. Вѣроятно, уже нѣсколько дней обращался онъ съ этой молитвой къ нѣмому изображенію. Бѣдные люди! Пока вы сами не будете исполнять заповѣдь любви, которую Богъ вложилъ вамъ въ ваши сердца, вы напрасно будете взывать къ любви Бога. Пока вы не отбросите жестокость въ своихъ собственныхъ отношеніяхъ къ людямъ, вы не должны ожидать для себя милосердія неба.

. . . .

Что пришлось мнѣ увидать и передумать въ этотъ день! Пріятнѣе было бы не разсказывать объ этомъ. Всякій закрываетъ глаза и отвертывается, когда ему встрѣчается что-нибудь непріятное, и даже память имѣетъ способность закрывать глаза. Если нѣтъ силъ помочь (а что можемъ мы измѣнить въ невозвратномъ прошломъ?), зачѣмъ мучить себя и другихъ, описывая имъ разныя отвратительныя сцены?

Зачѣмъ? На этотъ вопросъ я отвѣчу потомъ. А теперь я могу сказать только одно: я должна это сдѣлать.

Мало того, я хочу разсказать не только то, что я

сама видѣла, но хочу прибавить еще и то, что разсказали мнѣ г-жа Симонъ, д-ръ Брессеръ и инспекторъ саксонскихъ полевыхъ госпиталей, д-ръ Наундорфъ. Можно сказать, что въ Гороневосѣ и другихъ сосѣднихъ мѣстечкахъ адъ помѣстилъ свои отдѣленія. Такъ было въ Свети, Граденѣ и Проблусѣ. Въ Пардубицѣ, когда заняли его пруссаки, было болѣе тысячи тяжело раненыхъ, оперированныхъ и ампутированныхъ; одни умирали, другіе были уже мертвы, трупы, наряду съ такими, которые были при послѣднемъ издыханіи или которые молили себѣ смерти. На иныхъ была одна только окровавленная рубашка, такъ что невозможно было сказать, къ какой изъ воюющихъ сторонъ они принадлежали. И всѣ они, если у нихъ сохранялась хоть искра жизни, съ мольбою просили воды и хлѣба, корчась въ мукахъ отъ ранъ и моля себѣ смерти, какъ блага.

„Росницъ,—пишетъ д-ръ Брауеръ въ своихъ запискахъ,—мѣсто, котораго я не забуду всю жизнь; я былъ посланъ въ Роснецъ орденомъ Іоаннитовъ чрезъ шесть дней послѣ кровопролитной битвы и нашелъ тамъ картины величайшаго бѣдствія, которыя можетъ представить себѣ только самая пылкая фантазія. Я нашелъ здѣсь Р. и 650 раненыхъ, которые лежали въ хлѣвахъ и стойлахъ, безъ всякаго ухода, среди мертвыхъ и полумертвыхъ; приказавъ сдѣлать могильную насыпь надъ павшимъ подполковникомъ Ф., я вдругъ почувствовалъ на душѣ такую тяжесть, что цѣлый часъ проплакалъ горькими слезами и не могъ справиться съ собой, хотя и призывалъ на помощь всю моральную силу. Несмотря на то, что по обязанностямъ врача я насмотрѣлся на человѣческія страданія во всѣхъ ихъ формахъ и привыкъ относиться хладнокровно ко всякимъ стонамъ мучащейся человѣческой природы, но здѣсь изъ глазъ моихъ полились слезы, которыхъ я не могъ остановить. Здѣсь, въ Росницѣ, на второй день послѣ нашего прибытія, я увидѣлъ, что нашихъ силъ недостаточно для того, чтобы облегчить всѣ страданія, потерялъ мужество и бросилъ перевязывать раны“.

„Въ какомъ положеніи были эти 600 человѣкъ?“ Док-

торъ Наундорфъ такъ говоритъ объ этомъ: „Въ точности описать невозможно. На зіяющихъ ранахъ сидѣли и пили кровь комары; лихорадочно горѣвшіе глаза блуждали по всѣмъ направленіямъ, ища помощи—хлѣба или воды! У большинства шинель, рубашка, мясо и кровь представляли одну сплошную отвратительную массу, въ которой начинали разводиться черви. Всюду была ужасная атмосфера. Всѣ эти солдаты лежали на голой землѣ; только немногіе изъ нихъ принесли съ собой охапку соломы, на которой они могли протянуть свои изуродованные члены. Тѣ, которые лежали на глинистой размокшей почвѣ, почти тонули въ ней, не имѣя силъ перебраться на другое мѣсто. Другіе лежали въ лужахъ отвратительной грязи, описать которую не рѣшится ни одно перо".

„Въ Масловедѣ,—говоритъ г-жа Симонъ,—въ мѣстечкѣ, имѣющемъ 50 домовъ, лежало, восемь дней спустя, около 700 раненыхъ. Не столько ихъ стоны агоніи, сколько ихъ безпомощность и заброшенность вопіяли къ небу. Только въ одномъ сараѣ помѣщалось около шестидесяти человѣкъ. Это были все тяжело раненые, и вслѣдствіе отсутствія помощи, ухода и пищи пришли въ безнадежное положеніе: почти у всѣхъ нихъ открылась гангрена Раздробленные члены представляли собою куски гніющаго мяса, лица—массу запекшейся крови, покрытой грязью, въ которой ротъ представлялся въ видѣ чернаго страшнаго отверстія, изъ котораго вырывались стоны, приводившіе насъ въ содроганіе. Вслѣдствіе гніенія, отъ этого жалкаго тѣла отваливались цѣлые омертвѣвшія части. Живые лежали плотно рядомъ съ мертвыми, которые уже начинали разлагаться и въ которыхъ копошились черви.

„Эти шестьдесятъ человѣкъ, какъ и большая часть другихъ, лежали въ такомъ положеніи уже цѣлую недѣлю. Ихъ раны или были вовсе не перевязаны, или только наскоро; со дня битвы лежали они здѣсь, не могли двинуться съ мѣста, при самой скудной пищѣ и безъ воды. Подстилка подъ ними сгнила... вотъ какъ провели они недѣлю! живые трупы, по вздрагивающимъ членамъ которыхъ едва-едва обращалась зараженная

кровь. Они не могли умереть, но и не могли надѣяться вернуться къ жизни. Чему здѣсь больше удивляться,— говоритъ г-жа Симонъ, заключая свой разсказъ,—живучести ли человѣка, который можетъ столько вынести и еще дышать, или равнодушію его къ страданіямъ ближняго“.

Что касается меня, то съ моей точки зрѣнія всего удивительнѣе то, что люди приводятъ другъ друга въ такое положеніе... что люди, видя это, не падутъ на колѣни и не дадутъ торжественную клятву объявить войну войнѣ... что если эти люди—цари, не отбросятъ мечъ; а если у нихъ нѣтъ никакой власти, то съ этого момента не посвятятъ своей дѣятельности—и въ живомъ словѣ и на бумагѣ, и въ мышленіи и въ преподаваніи— стремленію къ этой одной цѣли—„долой оружіе“.

. . . .

Г-жа Симонъ, прозванная „лазаретной матерью,“ была героиня. Она прожила въ этихъ мѣстахъ нѣсколько недѣль и несла всѣ лишенія и опасности. Днемъ и ночью работала она, устраивала, распоряжалась. То исполняла она самыя черныя работы около больныхъ, то отправляла транспорты раненыхъ, то искала для нихъ съѣстныхъ припасовъ. Оказавши помощь въ одномъ мѣстѣ, она безъ замедленія спѣшила въ другое. Она получила изъ Дрездена массу лазаретныхъ матеріаловъ и, несмотря на множество встрѣтившихся затрудненій, разослала ихъ въ тѣ мѣста, гдѣ настоятельнѣе была нужда. Она была представительницей Патріотическаго Общества въ Богеміи и заняла такое же положеніе какъ Флоренса Найтингель въ Крыму. А я? Истощенная, разстроенная, подавленная горемъ и отвращеніемъ, я не въ состояніи была оказать никакой помощи. Даже въ церкви, на мѣстѣ нашей первой остановки, я упала, потерявъ силы, на ступени алтаря Богородицы. Отсюда съ докторомъ я перешла дальше и наткнулась на такую же сцену, какую только-что описала г-жа Симонъ. Въ церкви, по крайней мѣрѣ, было много мѣста, и раненые лежали рядомъ; но здѣсь они лежали кучей одинъ на другомъ, на рукахъ, на головахъ другъ у друга. Въ церкви были какіе-то добрые люди,—вѣроят-

но, сюда завернулъ санитарный отрядъ—и подали нѣкоторую, хотя и недостаточную, помощь. Но эти попали въ число „неотысканныхъ". Отвращеніе сдавило мнѣ горло. Я чувствовала, что сердце у меня хочетъ разорваться надвое. Изъ груди моей вырвался глухой стонъ. И этотъ стонъ было послѣднее, что осталось въ моей памяти отъ этой сцены.

. . . .

Когда я пришла въ себя, я ѣхала по желѣзной дорогѣ. Противъ меня сидѣлъ докторъ Бреccеръ. Увидѣвъ, что я открыла глаза и съ испугомъ озираюсь вокругъ себя, онъ взялъ меня за руку.

— Да, да!—сказалъ онъ,—вы въ вагонѣ второго класса. Это не сонъ. Съ вами нѣсколько легко раненыхъ офицеровъ и вашъ другъ Брессеръ. Мы ѣдемъ въ Вѣну.

Это была правда. Докторъ привезъ транспортъ раненыхъ изъ Гороневоса въ Кенигингофъ, и оттуда на его попеченіе данъ былъ другой транспортъ въ Вѣну. Онъ взялъ съ собой и меня въ безчувственномъ состояніи и повезъ домой. Я оказалась совершенно безполезной и неспособной въ этихъ убѣжищахъ несчастій, я была тамъ только помѣхой и лишнимъ бременемъ. Г-жа Симонъ очень обрадовалась, когда докторъ Брессеръ увезъ меня; да и я сама должна была сознаться, что такъ лучше. А Фридрихъ? Я не нашла его. Слава Богу, что я не нашла его, такъ какъ теперь я все еще имѣла какую-нибудь надежду; и если бы я узнала мужа среди этихъ искалѣченныхъ, я лишилась бы разсудка. Можетъ-быть, я найду дома письмо отъ него! Эта надежда,—нѣтъ, это нельзя назвать надеждой,—эта мысль влила успокоительный бальзамъ въ мою израненную душу. Я чувствовала, что моя душа вся изранена. Колоссальное несчастье, свидѣтельницей котораго я была, глубоко врѣзалась въ мое сердце, и мнѣ казалось, что я никогда не избавлюсь отъ этого тяжелаго впечатлѣнія. Даже если я найду Фридриха, даже если я буду наслаждаться счастьемъ любви, буду-ли я въ состояніи забыть, что такая масса моихъ братьевъ и сестеръ такъ невыносимо страдаютъ и будутъ страдать до тѣхъ

поръ, пока люди не дойдутъ до сознанія, что такое бѣдствіе, какъ война, не есть явленіе необходимое, а преступное.

Я спала почти всю дорогу. Докторъ Брессеръ далъ мнѣ слабый пріемъ наркотическаго средства, такъ что продолжительный и крѣпкій сонъ успокоилъ до нѣкоторой степени мои нервы, разстроенные тѣмъ, что я видѣла въ Гороневосѣ.

Когда мы пріѣхали въ Вѣну, мой отецъ былъ уже на вокзалѣ, ожидая прибытія поѣзда, чтобы отвезти меня домой: д-ръ Брессеръ телеграфировалъ ему въ Грумицъ. Ему самому невозможно было проводить меня туда, такъ какъ онъ долженъ былъ доставить раненыхъ въ военный госпиталь и затѣмъ хотѣлъ немедленно вернуться въ Богемію.

Отецъ молча обнялъ меня, да и я не находила что сказать ему. Потомъ отъ обратился къ Брессеру:

— Какъ мнѣ благодарить васъ? Если бы вы не взяли подъ свое покровительство эту сумашедшую...

Но докторъ, пожимая намъ руки, прервалъ его:

— Я спѣшу,—сказалъ онъ.—Мнѣ необходимо. Желаю вамъ благополучно доѣхать до дома... Баронессѣ нужно спокойствіе, ваше превосходительство. Она страшно потрясена. Не браните ея, не разспрашивайте. Уложите поскорѣе въ постель. Вода изъ померанцевыхъ цвѣтовъ... и покамѣстъ больше ничего. Прощайте.

И ушелъ.

Отецъ взялъ меня подъ руку и вывелъ на подъѣздъ сквозь густую толпу народа. Тамъ опять увидѣла я длинный рядъ лазаретныхъ фургоновъ. Мы должны были идти нѣкоторое разстояніе пѣшкомъ до того мѣста, гдѣ стоялъ нашъ экипажъ.

Нѣсколько разъ у меня чуть не срывался съ языка вопросъ: „не пришло-ли за это время какихъ-нибудь извѣстій о Фридрихѣ?“, но у меня недоставало мужества произнести его громко. Наконецъ, когда мы проѣхали уже довольно далеко, а отецъ все молчалъ, я спросила его.

— До вчерашняго дня не было ничего,—отвѣчалъ онъ.—Можетъ-быть, будетъ что-нибудь сегодня. Я уѣхалъ

изъ дому вчера, немедленно по полученіи телеграммы. И напугала же ты насъ, глупая! Поѣхать на поле битвы, гдѣ ты могла бы встрѣтиться съ безчеловѣчными врагами, вѣдь они — настоящіе дикари. Побѣды, доставленныя имъ ихъ игольчатыми ружьями, вскружили имъ головы. Вѣдь это не дисциплинированные солдаты; отъ этихъ людей можно ожидать чего угодно, а ты— женщина—бросаешься въ среду ихъ... ты... Однако докторъ не велѣлъ мнѣ бранить тебя...

— Что Рудольфъ?

— Кричитъ и плачетъ о тебѣ, ищетъ тебя по всему дому, не вѣритъ, что ты уѣхала, не поцѣловавъ его на прощаніе... А объ остальныхъ ты и не спросишь? О Лили, Розѣ, Отто, тетѣ Мари? Ты сдѣлалась какая-то апатичная.

— Здоровы ли они? Писалъ ли Конрадъ?

— Всѣ здоровы. Отъ Конрада вчера пришло письмо. Онъ невредимъ. Лили поэтому счастлива. Вотъ увидишь, что и отъ Тиллинга скоро получимъ благопріятныя извѣстія. Къ несчастію, наши дѣла въ политическомъ отношеніи очень нехороши. Ты, конечно, слышала о великомъ несчастіи?

— О какомъ? При такомъ положеніи дѣлъ ни о чемъ нельзя больше слышать, какъ только о великихъ несчастіяхъ.

— Я говорю о Венеціи. Наша прекрасная Венеція ускользнула отъ насъ... мы отдали ее въ подарокъ этому интригану Лудвигу Наполеону, и это послѣ той блестящей побѣды, которую мы одержали подъ Кустоццей! Вмѣсто того чтобы возвратить себѣ Ломбардію, мы отдали еще Венецію! Правда, что благодаря этому мы освободились отъ своего врага на югѣ и пріобрѣли поддержку Лудвига Наполеона, такъ что можемъ теперь, соединивъ всѣ свои силы, отомстить за Садову, выгнать пруссаковъ изъ нашихъ земель и захватить въ свои руки Силезію. Бенедекъ сдѣлалъ ошибку, но теперь главная команда отдана въ руки славнаго полководца южной арміи. Что же ты молчишь? Ну хорошо; по предписанію Брессера, я оставлю тебя въ покоѣ.

Чрезъ два часа мы пріѣхали въ Грумицъ.

Лишь только нашъ экипажъ въѣхалъ въ ворота замка, сестры выбѣжали къ намъ навстрѣчу.

— Марта! Марта!—еще издали кричали обѣ онѣ,— онъ здѣсь!

И подбѣжавъ къ каретѣ, повторяли: „онъ здѣсь! онъ здѣсь!“

— Кто?

— Фридрихъ.

. . . .

Да, это была правда. Вчера, поздно вечеромъ, привезли его съ транспортомъ раненыхъ изъ Богеміи въ Вѣну, а оттуда въ Грумицъ. Онъ былъ раненъ въ ногу; рана не позволяла ему оставаться въ рядахъ и требовала лѣченія, хотя и не была опасной.

Но и радость не легко перенести. Извѣстіе, которое мои сестры сообщили мнѣ такъ наперерывъ, безъ всякаго подготовленія, произвело на меня такое же дѣйствіе, какъ и ужасы прошлыхъ дней... я лишилась чувствъ.

Меня перенесли въ замокъ на рукахъ и положили на постель. И здѣсь—вслѣдствіе ли дѣйствія наркотика или отъ потрясенія радости, я пролежала безсознательно нѣсколько часовъ, то въ крѣпкомъ снѣ, то въ бреду. Когда же я пришла въ себя и увидѣла, что лежу въ своей постели, мнѣ казалось, что я очнулась отъ тяжелаго кошмара и что я никогда не оставляла Грумица. Письмо Брессера, мое рѣшеніе ѣхать въ Богемію, тамошнія сцены ужаса, возвращеніе домой, извѣстіе о пріѣздѣ Фридриха—мнѣ показалось, что все это я видѣла во снѣ.

Я стала осматриваться. Около меня стояла моя горничная.

— Готова ли ванна?—спросила я.—Я хочу вставать.

Изъ угла комнаты бросилась ко мнѣ тетя Мари.

— О Марта! бѣдная моя! проснулась ли ты, наконецъ? пришла-ли ты въ себя? Слава Богу! Да, да, вставай, бери ванну. Это хорошо послѣ такой дороги.

— Послѣ какой дороги?

— Скорѣе, Нэтти, приготовьте все, что нужно. Фридрихъ умираетъ отъ нетерпѣнія увидѣть тебя.

— Фридрихъ... мой Фридрихъ?

Какъ часто въ теченіе этихъ послѣднихъ дней я призывала это имя, и съ какой болью! Но теперь это былъ крикъ радости, теперь я поняла все... Это былъ не сонъ: я уѣзжала, вернулась назадъ и теперь могла увидѣть своего мужа.

Четверть часа спустя, я пошла въ его комнату одна. Я просила, чтобы никто не входилъ со мною. Третье лицо не должно было присутствовать при нашемъ свиданіи.

— Фридрихъ!

— Марта!

Я бросилась къ кушеткѣ, на которой онъ лежалъ, и зарыдала на его груди.

. . . .

Во второй разъ въ моей жизни любимый мужъ вернулся ко мнѣ послѣ опасностей войны.

О! какое блаженство быть опять съ нимъ! Какимъ образомъ случилось, что мнѣ, именно мнѣ, посчастливилось спастись отъ тѣхъ волнъ горя, въ которыхъ погибло столько людей, и пристать къ тихой, счастливой пристани? Счастливы тѣ, которые при такомъ всеобщемъ крушеніи могутъ въ радости поднять свои глаза къ небу и послать Вершителю судебъ горячую благодарность. Высказывая эту благодарность смиренно, они считаютъ себя смиренными и не понимаютъ, сколько гордости и самомнѣнія заключается въ этой смиренной благодарности, возсылая которую, они думаютъ, что достаточно отплатили Богу за Его къ нимъ благодѣяніе. Я не могла сдѣлать того же. Вспоминая объ искалѣченныхъ, которыхъ я видѣла въ этихъ убѣжищахъ печали; вспоминая о слезахъ матерей и вдовъ, у которыхъ та же самая судьба, которая была такъ благосклонна ко мнѣ, отдала на страданіе и смерть дорогихъ имъ людей; вспоминая объ этомъ, я не могла найти въ себѣ столько смѣлости, чтобы думать, что Богъ послалъ мнѣ Свою особую милость, за которую я должна благодарить Его. Мнѣ представился одинъ ничтожный случай: недавно наша экономка, г-жа Вальтеръ, выметала шкапъ, гдѣ завелись муравьи, лакомые до сахара; такъ и судьба выметала людей на поляхъ

битвы въ Богеміи. Черныя насѣкомыя, которыя суетились и метались, всѣ были раздавлены, перебиты и выметены ею, но нѣсколько штукъ изъ нихъ остались невредимыми. Разумно ли было, чтобы эти уцѣлѣвшія насѣкомыя выразили г-жѣ Вальтеръ сердечную благодарность за ея къ нимъ милость? Нѣтъ. Какъ ни рада я была тому, что мнѣ удалось увидѣться съ мужемъ, изъ моего сердца не могла изгладиться печаль. Я не могла да и не старалась отдѣлаться отъ нея. Я не въ состояніи была помочь страдавшимъ, перевязывать ихъ раны, кормить ихъ, ухаживать за ними, какъ дѣлали это сестры милосердія и отважная г-жа Симонъ: на это у меня недоставало силъ; но я глубоко жалѣла своихъ несчастныхъ братьевъ и не могла отвернуться отъ нихъ въ своемъ самодовольствѣ. Я не могла забыть объ нихъ.

Но если совѣсть не позволяла мнѣ торжествовать и благодарить, то я могла *любить*, могла прижать къ своему сердцу любимаго мною человѣка съ еще большей нѣжностью, чѣмъ прежде. „О, Фридрихъ, Фридрихъ!“ повторяла съ лаской и слезами, „неужели ты опять мой?“

— А ты хотѣла отыскать меня и ухаживать за мной? Это было геройствомъ съ твоей стороны, но и большой необдуманностью.

— Необдуманностью? Да, я согласна съ тобой. Тотъ голосъ, который, я слышала, призывалъ меня, былъ воображеніемъ, суевѣріемъ, потому что ты не призывалъ меня. Но геройство? Нѣтъ! Если бы ты зналъ, какой трусливой оказалась я, когда я встрѣтилась лицомъ къ лицу съ несчастьемъ! Я могла бы тамъ ухаживать только за тобой. Я видѣла такіе ужасы, Фридрихъ, которыхъ никогда не забуду. О, какъ могутъ портить люди этотъ прекрасный міръ! Міръ, въ которомъ можно любить такъ, какъ любимъ мы другъ друга, въ которомъ можетъ быть такое счастье, какъ наше, этотъ же самый міръ можетъ быть такъ неразуменъ, что раздуваетъ пламя ненависти, несущей съ собой смерть и страданіе!

— Я, Марта, тоже видѣлъ нѣчто ужасное, нѣчто

такое, чего я никогда не забуду. Представь себѣ, что Готфридъ фонъ-Тессовъ бѣшено бросился на меня съ обнаженной саблей... это было въ кавалерійской схваткѣ подъ Садовой.

— Сынъ тети Розаліи?

— Да. Но узналъ меня и опустилъ оружіе, которое уже поднялъ...

— Значитъ, онъ поступилъ противъ своего долга, пощадивъ врага своего короля и своей земли, хотя бы и по достойной уваженія причинѣ, такъ какъ этотъ врагъ былъ его родственникъ и другъ?

— Бѣдный мальчикъ! едва онъ опустилъ руку, какъ надъ его головой свистнула сабля. Молодой офицеръ, бывшій около меня, захотѣлъ защитить своего полковника и...

Фридрихъ замолчалъ и закрылъ лицо руками.

— Убилъ?—спросила я, дрожа.

Онъ кивнулъ головой.

— Мама, мама!—послышалось изъ сосѣдней комнаты, и дверь растворилась.

Къ намъ вбѣжала Лили съ маленькимъ Рудольфомъ на рукахъ.

— Простите, что я вошла къ вамъ, но мальчику такъ страстно захотѣлось увидѣть свою маму, что онъ не хотѣлъ ничего слушать и ждать.

Я бросилась къ ребенку и крѣпко прижала его къ себѣ.

Бѣдная, бѣдная тетя Розалія!

Въ тотъ же день прибылъ для Фридриха докторъ, вызванный телеграммой изъ Вѣны. Шесть недѣль полнѣйшаго покоя, и больной поправится.

Мы твердо рѣшили, что мой мужъ оставитъ военную службу. Конечно, этого невозможно было сдѣлать, пока продолжалась война. Впрочемъ, было почти очевидно, что война уже кончилась. Отказомъ отъ Венеціи устранялся конфликтъ съ Италіей и пріобрѣталась дружба Наполеона, такъ что съ сѣвернымъ побѣдителемъ мы могли заключить теперь миръ на сносныхъ условіяхъ. Самъ императоръ страстно желалъ положить конецъ этой несчастной кампаніи, не желая подвергать столицу опасностямъ осады. Прусскія побѣды въ остальной Гер-

маніи и вступленіе пруссаковъ во Франкфуртъ на Майнѣ, совершившееся 16 іюля, окружили нашихъ противниковъ ореоломъ славы и вызвали къ нимъ удивленіе даже среди насъ, такъ что появилось убѣжденіе, что Пруссія, одержавши столько побѣдъ, совершила какую-то историческую миссію. Произносимыя теперь всюду слова: „перемиріе“, „миръ“ заставляли предполагать, что осуществится то и другое. Даже самъ мой отецъ допускалъ, что при настоящихъ обстоятельствахъ желательно перемиріе: армія была обезсилена, преимущество игольчатыхъ ружей неоспоримо, а приближеніе непріятеля къ столицѣ, блокада Вѣны и разореніе Грумица—такая перспектива охладила воинственный пылъ даже у моего батюшки. Послѣднія событія поколебали его вѣру въ непобѣдимость австрійскихъ войскъ; да и кромѣ того человѣческій умъ склоненъ вѣрить, что одно событіе непремѣнно влечетъ за собой цѣлый длинный рядъ подобныхъ же событій: за удачей—удачи, за несчастьемъ—несчастія. Поэтому въ случаѣ начавшихся неудачъ лучше остановиться и выждать болѣе благопріятнаго для отмщенія времени.

Отмщеніе! и опять отмщеніе! Изъ каждой войны одинъ выходитъ побѣжденнымъ; и если этотъ послѣдній будетъ искать удовлетворенія въ слѣдующей войнѣ, которая создастъ новаго побѣжденнаго, то когда же этому будетъ конецъ? Какъ можно достичь справедливости, если старая несправедливость заглаживается новой? Ни одинъ человѣкъ со здравымъ разсудкомъ не будетъ выводить чернильныя пятна посредствомъ чернилъ или масляныя—посредствомъ масла, и только кровь принято смывать кровью. Настроеніе умовъ въ Грумицѣ было мрачное. Въ окрестностяхъ господствовала паника. „Пруссаки идутъ! пруссаки идутъ!“—вотъ крикъ ужаса, который повторялся здѣсь, несмотря на надежды мира, котораго всѣ такъ желали; и люди увозили и прятали свои драгоцѣнности. Тетя Мари и г-жа Вальтеръ спрятали наше фамильное серебро въ укромное мѣсто. Лили постоянно безпокоилась о Конрадѣ, отъ котораго уже нѣсколько дней не было писемъ. Патріотическая гордость моего отца была сильно оскорблена, а мы съ

Фридрихомъ, несмотря на тихое счастіе, которое испытывали при нашемъ свиданіи, чувствовали какое-то угнетенное состояніе отъ тѣхъ бѣдствій, свидѣтелями которыхъ мы были и которымъ горячо сочувствовали. И эта печаль поддерживалась все новою и новою пищей. Въ газетныхъ корреспонденціяхъ, въ письмахъ родственниковъ и знакомыхъ слышались однѣ только жалобы. Мы получили письмо отъ тети Корнеліи, которая еще не знала о своемъ несчастіи и въ такихъ трогательныхъ словахъ выражала свой страхъ потерять любимаго единственнаго сына, что мы съ Фридрихомъ заплакали. По вечерамъ, когда мы собирались вмѣстѣ, у насъ не было веселой болтовни, шутокъ, музыки, игры въ карты или чтеній, но постоянно—читали-ли, говорили-ли—темой нашей были тѣ же сцены печали и смерти. Мы ничего не читали теперь кромѣ газетъ, а въ нихъ писалось только о войнѣ и о войнѣ; разговоры наши вертѣлись постоянно только на томъ, что видѣли мы съ Фридрихомъ на полѣ битвы въ Богеміи. Правда, всѣ сильно осуждали меня за мой отъѣздъ туда, но съ интересомъ слушали мои разсказы о томъ, что видѣла я сама или слышала отъ другихъ. Роза увлекалась подвигами г-жи Симонъ и поклялась присоединиться къ саксонскимъ самаритянкамъ, если затянется война. Папа, конечно, сильно протестовалъ противъ этого.

— Кромѣ сестеръ милосердія и маркитантокъ ни одной женщины не должно быть на войнѣ. Ты видишь, какъ безполезна была тамъ Марта. Это было непростительной выходкой съ твоей стороны, твоему мужу слѣдовало бы хорошенько наказать тебя за это.

— Да, это было безумно, но благородно,—сказалъ Фридрихъ, нѣжно погладивъ меня по рукѣ.

Если я начинала разсказывать объ ужасахъ, очевидицей которыхъ я была или о которыхъ я слышала отъ своихъ спутниковъ, то отецъ или тетя Мари очень часто укоризненно перебивали меня: „какъ можно говорить о такихъ ужасныхъ вещахъ“, или: „какъ не стыдно тебѣ, благовоспитанной женщинѣ, говорить такія слова?“ Это выводило меня изъ терпѣнія.

— Оставьте свою щепетильность, свое дѣланное при-

личіе! Значитъ, по нашему, совершать жестокости можно, а называть это своимъ именемъ нельзя! Благовоспитанная женщина не можетъ знать о крови и грязи на войнѣ, а можетъ заниматься вышивкой лентъ для знаменъ, которыя осѣняютъ эту кровь и грязь. Дѣвушка не можетъ знать о томъ, что война сдѣлаетъ ихъ жениховъ неспособными къ брачному союзу, но ей позволено раздувать въ будущихъ мужьяхъ воинственный пылъ, обѣщая имъ въ награду свою любовь. Смерть и убійство сами по себѣ не представляютъ ничего безнравственнаго для благовоспитанной женщины, но при упоминаніи объ нихъ она должна краснѣть и отворачиваться. Знайте, что такая ваша мораль—жестокая и трусливая. Этотъ вашъ взглядъ, что надобно отворачиваться отъ всѣхъ ужасовъ и грязи, позволяетъ существовать на землѣ столькимъ бѣдствіямъ и несправедливостямъ. Если бы каждый изъ насъ имѣлъ мужество твердо взглянуть на то, отчего мучатся и страдаютъ другіе, и обдумать...

— Не волнуйся,—перебила меня тетя Мари,—сколько бы мы ни смотрѣли и сколько бы ни обдумывали, мы никогда не будемъ въ состояніи избавить всѣхъ людей отъ бѣдствій. Земля—юдоль плача и навсегда такой останется.

— Не останется,—возразила я, оставивъ, по крайней мѣрѣ, за собой послѣднее слово въ спорѣ.

„Завтра въ часъ дня прибуду въ Грумицъ. Конрадъ".

Эта телеграмма привела въ неописанный восторгъ мою сестру Лили. Никого такъ восторженно и радостно не встрѣчаютъ, какъ вернувшихся съ войны, хотя, конечно, въ данномъ случаѣ это было не воспѣтое въ балладахъ „возвращеніе побѣдителя", но чувства влюбленной невѣсты были сильнѣе патріотическихъ, и если бы кузенъ Конрадъ „взялъ" Берлинъ, то, я думаю, Лили не встрѣтила бы его сердечнѣе. Конечно, ему было бы пріятнѣе вернуться побѣдителемъ, завоевавши своему императору провинцію Силезію. Однако каждому солдату и такъ уже довольно чести, если онъ только побывалъ на войнѣ, хотя вернулся и побѣжденнымъ или вовсе былъ убитъ: послѣднее счи-

тается особеннымъ почетомъ. Такъ въ вѣнско-нейштатской академіи, какъ разсказывалъ Отто, на почетной доскѣ записаны имена воспитанниковъ школы, убитыхъ на войнѣ. Tué à l'ennemi, называютъ это во Франціи, и въ этой странѣ, какъ и вездѣ, считается неоцѣненнымъ достоинствомъ предковъ, и чѣмъ больше насчитываютъ они предковъ, убитыхъ въ сраженіяхъ, какъ выигранныхъ, такъ и проигранныхъ, тѣмъ больше гордятся они своей фамиліей, тѣмъ меньше дорожатъ они своей собственной жизнью, такъ какъ, чтобы показать себя достойными своихъ предковъ, надо любить бойню, активную и пассивную.

Конечно, пока существуетъ война, пусть лучше люди находятъ въ ней удовлетвореніе, воодушевленіе и возвышенныя чувства. Число этихъ людей съ каждымъ днемъ уменьшается, между тѣмъ какъ число солдатъ увеличивается,—къ чему же поведетъ это?

Къ невыносимости.

А къ чему поведетъ она?

Но объ этомъ Конрадъ не думалъ. Его понятія ясно изображались извѣстной пѣсенкой лейтенанта изъ „Бѣлой дамы":—„Ахъ, какое счастье солдатомъ быть!"

Слушая его, можно было только позавидовать его экспедиціи, и братъ Отто былъ наполненъ самой искренной завистью: этотъ вернувшійся изъ крови и огня воинъ, еще и прежде казавшійся удальцомъ въ своемъ гусарскомъ мундирѣ, теперь былъ украшенъ почетнымъ шрамомъ поперекъ подбородка, и побывавши подъ градомъ пуль, уничтожилъ, можетъ-быть, собственноручно не мало враговъ.

— Конечно, нельзя сказать, что это была счастливая кампанія, въ этомъ надо сознаться, но тѣмъ не менѣе у меня осталось нѣсколько прелестныхъ воспоминаній.

— Разскажи, разскажи,—просили его Отто и Лили.

— Подробностей я не помню, все осталось у меня въ памяти смутно, какъ во снѣ... пороховой дымъ туманитъ голову. Собственно этотъ бредъ или лихорадка, ну, однимъ словомъ, воинственный пылъ охватываетъ еще при выходѣ въ походъ. Хотя тяжело было раз-

ставаться съ дорогими людьми, хотя мое сердце въ послѣдній часъ разлуки было наполнено тоской, но какъ только я очутился среди товарищей, я понялъ, что призванъ для исполненія самой высокой задачи человѣка, именно спасенія дорогого отечества. Тутъ музыканты заиграли маршъ Радецкаго, зашуршали шелковыя складки знаменъ, и я долженъ сознаться, что въ эту минуту не вернулся бы оттуда даже въ объятія любви. Тутъ почувствовалъ я, что только тогда стану достойнымъ этой любви, когда исполню свой долгъ... Что мы идемъ къ побѣдѣ, въ этомъ никто не сомнѣвался. Кто же зналъ о проклятыхъ игольчатыхъ ружьяхъ? Они одни виноваты въ нашихъ неудачахъ: они осыпали наши ряды какъ градомъ... Да и предводители у насъ были плохи; вотъ увидите, Бенедека отдадутъ еще подъ судъ. Мы должны были бы вести атаку... Если когда-нибудь я буду полководцемъ, моя тактика будетъ такова: нападать, нападать, въ концѣ-концовъ вторгнуться во вражескую землю... хотя, конечно, это труднѣе, нежели только защищать свою страну. Но это до меня не касается: императоръ мнѣ не поручалъ главнаго начальства, поэтому я не виноватъ въ тактическихъ ошибкахъ; пусть генералы и полководцы отвѣчаютъ передъ нимъ и своей совѣстью, а мы, офицера и войско, исполнили свой долгъ; намъ велѣли драться, и мы дрались. Какое-то возвышенное чувство наполняетъ сердце, когда съ напряженіемъ ждешь момента столкнуться съ врагомъ... Сознаніе, что въ эту минуту разыгрывается историческое событіе, и гордость собственнаго мужества, видя повсюду вокругъ себя смерть, идти безстрашно, какъ подобаетъ мужчинѣ...

— Точно такъ же, какъ Готфридъ Тессовъ,—проговорилъ вполголоса Фридрихъ,—но вѣдь и то правда,—одна и та же школа.

Конрадъ же съ оживленіемъ продолжалъ:

— Сердце сильнѣе бьется, кровь течетъ быстрѣе, пробуждаются желаніе драться, ненависть къ врагу и горячая любовь къ родинѣ, которой онъ угрожаетъ. Чувствуешь себя совершенно въ иномъ мірѣ, гдѣ все

обыкновенныя чувства и мысли представляются въ иномъ видѣ: нисколько не дорожишь собственной жизнью, а убійство считаешь даже своей обязанностью. Честь, геройство, самопожертвованіе считаешь первымъ долгомъ, а обо всемъ остальномъ забываешь совершенно. Къ тому же пороховой дымъ... воинственные крики... скажу вамъ, что это такое состояніе, что его не съ чѣмъ даже сравнить, пожалуй, впрочемъ, съ охотой на львовъ и тигровъ, когда стоишь противъ разъяреннаго дикаго звѣря...

— Да,—прервалъ Фридрихъ,—смертельная битва съ врагомъ, горячее, томительное и гордое желаніе побѣдить его возбуждаетъ сладострастіе, — pardon, тетя Мари!—какъ и все, что поддерживаетъ и передаетъ жизнь, природа надѣлила наслажденіемъ. Пока человѣку угрожали дикіе враги двуногіе и четвероногіе, онъ могъ жить только въ томъ случаѣ, если истреблялъ ихъ, поэтому война была для него наслажденіемъ. Если же насъ, культурныхъ людей, въ битвѣ охватываетъ такое же желаніе, то это есть не что иное, какъ остатокъ дикости. А теперь, съ тѣхъ поръ какъ у насъ въ Европѣ нѣтъ больше дикихъ и хищныхъ звѣрей, то, чтобы не лишиться этого удовольствія, мы создали себѣ искусственныхъ враговъ. Дѣло происходитъ такъ: приказываютъ: „стройтесь въ ряды, видите у нихъ красные мундиры, а у васъ синіе; какъ только ударятъ 3 раза въ ладоши, вы въ синихъ мундирахъ должны обратиться для нихъ въ дикихъ звѣрей, а они— красные мундиры — обратятся для васъ въ тигровъ. Итакъ, слушайте: разъ, два, три!—начинается атака... штурмъ...впередъ, впередъ!.. пожирайте другъ друга!“ И десять тысячъ, а то при теперешнемъ количествѣ и сто тысячъ мнимыхъ тигровъ будутъ уничтожены подъ какимъ-нибудь X—дорфомъ, и это будетъ извѣстно въ исторіи подъ именемъ X—дорфской битвы; а потомъ правители соберутся вокругъ зеленаго стола, урегулируютъ на картѣ перепутанныя границы, установятъ сумму контрибуціи и подпишутъ бумагу, которая будетъ извѣстна подъ именемъ X—дорфскаго мира; опять ударятъ три раза въ ладоши и скажутъ оставшимся

синимъ и краснымъ мундирамъ: „обнимитесь люди-братья“...

„Смертные случаи холеры значительно увеличиваются; не только въ военныхъ, но и другихъ госпиталяхъ было уже много случаевъ заболѣваній настоящей cholera asiatica; принимаются энергичныя мѣры для прекращенія заразы“.

Я только-что хотѣла вслухъ прочесть это мѣсто, какъ тетя Мари, держа въ рукахъ письмо отъ своей пріятельницы изъ сосѣдняго замка, воскликнула испуганнымъ голосомъ:

— О! Боже! Какой ужасъ! Бетти пишетъ мнѣ, что въ ихъ замкѣ уже умерло двое отъ холеры, а теперь заболѣлъ ея мужъ.

— Ваше превосходительство, учитель желаетъ васъ видѣть.—Но въ дверяхъ уже стоялъ учитель, блѣдный и взволнованный.

— Господинъ графъ,—произнесъ онъ, — я пришелъ доложить вамъ, что долженъ былъ закрыть школу, такъ какъ вчера заболѣло двое дѣтей, а сегодня они умерли.

— Холера!—воскликнули мы.

— Да, дѣйствительно, мы должны назвать это настоящимъ именемъ. Такъ называемое простое разстройство желудка, обнаружившееся у квартировавшихъ у насъ солдатъ, было не что иное какъ холера, и уложило уже 20 человѣкъ. Въ деревнѣ всѣ въ ужасѣ и пріѣхавшій сюда изъ города докторъ объявилъ, что страшная болѣзнь, несомнѣнно, посѣтила жителей Грумица.

— Что такое?—спросила я прислушиваясь;—кажется звонятъ?

— Это звонъ, когда несутъ Св. Дары къ умирающему. Докторъ разсказываетъ, что въ городѣ этотъ звонъ не прекращается...

Мы въ ужасѣ смотрѣли другъ на друга, безмолвные и блѣдные. Итакъ, смерть здѣсь, и каждый изъ насъ уже видѣлъ ея протянутую руку надъ головой близкихъ.

— Бѣжимъ,—предложила тетя Мари.

— Бѣжать, но куда? Вокругъ насъ вездѣ распространилась зараза.

— Куда-нибуть дальше, дальше за границу!

— Но граница оцѣплена кордономъ, и не пропустятъ никуда.

— Но вѣдь это ужасно! Нельзя же запретить людямъ покинуть зараженную страну.

— Конечно, но вѣдь здоровыя страны не захотятъ пустить къ себѣ заразу.

— Что же дѣлать? Что же дѣлать?

И тетя Мари всплеснула руками.

— Надо отдать себя на волю Божію, — отвѣтилъ отецъ съ глубокимъ вздохомъ.—Но вѣдь ты вѣришь въ предопредѣленіе, и я не понимаю твоего желанія бѣжать. Каждому человѣку предназначена его судьба... хотя, конечно, лучше будетъ, если дѣти уѣдутъ.

— Я телеграфирую сейчасъ Брессеру, чтобы онъ привезъ намъ дезинфекціонныхъ средствъ, — сказалъ Фридрихъ.

Я не помню подробностей слѣдующихъ событій, такъ какъ послѣднимъ въ моихъ красныхъ тетрадкахъ былъ записанъ эпизодъ 8 августа. Событія слѣдующихъ дней остались только у меня въ памяти. Мы всѣ были охвачены страхомъ и трепетомъ, да и какъ не дрожать во время эпидеміи, когда окруженъ любимыми существами? Надъ головами всѣхъ близкихъ виситъ Дамокловъ мечъ, да и самому умереть такъ ужасно и безполезно!.. Эта мысль наполняетъ ужасомъ. Мужество здѣсь можно проявить только тѣмъ, если не будешь думать о болѣзни.

Бѣжать! эта мысль приходила и мнѣ; особенно мнѣ хотѣлось спасти своего Рудольфа...

Мой отецъ, несмотря на свой фатализмъ, рѣшилъ на другой же день отправить куда-нибудь всю семью, только самъ хотѣлъ остаться, чтобы не оставить безъ помощи слугъ и жителей деревни. Фридрихъ рѣшилъ также остаться, и я приняла такое же намѣреніе: я не хотѣла оставлять своего мужа.

Тетя Мари, двѣ дѣвушки, Отто и Рудольфъ должны были возможно скорѣе выѣхать; но куда? Этого никто не зналъ: можетъ-быть, въ Венгрію, только куда-нибудь дальше. Невѣсты охотно согласились уѣхать и тороп-

ливо помогали укладываться... Умереть, когда въ будущемъ ожидалось столько любви, столько наслажденій, было бы слишкомъ тяжело. Чемоданы были перенесены въ столовую, чтобы всѣ могли помогать и скорѣе окончить работу. Я принесла свертокъ платьевъ Рудольфа.

— Почему же твоя горничная не помогаетъ тебѣ?— спросилъ отецъ.

— Я не знаю, куда ушла Нетти, я звонила ей нѣсколько разъ, а она все еще не идетъ; да я и сама лучше сдѣлаю это.

— Ты балуешь свою прислугу,—сказалъ отецъ и приказалъ лакею найти дѣвушку и прислать ее сюда.

Немного спустя посланный вернулся со страшно перепуганнымъ лицомъ.

— Нетти лежитъ въ своей комнатѣ... она... она...

— Развѣ ты не умѣешь говорить? — закричалъ на него отецъ.—Что съ ней?

— Она совсѣмъ уже почернѣла.

Мы всѣ вскрикнули. Итакъ, ужасный призракъ былъ здѣсь, у насъ въ домѣ.

Что дѣлать? Нельзя же оставить умирающую дѣвушку безъ помощи! Но кто рѣшится подойти къ ней, кто рѣшится обречь на смерть не только себя, но и другихъ? Ахъ, домъ, въ который проникла зараза, все равно что окруженъ разбойниками или объятъ пламенемъ: на каждомъ шагу, въ каждомъ углу можно встрѣтить смерть...

— Пошли тотчасъ же за врачемъ,—сказалъ отецъ,— а вы скорѣе собирайтесь въ дорогу...

— Докторъ часъ тому назадъ уѣхалъ въ городъ,— отвѣтилъ на приказаніе отца лакей.

— Ахъ! мнѣ дурно! — произнесла Лили поблѣднѣвшими губами и хватаясь за спинку стула.

Мы бросились къ ней.

— Что съ тобой? Не будь такой трусливой... Это просто испугъ...

Но это былъ не испугъ, въ этомъ не было никакого сомнѣнія; мы перенесли несчастную въ ея комнату, и у нея началась жестокая рвота и другіе признаки; это былъ уже второй холерный случай въ нашемъ замкѣ.

Страшно было смотрѣть, какъ страдала сестра, а доктора не было! Фридрихъ оказался единственнымъ человѣкомъ, понимающимъ кое-что. Онъ сдѣлалъ все необходимое: теплые компрессы, горчичники на желудокъ и ноги, кусочки льда, шампанское; но эти полезныя при легкихъ случаяхъ средства не могли спасти ее, хотя и утѣшали немного больную и окружающихъ. Послѣ сильныхъ припадковъ съ ней начались судороги; всѣ члены дергало и сводило съ такой силой, что ея кости хрустѣли. У нея пропалъ даже голосъ, и она не могла кричать; кожа сдѣлалась синей и холодной; дыханіе прерывалось...

Отецъ метался изъ угла въ уголъ. Одинъ разъ я остановила его и сказала:

— Эта война виной всему! Неужели ты не хочешь проклясть ее?

Онъ оттолкнулъ меня и ничего не отвѣтилъ.

Черезъ десять часовъ Лили умерла. Нетти, моя горничная, умерла еще раньше, одна въ своей комнатѣ; мы всѣ были заняты около умирающей сестры, а изъ прислуги никто не хотѣлъ подойти къ „почернѣвшей заживо“. . . . .

. . . .

Немного спустя пріѣхалъ докторъ Брессеръ. Я готова была цѣловать его руки, когда онъ, не заставляя себя ждать, явился среди старыхъ друзей, готовый пожертвовать своей жизнью. Онъ тотчасъ взялся распоряжаться всѣмъ домомъ. Оба трупа перенесли въ отдаленную комнату, заперли комнаты, гдѣ умерли обѣ несчастныя, а насъ подвергли самой сильной дезинфекціи. Противный запахъ карболки наполнилъ весь домъ, и теперь, какъ только я услышу этотъ запахъ, мнѣ сейчасъ же вспоминаются всѣ ужасы холерной недѣли въ Грумицѣ.

Предположенное бѣгство не удалось и во второй разъ; на другой день послѣ смерти Лили былъ поданъ уже экипажъ, въ которомъ должны были уѣхать тетя Мари, Роза, Отто и Рудольфъ, какъ вдругъ кучеръ, схваченный невидимой рукой палача, долженъ былъ слѣзть съ козелъ.

— Въ такомъ случаѣ я самъ повезу васъ,—сказалъ отецъ.—Скорѣе! готово ли все?

Но тутъ выступила Роза.

— Поѣзжайте,—сказала она,—я должна остаться... я... слѣдую за Лили.

И она говорила правду. На утренней зарѣ и другую молодую невѣсту отнесли въ ту комнату, гдѣ уже лежали два трупа.

Конечно, ужасъ этого новаго несчастія помѣшалъ отъѣзду остальныхъ. Среди мукъ и страха въ моей душѣ снова поднялся порывъ страшнаго гнѣва противъ тѣхъ, кто добровольно навлекаетъ на себя подобныя бѣдствія.

Послѣ того какъ унесли тѣло Розы, отецъ упалъ на колѣни и прислонился головой къ стѣнѣ... Я подошла къ нему и взяла его за руку.

— Отецъ,—сказала я,—этому виной война.

Отвѣта не было.

— Слышишь ли, отецъ, теперь или никогда: проклинаешь ли ты войну?

Но онъ собрался съ духомъ.

— Ты напоминаешь мнѣ о томъ, что я долженъ перенести это несчастіе, какъ подобаетъ солдату... Не я одинъ, все отечество должно проливать кровь и слезы...

— Но какую же пользу принесло отечеству твое страданіе и страданіе твоихъ близкихъ? Какую пользу принесли ему проигранныя битвы и эти двѣ дѣвическихъ жизни? Отецъ! Сдѣлай это, если любишь меня: прокляни войну. Видишь ли,—я показала ему на окна; на дворъ въ это время въѣзжала телѣга съ чернымъ гробомъ),—видишь, это для нашей Лили, а завтра—точно такой же для нашей Розы, а послѣзавтра — можетъ-быть, третій, а почему, почему?

— Такъ угодно Богу, мое дитя.

— Богъ, вѣчно Богъ! Всякая глупость, всякая дикость, всякое безуміе человѣческое,—все приписывается волѣ Божіей.

— Не богохульствуй, Марта, не богохульствуй теперь, когда карающая десница Господня такъ...

Въ это время вошелъ слуга.

— Ваше превосходительство, — сказалъ онъ, — столяръ не хочетъ войти въ комнату, гдѣ лежатъ графини, и никто не рѣшается войти туда...

— И ты также, трусъ?

— Я не могу одинъ...

— Въ такомъ случаѣ я помогу тебѣ, я хочу самъ своихъ дочерей...—И онъ бросился къ двери.—Назадъ,—закричалъ онъ, увидя, что я слѣдую за нимъ,—недостаетъ только, чтобы еще умерла ты; подумай о своемъ ребенкѣ!

Что же дѣлать? Я покорилась... Всего мучительнѣе здѣсь то, что не знаешь, въ чемъ заключается твоя обязанность. Ухаживая за больными и умирающими, рискуешь перенести заразу на другихъ, и, принося себя въ жертву, знаешь, что это можетъ стоить жизни другимъ. Изъ этого затрудненія есть только одинъ выходъ: не дорожить не только своей, но и жизнью близкихъ и придти къ заключенію, что каждый стоитъ на порогѣ смерти. Должно забыть всякую осторожность и осмотрительность. Какъ на бортѣ погибающаго корабля, безо всякой надежды на спасеніе, гдѣ стараются какъ можно ближе держаться другъ къ другу, чтобы не такъ страшно было встрѣтить смертный часъ.

Отчаяніе овладѣло нами; мы отбросили всѣ планы бѣгства; всѣ ухаживали за больными и умирающими, и даже докторъ Брессеръ не удерживалъ насъ отъ этого образа дѣйствій. Его присутствіе, его энергичныя хлопоты придавали намъ увѣренность: нашъ погибающій корабль былъ по крайней мѣрѣ не лишенъ капитана.

Ахъ, эта холерная недѣля въ Грумицѣ! Уже 20 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, но меня охватываетъ ужасъ всякій разъ, когда я вспомню о ней. Слезы, стоны, разрывающія душу похоронныя сцены, запахъ карболки, хрустѣніе костей, отвратительные симптомы, непрекращавшійся звонъ похороннаго колокола, похороны—впрочемъ нѣтъ: въ такихъ случаяхъ похороны совершались безо всякой торжественности; весь порядокъ жизни уничтожился; кухарка умерла, и у насъ уже не было ни обѣдовъ, ни завтраковъ, а утоляли голодъ кое-чѣмъ, стоя; по ночамъ не ложились спать, а, утомившись, за-

сыпали гдѣ-нибудь, сидя на стулѣ. А, между тѣмъ, какъ контрастъ этимъ бѣдствіямъ стояла чудная лѣтняя погода, слышалось веселое пѣніе птицъ и благоуханіе цвѣтущихъ растеній... Въ деревнѣ былъ настоящій моръ; всѣ оставшіеся пруссаки умерли.—Я встрѣтилъ сегодня могильщика,—разсказывалъ камердинеръ Францъ,—съ пустой телѣгой съ кладбища.

— Опять закопалъ кого-нибудь?—спросилъ я его.

— Да, опять человѣкъ шесть или семь... каждый день вожу по полдюжинѣ... иные еще шевелятся, но что жъ дѣлать? всѣхъ закапываю въ одну яму съ пруссаками!

На слѣдующій день умерло это чудовище, и на его столь опасное мѣсто нашли другого. Почта приносила намъ ежедневно печальныя извѣстія о распространеніи холеры. Конраду я написала, чтобы приготовить его къ страшному удару, что Лили очень больна. Его задерживала служба, и онъ не могъ тотчасъ же пріѣхать. Только на четвертый день пріѣхалъ онъ къ намъ.

— Лили?—воскликнулъ онъ,—это правда?

Дорогой онъ узналъ о случившемся, мы отвѣтили утвердительно.

Онъ выслушалъ это молча и безъ слезъ.

— Я любилъ ее много лѣтъ,—проговорилъ онъ про себя, а вслухъ спросилъ:

— Гдѣ лежитъ она? На кладбищѣ... я хочу пойти къ ней... Прощайте... Она ждетъ меня...

— Не пойти ли мнѣ съ тобой?—предложилъ кто-то.

— Нѣтъ, я лучше пойду одинъ.

Онъ ушелъ, и мы больше не видали его.

Онъ застрѣлился на могилѣ невѣсты. Такъ кончилъ Конрадъ Альтгаузъ, подполковникъ 4 гусарскаго полка, на 27-мъ году своей жизни. Въ другое время трагизмъ этого случая подѣйствовалъ бы на насъ сильнѣе, чѣмъ теперь, когда такую массу молодыхъ офицеровъ уничтожила война; къ тому же въ это мгновеніе, когда мы узнали о его смерти, надъ нами разразилась новое несчастіе: Отто, кумиръ моего бѣднаго отца, единствен-

ный сынъ, заболѣлъ холерой. Всю ночь и слѣдующій день продолжались его страданія между надеждой и отчаяніемъ, и къ семи часамъ вечера онъ умеръ. Мой отецъ бросился на его трупъ съ раздирающимъ душу крикомъ, раздавшимся по всему дому. Мы съ трудомъ могли оттащить его отъ мертваго тѣла. Ахъ, что за мученіе было потомъ: несчастный старикъ въ отчаяніи кричалъ, стоналъ, хрипѣлъ, рвался и захлебывался рыданіями: его сынъ, его гордость, его Отто, его жизнь!

Но вдругъ этотъ порывъ горя внезапно смѣнился глубокой, мрачной апатіей. Онъ уже не могъ присутствовать на похоронахъ своего любимца. Онъ лежалъ на диванѣ неподвижно, какъ будто безъ сознанія. Брессеръ велѣлъ раздѣть его и перенести въ постель.

Черезъ часъ онъ пришелъ въ себя.

Тетя Мари, Фридрихъ и я были около него. Онъ поглядѣлъ на насъ вопросительнымъ взглядомъ, потомъ сѣлъ; стараясь заговорить, но не могъ произнести ни слова, и на лицѣ его отразилось страданіе. Потомъ вдругъ его начало трясти и бросать во всѣ стороны, какъ будто съ нимъ начались судороги, послѣдній симптомъ холеры, хотя раньше у него не было никакихъ другихъ признаковъ. Наконецъ, онъ произнесъ единственное слово: „Марта“. Я бросилась на колѣни около его постели.

— Отецъ, мой дорогой, бѣдный отецъ!

Онъ поднялъ свою руку надъ моей головой.

— Твое желаніе...—проговорилъ онъ съ усиліемъ,—пусть исполнится... я про... я прокли...

Онъ не могъ договорить и упалъ на подушки.

Пришедшій сюда докторъ Брессеръ объяснилъ намъ, что отецъ скончался отъ разрыва сердца.

— Ужаснѣе всего то,—говорила тетя Мари, послѣ того, какъ мы похоронили его,—что онъ умеръ съ проклятіемъ на устахъ.

— Успокойтесь, тетя Мари,—отвѣчала я ей,—если бы это проклятіе было на всѣхъ устахъ, то оно обратилось бы въ величайшее благословеніе человѣчества.

. . . .

Такова была холерная недѣля въ Грумицѣ. Въ про-

долженіе недѣли умерло девять человѣкъ въ замкѣ: отецъ, Лили, Роза, Отто, моя горничная Нетти, кухарка, кучеръ и два конюха. Въ деревнѣ умерло въ это время больше 80 человѣкъ.

Это звучитъ сухо, какъ статистическая таблица; а на страницахъ книгъ можетъ показаться даже преувеличенной игрой фантазіи автора. Но здѣсь нѣтъ ни сухости, какъ въ первомъ случаѣ, ни преувеличенія, какъ во второмъ, это холодная, осязаемая, печальная дѣйствительность!

Не одинъ Грумицъ былъ въ то время такъ жестоко опустошенъ. Во многихъ сосѣднихъ мѣстечкахъ и замкахъ можно было встрѣтить подобные случаи такихъ страшныхъ несчастій. Напримѣръ, близъ мѣстечка Горнъ, въ замкѣ Штоккернъ, въ жившемъ тамъ семействѣ съ 9 по 13 августа 1866 года умерло 9 человѣкъ, тотчасъ же послѣ ухода квартировавшихъ тамъ прусскихъ солдатъ: двадцатилѣтній сынъ Рудольфъ, двѣ его сестры Эмилія и Берта, дядя Кандидъ и пять человѣкъ прислуги. Младшая дочь Паулина, оставшаяся въ живыхъ и вышедшая впослѣдствіи замужъ за барона Зуттнера, разсказываетъ, что до сихъ поръ ее еще охватываетъ ужасъ при воспоминаніи холерной недѣли въ Штоккернѣ. На меня напала въ то время такая тоска и уныніе, что я ежеминутно ожидала смерти себѣ и своимъ близкимъ. Мой Фридрихъ! мой Рудольфъ! я оплакивала ихъ заранѣе. Но и среди глубокой скорби я имѣла пріятныя минуты: это было когда я плакала горькими слезами на груди моего мужа. Онъ не утѣшалъ меня и только нѣжно выражалъ мнѣ свое сочувствіе и любовь. Нѣтъ, свѣтъ не такъ дуренъ, думала я въ такія минуты; не одно горе и жестокость живутъ въ немъ, а есть еще и любовь и состраданіе... конечно, только въ нѣкоторыхъ сердцахъ, и не какъ всеобщій законъ и норма человѣческаго существованія, но все-таки они есть; и какъ эти чувства услаждали намъ даже это тяжелое время печали, какъ услаждаютъ они еще много другихъ сердецъ, такъ въ скоромъ времени они будутъ господствующимъ закономъ великой человѣче-

ской семьи: будущее принадлежитъ милосердію. . . .
. . . .

Мы провели остатокъ лѣта поблизости Женевы. Докторъ Брессеръ все-таки убѣдилъ насъ уѣхать изъ зараженной страны; во-первыхъ, мнѣ очень тяжело было покидать такъ скоро могилы моихъ близкихъ, а во-вторыхъ, на меня напала такая апатія, что всякая попытка бѣгства казалась безполезной; но Брессеръ убѣдилъ меня, доказавъ, что я должна исполнить свой материнскій долгъ, спасти отъ опасности Рудольфа.

По желанію Фридриха мы поселились въ Швейцаріи. Онъ хотѣлъ лично познакомиться съ людьми, основавшими „Красный Крестъ", и узнать на мѣстѣ о происходившихъ конференціяхъ и о дальнѣйшихъ планахъ Женевскаго союза.

Подавъ просьбу объ отставкѣ, Фридрихъ взялъ полугодичный отпускъ. Теперь, послѣ смерти отца, сестеръ и брата, имѣніе Грумицъ и все фамильное состояніе перешло ко мнѣ, и я была очень богата.

— Вотъ,—сказала я Фридриху, получивъ отъ нотаріуса документы, утверждавшіе меня въ правахъ наслѣдства,—что бы ты сказалъ, если бы я стала благодарить войну за то, что она принесла мнѣ такія выгоды?

— Тогда ты не была бы моей Мартою! Но я понимаю, что ты хочешь сказать. Радоваться матеріальнымъ выгодамъ, основаннымъ на вредѣ другихъ, считается безсердечнымъ эгоизмомъ и низостью для отдѣльныхъ лицъ; между тѣмъ какъ папіи и династіи открыто гордятся и радуются счастливой войнѣ, хотя уничтожившей тысячи жертвъ, но принесшей имъ нѣкоторыя территоріальныя пріобрѣтенія.

Мы жили совершенно уединенно въ маленькой виллѣ на берегу озера. Я была такъ подавлена пережитыми событіями, что тяготилась всякимъ обществомъ. Фридрихъ уважалъ мою печаль и не старался меня „развлекать". Мнѣ хотѣлось въ тишинѣ оплакивать грумицкія могилы, и мой мужъ съ его деликатной душой хорошо понималъ это. Я хотѣла, чтобы вырванные такъ неожиданно и жестоко рукой судьбы изъ числа живыхъ дорогіе мнѣ люди жили въ моемъ печальномъ сердцѣ.

Фридрихъ часто ѣздилъ въ городъ съ цѣлью изученія вопроса о „Красномъ Крестѣ“. У меня не осталось ясныхъ воспоминаній о результатахъ этого изученія; я не вела тогда моего дневника и скоро забывала извѣстія, которыя сообщалъ мнѣ Фридрихъ. Я помню только общее впечатлѣніе нашей жизни: спокойствіе, свобода, веселая дѣятельность окружающихъ, которыхъ я случайно видала, какъ будто мы жили въ самое мирное счастливое время. Ничего не было слышно о только-что оконченной войнѣ, развѣ въ шутливомъ тонѣ, какъ и о всякомъ интересномъ событіи; можно было подумать, что въ ужасномъ грохотѣ пушекъ на богемскихъ поляхъ сраженія заключалось не больше трагизма, чѣмъ въ новой вагнеровской оперѣ. Она принадлежала уже исторіи; и хотя слѣдствіемъ ея были нѣкоторыя измѣненія на картѣ, но всѣ ужасы исчезли и сгладились въ сознаніи людей, а не участвовавшіе тамъ, можетъ-быть, и совсѣмъ забыли объ этомъ... Точно такъ же и въ газетахъ,—я читала преимущественно французскія,—всѣ интересы сосредоточивались на парижской выставкѣ, предполагавшейся въ 1867 г., на придворныхъ празднествахъ въ Кампьенѣ, на литературныхъ знаменитостяхъ (въ то время выступили два новыхъ таланта: Флоберъ и Золя), на театральныхъ событіяхъ: новой оперѣ Гуно и блестящей партіи, написанной Оффенбахомъ для Гортензіи Шнейдеръ, и т. д., и т. д.

Маленькая пикантная дуэль, разыгравшаяся между пруссаками и австрійцами là-bas en Bohème, казалась уже устарѣлымъ событіемъ. О! сердце и память людей слишкомъ коротки для того, чтобы помнить то, что происходило три мѣсяца тому назадъ и въ 30-ти миляхъ разстоянія.

Въ серединѣ октября мы уѣхали изъ Швейцаріи. Мы отправились въ Вѣну, гдѣ дѣла о наслѣдствѣ требовали моего присутствія. По окончаніи этихъ дѣлъ мы рѣшили поселиться на нѣкоторое время въ Парижѣ. Фридрихъ стремился всѣми силами помогать осуществленію идеи мира, и предстоящая выставка казалась ему удобнымъ случаемъ для конгресса сторонниковъ мира.

— Я оставилъ военное ремесло,—сказалъ онъ,—сдѣлавъ это на основаніи опыта, пріобрѣтеннаго на войнѣ. Теперь же я поступаю въ армію мира. Конечно, это очень маленькое войско, не имѣющее другого оплота и оружія, какъ справедливость и человѣколюбіе; но все, что впослѣдствіи было велико, вначалѣ было мало и незамѣтно.

— Ахъ,—вздохнула я,—это безнадежное предпріятіе. Что можешь сдѣлать ты, одинъ, противъ этой сильной, тысячу лѣтъ милліонами людей поддерживаемой твердыни?

— Сдѣлать? Я? Конечно, я не настолько неразуменъ, чтобы надѣяться личными усиліями произвести міровой переворотъ. Я сказалъ только, что хочу поступить въ армію мира. Развѣ я надѣялся, будучи въ войскѣ, спасти отечество или завоевать провинцію? Нѣтъ, одинъ человѣкъ можетъ только „служить"; больше того: онъ долженъ служить. Преданный какому-нибудь дѣлу человѣкъ приноситъ въ жертву даже свою жизнь, хотя знаетъ, какъ мало пользы принесетъ она этому дѣлу. Онъ служитъ, потому что онъ долженъ служить: не только государство, но и личное убѣжденіе, если оно искренно, налагаетъ на человѣка обязанность.

— Ты правъ. И когда милліоны одушевленныхъ этой обязанностью людей перестанутъ поддерживать тысячелѣтнюю твердыню, то она должна будетъ пасть.

Изъ Вѣны я съѣздила въ Грумицъ, принадлежащій теперь мнѣ, но не вошла въ замокъ, а повѣсивши четыре вѣнка на кладбищѣ, вернулась обратно.

По окончаніи всѣхъ важныхъ дѣлъ Фридрихъ предложилъ поѣхать въ Берлинъ навѣстить бѣдную тетю Корнелію. Я согласилась. Во время своего отсутствія я поручила Рудольфа тетѣ Мари; она была совсѣмъ удручена пережитыми событіями холерной недѣли и сосредоточила теперь всю свою любовь, всѣ свои жизненные интересы на моемъ сынѣ. Я надѣялась, что присутствіе ребенка немного развлечетъ и ободритъ ее.

1 ноября мы выѣхали изъ Вѣны; остановились въ Прагѣ, чтобы переночевать, но вмѣсто поѣздки въ Берлинъ, перемѣнили на другой день свой маршрутъ.

— Сегодня поминовеніе усопшихъ,—сказала я, увидавъ число на газетномъ листкѣ, принесенномъ въ нашу комнату по утру вмѣстѣ съ завтракомъ.

— Поминовеніе усопшихъ,—повторилъ Фридрихъ;—сколько несчастныхъ умершихъ останется въ забвеніи, потому что никому не извѣстны ихъ могилы въ окрестностяхъ полей сраженій! Кто навѣститъ ихъ?

Я съ минуту смотрѣла на него молча, а потомъ вполголоса спросила: „Не хочешь ли поѣхать?“ Онъ кивнулъ головой. Мы поняли другъ друга, и черезъ часъ были на дорогѣ въ Клумъ и Кениггретцъ.

. . . .

Какое зрѣлище! Мнѣ пришла въ голову элегія:

„Ужасный видъ! могучій царь! приди, посмотри и надъ страшною грудою истлѣвающихъ костей поклянись быть добрымъ отцомъ своему народу и дать землѣ свѣтъ мирныхъ и счастливыхъ дней.

„Великій вождь! когда ты жаждешь славы, приди сюда, сочти здѣсь черепа“.

Да, къ несчастію, слава будетъ соблазнять людей, пока міровая исторія, т.-е., тѣ, которые пишутъ ее, будутъ воздвигать статуи героямъ разрушительной войны и подносить вѣнки титанамъ народоубійства. Отказаться отъ такого лавроваго вѣнка и отъ военной славы было бы благородно. Не такъ ли говоритъ поэтъ? Лучше надобно сначала развѣнчать то дѣло, отказываться отъ котораго считается столь благороднымъ и благодѣтельнымъ. И тогда не будетъ честолюбцевъ, хватающихся за него.

Уже темнѣло, когда мы прибыли въ Клумъ и оттуда рука объ руку молча пошли къ ближайшему полю сраженія. Падалъ дождь, смѣшанный со снѣгомъ, и обнаженныя вѣтви деревьевъ клонились подъ напорами жалобно завывавшаго холоднаго ноябрьскаго вѣтра. Множество могилъ и кургановъ кругомъ. Но кладбище ли это? Нѣтъ. Здѣсь нѣтъ старыхъ, утомленныхъ земнымъ поприщемъ странниковъ, здѣсь, подъ могильной землею, лежитъ погибшая во цвѣтѣ жизни молодежь, возлагавшая надежды на счастье будущаго. Заваленные, задавленные землей, навѣки умолкли они... раз-

битыя сердца, окровавленные, раздробленные члены, горько плачущія очи... дикіе крики отчаянія, напрасныя мольбы!.. все это скрылось, умолкло подъ землей.

Однако это поле битвы не было пустынно. Здѣсь было много, много народа, сошедшагося сюда изъ родной и чужой земли, чтобы преклонить колѣна и помолиться тамъ, гдѣ пали дорогіе имъ люди. Поѣздъ, на которомъ пріѣхали мы, былъ переполненъ такими плачущими, и я въ теченіе нѣсколькихъ часовъ слышала, какъ плакали и жаловались вокругъ меня. „Троихъ сыновей... троихъ сыновей, одинъ лучше другого, потерялъ я подъ Садовой“, говорилъ старикъ, повидимому, совсѣмъ убитый этимъ горемъ. И другіе наши спутники присоединяли къ нему свои жалобы, кто о братѣ, кто о мужѣ, кто объ отцѣ, но ни одинъ изъ нихъ не произвелъ на меня такого тяжелаго впечатлѣнія, какъ этотъ старикъ, безъ слезъ, но съ отчаяніемъ повторявшій: „троихъ сыновей... троихъ сыновей...“

Всюду на полѣ и на дорогахъ виднѣлись черныя фигуры; однѣ изъ нихъ двигались, другія становились на колѣни, иныя по временамъ громко рыдали. Немного здѣсь было такихъ, которыхъ похоронили родственники: немного было крестовъ и памятниковъ съ надписями. Мы ходили и разбирали ихъ.

„Маіоръ фонъ-Рейссъ второго прусскаго гвардейскаго полка“, стояло на одномъ изъ нихъ.

— Можетъ-быть, родственникъ жениха нашей Розы, — замѣтила я.

„Графъ Гюнне. Раненъ 3 іюля. Скончался 5 іюля“, прочитала я на другомъ памятникѣ.

Чего ни выстрадалъ онъ въ эти два дня! Не сынъ ли это того графа Грюнне, который произнесъ въ началѣ войны извѣстную фразу: „мы прогонимъ пруссаковъ мокрыми швабрами“. Какъ безумно и кощунственно! какъ оскорбительно звучитъ такое подстрекательство къ войнѣ, когда стоишь на подобномъ мѣстѣ! Слова и только слова хвастливыя и глупыя, написанныя и произнесенныя, только они однѣ создали это поле смерти.

Мы шли. Всюду насыпи, однѣ повыше, другія по-

ниже, однѣ большія, другія маленькія... и даже тамъ, гдѣ почва ровна, даже подъ нашими ногами тлѣютъ, можетъ-быть, солдатскія кости!

Туманъ становится все гуще и гуще.

— Фридрихъ! надѣнь, ради Бога, свою шляпу, ты простудишься.

Но Фридрихъ оставался съ непокрытой головой, и я не повторила ему въ другой разъ своего предостереженія.

Между людьми, съѣхавшимися сюда, было много офицеровъ и солдатъ; вѣроятно, это участники достопамятнаго дѣла подъ Кениггретцемъ пришли поклониться праху товарищей, уснувшихъ здѣсь вѣчнымъ сномъ.

Мы подошли къ мѣсту, гдѣ погребено было больше всего воиновъ, друзей и враговъ вмѣстѣ. Мѣсто было обнесено оградой, какъ настоящее кладбище. Сюда сошлось больше всего пилигримовъ, такъ какъ было всего вѣроятнѣе, что въ этомъ мѣстѣ пали оплакиваемые ими люди. У этой ограды стояли на колѣняхъ и громко рыдали осиротѣвшіе, здѣсь вѣшали они вѣнки и лампадки.

Къ холму приближался высокій худой господинъ съ благородной юношеской осанкой, закутанный въ генеральскую шинель. Всѣ почтительно уступали ему дорогу, и я слышала, какъ въ толпѣ пронесся шопотъ:

— Императоръ!

Это былъ Францъ-Іосифъ. Повелитель страны и главный военачальникъ явился сюда въ день поминовенія усопшихъ помолиться за своихъ умершихъ дѣтей, за своихъ павшихъ воиновъ. И онъ стоялъ со склоненной непокрытой головой, объятый горемъ и благоговѣніемъ передъ величіемъ смерти.

Долго, долго стоялъ онъ неподвижно. Я не могла оторвать отъ него глазъ. Какія мысли, какія чувства волновали этого человѣка, у котораго, какъ мнѣ было извѣстно, было доброе, мягкое сердце. Мнѣ казалось, что я чувствую то же, что и онъ, и что у меня проходятъ тѣ же мысли, что я въ его склоненной головѣ.

„Умерли вы, мои бѣдные храбрецы, а за что?.. Мы не побѣдили... мы не удержали даже свою Венецію.

Потеряно... много, много потеряно... потеряна и ваша молодая жизнь. Вы такъ великодушно отдали ее... за меня... О, если бы я могъ возвратить вамъ ее! Я, лично я, не желалъ этой жертвы... васъ, мои дѣти, повели въ этотъ походъ ради васъ самихъ, ради вашего отечества... и не по моей волѣ, хотя и по моему приказанію... но вѣдь я вынужденъ былъ приказать! Не ради меня существуютъ подданные .. нѣтъ, я призванъ на царство ради васъ .. и я каждую минуту готовъ умереть ради вашего блага... О, если бы я слѣдовалъ влеченію своего сердца и не давалъ своего согласія, когда всѣ вокругъ меня кричали: „война! война!..“ Но могъ ли я противиться? Господь свидѣтель, не могъ!.. Что вынуждало меня къ этому, я и самъ теперь не знаю... знаю только одно, что это было непреодолимое принужденіе извнѣ... отъ васъ самихъ, мои павшіе солдаты... О, какъ печально, печально, печально!.. О, сколько вытерпѣли вы... и теперь лежите вы здѣсь и на другихъ поляхъ, сраженные картечью, саблями, холерой и тифомъ. О, если бы я могъ предотвратить все это!.. Ты молила меня объ этомъ, Елизавета... О, если бы я могъ исполнить твою просьбу! Какъ невыносимо тяжело подумать, что... Ахъ! какъ жалокъ и несовершененъ нашъ міръ!.. въ немъ много, много горя!..“

И все время пока я думала такъ за него, я не спускала съ него своихъ глазъ. И вдругъ—да, правда, „много, много было горя!“—онъ закрылъ лицо руками и зарыдалъ.

Это было въ день поминовенія, въ 1866 году, на полѣ битвы подъ Садовой.

КНИГА ПЯТАЯ.

Мирное время.

Мы нашли Берлинъ въ разгарѣ всеобщаго ликованія. Каждый лавочникъ и каждый разносчикъ имѣлъ видъ гордаго побѣдителя. „Мы побѣдили!“ Казалось, это возвышенное чувство раздѣлялось всѣмъ населеніемъ; между тѣмъ въ семействахъ, которыя мы посѣтили, были люди,

убитые горемъ, именно тѣ, которымъ пришлось перенести незабвенныя потери на богемскихъ и германскихъ поляхъ сраженій. Болѣе всего боялась я снова встрѣтиться съ тетей Корнеліей. Я знала, что ея прелестный сынъ Готфридъ, ея кумиръ, былъ для нее все, и я легко могла понять горе, которое испытывала теперь несчастная мать, когда представляла себѣ, что мой Рудольфъ, будучи взрослымъ, могъ бы... нѣтъ, эту мысль я не могла даже докончить.

Мы предупредили тетку о нашемъ посѣщеніи. Съ біеніемъ сердца входила я въ домъ госпожи фонъ-Тессовъ. Уже въ передней видна была господствовавшая въ домѣ глубокая печаль. Слуга, встрѣтившій насъ, былъ въ черной ливреѣ; въ большой пріемной, гдѣ мебель покрыта была чехлами, не было огня, а картины и зеркала на стѣнахъ были также завѣшаны флеромъ. Отсюда прошли мы въ спальню тети Корнеліи, гдѣ она насъ ожидала. Эта очень большая комната, раздѣленная занавѣсью, позади которой стояла кровать, служила теперь тетѣ Корнеліи постояннымъ мѣстопребываніемъ; она не выходила больше изъ дому, исключая воскресныхъ дней, когда ходила въ церковь, и даже рѣдко оставляла комнату, проводя ежедневно только одинъ часъ въ бывшемъ кабинетѣ Готфрида. Въ этой комнатѣ все стояло и лежало на тѣхъ же мѣстахъ, какъ онъ оставилъ въ день своего отъѣзда. Она повела насъ туда, какъ только мы пришли, и дала прочесть письмо, которое онъ положилъ на свой портфель, уѣзжая:

„Моя безцѣнная милая матушка! Я знаю, что ты придешь сюда послѣ моего отъѣзда, и тогда ты найдешь этотъ листокъ. Лично мы простились. Тѣмъ болѣе тебя обрадуетъ и удивитъ еще одинъ привѣтъ отъ меня, еще хотя послѣднее слово, радостное и полное надежды. Не унывай: я вернусь. Судьба не разлучитъ нашихъ сердецъ, какъ тѣсно между собой соединенныхъ. Мнѣ предстоитъ отличиться въ счастливомъ походѣ, заслужить кресты и звѣздочки, а потомъ сдѣлать тебя бабушкой шестерыхъ внучатъ. Цѣлую твою руку, цѣлую твой милый, нѣжный лобъ, любимѣйшая изо всѣхъ матерей.
Твой Готфридъ.“

Когда мы вошли къ теткѣ Корнеліи, она была не одна. Господинъ въ длинномъ черномъ сюртукѣ, похожій съ перваго взгляда на пастора, сидѣлъ противъ нея.

Тетка поднялась и пошла къ намъ навстрѣчу; пасторъ всталъ также съ своего мѣста, но остался въ отдаленіи. Какъ я ожидала, такъ и случилось. Когда я обняла старую женщину, мы обѣ громко зарыдали. Фридрихъ также прослезился, прижимая печальную старушку къ своей груди. Въ эту первую минуту не было сказано ни одного слова. Все, что хочешь сказать при первомъ свиданіи послѣ тяжелаго несчастья, вполнѣ выражается слезами. Она подвела насъ къ своему мѣсту и указала намъ на стоящіе рядомъ стулья. Потомъ, осушивъ глаза, она представила:

— Мой племянникъ, полковникъ, баронъ Тиллингъ. Старшій пасторъ при арміи и совѣтникъ консисторіи г. Мельзеръ.

Мы обмѣнялись нѣмыми поклонами.

— Мой другъ и духовный совѣтникъ,—прибавляла она—онъ старается ободрять меня въ моемъ горѣ.

— Но, къ сожалѣнію, мнѣ еще не удалось научить васъ истинному смиренію и истинной радости нести свой крестъ, уважаемая пріятельница,—сказалъ тотъ.—Зачѣмъ же долженъ былъ я видѣть снова потокъ столь малодушныхъ слезъ?

— Ахъ, простите меня! Но когда я видѣла моего племянника и его молодую жену въ послѣдній разъ, мой Готфридъ былъ еще...—Она не могла дальше говорить.

— Тогда былъ вашъ сынъ еще въ этомъ грѣшномъ мірѣ, окруженный соблазнами, искушеніями; теперь же онъ на лонѣ Отца Небеснаго, послѣ того какъ принялъ столь праведную и славную смерть за короля и отечество. Вы, г. полковникъ,—обратился онъ къ моему мужу,—вы, какъ солдатъ, поможете мнѣ утѣшить эту мать тѣмъ, что судьба ея сына очень завидна. Вы должны знать, какая готовность къ смерти одушевляетъ каждаго храбраго солдата; намѣреніе принести свою жизнь въ жертву отечеству облегчаетъ ему горе разлуки, и если онъ въ пылу битвы падетъ при громѣ пу-

шекъ, то онъ ожидаетъ, что его примутъ въ ряды великой арміи, которой управляетъ Самъ Господь. Вы, г-нъ полковникъ, вернулись съ тѣми, кому промыслъ Божій даровалъ справедливую побѣду.

— Извините, г-нъ совѣтникъ консисторіи, я сражался въ австрійской арміи.

— О! я думалъ... такъ значитъ...—возразилъ онъ, уже совершенно смутившись...—Австрійская также прекрасная и храбрая армія.—Онъ всталъ.—Я не хочу вамъ мѣшать. Какъ родственники, вы хотите, навѣрно, поговорить о семейныхъ дѣлахъ. Будьте здоровы, сударыня, черезъ нѣсколько дней я приду къ вамъ опять. А до тѣхъ поръ устремляйте ваши мысли къ Богу, безъ воли Котораго ни одинъ волосъ не упадетъ съ головы нашей; Онъ все направляетъ на благо любящимъ Его— и горе, и страданіе, и нужду, и смерть. Честь имѣю кланяться.

Тетка пожала ему руку.

— Надѣюсь увидѣть васъ скоро. Пожалуйста.

Онъ поклонился намъ, и уже хотѣлъ выйти, но Фридрихъ остановилъ его:

— Г-нъ совѣтникъ консисторіи, будьте добры исполнить мою просьбу.

— Съ удовольствіемъ, г-нъ полковникъ.

— Такъ какъ вы проникнуты насколько религіознымъ, настолько же и военнымъ духомъ, какъ заключаю я по вашимъ словамъ, то вы могли бы оказать мнѣ большую услугу.

Я съ удивленіемъ слушала. Чего же хотѣлъ Фридрихъ?—Моя жена мучится разными сомнѣніями,—продолжалъ онъ,—она думаетъ, что съ христіанской точки зрѣнія война недозволительна. Хотя я, какъ солдатъ, убѣжденъ въ противномъ и отлично понимаю это, но у меня не хватаетъ краснорѣчія объяснить это ясно моей женѣ. Вотъ если бы вы согласились, г-нъ совѣтникъ консисторіи, завтра или послѣ-завтра посвятить одинъ часъ для этого разговора.

— О! очень охотно,—возразилъ пасторъ.—Позвольте вашъ адресъ.

Фридрихъ далъ ему свою карточку, и тотчасъ же былъ назначенъ день и часъ предстоящаго визита.

Послѣ того мы остались съ теткой одни.

— Дѣйствительно ли утѣшаютъ тебя посѣщенія твоего друга?—спросилъ тетку Фридрихъ.

— Утѣшаютъ? Развѣ могутъ быть для меня здѣсь утѣшенія? Но онъ говоритъ такъ много и такъ прекрасно о вещахъ, о которыхъ я слушаю теперь охотнѣе всего, именно о смерти, печали, крестѣ, жертвѣ и самоотверженіи... Онъ описываетъ міръ, который долженъ былъ оставить мой бѣдный Готфридъ и откуда я сама стремлюсь всей душой,—мѣстомъ скорби, гибели, грѣха, приближающагося паденія... и тогда мнѣ кажется менѣе печальнымъ, что мой дорогой его покинулъ. Онъ теперь тамъ, въ райскихъ селеніяхъ, а здѣсь, на землѣ...

— Дѣйствуютъ адскія силы, это правда, это еще недавно я видѣлъ опять,—сказалъ задумчиво Фридрихъ.

Бѣдная тетка начала разспрашивать его объ обоихъ походахъ, въ которыхъ онъ сражался одинъ разъ вмѣстѣ съ Готфридомъ, другой разъ—противъ него. Онъ долженъ былъ разсказать ей тысячу подробностей и утѣшилъ бѣдную мать тѣмъ же, чѣмъ и меня послѣ итальянской войны: именно тѣмъ, что сына ея постигла моментальная, безболѣзненная смерть. Это былъ продолжительный печальный визитъ. Я разсказала также всѣ подробности тяжелой холерной недѣли и все пережитое мною на богемскихъ поляхъ сраженій. Прежде чѣмъ мы уѣхали, тетка Корнелія провела насъ въ комнату Готфрида, гдѣ, читая его письмо, я опять горько заплакала.

— Теперь объясни мнѣ,—сказала я Фридриху, когда мы садились въ ожидавшую насъ карету у воротъ дома г-жи фонъ-Тессовъ,—зачѣмъ ты позвалъ этого совѣтника консисторіи?..

— На конференцію съ тобой? Ты не понимаешь? Это должно служить мнѣ матеріаломъ для изученія. Я хочу еще разъ слышать и записать доводы, которыми защищаетъ пасторъ убійство людей. Руководителемъ спора я выставилъ тебя. Молодой женщинѣ удобнѣе сомнѣваться въ справедливости войны съ христіанской точки зрѣнія, чѣмъ полковнику.

— Но ты знаешь, что мои сомнѣнія не съ религіозной, а съ гуманитарной точки зрѣнія.

— Объ этомъ мы не должны говорить съ г-номъ совѣтникомъ консисторіи, иначе онъ перенесетъ этотъ споръ на другую почву. Стремленіе къ миру свободныхъ мыслителей не наталкивается ни на какое противорѣчіе, а мнѣ хотѣлось бы услышать разъясненіе противорѣчія между завѣтами христіанской любви и заповѣдями съ одной стороны и правилами веденія войны съ другой— отъ старшаго пастора при арміи, т.-е. отъ представителя христіанскаго военнаго міра.

Пасторъ явился аккуратно. Очевидно, его привлекла надежда обратить меня на путь истины, прочитавши поучительную проповѣдь. Я же, наоборотъ, смотрѣла на эту бесѣду съ нѣсколько тяжелымъ чувствомъ, такъ какъ мнѣ пришлось взять на себя лживую роль. Но для пользы дѣла, которому служилъ теперь Фридрихъ, я могла согласиться на это лицемѣріе, утѣшая себя правиломъ: цѣль оправдываетъ средства.

Послѣ первыхъ поклоновъ мы усѣлись всѣ трое на низенькія кресла передъ каминомъ и совѣтникъ консисторіи началъ:

— Позвольте мнѣ приступить прямо къ цѣли моего посѣщенія, сударыня. Дѣло идетъ о томъ, чтобы уничтожить въ вашей душѣ нѣкоторыя сомнѣнія, которыя кажутся основательными, но которыя могутъ быть такъ же легко опровергнуты, какъ софизмы. Вы находите, напр., что заповѣдь Христа: „люби враговъ своихъ“, и далѣе Его изреченіе: „кто беретъ мечъ, тотъ отъ меча погибнетъ“ противорѣчатъ обязанностямъ солдата, который долженъ наносить непріятелю вредъ

— Безъ сомнѣнія, г. совѣтникъ консисторіи, это противорѣчіе кажется мнѣ неразрѣшимымъ; да и въ заповѣдяхъ ясно сказано: „не убій“.

— Ну да, при поверхностномъ сужденіи, здѣсь есть затрудненія, но если вникнуть глубже, то сомнѣнія исчезнутъ. Что касается шестой заповѣди, она была бы правильнѣе такъ (въ англійскомъ изданіи Библіи она такъ и переведена): „не должно совершать убійства“. Убіенія для необходимой обороны не есть убійство. И

война та же оборона по необходимости. Мы должны и можемъ, согласно заповѣди нашего Искупителя, любить нашихъ враговъ; но это еще не должно означать, что мы должны терпѣть открытое насиліе и несправедливость.

— Итакъ, это значитъ, что только однѣ оборонительныя войны справедливы, и употреблять оружіе должно только въ томъ случаѣ, если непріятель перейдетъ границу. Но если и непріятельская нація держится того же правила, какъ же можетъ начаться война? Въ послѣднюю войну, ваша армія, г-нъ совѣтникъ консисторіи, первая перешла границу...

— Когда надо отразить врага, сударыня, на что мы имѣемъ священное право, то нѣтъ надобности пропускать удобный моментъ и ждать, пока врагъ вторгнется въ нашу землю; и противъ ожидаемыхъ несправедливости и насилія каждый государь можетъ поступать свободно, смотря по обстоятельствамъ. При этомъ онъ слѣдуетъ словамъ Св. Писанія: „взявшій мечъ отъ меча погибнетъ". Онъ является слугой Бога и мстителемъ врагу, когда стремится уничтожить мечомъ того, кто поднялъ противъ него мечъ.

— Здѣсь, должно-быть, есть какой-нибудь ложный выводъ,—сказала я, качая головой;—одно и то же оправданіе не можетъ быть справедливо для обѣихъ сторонъ.

— Что же касается вашего мнѣнія, — продолжалъ пасторъ, не обращая вниманія на мое возраженіе,—что война не угодна Богу, то это опровергнетъ каждый христіанинъ, знающій Св. Писаніе, потому что въ библіи сказано, что Самъ Богъ повелѣлъ своему народу начать войну для завоеванія обѣтованной земли, даровавъ ему благословленіе и побѣду. Въ 4 кн. Моисея (21. 14) сказано объ особой книгѣ войнъ Іеговы. А какъ часто прославляется въ псалмахъ Божія помощь Своему народу. Развѣ вы не знаете изреченія Соломона: „Конь стоитъ осѣдланный для битвы, но отъ Бога исходитъ побѣда". Въ 144 псалмѣ Давидъ благодаритъ и прославляетъ Бога: „Благословенъ Господь, твердыня моя, научающій руки мои сраженію и персты мои брани".

— Значитъ, есть противорѣчіе между Старомъ и Но-

16*

вымъ Завѣтомъ: Богъ древнихъ евреевъ былъ воинственнымъ, но кроткій Іисусъ проповѣдывалъ евангеліе мира и любви къ врагамъ и ближнимъ.

— Но и въ Новомъ Завѣтѣ Іисусъ въ одной притчѣ (Лук. 14, 31) говоритъ безъ порицанія объ одномъ царѣ, который хочетъ идти войной противъ другого. Апостолъ Павелъ также часто упоминаетъ о войнахъ. Онъ говоритъ (Посл. къ Р. 13. 4), что начальникъ не напрасно носитъ мечъ: онъ слуга Бога и мститель тѣмъ, кто дѣлаетъ зло.

— Значитъ, то противорѣчіе, на которое я указывала, находится во всемъ Св. Писаніи, судя по вашимъ словамъ; этого вы уже не можете отрицать.

— Сейчасъ виденъ поверхностный и къ тому же дерзкій способъ сужденія, который хочетъ поставить нашъ слабый разумъ выше слова Божія. Противорѣчіе есть нѣчто несовершенное, а потому несвойственное божественному; если же я удостовѣряю, что объ чемъ-нибудь говорится въ Библіи, то это не нуждается въ доказательствахъ, и въ немъ не можетъ быть никакихъ противорѣчій, хотя бы это и казалось непонятнымъ человѣческому уму.

Я хотѣла привести въ доказательство существованія противорѣчій, что нѣкоторыя мѣста въ Библіи имѣютъ совершенно не божественное происхожденіе. Этотъ отвѣтъ вертѣлся у меня на языкѣ, но я промолчала, чтобы не удалиться отъ предмета спора.

— Видите ли, г-нъ совѣтникъ консисторіи,—вмѣшался въ разговоръ Фридрихъ,—я имѣю записки одного оберстштюкгауптмана XVII столѣтія, который, словами Библіи, еще убѣдительнѣе васъ оправдываетъ всѣ ужасы войны. Я спряталъ эти записки и уже читалъ ихъ моей женѣ, но она не хотѣла согласиться съ духомъ этого сочиненія. И мнѣ тоже оно кажется немножко... рѣзкимъ, и я хотѣлъ бы слышать ваше о немъ мнѣніе. Если позвольте, я принесу сюда рукопись.

Онъ вынулъ изъ ящика своего стола бумагу, развернулъ ее и прочелъ:

„Самъ Богъ научилъ людей воевать. Перваго солдата Богъ поставилъ съ обоюдно острымъ мечемъ во вра-

тахъ рая, чтобы запретить туда входъ первому мятежнику Адаму.

„Во Второзаконіи написано о томъ, какъ во время войны Богъ ободрялъ Свой народъ черезъ Моисея и даже далъ ему отрядъ своихъ священниковъ.

„Первая война происходила подъ городомъ Гаемъ. Въ эту іудейскую войну солнце должно было свѣтить на небѣ два дня сряду, чтобы дать возможность одержать побѣду, убить всѣхъ враговъ и казнить царей вражескихъ.

„Богъ одобряетъ всѣ ужасы войны, потому что все Св. Писаніе достаточно доказываетъ, что правильная война справедлива и что всякій благочестивый человѣкъ можетъ служить въ арміи, жить и умереть. Своихъ враговъ онъ можетъ сжигать и опалять, убивать и рубить на куски; все это справедливо и никто не долженъ думать объ этомъ иначе.

„Богъ не только не запрещаетъ ничего подобнаго, но одобряетъ даже самые жестокіе способы истреблять враговъ.

„Пророчица Девора пригвоздила голову военачальника къ землѣ.

„Гедеонъ, поставленный Самимъ Богомъ вождь народа, отомстилъ по-солдатски начальникамъ Сокхоѳа за то, что они отказались прислать ему съѣстныхъ припасовъ.

„Ему казалось недостаточнымъ употреблять висѣлицу, колесо, мечъ и огонь, и онъ велѣлъ сѣчь виновныхъ терновникомъ и разрывать ихъ на куски,—и все это было справедливо передъ очами Бога: царственный пророкъ Давидъ, мужъ, угодный Богу; подвергъ жестокой казни уже побѣжденныхъ имъ жителей Аммона въ Раббаоѳѣ; онъ велѣлъ рубить ихъ мечами, проѣхать по нимъ желѣзными колесами, рѣзать ножами и мѣсить ихъ, какъ глину, и такъ поступалъ онъ во всѣхъ городахъ съ жителями Аммона. Далѣе онъ“...

— Это мерзко, гнусно!—прервалъ оберъ-пасторъ;— только грубый наемный солдатъ дикихъ временъ 30-лѣтней войны могъ взять эти примѣры изъ Библіи и опереться на нихъ, оправдывая себя въ жестокостяхъ по отно-

шенію къ врагу. Мы проповѣдуемъ теперь совсѣмъ другое ученіе. Мы стараемся убить врага только для того, чтобы онъ не могъ вредить намъ, но безъ злого намѣренія противъ отдѣльныхъ лицъ. Такое отношеніе, т. е. кровожадность и жестокость по отношенію къ беззащитнымъ во время войны считаются также безнравственными и непозволительными, какъ и въ мирное время. Этотъ оберстштюкгауптманъ могъ писать только въ прошлыхъ столѣтіяхъ, когда война была обращена въ ремесло бродячими народами и предводителями ландскнехтовъ; но теперь война ведется не для полученія добычи, а сражаются сознательно, противъ кого и зачѣмъ, т. е. за высшія идеальныя блага человѣчества,—свободу, самостоятельность, національность, за право, вѣру, честь и нравствственность.

— Вы, г. совѣтникъ консисторіи,—прервала я,—конечно, болѣе добры и человѣчны, нежели тотъ оберстштюкгауптманъ; вы не приводите изъ Библіи доказательствъ справедливости жестокостей, которыя охотно совершались нашими предками въ средніе вѣка, и вѣроятно, еще охотнѣе древними евреями. Но вѣдь это тотъ же Іегова, который не могъ сдѣлаться снисходительнѣе, и та же книга, откуда каждый беретъ тѣ примѣры, которые ему больше нравятся.

На это возраженіе послѣдовалъ строгій выговоръ за недостатокъ уваженія къ слову Божію и недостаточное пониманіе его изложенія.

Я постаралась вернуть разговоръ на нашу собственную тему, и совѣтникъ консисторіи долго, никѣмъ не прерываемый, говорилъ о связи военнаго и христіанскаго духа; онъ говорилъ о религіозномъ значеніи присяги, когда штандарты торжественно вносятся въ церковь при почетномъ караулѣ двухъ офицеровъ съ обнаженными саблями; тутъ рекрутъ въ первый разъ офиціально въ формѣ и съ саблей идетъ подъ знаменемъ своего полка, которое развертывается передъ алтаремъ Господнимъ, украшенное почетными знаками битвъ, которыя были одержаны. Онъ говорилъ о церковной воскресной молитвѣ: Помилуй, Господи, королевское войско и всѣхъ вѣрныхъ слугъ короля и отечества.

Научи ихъ, какъ истинныхъ христіанъ, помнить присягу и благослови ихъ службу на славу Твою и на благо отечества. „Съ нами Богъ“, продолжалъ онъ дальше, эти слова написаны на поясѣ, на которомъ у пѣхотинца надѣто оружіе, и этотъ лозунгъ долженъ давать ему увѣренность. Богъ съ нами, кто же противъ насъ? Дни всеобщаго покаянія и молитвы уставлены передъ началомъ войны для того, чтобы народъ просилъ Божьей помощи и имѣлъ надежду, что только съ Божьей помощью можетъ счастливо окончиться война. Какъ ободряетъ это каждаго выступающаго солдата, и съ какой радостью идетъ онъ сражаться и умереть! Онъ съ радостью вступаетъ въ ряды войска по призыву короля и разсчитываетъ на благословеніе и побѣду въ правомъ дѣлѣ. Господь дастъ намъ ихъ, какъ давалъ нѣкогда народу израильскому, если мы будемъ съ молитвою переносить бранные труды. Тѣсная связь между молитвой и побѣдой, между набожностью и храбростью познается легко, такъ какъ что же можетъ больше ободрить передъ смертью, какъ не надежда найти милость у Небеснаго Судіи. Вѣра и вѣрность, мужество и готовность къ войнѣ принадлежатъ къ древнѣйшимъ преданіямъ нашего народа.

Долго говорилъ пасторъ въ этомъ тонѣ, то съ мягкой кротостью, поникнувъ головой, смягченнымъ тономъ— о любви, небѣ, смиреніи, младенцѣ Іисусѣ, спасеніи и высочайшихъ радостяхъ; то отрывисто и рѣзко, выпрямляя грудь,—о строгай нравственности и дисциплинѣ, о мечѣ и оборонѣ.

Слово радость употреблялось не иначе, какъ вмѣстѣ со словами смерть и война.

Съ точки зрѣнія военнаго пастора смерть и убійство врага казались пріятнымъ наслажденіемъ. Все остальное разслабляющимъ, грѣховнымъ удовольствіемъ. Онъ прочелъ даже стихи.

Сперва стихи изъ Кернера:

„Господь, веди меня, веди меня къ побѣдѣ, къ смерти. Господь, я познаю Твои завѣты. Куда Ты хочешь, веди меня. Господь, я познаю Тебя“.

Потомъ старинную народную пѣснь изъ 30 лѣтней войны:

„Нѣтъ смерти пріятнѣй смерти героя въ жаркой схваткѣ среди зеленаго поля: тамъ не придется томительно ждать конца въ долгой смертельной болѣзни. Что за радость ждать смерти, лежа на узкой постели? Лучше пасть среди толпы подобно травѣ, срѣзанной косой!“

Далѣе пѣснь Ленау о воинственномъ оруженосцѣ:

„Миръ убаюкалъ людскую жизнь; все поросло травой, все затянулось паутиной.. Но вотъ идетъ война, разсыпая раны. Борьба и смерть освѣжатъ жизнь“.

Потомъ онъ привелъ еще слова Лютера:

„Если смотрѣть на войну, какъ на средство для защиты женщинъ, дѣтей, имущества и чести, то должно назвать ее драгоцѣннѣйшею вещью“.

— Конечно, если я считаю пантеру голубкой, то должна считать ее нѣжнымъ животнымъ, — замѣтила я вскользь.

Мнѣ очень хотѣлось также отвѣтить на его поэтическія изліянія стихами Бодештедта:

„Хвалите, сколько хотите, войну и подвиги героевъ, но тогда не говорите, что вы — христіане. Если вамъ надобно показать свою отвагу, то избивайте другъ друга, какъ дикари, проливайте, сколько хотите, крови, но не поминайте, при этомъ, имени Спасителя. Турецкое войско сражается во славу своего Аллаха, но у насъ нѣтъ Одина, умерли боги Валгалы. Будьте, чѣмъ хотите, но мнѣ противна ложь воюющихъ назареянъ“.

Но нашъ воинственный назарянинъ не видалъ, конечно, что происходило въ моей душѣ. Онъ говорилъ долго, никѣмъ не прерываемый, и былъ вполнѣ увѣренъ, что убѣдилъ меня въ двухъ вещахъ: что война съ христіанской точки зрѣнія вполнѣ справедлива, и сама по себѣ „очень хорошая вещь“. Довольный тѣмъ, что своей краснорѣчивой побѣдой онъ исполнилъ свою обязанность и къ тому же оказалъ услугу иностранному полковнику, онъ сказалъ въ отвѣтъ на нашу благодарность, когда собрался уходить:

— Это я долженъ благодарить васъ, потому что я имѣлъ случай разрѣшить моимъ слабымъ словомъ, убѣ-

дительность котораго заключается въ многократныхъ ссылкахъ на слово Божіе, ваши сомнѣнія, которыя должны были мучить васъ не только какъ христіанку, но и какъ жену солдата. Миръ вамъ!

— Ахъ,—воскликнула я, когда онъ удалился,—что это была за мука!

— Это правда, — произнесъ Фридрихъ. — Особенно наша ложь была мнѣ непріятна—ложный поводъ, которымъ мы вызвали его на разговоръ. Одну минуту мнѣ очень хотѣлось сказать ему: „Замолчите, почтеннѣйшій г. пасторъ, я имѣю иные взгляды на войну, какъ и моя жена, и все, что вы говорите, должно служить мнѣ для того, чтобы увидать ближе слабыя стороны вашихъ доказательствъ". Но я промолчалъ. Зачѣмъ оскорблять убѣжденіе человѣка, которое лежитъ въ основѣ его жизненнаго призванія?

— Убѣжденія? ты въ этомъ увѣренъ? Вѣритъ ли онъ дѣйствительно своимъ словомъ, или намѣренно обманываетъ солдатъ, когда обѣщаетъ имъ вѣрную побѣду съ Божьей помощью, о которой проситъ также и его врагъ. Эти ссылки на „нашъ народъ", да „наше единственное справедливое дѣло", которое къ тому же угодно Богу, возможны были только въ то время, когда какой-нибудь народъ считалъ единственно за собой право существованія, считалъ себя единственнымъ, угоднымъ Богу. Эти надежды на помощь Божію и всѣ эти церемоніи, т.-е. присяга, молебны, пѣснопѣнія, должны возбудить въ душѣ воиновъ столь прославленную „радость смерти" и заставить ихъ охотнѣе жертвовать своей земной жизнью; меня, положительно, страшатъ эти слова.

— Все имѣетъ двѣ стороны, Марта,—возразилъ Фридрихъ.—Такъ какъ мы противъ войны, то намъ и кажется ненавистнымъ все, что ее поддерживаетъ и украшаетъ, что прикрываетъ ея ужасы...

— Но вѣдь этимъ и поддерживается эта гнусность.

— Не этимъ однимъ... старые порядки крѣпко держатся тысячами нитей, и пока они будутъ существовать, то, конечно, пусть существуютъ тѣ мысли и чувства, которыя украшаютъ войну, дѣлаютъ ее не только выносимой, но и заставляютъ даже любить. Скольких

несчастныхъ поддержала передъ смертью эта радостная „готовность къ смерти“; сколько набожныхъ душъ шли на войну, полныя вѣры на обѣщанную имъ проповѣдникомъ помощь Божію; сколько невиннаго тщеславія и гордаго чувства чести удовлетворялось и возбуждалось этими церемоніями; сколько сердецъ билось сильнѣе при пѣніи этихъ молитвъ! Хорошо еще, что страданіе, которое приноситъ людямъ война, облегчается немного этими воспѣвающими войну поэтами и проповѣдями полковыхъ священниковъ.

Мы совершенно неожиданно должны были оставить Берлинъ, такъ какъ получили телеграмму, что тетя Мари опасно заболѣла и желаетъ насъ видѣть.

Бѣдная старушка была уже въ безнадежномъ состояніи.

— Теперь моя очередь,—сказала она. — Собственно говоря, я иду туда охотно... Съ тѣхъ поръ, какъ мой бѣдный братъ и его трое дѣтей умерли, для меня уже не осталось радости въ этомъ мірѣ; этого удара я не могла перенести... А тамъ мы встрѣтимся всѣ вмѣстѣ... Конрадъ и Лили также соединились тамъ, а здѣсь, на землѣ, Богъ не предназначилъ имъ заключить брачнаго союза...

— Если бы миръ былъ заключенъ во время,—хотѣла я возразить, но воздержалась поднять съ этой умирающей споръ по поводу ея любимой теоріи о предопредѣленіи.

— Одно утѣшеніе осталось у меня, — продолжала она, — это то, что по крайней мѣрѣ ты живешь счастливо, милая Марта. Твой мужъ счастливо возвратился изъ двухъ походовъ, васъ пощадила холера; очевидно, вамъ предназначено дожить до старости. Старайся воспитать своего маленькаго Рудольфа добрымъ христіаниномъ и хорошимъ солдатомъ, чтобы дѣдушка могъ радоваться на него на небѣ.

И на это я также промолчала, хотя заранѣе твердо рѣшила, что сынъ мой никогда не будетъ солдатомъ.

— Я буду безпрестанно за васъ молиться, чтобы Богъ далъ вамъ долгую и счастливую жизнь.

Хотя я и тутъ сомнѣвалась, какъ можетъ постоян-

ная молитва оказать вліяніе на непоколебимое предопредѣленіе, но не возразила ничего, а попросила только бѣдную тетю Мари не утруждать себя разговоромъ, и чтобы развлечь ее, начала разсказывать ей о нашей жизни въ Швейцаріи и Берлинѣ. Я разсказала также, что мы встрѣтили принца Генриха, который воздвигъ мраморный памятникъ въ паркѣ своего замка въ память невѣсты, такъ неожиданно найденной и такъ же скоро потерянной.

Черезъ три дня умерла тетя Мари, покорно и спокойно, по собственному желанію набожно причастившись передъ смертью; такимъ образомъ умерли всѣ близкіе мнѣ люди, всѣ, среди которыхъ я выросла.

Наслѣдникомъ своего маленькаго состоянія тетя Мари сдѣлала моего сына Рудольфа, а опекуномъ министра „Конечно".

Вслѣдствіе этого мы вошли въ частыя сношенія съ прежнимъ другомъ моего отца. Къ тому же это былъ почти единственный человѣкъ, посѣщавшій нашъ домъ. Послѣ ужасной недѣли въ Грумицѣ я старалась жить какъ можно уединенно. Нашъ планъ переселиться въ Парижъ отложенъ былъ на нѣсколько мѣсяцевъ, такъ какъ мнѣ надо было привести свои дѣла въ порядокъ.

Нашъ другъ министръ, бывшій, какъ уже было сказано, почти нашимъ единственнымъ знакомымъ, вышелъ въ послѣднее время въ оставку, или получить ее,—этого я не могла узнать,—короче, онъ сдѣлался частнымъ человѣкомъ, но все-таки любилъ попрежнему толковать о политикѣ. Онъ всегда переводилъ разговоръ на свою любимую тему, и мы охотно поддерживали его. Фридрихъ, усердно занимавшійся въ то время изученіемъ народнаго права, съ большимъ удовольствіемъ вступалъ въ разговоръ, касавшійся этого предмета. Послѣ обѣда (министръ „Конечно" обѣдалъ у насъ по крайней мѣрѣ два раза въ недѣлю) мужчины углублялись въ продолжительный политическій разговоръ, въ которомъ мой мужъ избѣгалъ пустой болтовни, а старался вести разговоръ съ широкой общей точки зрѣнія. Но министръ не всегда могъ за нимъ слѣдовать, потому что, какъ коренной дипломатъ и бюрократъ, онъ привыкъ больше

заниматься такъ называемой практической или реальной политикой, которая направлена на ближайшіе частные интересы и не занимается никакими вопросами соціологіи.

Я обыкновенно сидѣла тутъ же, занятая какимъ-нибуть рукодѣльемъ, и не вмѣшивалась въ разговоръ, что министру казалось вполнѣ естественнымъ, такъ какъ извѣстно, что политика для женскаго ума „слишкомъ высока“; онъ былъ убѣжденъ, что я думаю въ это время о чемъ-нибудь другомъ, въ то время какъ я, напротивъ, очень внимательно прислушивалась и старалась какъ можно лучше запомнить все до единаго слова и записать потомъ въ красныя тетрадки. Фридрихъ выражалъ открыто свои мнѣнія, несмотря на то, что зналъ, какая неблагодарная роль проводить идеи, которыя большинствомъ если не проклинаются, то встрѣчаются насмѣшками, какъ пустыя фантазіи.

— Сегодня я принесъ вамъ очень интересную новость, любезный Тиллингъ, —сказалъ однажды министръ съ серьезнымъ лицомъ.—Въ военное министерство поступилъ на разсмотрѣніе проектъ о всеобщей воинской повинности.

— Какъ? Неужели та же система, надъ которой передъ войной у насъ такъ насмѣхались и которой такъ пренебрегали? „Вооруженные портные!“ и т. д.

— Конечно, еще недавно мы возставали противъ этого, но Пруссія доказала, что это средство очень полезное, вы съ этимъ должны согласиться; и къ тому же съ моральной и даже демократической и либеральной точекъ зрѣнія, которую, какъ кажется, вы цѣните, это—справедливая, возвышенная вещь; всѣ сыны отечества будутъ исполнять одинъ и тотъ же долгъ, несмотря на различія состоянія и образованія; да и съ стратегической точки зрѣнія развѣ могла бы маленькая Пруссія одержать надъ ними побѣду, если бы не это ополченіе, и мы... развѣ были бы мы побѣждены, если бы оно было у насъ?

— Такъ какъ, если бы у насъ было больше войска, то непріятелю его ополченіе не принесло бы никакой пользы; а, слѣдовательно, если бы всеобщая воинская повинность была введена вездѣ, то никто отъ этого не выигралъ бы. Военная игра увеличилась бы еще нѣ-

сколькими фигурами, а успѣхъ все-таки зависѣлъ бы отъ счастья и ловкости игрока; и если всѣ европейскія державы введутъ всеобщую воинскую повинность, то сила войска у всѣхъ будетъ одинакова, и тогда рѣшеніе войны потребуетъ смерти милліона людей.

— Но вѣдь это несправедливо и неразумно, что только одна часть народа должна приносить себя въ жертву, чтобы отстоять высшія блага для другихъ, которые спокойно сидятъ въ это время дома. Нѣтъ, нѣтъ, этотъ законъ уничтожитъ эту несправедливость. Тогда должны будутъ служить рѣшительно всѣ; и образованные люди и студенты, какъ болѣе ученые, окажутъ просвѣщенное и разумное вліяніе на войско.

— Но вѣдь и противникъ можетъ достигнуть того же успѣха съ помощью своихъ просвѣщенныхъ унтеръ-офицеровъ. Къ тому же государство лишится тогда ученыхъ людей, которые своими изобрѣтеніями, научными изслѣдованіями и произведеніями художества могутъ ускорить развитіе культуры; при новыхъ же порядкахъ они должны будутъ составлять арміи и служить цѣлью непріятельскихъ выстрѣловъ.

— Ахъ, что вы! Изобрѣтенія, искусство и разсматриваніе череповъ, это—такія вещи, которыя не могутъ увеличить могущества страны ни на одну іоту.

— Гмъ..!

— Что?

— Ничего, продолжайте пожалуйста.

— Такъ какъ служить придется не всю жизнь, то останется еще много времени для этихъ научныхъ занятій; но года два строгой дисциплины сдѣлаютъ, навѣрно, молодыхъ людей лучшими и болѣе способными къ исполненію прочихъ гражданскихъ обязанностей. Мы должны будемъ платить дань крови, и она должна быть раздѣлена между всѣми равно.

— Если бы отъ этого распредѣленія было лучше отдѣльнымъ людямъ, это было бы хорошо. Но это не будетъ уменьшеніемъ дани крови или раздѣленіемъ, а, наоборотъ, увеличеніемъ. Я надѣюсь, что этотъ проектъ не пройдетъ. Это пойдетъ тогда до безконечности. Каждое государство захочетъ имѣть возможно большее

войско, и, наконецъ, уже не будетъ арміи, а будутъ только вооруженные народы. Все больше и больше людей должны будутъ идти на службу, болѣе долгое время служить, болѣе денегъ потребуется на содержаніе войска и оружіе. Не сражаясь другъ съ другомъ, государства доведутъ до гибели самихъ себя одними приготовленіями къ войнѣ.

— Но, любезный Тиллингъ, вы заглядываете слишкомъ далеко.

— Никогда нельзя заглядывать *слишкомъ* далеко. Все, что предпринимается, должно быть обдумано до послѣднихъ слѣдствій, настолько далеко, насколько можетъ человѣческій разумъ. Мы сравнили войну съ шахматной игрой; политика, это — также шахматная игра, и слабы тѣ игроки, которые могутъ обдумать одинъ ходъ и радоваться, если поставятъ фигуру такъ, что угрожаютъ пѣшкѣ. Я хочу развить мысль о возрастающей воинской повинности и всеобщемъ вооруженіи до самыхъ крайнихъ предѣловъ, именно до того, когда оно переступитъ границу. Представьте себѣ, что когда численность арміи дойдетъ до крайнихъ границъ, какая-нибудь нація вздумаетъ составить полкъ изъ женщинъ. Всѣ другія должны будутъ сдѣлать то же самое. Далѣе—батальоны изъ дѣтей? Другія опять таки должны сдѣлать то же самое. А въ вооруженіи и способахъ разрушенія гдѣ будутъ границы? О, это дикая слѣпая скачка въ бездну!

— Успокойтесь, любезный Тиллингъ; вы просто фантазируете. Укажите же средство, которое могло бы уничтожить войну,—это было бы конечно для всѣхъ хорошо. Но такъ какъ это пока еще невозможно, то каждая нація должна приготовиться къ войнѣ возможно лучше, чтобы заранѣе пріобрѣсти себѣ больше шансовъ успѣха въ борьбѣ за существованіе. Не правда ли, вѣдь это словечко моднаго теперь Дарвина?

— Если бы я предложилъ средство для уничтоженія войны, то меня бы назвали простодушнымъ фантазеромъ, сентиментальнымъ мечтателемъ, одержимымъ маніей гуманности (это, кажется, любимое словечко сторонниковъ войны).

— Но, конечно, вы отлично сами понимаете, что для

достиженія этого идеала недостаетъ твердаго основанія. Надо считаться съ существующими фактами. Сюда принадлежатъ человѣческія страсти, соперничество, различіе интересовъ, невозможность соглашенія во всѣхъ вопросахъ...

— Это не важно: гдѣ возникнутъ разногласія, ихъ можетъ рѣшить третейскій судъ, а не насиліе.

— Первостепенные государства и народы не захотятъ покоряться суду.

— Народы?.. Государи и дипломаты не захотятъ этого, но народъ желаетъ мира пламенно и искренно, между тѣмъ какъ увѣренія въ мирныхъ намѣреніяхъ со стороны правительства бываютъ большею частью ложны, или по крайней мѣрѣ другія государства считаютъ ихъ таковыми. Это именно и называется дипломатіей. Но народъ настойчиво требуетъ мира. Если всеобщая воинская повинность приметъ широкіе размѣры, то увеличится и ненависть къ войнѣ. Классъ одушевленныхъ своимъ призваніемъ солдатъ еще возможенъ, потому что исключительность ихъ положенія удовлетворяетъ ихъ честолюбію, и этимъ самымъ вознаграждаетъ ихъ за приносимыя ими жертвы; но когда исключительность прекратится, прекратится и отличіе. Исчезнетъ благодарность оставшихся на родинѣ къ своимъ защитникамъ, потому что дома уже никого не будетъ оставаться. Любовь къ войнѣ, которую стараются возбудить въ солдатахъ, будетъ ослабѣвать, потому что героическими подвигами и военными опасностями восторгаются большею частію тѣ, кто чувствуетъ себя въ безопасности: ораторы, политики, болтуны въ портерныхъ, т.-е. тотъ же „хоръ странниковъ“ изъ Фауста. Этотъ хоръ умолкнетъ, потерявъ свою собственную безопасность. Далѣе. Если въ военную службу будутъ поступать не только тѣ, кто ее любитъ и прославляетъ, но и тѣ, которымъ она ненавистна, то эта ненависть будетъ часто высказываться. Поэты, мыслители, филантропы, мягкіе и трусливые люди,—всѣ они будутъ проклинать обязательное для нихъ ремесло.

— Но они будутъ молчать объ этихъ чувствахъ,

чтобы не показаться трусливыми и не навлечь немилости правительства.

— Молчать? Не всегда. Такъ, какъ говорю я, хотя я долго молчалъ, будутъ говорить и другіе. Когда убѣжденіе созрѣетъ, оно обратится въ слово. Я дожилъ до сорока лѣтъ, пока мое убѣжденіе достигло такой силы, чтобы выразиться въ словѣ и дѣлѣ. Для меня потребовалось два или три десятилѣтія, а для массы потребуется два или три поколѣнія, но она все-таки заговоритъ.

. . . .

Новый 1867 годъ! Мы встрѣтили его вдвоемъ съ Фридрихомъ. Когда пробило 12 часовъ, я спросила его:

— Помнишь ли ты послѣдній тостъ моего бѣднаго отца прошлый годъ въ этотъ часъ? Я не могу даже пожелать тебѣ счастья. Будущее часто неожиданно приноситъ такъ много страшнаго, и ни одинъ человѣкъ не можетъ предотвратить неизбѣжнаго.

— Въ такомъ случаѣ, Марта, вмѣсто того, чтобы заглядывать впередъ, оглянемся назадъ на только-что прошедшій годъ. Сколько должна была ты страдать, моя бѣдная, храбрая жена! Сколько умерло твоихъ близкихъ людей. А тѣ ужасные дни на богемскихъ поляхъ сраженій!..

— Я не жалѣю о томъ, что видѣла тамошніе ужасы; по крайней мѣрѣ я могу теперь со всей силой своей души принять участіе въ твоемъ дѣлѣ.

— Мы должны твоего, т.-е. нашего, Рудольфа воспитать такъ, чтобы онъ продолжалъ начатое мною дѣло; въ его время, можетъ-быть, уже будетъ ясно видна на горизонтѣ цѣль; а въ наше—едва ли... Какой шумъ на улицѣ! Это празднуютъ новый годъ, несмотря на страданія прошлаго года, который былъ встрѣченъ также радостно. О, забывчивые люди!

— Не осуждай людей за эту забывчивость, Фридрихъ. Мое прошедшее страданіе понемногу исчезаетъ изъ моей памяти какъ сновидѣніе, и теперь я испытываю счастіе настоящаго, счастіе, что ты со мной, мой единственный! Я вѣрю, хотя мы и не хотѣли говорить о будущемъ, но я вѣрю, что насъ ждетъ впереди много прекраснаго.

Мы любимъ другъ друга, самостоятельны, богаты; какъ много чудныхъ наслажденій можетъ дать намъ еще жизнь. Мы будемъ путешествовать, знакомиться съ міромъ, столь прекраснымъ... Прекраснымъ, пока продожается миръ, а онъ можетъ теперь продолжиться долгіе годы. Да если бы и вспыхнула война, ты вѣдь уже больше не пойдешь въ походъ, да и Рудольфъ никогда не будетъ солдатомъ.

— Но если каждый долженъ будетъ идти въ военную службу, какъ говоритъ министръ „Конечно“?

— Ахъ, пустяки! Но что я хотѣла сказать: мы будемъ путешествовать, мы воспитаемъ Рудольфа образцовымъ человѣкомъ, мы будемъ преслѣдовать нашу благородную цѣль, проповѣдывать миръ и будемъ любить другъ друга!

— О, моя милая жена!..

Онъ обнялъ меня и поцѣловалъ въ губы. Въ первый разъ послѣ тяжелыхъ дней, разныхъ ужасовъ разлуки и несчастій къ кроткой нѣжности его ласкъ примѣшалось пламя страсти, зажегшее во мнѣ сладостный пылъ любви. Въ эту счастливую Сильвестрову ночь мы забыли войну, холеру, поминовеніе усопшихъ и родившуюся 1 октября 1867 года дочь мы назвали Сильвіей.

Карнавалъ этого года принесъ опять массу различныхъ удовольствій и баловъ. Но, конечно, не для насъ: мой трауръ удалялъ меня отъ всѣхъ подобныхъ вещей. Меня удивляло то, что не все общество отказывалось отъ шумныхъ удовольствій. Почти каждая семья понесла горькую потерю, но на это, казалось, не обращали вниманія. Хотя оставались нѣкоторые дома закрытыми, но на танцовальныхъ вечерахъ не было недостатка въ молодежи, и первыми танцорами были тѣ, которые вернулись изъ итальянскаго и богемскаго походовъ. Особеннымъ почетомъ пользовались моряки, бывшіе подъ Лиссой. Въ Тегетгофа, молодого адмирала (какъ послѣ шлезвигъ-голштинскаго похода въ генерала Гобленца), была влюблена большая половина дамъ. „Кустоцца“ и „Лисса“ были два козыря, которые главнымъ образомъ употреблялись въ разговорѣ о прошедшей войнѣ. Далѣе—игольчатыя ружья и ландверъ,—

два нововведенія, которыя должны будутъ обезпечить намъ успѣхъ войны и въ скоромъ времени осуществиться. Побѣда—когда и противъ кого? Объ этомъ не спрашивали; но мысль о реваншѣ послѣ проигранной партіи сказывалась во всѣхъ словахъ и поступкахъ нашихъ политиковъ. Если мы сами не выступимъ противъ пруссаковъ, то, можетъ-быть, другіе возьмутся отомстить за насъ. Повидимому, Франція хочетъ отомстить за насъ, и тогда Пруссіи придется расплатиться за многое; въ дипломатическихъ кружкахъ это носило даже названіе: „La revanche de Sadova“. Объ этомъ сообщилъ намъ очень довольный этимъ министръ „Конечно“.

Къ началу весны появилась, дѣйствительно, „черная точка“ или такъ называемый „вопросъ“. Извѣстія о французскихъ вооруженіяхъ дали поводъ политикамъ толковать на ихъ любимую тему: „война въ виду“. Вопросъ на этотъ разъ назывался люксембургскимъ.

Люксембургъ! Какое имѣлъ онъ міровое значеніе? Я должна была опять изучить его, какъ вопросъ о Шлезвигъ-Голштиніи. Слово „Люксембургъ“ было знакомо мнѣ только по веселой опереткѣ Зуппе „Лихой парень“, гдѣ одинъ графъ Люксембургскій истратилъ всѣ свои деньги... Результатъ моихъ розысковъ былъ слѣдующій: Люксембургъ принадлежалъ, по трактатамъ 1814 и 1816 годовъ (эти трактаты и договоры подаютъ только поводъ къ народнымъ распрямъ), королю нидерландскому и вмѣстѣ съ тѣмъ Германскому союзу. Пруссія имѣла въ столицѣ герцогства свой гарнизонъ. Такъ какъ Пруссія въ 1866 году вышла изъ стариннаго союза, то какъ же должно было поступить съ ея гарнизономъ? Это и былъ вопросъ. Пражскій миръ ввелъ въ Германіи новую систему, которая и уничтожила солидарность Люксембурга съ нѣмцами; къ чему же оставила тамъ Пруссія свой гарнизонъ? Конечно, это было запутано и по мнѣнію всѣхъ основательныхъ политиковъ могло быть распутано справедливѣе всего убійствомъ еще нѣсколькихъ тысячъ солдатъ. Голландскій народъ не дорожилъ великимъ герцогствомъ; Вильгельмъ III не имѣлъ ничего противъ того, чтобы отдать этотъ клочекъ земли Франціи за нѣкоторую сумму. И вотъ

начались тайныя совѣщанія между королемъ нидерландскимъ и французскимъ кабинетомъ. Это было очень естественно: тайна есть корень всякой дипломатіи; народы ничего не имѣютъ права знать о политическихъ спорахъ, но когда дѣло уже рѣшится, то они имѣютъ право проливать за него свою кровь. Зачѣмъ и изъ-за чего они сражаются—это для нихъ вещь второстепенная.

Въ концѣ марта король объявляетъ объ этомъ официально, и въ тотъ же день, когда онъ телеграфируетъ о своемъ согласіи во Францію, онъ увѣдомляетъ объ этомъ прусскаго посланника въ Гаагѣ. Послѣ того начинаются переговоры съ Пруссіей. Пруссія ссылается на гарантію договоровъ 1859 года, на которые ссылается и голландское королевство. Общественное мнѣніе (кто такое это общественное мнѣніе? вѣроятно, авторы передовыхъ статей) негодуетъ на раздѣленіе стариннаго нѣмецкаго государства; на сѣверо-германскомъ рейхстагѣ 1 апрѣля выставляются противъ этого пылкія возраженія. Бисмаркъ, хотя и смотритъ холодно на люксембургскій вопросъ, но все же приступаетъ къ вооруженію противъ Франціи, чему слѣдуютъ, конечно, французы. Ахъ, какъ хорошо знаю я эту мелодію! Я очень также боялась, чтобы не вспыхнулъ новый пожаръ въ Европѣ. Въ поджигателяхъ недостатка не было: въ Парижѣ—Кассаньякъ и Эмиль де-Жирарденъ, въ Берлинѣ—Менцель и Генрихъ Лео. Имѣли ли эти подстрекатели хотя отдаленное понятіе о величинѣ свой преступности? Я думаю, едва ли. Въ то время (хотя я слышала объ этомъ уже нѣсколько лѣтъ спустя) профессоръ Симонъ замѣтилъ кронпринцу Фридриху прусскому въ разговорѣ о люксембургскомъ вопросѣ:

— Если Франція и Голландія войдутъ въ соглашеніе, то война неизбѣжна.

На это кронпринцъ возразилъ въ сильномъ волненіи:

— Вы не видали войны... Если бы вы ее видѣли, вы не могли бы говорить объ этомъ такъ спокойно. Я видѣлъ ее, и я говорю вамъ, что нашъ первый долгъ—всегда избѣгать войны по возможности.

И на этотъ разъ войны не было. Въ Лондонѣ собралась конференція, которая привела 11 мая къ желан-

нымъ мирнымъ результатамъ. Люксембургъ былъ объявленъ нейтральнымъ, и прусскія войска ушли оттуда. Сторонники мира были удовлетворены, но было много людей, которые были недовольны этимъ окончаніемъ дѣла; не король французскій,—онъ желалъ мира,—а главнымъ образомъ была недовольна французская „партія войны“. Въ Германіи слышны были также голоса, которые недовольны были поведеніемъ Пруссіи: пожертвованіе своимъ оплотомъ—эта уступчивость похожа на трусость и т. д. Но вѣдь и частное лицо, подчиняясь приговору суда, выказываетъ нѣкоторую уступчивость, и развѣ было бы лучше, если бы оно не захотѣло подчиняться суду, а обратилось къ насилію? То, чего достигла лондонская конференція, могло бы быть достигаемо во всѣхъ спорныхъ вопросахъ, и правители государствъ легко могли бы избѣгать войнъ, что составляетъ для нихъ важнѣйшій долгъ, по словамъ тогдашняго Фридриха III, по прозванію Благороднаго.

Я хочу привести здѣсь нѣкоторыя мѣста нашего протокола мира, которыя были записаны въ 1867 г. На первой страницѣ былъ краткій историческій обзоръ.

За 400 лѣтъ до Р. Х. Аристофанъ написалъ комедію „Миръ“ съ гуманитарной тенденціей.

Греческая, а позднѣе и римская философія стремится къ человѣческому объединенію; начиная отъ Сократа, который называлъ себя „гражданиномъ міра“, до Теренція, которому „ничто человѣческое не чуждо“, и Цицерона, который caritas generis humani считалъ высшей степенью совершенства человѣчества.

Въ первомъ столѣтіи нашего лѣтосчисленія появляется Виргилій, который въ своей знаменитой 4-ой буколикѣ предсказываетъ вѣчный миръ подъ миѳологической формой золотого вѣка.

Въ Средніе вѣка папы часто старались стать судьями между государствами, хотя это было безуспѣшно.

Въ XV вѣкѣ одинъ король хотѣлъ составить лигу мира. Это былъ Георгъ-Подибродъ Богемскій; онъ хотѣлъ уничтожить войны между папой и королемъ, но Людовикъ XI, король французскій, отклонился отъ этого предложенія.

Въ концѣ XVI вѣка король Генрихъ IV французскій составилъ планъ федераціи европейскихъ державъ. Послѣ того, какъ онъ избавилъ свою страну отъ ужасовъ религіозной войны, онъ хотѣлъ обезопасить ея будущность терпимостью и вѣчнымъ миромъ. Онъ хотѣлъ составить союзъ изъ 16 европейскихъ державъ (Россія и Турція считались еще Азіей). Каждое изъ этихъ 16 государствъ должно было посылать по 2 выборныхъ въ европейскій рейхстагъ, гдѣ эти 32 члена должны были разрѣшать всѣ недоразумѣнія, сохранять религіозный миръ и устранять международныя распри. Если бы каждое государство считало себя обязаннымъ подчиняться рѣшенію рейхстага, то исчезъ бы и поводъ будущей европейской войны. Король сообщилъ этотъ планъ своему министру Сюлли, и тотъ принялъ его съ радостію и началъ тотчасъ же переговоры съ другими государствами. Согласились: Елисавета англійская, папа, Голландія и многія другія государства; отказалась только Австрія, которая тогда должна была бы сдѣлать нѣкоторыя территоріальныя уступки. Необходимъ былъ походъ, чтобы заставить ее согласиться. Главную армію обѣщалась выставить Франція, которая съ тѣхъ поръ отказывалась отъ всякихъ завоеваній: единственной цѣлью и единственнымъ условіемъ мира было вступленіе Австріи въ европейскій союзъ. Всѣ приготовленія уже были готовы, и Генрихъ IV самъ собирался идти во главѣ арміи, но былъ убитъ 13-го мая 1610 года какимъ-то сумасшедшимъ монахомъ.

Ни одинъ изъ его преемниковъ и ни одинъ изъ прочихъ монарховъ не привелъ въ исполненіе этого знаменитаго плана для счастія народа. Правители и политики остались вѣрными старинному воинственному духу; но мыслители всѣхъ странъ поддерживали съ тѣхъ поръ идею мира.

Въ 1647 году появилась секта квакеровъ, основное ученіе которой состояло въ отрицаніи войны. Въ томъ же году Уильямъ Пеннъ написалъ свое произведеніе о будущемъ мирѣ Европы, гдѣ опирается на проектъ Генриха IV.

Къ концу XVIII вѣка появляется знаменитая книга

„La paix perpétuelle“ аббата Сенъ-Пьера. Въ то же же время ландграфъ Гессенскій развиваетъ этотъ же проектъ, и Лейбницъ пишетъ о немъ благосклонный отзывъ. Вольтеръ произноситъ изреченіе: „Каждая европейская война есть гражданская война“. Мирабо на знаменитомъ засѣданіи 25 августа 1790 года произноситъ слѣдующую рѣчь: „Можетъ-быть, недалеко уже то мгновеніе, когда свобода, какъ властительница міра, исполнитъ желаніе философа: освободитъ человѣчество отъ ужасовъ войны и возстановитъ вѣчный миръ. Тогда счастіе народа будетъ единственной цѣлью законодателя, единственной славой націи“.

Въ 1795 году знаменитый мыслитель всѣхъ временъ Эммануилъ Кантъ пишетъ свое сочиненіе „О вѣчномъ мирѣ“. Англійскій публицистъ Бентамъ съ радостію присоединяется къ все увеличивающемуся ряду сторонниковъ мира, каковы: Фурье, Сенъ-Симонъ и т. д. Беранже пишетъ „La sainte alliance des peuples“, Ламартинъ — „La marseillaise de la Paix“. Въ Женевѣ графъ Селлонъ основалъ „союзъ мира“, отъ имени котораго вошелъ въ переговоры со всѣми европейскими государями съ цѣлью пропаганды своей идеи. Изъ Массачузетса пріѣхалъ ученый кузнецъ Элью Буриттъ, разослалъ по всему міру милліоны экземпляровъ своихъ „Листковъ оливы“ и „Искръ съ наковальни“ и предсѣдательствовалъ въ 1849 году на засѣданіи англійскихъ друзей мира. На Парижскомъ конгрессѣ, который окончилъ Крымскую войну, идея мира проникла въ дипломатію; къ договору была прибавлена оговорка, что при слѣдующихъ столкновеніяхъ державы обязуются допускать вмѣшательство другихъ державъ. Это условіе само по себѣ уже есть принципъ третейскаго суда, но оно, къ несчастію, осталось безъ примѣненія.

Въ 1863 году французское правительство предложило всѣмъ державамъ созвать конгрессъ, главная цѣль котораго должна состоять въ содѣйствіи всеобщему разоруженію и устраненію будущихъ войнъ.

Въ то время я вносила очень мало замѣтокъ въ мой протоколъ! Позднѣе было уже не то. Но и они

доказываютъ, что возможность вѣчнаго мира была въ виду уже съ давнихъ поръ. Эти голоса слышны были только мѣстами и черезъ большіе промежутки времени, и ихъ не только не принимали во вниманіе, но часто вовсе не хотѣли слушать. Но со всѣми открытіями, со всѣмъ прогрессомъ, со всякимъ ростомъ происходитъ то же самое.

. . . .

Снова наступилъ для меня тяжелый часъ. Но въ этотъ разъ иначе, не такъ какъ въ то время, когда Фридрихъ долженъ былъ оставить меня и отправиться въ походъ изъ-за Аугустенбурга. Въ этотъ разъ онъ былъ около меня, облегчая своимъ присутствіемъ и нѣжнымъ уходомъ страданія жены. Счастливое и спокойное сознаніе. что онъ около меня, почти заставляло меня забывать физическую боль.

Дѣвочка! Это было исполненіе нашего тайнаго желанія. Всѣ радости, которыя можно ждать отъ сына, конечно, намъ дастъ нашъ маленькій Рудольфъ; теперь мы могли ожидать радостей, которыя можетъ дать своимъ родителямъ дочь. Мы ни на одно мгновеніе не сомнѣвались, что наша маленькая Сильвія будетъ соединять въ себѣ и красоту, и грацію, и изящество. Какъ оба мы дурачились надъ колыбелью этого ребенка, сколько вздора мы говорили и дѣлали—этого я не могу даже разсказать. Никто не пойметъ этого, кромѣ влюбленныхъ родителей, а тѣ сами продѣлывали навѣрно то же самое.

Счастье всегда дѣлаетъ людей эгоистами. Для насъ теперь настало такое время, когда мы забыли обо всемъ, что находилось внѣ нашего домашняго рая. Ужасы холерной недѣли исчезали изъ моей памяти, какъ дурной страшный сонъ, и даже энергія Фридриха въ стремленіи къ его цѣли немного ослабѣла. Правда, можно было потерять энергію, потому что вездѣ въ отвѣтъ на свои слова онъ встрѣчалъ пожатіе плечами, улыбки сожалѣнія, а иногда и категорическій отказъ. Свѣтъ, какъ казалось, хотѣлъ быть не только обманутымъ, но и несчастнымъ. Когда предлагаютъ ему уничтожить страданіе и горе, то онъ называетъ это

утопіей, ребяческой мечтой и не хочетъ ничего слушать.

Между тѣмъ Фридрихъ не упускалъ все-таки изъ виду свою цѣль. Онъ продолжалъ заниматься изученіемъ народнаго права и вошелъ въ письменныя сношенія съ Блунчли и другими специалистами по этому вопросу. Въ то же время, и даже большею частію со мной, Фридрихъ продолжалъ заниматься естественными науками. Онъ собирался написать большое сочиненіе о „войнѣ и мирѣ“. Но прежде чѣмъ приступить къ своему сочиненію, онъ хотѣлъ подробно узнать и изучить всѣ изслѣдованія по этому вопросу. „Хотя я старый полковникъ,— говорилъ онъ,—и большая часть моихъ сослуживцевъ съ презрѣніемъ бы отвернулись отъ ученія, потому что пожилые люди обыкновенно считаютъ себя чрезвычайно умными и опытными, да и я самъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ питалъ такое же почтеніе къ своей особѣ, но когда передъ моими глазами неожиданно открылся новый міръ, тогда только я и увидалъ свое невѣжество. Такъ какъ въ молодости я не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о результатахъ, выработанныхъ новѣйшей наукой, то долженъ я, несмотря на сѣдину въ вискахъ, начать все изученіе сначала“.

Въ декабрѣ слѣдующаго года, когда мы уже собрались въ Парижъ, у насъ случилось несчастіе. Наша ненаглядная маленькая Сильвія заболѣла. О, какіе это были тяжелые часы! Конечно, мы забыли и о Наполеонѣ III, и Генрихѣ IV, когда нашъ ребенокъ былъ при смерти!

Но она не умерла. Черезъ двѣ недѣли вся опасность миновала; однако, докторъ запретилъ намъ предпринимать путешествіе съ ребенкомъ въ зимній холодъ, и мы отложили нашу поѣздку до марта.

Эта болѣзнь и выздоровленіе, опасность и спасеніе сблизили еще больше наши сердца, что мнѣ казалось уже болѣе невозможнымъ.

Общій страхъ передъ ужаснѣйшимъ несчастіемъ и общія слезы радости, когда это несчастіе миновало, сдѣлали то, что наши души совершенно слились воедино.

КНИГА ШЕСТАЯ.

1870—71 года.

Предчувствіе! Но нѣтъ, его не бываетъ, иначе не произвелъ бы на меня Парижъ такого впечатлѣнія, когда мы въѣхали туда въ солнечный мартовскій день 1870 г. Теперь извѣстно, какіе ужасы вскорѣ послѣ того происходили въ этомъ городѣ, но тогда у меня не было ни малѣйшаго тягостнаго предчувствія. Мы сняли опять тотъ же отель, въ которомъ жили прошлый годъ, и насъ встрѣтилъ тотъ же maître d'rôtel. По дорогѣ въ нашъ домъ мы ѣхали мимо Булонскаго лѣса, гдѣ встрѣтили прошлогоднихъ знакомыхъ, съ которыми и обмѣнялись привѣтливыми поклонами. Маленькія корзины съ фіалками, которыя въ это время года наполняютъ улицы Парижа, распространяли чудесный весенній запахъ; солнечные лучи искрились и играли всѣми цвѣтами радуги въ фонтанѣ Круглой площади и разсыпались тысячами искръ въ экипажныхъ фонаряхъ и въ блестящей сбруѣ лошадей. Между прочимъ, намъ встрѣтилась и императрица въ коляскѣ à la Daumont и, узнавши меня, сдѣлала привѣтственный знакъ рукой.

Бываютъ иногда моменты и сцены, которыя фотографируются и фонографируются въ памяти со всѣми чувствами и словами. „Ахъ, какъ хорошъ этотъ Парижъ!" воскликнулъ тогда Фридрихъ, а я радовалась, какъ дитя, нашему возвращенію. Если бы я знала, что ожидало меня въ этомъ прекрасномъ, полномъ блеска и веселья городѣ!...

На этотъ разъ мы старались не принимать участія въ свѣтскихъ удовольствіяхъ, какъ прошлый годъ. Мы отказались отъ приглашеній на балы и избѣгали бывать на парадныхъ пріемахъ. Даже театръ мы посѣщали рѣдко, и такимъ образомъ проводили вечера или вдвоемъ, или въ обществѣ немногихъ друзей у себя дома.

Наши планы относительно мысли императора о разоруженіи были теперь совсѣмъ несвоевременны. Хотя Наполеонъ не оставлялъ своей идеи, но этотъ моментъ былъ неудобенъ для ея осуществленія. Приближенные

къ трону увѣряли, что этотъ тронъ стоитъ не твердо, что въ народѣ большое неудовольствіе и, чтобы подавить его, полиція и цензура прибѣгаютъ къ самымъ строгимъ мѣрамъ и этимъ только увеличиваютъ озлобленіе. Единственно, говорили знающіе люди, что можетъ придать націи блескъ и силу, это—счастливый походъ. Для этого, конечно, еще нѣтъ удобнаго предлога, но говорить о разоруженіи вполнѣ невозможно: это совершенно затмило бы славу Бонапарта, принадлежащую преемнику Наполеона Великаго. Кромѣ того, мы не получили утѣшительныхъ извѣстій на наши письма изъ Пруссіи и Австріи. Это была эпоха увеличенія „военной силы“ (слово армія начало уже выходить изъ моды), и слово разоруженіе звучало бы грубымъ диссонансомъ. Напротивъ того, чтобы обезпечить миръ, надобно было, возможно больше, увеличить военную силу, потому что французамъ довѣрять нельзя, русскимъ—тоже, италіанцамъ — и подавно, такъ какъ они только ждутъ удобнаго случая, чтобы напасть на Тріестъ и Тріентъ; однимъ словомъ, надо, какъ можно скорѣе, ввести систему всеобщей воинской повинности.

— Время еще не пришло,—сказалъ Фридрихъ, когда мы получили эти извѣстія,—и я долженъ совершенно отказаться отъ надежды довести до конца это дѣло и увидать желанные плоды своихъ трудовъ. То, что я могу сдѣлать, совершенно ничтожно, но съ тѣхъ поръ, какъ я считаю это дѣло своей обязанностью, я буду дѣлать все возможное для его пользы.

Хотя проектъ разоруженія не удался, я все-таки имѣла то утѣшеніе, что пока не предвидѣлось никакой войны. Партія войны при дворѣ и въ народѣ, которая думала, что династія должна освѣжиться кровью и пріобрѣсти сю славу странѣ, должна была отказаться отъ заманчиваго плана небольшой прогулки къ рейнскимъ границамъ, такъ какъ Франція не имѣла союзниковъ, въ странѣ была страшная засуха, недостатокъ кормовъ и лошадей, число рекрутовъ было уменьшено законодательнымъ корпусомъ; однимъ словомъ, какъ объяснилъ съ своей трибуны Оливье, миръ Европы былъ „обезпеченъ“.

Обезпеченъ! Это слово привело меня въ восторгъ! Оно было повторено во всѣхъ газетахъ, и многія тысячи радовались вмѣстѣ со мной. Что можетъ лучше для людей, какъ не обезпеченный миръ?

Какъ долго продолжалось это обезпеченіе мира, обѣщанное государственнымъ человѣкомъ 30 іюня 1870 года, это мы знаемъ теперь всѣ. Да и тогда мы должны были понимать, что увѣренія государственныхъ людей не служатъ ручательствомъ ничему, хотя и выслушиваются публикой съ наивнымъ довѣріемъ. Положеніе Европы не выдвигаетъ никакого очередного „вопроса", и поэтому миръ обезпеченъ. Какая слабая логика! „Вопросы" могутъ появиться каждую минуту; вотъ если бы противъ нихъ было какое-нибудь другое средство, кромѣ войны, тогда миръ былъ бы, дѣйствительно, обезпеченъ.

Снова разъѣхалось парижское общество по всѣмъ направленіямъ, но мы остались въ Парижѣ по дѣламъ. Именно, намъ предложили очень выгодную покупку. Благодаря неожиданному отъѣзду одного американца, продавался маленькій, наполовину отдѣланный отель въ аллеѣ Императрицы почти за такую же сумму, которая была уже истрачена на его постройку и украшеніе. Такъ какъ мы собирались и на будущее время проводить ежегодно нѣсколько мѣсяцевъ въ Парижѣ, то и купили этотъ домъ. Мы хотѣли сами его окончить и для этой цѣли остались въ Парижѣ. Намъ было такъ пріятно устраивать свое собственное гнѣздо, что мы нисколько не жалѣли о томъ, что остались на лѣто въ городѣ.

Кромѣ того, наши друзья постоянно приглашали насъ къ себѣ. Замокъ принцессы Матильды, замокъ де-Муши, помѣстья барона Ротшильда, Ферьеръ и многихъ другихъ находились въ окрестностяхъ Парижа, и мы могли одинъ или два раза въ недѣлю бывать то здѣсь, то тамъ.

Именно въ салонѣ принцессы Матильды я и услыхала въ первый разъ о „вопросѣ", готовящемся быть жгучимъ.

Все общество сидѣло послѣ завтрака на террасѣ, выходившей въ паркъ. Кто тамъ былъ,—хорошо не могу

вспомнить, только двѣ выдающихся личности остались у меня въ памяти, это—Тэнъ и Ренанъ. Образованная хозяйка Сенъ-Грасьена любила окружать себя литературными и учеными знаменитостями. Больше всѣхъ говорилъ умный и краснорѣчивый Ренанъ, соединявшій въ себѣ страшное безобразіе и вмѣстѣ съ тѣмъ необыкновенную привлекательность.

Разговоръ зашелъ и о политикѣ. На испанскій престолъ искали кандидата. Корону хотѣли предложить принцу гогенцоллернскому. Я прислушивалась довольно разсѣянно, потому что мнѣ, да и всѣмъ здѣсь присутствующимъ было рѣшительно безразлично, кому бы ни досталась эта корона. Но кто-то возразилъ:

— Гогенцоллернъ! Но Франція не потерпитъ этого.

Эти слова ударили мнѣ прямо въ сердце; что значитъ „не потерпитъ"? Когда такъ говорятъ отъ имени страны, то она представляется вамъ статуей исполинской дѣвы, съ упрямо закинутой назадъ головой и опирающейся на мечъ.

Но разговоръ скоро перешелъ на другую тему. Какія послѣдствія долженъ былъ имѣть этотъ „вопросъ" объ испанской коронѣ, этого никто изъ насъ не могъ себѣ и представить.

Точно такъ же, конечно, и я. Только слова: „Франція не потерпитъ этого", остались у меня въ памяти и звучали грубымъ диссонансомъ. Между тѣмъ объ испанскомъ вопросѣ говорили съ тѣхъ поръ все больше и больше, такъ что въ скоромъ времени ни о чемъ другомъ даже не было слышно ни въ газетахъ, ни въ салонахъ, какъ о кандидатурѣ Гогенцоллерна.

Притомъ говорили съ такимъ негодованіемъ, какъ будто это было для Франціи величайшимъ оскорбленіемъ; большая часть увѣряла даже, что это просто вызовъ со стороны Пруссіи. Всѣмъ ясно было, что Франція не должна терпѣть этого, и если Гогенцоллерны будутъ настаивать, то это и надо принять какъ вызовъ къ войнѣ; но я не понимала этого, да и не очень безпокоилась. Изъ Берлина мы получали письма, что при дворѣ не придаютъ большого значенія, кому достанется испанская корона, и мы продолжали заниматься го-

раздо больше устройствомъ своего дома, нежели политикой.

Однако мы стали прислушиваться внимательнѣе. Какъ передъ бурей въ лѣсу слышенъ угрожающій шумъ листьевъ, такъ и передъ войной слышны голоса въ народѣ. Война! война!—казалось, носилось въ парижскомъ воздухѣ. Тогда я почувствовала невыразимый страхъ. Не за своихъ, такъ какъ мы, австрійцы, не принимали здѣсь никакого участія, а, наоборотъ, получили бы даже удовлетвореніе, отомстивъ за Садову. Но мы смотрѣли на дѣло не съ узко-національной точки зрѣнія, а съ обще-человѣческой. Этотъ взглядъ ясно выраженъ словами, которыя я однажды слышала отъ Гюи де-Мопассана:

„Когда я только услышу это слово: „война“, то мнѣ представляется колдовство, инквизиція, нѣчто ужасное, отжившее, далекое и противоестественное“.

Когда пришло извѣстіе, что Примъ предложилъ корону принцу Леопольду, герцогъ Граммонъ произнесъ въ парламентѣ рѣчь слѣдующаго содержанія, встрѣтившую всеобщее одобреніе: „Хотя мы не вмѣшиваемся въ чужія дѣла, но считаемъ себя обязанными противиться, если сосѣднее государство сажаетъ на престолъ Карла V своего принца и тѣмъ самымъ грозитъ политическому равновѣсію Европы, интересамъ и чести Франціи“.

Я знаю одну сказку Жоржъ-Зандъ, подъ заглавіемъ: Грибуйль. Этотъ Грибуйль имѣлъ обыкновеніе, едва надвинется туча, бросаться въ рѣку, боясь намокнуть отъ дождя. Когда я слышу, что война служитъ для устраненія грозящихъ опасностей, я вспоминаю Грибуйля.

Если бы весь родъ Гогенцоллерновъ занялъ престолъ Карла V и всѣ другіе троны, то это не настолько повредило бы интересамъ и чести Франціи, какъ ея мудрое изреченіе: „этого мы не потерпимъ!“ „Этого“, продолжалъ ораторъ, „никогда не случится. Мы разсчитываемъ на благоразуміе нѣмецкаго и на дружбу испанскаго народа. Если же произойдетъ иначе, то мы должны, милостивые государи, безъ колебанія и малодушія, опираясь на вашу помощь и помощь всей націи, исполнить

свой долгъ". (Громкое браво). Послѣ этого въ прессѣ началась воинственная горячка. Особенно Жирарденъ поджигалъ своихъ соотечественниковъ наказать нѣмцевъ за неслыханную дерзость, заключавшуюся въ притязаніи на испанскій престолъ. „Это оскорбитъ достоинство Франціи, если она рѣшительно не воспротивится. Конечно, Пруссія не уступитъ, потому что она, очевидно, хочетъ войны. Гордясь своими успѣхами 1866 года, она хочетъ продолжать свои побѣдоносные и разбойничьи походы за Рейномъ, но здѣсь, съ Божьей помощью, ей придется поплатиться за свои заносчивые планы". И такъ дальше продолжалось въ этомъ тонѣ. Хотя Наполеонъ III, какъ узнали мы отъ его приближенныхъ, и желалъ мира, но большинство окружавшихъ его убѣждали, что успѣшная война необходима для того, чтобъ заглушить недовольство народа правительствомъ и пріобрѣсти уваженіе славолюбивой страны.

Начались переговоры съ другими европейскими кабинетами. Всѣ объявили, что хотятъ мира. Въ Германіи народъ издалъ манифестъ, подписанный между прочимъ Либкнехтомъ, гдѣ говорилось, что уже одна мысль о франко-германской войнѣ есть преступленіе. Въ это время я узнала и занесла въ свой протоколъ мира, что существуетъ большой союзъ, считающій своихъ членовъ сотнями тысячъ, который поставилъ своей программой уничтоженіе сословныхъ и національныхъ предразсудковъ. Бенедетти получилъ порученіе предложить прусскому королю, чтобы онъ приказалъ принцу Леопольду отказаться отъ короны. Король Вильгельмъ былъ въ то время на водахъ въ Эмсѣ. Бенедетти отправился туда и 9 іюля получилъ аудіенцію.

Каковъ-то будетъ ея исходъ? Я ожидала извѣстій съ трепетомъ. Отвѣтъ короля былъ простъ и основателенъ, что „онъ не можетъ приказывать совершеннолѣтнему принцу". Эти слова привели воинственную партію въ неописанную радость: чего же хотятъ нѣмцы? Они хотятъ довести насъ до крайности. Глава королевскаго дома не можетъ будто бы приказать одному изъ своихъ родственниковъ! Это смѣшно! Это открытый заговоръ: Гогенцоллерны хотятъ укрѣпиться въ Испаніи,

и тогда они могутъ напасть на насъ съ востока и юга. Неужели мы должны позволять наносить намъ оскорбленія, не выражая ничѣмъ протеста? Никогда! Мы должны исполнить долгъ чести и патріотизма!

Все громче и громче раздавались предвѣстники бури. Наконецъ, 12 іюля пришло извѣстіе, наполнившее меня невыразимой радостью: донъ-Салюсто-Олосаго извѣщаетъ французское правительство, что принцъ Леопольдъ, не желая быть причиной войны, отказывается отъ предложенной короны.

Ну, слава Богу! Весь вопросъ разрѣшится очень просто. Извѣстіе было получено въ 12 часовъ, и Оливье, читая его, сообщилъ, что споръ оконченъ. Но въ тотъ же день были отправлены въ Мецъ войска и припасы, а Клеманъ Дювернуа въ томъ же засѣданіи произнесъ слѣдующую рѣчь: „Чѣмъ гарантированы мы, что Пруссія не выскажетъ опять подобныхъ притязаній! Мы должны себя оградить отъ этого".

Опять появляется сцена изъ Грибуйля: дождь можетъ измочить—надо скорѣе бросаться въ рѣку, и вторично посылаютъ Бенедетти въ Эмсъ съ предложеніемъ королю Вильгельму, чтобы онъ навсегда запретилъ принцу Леопольду принимать испанскую корону. Узнавъ объ этомъ, король нетерпѣливо пожалъ плечами, да и сами предлагавшіе понимали, что ихъ требованіе немыслимо и вызоветъ только одно неудовольствіе.

15 іюля было опять замѣчательное засѣданіе. Оливье требуетъ кредита въ 500 милліоновъ на войну. Тьеръ возражаетъ. Оливье говоритъ, что онъ принимаетъ на себя всю отвѣтственность передъ исторіей, такъ какъ прусскій король отказался принять французскаго посланника и сообщилъ объ этомъ нотой французскому правительству. Лѣвая партія требуетъ показать документъ, но большинство не желаетъ этого, такъ какъ его, по всей вѣроятности, не существовало. Это большинство одобряетъ все, чего требуетъ правительство для войны. Такое патріотическое самопожертвованіе, одобряющее безъ малѣйшаго колебанія гибельное бѣдствіе, прославляется, конечно, громкими фразами.

16 іюля. Англія старается устранить войну. Но напрас-

но... Если бы былъ третейскій судъ, какъ легко и просто было бы разрѣшить подобный споръ!

19 іюля. Французскій посланникъ передаетъ въ Берлинѣ прусскому правительству объявленіе войны. *Объявленіе войны.* Эти два слова не трудно произнести. Но что они значатъ? Полмилліона смертныхъ приговоровъ.

Я записала въ свои красныя тетрадки этотъ актъ слѣдующаго содержанія:

Правительство его величества императора французскаго считаетъ планъ возведенія на испанскій престолъ прусскаго принца покушеніемъ на безопасность французской территоріи, а потому считало себя обязаннымъ потребовать отъ его величества короля прусскаго удостовѣренія въ томъ, что это намѣреніе прусскаго принца не возникнетъ снова съ его согласія. Такъ какъ его величество не только отказался дать это удостовѣреніе, а, напротивъ, заявилъ нашему посланнику, что онъ предвидитъ возможность такого случая, то императорское правительство и увидало въ этомъ заявленіи скрытую мысль, опасную для Франціи и европейскаго равновѣсія (опять на сцену это знаменитое равновѣсіе; вотъ полка съ дорогими сосудами: такъ какъ она качается и можетъ упасть, то давайте ихъ лучше бить). Это объясненіе приняло еще болѣе серьезный оборотъ послѣ того, какъ король отказался принять нашего посланника и вести съ нимъ переговоры (и такъ судьба народа зависитъ отъ болѣе или менѣе дружелюбнаго обращенія между дипломатами и правителями). Вслѣдствіе этого французское правительство считаетъ себя обязаннымъ защищать свое оскорбленное достоинство и свои интересы, принимаетъ для этой цѣли всѣ мѣры и объявляетъ войну Пруссіи.

„Объявляетъ войну“! Думалъ ли тотъ, кто писалъ эти слова за своимъ письменнымъ столомъ, что его перо обмокнуто въ пламя, кровавыя слезы и смертельный ядъ заразныхъ болѣзней?

Итакъ, между двумя монархіями разразилась буря изъ-за свободнаго трона. Неправъ былъ Кантъ въ своемъ первомъ сочиненіи о вѣчномъ мирѣ, когда говорилъ: „Управленіе въ каждомъ государствѣ должно быть республиканскимъ“.

Можетъ-быть, осуществленіе этой идеи уничтожило бы много войнъ, потому что исторія говоритъ, что многіе походы были предприняты изъ-за династическихъ вопросовъ, но вѣдь и республиканцы также воинственны. Это—старинный дикій духъ, который возбуждаетъ въ народахъ ненависть, страсть къ разбойничеству и

тщеславіе побѣды, подъ какой бы формой правленія ни жили они.

Я помню, меня охватило совершенно особенное чувство, когда приготовлялись къ франко-германской войнѣ. Все населеніе было какъ въ лихорадкѣ, и кто могъ устоять противъ этой эпидеміи? Конечно, при самомъ началѣ походъ уже считался побѣдой, но вѣдь это патріотическій долгъ. „Въ Берлинъ, въ Берлинъ!“ раздавалось на улицахъ съ имперіала омнибусовъ. Марсельеза раздавалась на всѣхъ углахъ и улицахъ. Le jour de gloire est arrivé! Въ каждомъ театральномъ представленіи должна была выходить пѣвица къ рампѣ въ костюмѣ Жанны д'Аркъ и пѣть марсельезу, которуя публика выслушивала стоя, а иногда и подпѣвала. Однажды и мы съ Фридрихомъ должны были встать, но не потому, что это было намъ необходимо, а потому, что мы были наэлектризованы.

— Видишь ли, Марта,—объяснилъ мнѣ Фридрихъ,— эта искра, которая передается отъ одного къ другому и наполняетъ всѣ сердца однимъ порывомъ, это—любовь...

— Ты думаешь? Но вѣдь марсельеза полна ненависти: „Пусть ихъ нечистою кровью окропятся наши поля“.

— Ничего не значитъ: соединенная ненависть есть та же форма любви. Когда соберутся два или нѣсколько человѣкъ, одушевленныхъ однимъ и тѣмъ же чувствомъ, то они любятъ другъ друга. Хорошо только, если идеаломъ была бы не нація, а человѣчество и человѣчность, тогда...

— Ахъ! когда будетъ это!—воскликнула я.

— Когда? Это очень относительно. По отношенію къ нашему существованію—никогда; по отношенію къ существованію нашихъ потомковъ—завтра.

. . . .

Когда начинается война, то граждане нейтральныхъ государствъ дѣлятся на два лагеря: одни становятся на одну, другіе на другую стороны; это — громадное состязаніе, гдѣ каждый принимаетъ участіе. Кому же должны были симпатизировать мы съ Фридрихомъ, кому желать побѣды? Какъ австрійцы, мы должны были бы

желать увидѣть своихъ побѣдителей побѣжденными, хотя, конечно, естественно питаешь бо́льшую симпатію къ тѣмъ, среди которыхъ живешь, а мы были окружены французами. Однако Фридрихъ былъ родомъ изъ Пруссіи, и нѣмцы, языкомъ которыхъ мы оба говорили, были намъ родственнѣе, чѣмъ ихъ противникъ. Кромѣ того, Франція объявила войну по такой ничтожной причинѣ, а Пруссія была совершенно права и только противъ своей воли, чтобы защитить себя, начала войну. А замѣчательное единодушіе нѣмцевъ, которые соединились теперь, несмотря на то, что еще такъ недавно были врагами?

Чрезвычайно мѣтко выразился по этому поводу Вильгельмъ въ тронной рѣчи 19 іюля:

„Нѣмецкій и французскій народы, воспитанные въ христіанскомъ духѣ и достигшіе одинаковаго благосостоянія, призваны были для болѣе благороднаго соревнованія, чѣмъ кровавая распря. Однако правители Франціи постарались разсчитанной хитростью задѣть справедливое, но обидчивое самолюбіе сосѣдняго народа и употребить это неудовольствіе для своихъ личныхъ интересовъ и страстей“.

Императоръ Наполеонъ издалъ съ своей стороны слѣдующую прокламацію:

„На заносчивыя притязанія Пруссіи мы отвѣтили съ своей стороны протестомъ. Но она осмѣяла его. Послѣдовали событія, которыми она *) высказала намъ явное пренебреженіе. Наша страна была оскорблена этимъ, и тотчасъ же военный кличъ раздался съ одного конца до другого. Намъ ничего не оставалось сдѣлать, какъ предоставить свою судьбу на произволъ жребія, бросаемаго оружіемъ. Мы не хотимъ побѣдить Германію, независимость которой мы уважаемъ. Наше самое искреннее желаніе есть то, чтобы народы, составляющіе великую нѣмецкую націю, совершенно независимо управляли своими судьбами. Что же касается насъ, то мы желаемъ только такого положенія дѣлъ, чтобы наша будущность была въ полной безопасности. Мы желаемъ достигнуть прочнаго мира для интересовъ народа и пре-

*) Эти событія описываются генераломъ Буланже, 18 лѣтъ спустя, такъ: «Получивши законное удовлетвореніе, мы хотѣли унизить короля прусскаго, и дипломатическіе переговоры приняли угрожающій тонъ, почти невольно. Формальный отказъ принца Леопольда мы пріобрѣли. Удовлетвореніе было вполнѣ достаточное, потому что оно основывалось на интересахъ Франціи, ея правахъ и обязательствахъ главы династіи Гогенцоллеровъ. Мы должны были бы остановиться на этомъ, но наше правительство пошло дальше. Оно требовало категорическаго удостовѣренія отъ Вильгельма и на будущее время. Предъявляя такія невозможныя требованія, оно подало рѣшительный вызовъ прусскому королю».

кращенія того положенія, при которомъ націи истощаются для вооруженія другъ противъ друга“.

Какой страшный урокъ заключается въ этомъ документѣ, если сопоставить его съ послѣдующими событіями! Итакъ для безопасности, для прочнаго мира Франція предприняла этотъ походъ. И что же вышло изъ этого? L'année terrible и все продолжающаяся вражда. Нѣтъ, нѣтъ, углемъ ничего нельзя выкрасить въ бѣлый цвѣтъ, asa faetida нельзя распространить благоуханія, и войной нельзя обезпечить мира. То „тяжелое положеніе“, о которомъ говорилъ Наполеонъ, съ тѣхъ поръ еще болѣе ухудшилось. Императоръ все еще надѣялся осуществить свой планъ всеобщаго разоруженія,—это я слышала отъ его ближайшихъ родственниковъ,—но партія войны не переставала убѣждать его въ противномъ, и онъ уступилъ... Но онъ не могъ совсѣмъ оставить его и даже въ манифестѣ слышался отголосокъ его любимой идеи. „Послѣ похода... послѣ побѣды“... утѣшалъ онъ себя, но вышло иначе.

На чьей же сторонѣ были наши симпатіи? Когда дойдешь до ненависти къ войнѣ, до которой дошли мы съ Фридрихомъ, то не можешь искренно и наивно ждать исхода войны; единственное чувство, это—желаніе, чтобы похода вовсе не было или чтобы онъ окончился возможно скорѣе.

Я не думала, чтобы эта война продолжалась такъ долго и имѣла такія значительныя послѣдствія. Я думала, что послѣ двухъ или трехъ выигранныхъ битвъ начнутся переговоры, тѣмъ дѣло и окончится. Изъ-за чего же собственно началась война? Изъ-за ничего. Вѣдь это было не что иное, какъ вооруженная прогулка изъ рыцарской любви къ приключеніямъ со стороны французовъ и храбрая самозащита со стороны нѣмцевъ. Послѣ нѣсколькихъ сабельныхъ ударовъ противники должны были бы пожать другъ другу руки. Аха, какая я была глупая! Развѣ могутъ послѣдствія равняться причинамъ; только ходъ войны обусловливаетъ ея послѣдствія.

Мы охотно уѣхали бы изъ Парижа, потому что пылкій восторгъ населенія былъ намъ очень непріятенъ.

Но дорога на востокъ была заграждена, да и постройка нашего дома почти кончалась, — и мы остались. Общества у насъ не было почти никакого. Всѣ, кто могли, уѣхали изъ Парижа, а тѣ, кто остались, не думали о визитахъ и приглашеніяхъ. Насъ часто посѣщали только знакомые изъ литературнаго кружка. Именно въ это время начинающейся войны Фридриху было интересно послушать сужденія и мнѣнія выдающихся людей. Тогда еще очень молодой писатель, а позднѣе пріобрѣтшій себѣ такую громкую извѣстность Гюи де-Мопассанъ, высказалъ одинъ разъ свое мнѣніе, очень мнѣ понравившееся, которое я и записала въ свои красныя тетрадки.

„Когда я только вспомню о войнѣ, то мнѣ представляется нѣчто ужасное, отжившее, противоестественное, нѣчто въ родѣ колдуновъ, инквизиціи и т. п.

„А у насъ теперь, при нашей культурѣ, при такихъ обширныхъ знаніяхъ, на такой степени развитія, у насъ существуютъ школы, гдѣ учатъ убивать на возможно большое разстояніе и возможно большое количество людей за разъ.

„Удивительно, что народы не возмущаются противъ этого, что все общество не возстаетъ противъ отвратительнаго слова „война“.

„Правительство должно предохранять страну отъ войны, какъ капитанъ предохраняетъ корабль отъ крушенія. Когда капитанъ погубитъ свой корабль, то его судятъ, если извѣстно, что его небрежность была причиной гибели; почему же не судятъ правительство за объявленіе войны? Если бы народъ это понималъ и отказывался убивать безъ причины, то тогда войны не было бы“.

Эрнстъ Ренанъ говорилъ въ свою очередь:

„Не обливается ли сердце кровью, когда подумаешь, что все то, что мы, люди науки, старались насадить въ народѣ за послѣднія 50 лѣтъ, можетъ быть уничтожено одной войной: общія симпатіи народовъ, взаимное пониманіе, взаимная работа сообща? Война убиваетъ въ людяхъ любовь къ правдѣ. Всякая ложь, всякая клевета на какой-нибудь народъ будетъ раздѣляться другими націями и укрѣпится на долгіе годы. Какая задержка для успѣховъ европейской культуры! Въ продолженіе ста лѣтъ трудно бываетъ поправить то, что люди могутъ испортить въ одинъ день“.

Я имѣла случай прочесть письмо Густава Флобера къ Жоржъ-Зандъ, писанное въ первыхъ числахъ іюля, т.-е. при началѣ войны:

„Я прихожу въ отчаяніе отъ глупости своихъ соотечественниковъ. Неисправимое варварство людей наполняетъ меня глубокой скорбью.

„Я желалъ бы лучше умереть, чтобы не видать только этого безыдейнаго энтузіазма. Добрый французъ хочетъ драться: 1) потому что считаетъ себя вынужденнымъ для этого Пруссіей; 2) потому что дикость есть естественное состояніе человѣка и 3) потому что война имѣетъ мистическій элементъ, возбуждающій людей. Неужели мы вернулись къ расовымъ войнамъ? Я боюсь этого. Страшныя битвы, которыя готовится, не имѣютъ никакого смысла; это просто желаніе воевать. Какъ жалѣю я о разрушенныхъ мостахъ и тоннеляхъ. Пропадутъ всѣ человѣческія работы ни за что. Вы знаете, что одинъ господинъ въ палатѣ предположилъ ограбить великое герцогство Баденское. Ахъ, я желалъ бы быть теперь среди бедуиновъ!"

— Ахъ, — воскликнула я, дочитавъ это письмо, — лучше бы родиться намъ пятьсотъ лѣтъ спустя, чѣмъ жить даже среди бедуиновъ!

— Людямъ не нужно будетъ столько времени, чтобы стать разумными, — съ увѣренностью возразилъ Фридрихъ.

Теперь наступило время прокламацій и военныхъ приказовъ. Опять тѣ же старыя пѣсни и тотъ же восторгъ воодушевленной ими публики. Въ манифестахъ говорится о войнѣ, какъ уже объ одержанной побѣдѣ.

28-го іюля Наполеонъ III послалъ въ Мецъ слѣдующую телеграмму (я записала не потому ее, что раздѣляла восторгъ французовъ, но потому, что была возмущена этими пустыми, трескучими фразами):

„Вы защищаемъ честь и землю нашего отечества. Мы побѣдимъ. Ничто не опасно для солдатъ, побывавшихъ въ Африкѣ, Крыму, Китаѣ, Италіи и Мексикѣ. Вы увидите еще разъ, чего можетъ достичь французская армія, воодушевленная любовью къ родинѣ. Какую бы дорогу мы ни избрали за границами нашего государства, мы всюду найдемъ слѣды нашихъ отцовъ. Мы покажемъ себя достойными ихъ. Отъ нашихъ успѣховъ зависитъ судьба свободы и цивилизаціи. Каждый солдатъ долженъ исполнять свою обязанность, и Господь Силъ будетъ съ нами".

Господь Силъ, конечно, съ ними! Хотя всѣ полководцы побѣжденныхъ армій повторяли это уже сотни разъ, однако, при каждомъ новомъ походѣ всѣ увѣрены въ помощи Бога.

Есть ли что-нибудь болѣе короткое и слабое, чѣмъ память народовъ?

31-го іюля Вильгельмъ выѣхалъ изъ Берлина и издалъ слѣдующій манифестъ:

„Такъ какъ сегодня я отправляюсь къ арміи, чтобы защитить честь и неприкосновенность лучшихъ благъ нашей страны, то я прощаю политическихъ преступниковъ. Мой народъ, такъ же какъ и я, знаетъ, что нарушеніе мира и вражда были не съ нашей стороны. Но, получивъ вызовъ, мы рѣшили, по примѣру отцовъ нашихъ и надѣясь на Божью помощь, защитить свое отечество“.

Необходимость защиты!... Необходимость защиты!... Это единственное оправданіе убіенія людей; поэтому каждый противникъ увѣряетъ, что именно онъ защищается. Развѣ не нелѣпость это?

Рядомъ съ манифестами я нахожу въ своихъ красныхъ тетрадкахъ замѣтку подъ слѣдующимъ страннымъ заглавіемъ: „Произошла ли бы война, если бы Оливье женился на дочери Мейербера?“

Дѣло было такъ.

Между нашими парижскими знакомыми былъ одинъ литераторъ, именно Александръ Вейль, который однажды, будучи у насъ, задалъ намъ этотъ вопросъ и разсказалъ слѣдующее: „Мейерберъ искалъ талантливаго мужа для своей второй дочери, и его выборъ палъ на моего друга Эмиля Оливье—вдовца; въ первый разъ онъ былъ женатъ на дочери Листа, родившейся у него отъ графини Дагу, съ который онъ жилъ много лѣтъ. Этотъ бракъ былъ счастливъ, и Оливье имѣлъ репутацію добродѣтельнаго супруга.

„У него еще не было состоянія, но онъ уже прославился какъ ораторъ и государственный дѣятель. Мейерберъ хотѣлъ лично познакомиться съ нимъ, и съ этой цѣлью я устроилъ большой балъ, гдѣ присутствовала большая часть знаменитостей искусства и науки, и гдѣ Оливье, узнавшій о намѣреніи Мейербера, игралъ первую роль. Онъ понравился Мейерберу, но устроить бракъ было не легко, такъ какъ великій композиторъ зналъ независимый характеръ своей второй дочери, которая ни за что не вышла бы замужъ иначе, какъ по собственному выбору. Рѣшено было, что Оливье поѣдетъ въ Баденъ, гдѣ и будетъ представленъ молодой дѣвушкѣ, какъ вдругъ черезъ двѣ недѣли послѣ моего

бала великій композиторъ умеръ. Помните, Оливье произнесъ даже надгробную рѣчь на вокзалѣ Сѣверной желѣзной дороги? И я увѣренъ, и даже вполнѣ убѣжденъ въ томъ, что если бы Оливье женился на дочери Мейербера, то войны между Франціей и Германіей не было бы. Во-первыхъ, Мейерберъ, ненавидѣвшій и презиравшій имперію, вѣроятно, не позволилъ бы своему зятю быть императорскимъ министромъ. Во-вторыхъ, если бы Оливье заявилъ въ палатѣ, что онъ скорѣе оставитъ службу, чѣмъ объявитъ войну, то палата никогда не пошла бы противъ него. Три интимныхъ и тайныхъ министра императрицы устроили эту войну: Жеромъ Давидъ, Поль де-Кассаньякъ и герцогъ Граммонъ. Императрица, поджигаемая папой, который играетъ ею какъ куклой, хотѣла этой войны, въ побѣдѣ которой не сомнѣвалась, для безопасности своего сына! Она говорила: „Эта война для меня и для моего сына". И эти три вышеназванные папскіе анабаптиста и помогли ей заставить императора, не желающаго воевать, начать войну".

— И это-то называется дипломатіей!—воскликнула я.

— Но слушайте дальше, — продолжалъ Александръ Вейль.—15-го іюля я встрѣтилъ Оливье на площади Согласія, и онъ сказалъ мнѣ: „Миръ обезпеченъ, иначе я подалъ бы въ отставку". Какимъ же образомъ могло случиться то, что тотъ же самый человѣкъ нѣсколько дней спустя, занимая свою должность, объявилъ самъ войну съ легкимъ сердцемъ?

— Съ легкимъ сердцемъ!—воскликнула я, содрогаясь.

— Здѣсь есть тайна, которую я могу объяснить. Императоръ не знаетъ иного употребленія своихъ денегъ, какъ покупать любовь и дружбу своихъ приближенныхъ, и считаетъ, повидимому, какъ Югурта въ Римѣ, всѣхъ французовъ продажными, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ; поэтому онъ имѣетъ обыкновеніе, когда принимаетъ на службу новаго министра, дарить ему, если онъ небогатъ, милліонъ франковъ, для того, чтобы приблизить его къ себѣ. Одинъ только Дарю, открывшій мнѣ это, отказался отъ подарка: „Боюсь данайцевъ и дары приносящихъ". И онъ одинъ, ничѣмъ

не связанный, оставилъ слубжу. Пока императоръ колебался, Оливье, привязанный золотой цѣпью къ своему господину, былъ на нейтральной почвѣ и даже скорѣе на сторонѣ мира; но какъ только государь, склоненный своей супругой и тремя папскими анабаптистами, высказался за войну, то и Оливье сталъ на его сторону съ легкимъ сердцемъ и полнымъ карманомъ.

. . . .

— О, сударь! о, сударыня! какое счастье, какія радостныя извѣстія! — съ этими словами вбѣжали къ намъ въ комнату, въ день сраженія подъ Вертомъ, камердинеръ Фридриха и поваръ.

— Что случилось?

— На биржѣ вывѣшена депеша, что мы побѣдили. Прусская армія почти совершенно уничтожена... Городъ украшаютъ трехцвѣтными флагами, а вечеромъ будетъ иллюминація.

Но въ теченіе дня выяснилось, что извѣстіе было ложной выдумкой. Оливье объяснилъ это народу съ своего балкона. Ну, тѣмъ и лучше; по крайней мѣрѣ не было иллюминаціи. Эти радостныя извѣстія объ уничтоженной арміи, о безчисленномъ множествѣ уничтоженныхъ жизней и разбитыхъ сердецъ пробудили опять въ моей душѣ желаніе Флобера: „Ахъ, желала я быть среди бедуиновъ!“

7-го августа пришло опять неутѣшительное извѣстіе. Императоръ спѣшитъ въ Сенъ-Клу на театръ войны. Врагъ проникъ въ страну. Газеты не могли даже передать вполнѣ своего негодованія по поводу вторженія непріятеля. Крикъ „въ Берлинъ!“ означалъ то же намѣреніе со стороны французовъ; но это имъ не казалось возмутительнымъ; нашествіе же восточныхъ варваровъ въ милую, любимую Богомъ Францію казалось всѣмъ такой дикостью и такимъ нахальствомъ, за которыя нѣмцы должны сильно поплатиться.

Временное военное министерство издаетъ указъ, чтобы всѣ граждане отъ 30 до 40 лѣтъ, не вступившіе въ національную гвардію, были тотчасъ же вооружены. Военныя издержки увеличиваются до тысячи милліоновъ. Пріятно видѣть, съ какой готовностью жертвуютъ люди

чужими деньгами и чужой жизнью; но здѣсь маленькая финансовая непріятность дала тотчасъ же себя почувствовать: при размѣнѣ ассигнацій платится мѣнялѣ теперь 10 процентовъ; это значитъ, что французскій банкъ выпустилъ больше бумагъ, чѣмъ имѣетъ золота.

А у нѣмцевъ побѣда за побѣдой... Физіономія Парижа и его жителей измѣнилась. Послѣ гордой, хвастливой, побѣдоносной радости настало уныніе и мрачная злость. Все болѣе и болѣе распространяется непріятное чувство, какъ будто на страну напала орда вандаловъ, нѣчто ужасное, неслыханное, какъ туча саранчи или иной какой бичъ природы. Франція уже забыла о томъ, что она сама объявила войну, боясь, что кому-нибудь изъ Гогенцоллерновъ придетъ вновь мысль сѣсть на испанскій тронъ. О непріятелѣ ходили въ народѣ ужасныя сказки.

„Уланы! Уланы!“ это слово имѣло такой же фантастически-демоническій звукъ, какъ „сатанинское войско“. Это войско представлялось людямъ въ дьявольскомъ образѣ. Что бы ни сдѣлала нѣмецкая кавалерія смѣлаго и отважнаго, все это приписывалось уланамъ; ихъ представляли какими-то полулюдьми и увѣряли, что они не получали жалованья, а жили добычей. Но вмѣстѣ съ печальными извѣстіями приходили и радостныя: такія извѣстія, хотя бы и ложныя, необходимы для поддержанія храбрости и бодрости народа. Заповѣдь правды, какъ и многія другія нравственныя правила, совершенно излишни во время войны. Изъ газеты „Le Volontaire“ Фридрихъ продиктовалъ мнѣ слѣдующее мѣсто для моихъ красныхъ тетрадокъ:

„Нѣмцы потеряли до 16-го августа 144,000 человѣкъ, а остальные близки къ голодной смерти. Изъ Германіи идутъ послѣднія войска—ландверъ и ландштурмъ. Эти 60-лѣтніе старики съ кремневыми винтовками, съ большой табакеркой на правомъ боку и бутылкой вина на лѣвомъ, идутъ, кряхтя подъ тяжестью ранца, на которомъ виситъ кофейная мельница, а внутри лежитъ бузинный чай, и сожалѣютъ о томъ, что ихъ вырвали изъ объятій внуковъ и посылаютъ на вѣрную смерть. Что же касается извѣстій о побѣдахъ нѣмцевъ, то эта сущая ложь“.

20-го августа графъ Паликао сообщилъ въ палатѣ, что три армейскихъ корпуса, соединившихся противъ Ба-

зена, сброшены въ каменоломни въ Жомонѣ. (Очень хорошо!)

Хотя никто не можетъ объяснить, что это за каменоломни, гдѣ онѣ находятся и какъ могли помѣститься тамъ три армейскихъ корпуса, но всѣ передаютъ другъ другу эту радостную новость: „Вы знаете?“ „Въ каменоломняхъ-то?“ „Въ Жомонѣ?“ „Да, да!“ Никто не сомнѣвается въ извѣстіи, какъ будто всѣ родомъ изъ Жомона и отлично знаютъ эти каменоломни.

Въ это время распространился слухъ, что Вильгельмъ помѣшался отъ неудачъ своего войска. Слышны были даже еще большія нелѣпости, потому что волненія и лихорадка народа увеличивались съ каждымъ часомъ. Война уже перестала казаться вооруженной прогулкой; чувствовалось, что разнузданныя силы могутъ принести много несчастія міру; только и слышно было объ уничтоженныхъ арміяхъ, сошедшихъ съ ума полководцахъ, о дьявольскихъ ордахъ, о битвѣ съ непріятелемъ на ножахъ. Я слышу грозу и чувствую, что начинается буря отчаянія и бѣшенства. Передаются подробности безчеловѣчныхъ ужасовъ, совершенныхъ баварцами во время сраженія при Базейлѣ.

— Вѣришь ли ты,—спросила я Фридриха,—что это совершили добродушные баварцы?

— Весьма возможно, потому что и баварецъ, и турокъ, и французъ, и нѣмецъ, и индѣецъ одинаково становятся безчеловѣчными, когда имъ приходится защищать свою жизнь. Здѣсь пробуждается и раззадоривается въ человѣкѣ звѣрь.

. . . .

Мецъ палъ. Когда пришли объ этомъ вѣрныя извѣстія, то въ городѣ слышенъ былъ всеобщій крикъ испуга. Но извѣстіе о взятіи какой-нибудь крѣпости только радовало меня, такъ какъ я съ нетерпѣніемъ ждала развязки. Единственнымъ моимъ желаніемъ было возможно скорѣйшее окончаніе войны. Но, нѣтъ! она еще не скоро кончится: крѣпостей осталось еще очень много, и такъ какъ счастье оружія измѣнчиво, то послѣ пораженія нужно собраться съ силами и снова напасть на врага. Удача можетъ быть то тамъ, то здѣсь.

Трошю старается поднять мужество народа новой прокламаціей и приводитъ въ ней старинный девизъ Британіи: „Съ Богомъ, за отечество!“ Эго звучитъ не ново; такой девизъ встрѣчается почти во всѣхъ прокламаціяхъ, но народъ воодушевляется и обращаетъ Парижъ въ крѣпость.

Парижъ — крѣпость! Я совершенно не могу примириться съ этой мыслью. Городъ, названный Викторомъ Гюго „la ville-lumière“, центръ цивилизаціи, искусствъ, блеска, моды и ума,—этотъ городъ хочетъ укрѣпиться, т.-е. сдѣлаться цѣлью непріятельскихъ выстрѣловъ и подвергнуть себя опасности быть сожженнымъ или погибнуть отъ голода. И люди исполняютъ это съ такимъ удовольствіемъ, самопожертвованіемъ и радостью, какъ будто они приготовляются къ полезному, благородному дѣлу. Къ работамъ приступили съ лихорадочной поспѣшностью. Сдѣлали валы и устроили въ нихъ бойницы; передъ воротами вырыли рвы, построили подъемные мосты, вырыли траншеи, соединили берега каналовъ мостами или засыпали ихъ брустверами; построили пороховые магазины, а на Сенѣ появилась цѣлая флотилія канонерскихъ лодокъ. Какая лихорадочная поспѣшность, сколько труда и работы, какія денежныя затраты!

Какъ хорошо было бы, если бы это были общеполезныя предпріятія! На что же тратятся здѣсь эти усилия, гдѣ дѣйствуютъ безсознательныя, разрушительныя, стихійныя силы войны?

Городъ запасся провіантомъ для того, чтобы выдержать долгую осаду! До сихъ поръ еще не было неприступныхъ крѣпостей; капитуляція есть вопросъ времени. А крѣпости все еще будутъ строиться и запасаться провизіей, несмотря на математическую невозможность обезопасить себя отъ голода на неопредѣленно долгій срокъ.

Приняли для этого всевозможныя мѣры: построили мельницы и бойни; упустили только совершенно изъ виду, гдѣ же будутъ брать зерно и скотъ. Но такъ далеко не заглядывали: до тѣхъ поръ, несомнѣнно, врагъ будетъ изгнанъ изъ страны или же совершенно

уничтоженъ. Весь народъ вступилъ въ ряды отечественной арміи; всѣ шли на службу, кто добровольно, кто по приказанію; для парижскаго же гарнизона были потребованы всѣ пожарныя команды страны. Провинція можетъ погибать въ пламени, что за бѣда! Кому теперь дѣло до единичныхъ несчастныхъ случаевъ?

Къ 17-му августа собралось въ Парижѣ до 60,000 пожарныхъ. Потребовали также и матросовъ, и ежедневно составлялись новыя войска подъ различными названіями: volontaires, eclaireurs, franc-tireurs. .

. . . .

Военныя событія слѣдуютъ одни за другими съ возрастающей быстротой, приковывая къ себѣ всеобщій интересъ. Все остальное было оставлено въ сторонѣ: вокругъ насъ ни о чемъ другомъ не думали и не говорили, какъ только объ уничтоженіи пруссаковъ. Собралась буря ненависти, и хотя она еще не разразилась, но слышенъ былъ ея зловѣщій шумъ. Во всѣхъ офиціальныхъ заявленіяхъ въ каждомъ уличномъ шумѣ, во всѣхъ общественныхъ приготовленіяхъ видна одна цѣль: „смерть пруссакамъ“. Во всѣхъ этихъ войскахъ, регулярныхъ и нерегулярныхъ, этихъ приготовленіяхъ, этихъ работникахъ, спѣшащихъ къ укрѣпленіямъ съ своими инструментами и тачками; во всемъ, что слышишь и видишь вокругъ себя, во всѣхъ формахъ и тонахъ, выражается одно и то же: „смерть пруссакамъ“. Другими словами, эта мысль служитъ для всѣхъ радостнымъ призывомъ любви и воодушевляетъ всѣ сердца.

— Вотъ ты родомъ изъ Пруссіи,—спросила я Фридриха;—что чувствуешь ты, видя со всѣхъ сторонъ эти враждебныя чувства?

— Ты спрашивала меня объ этомъ еще въ 1866 году, я и тогда отвѣтилъ тебѣ такъ же, какъ отвѣчу и сегодня, что я огорченъ этой ненавистью не какъ патріотъ, а какъ человѣкъ. Если же я буду смотрѣть на нее съ національной точки зрѣнія, то я долженъ буду оправдать враждебность французовъ: они называютъ это чувство la haine sacrée de l'ennemi, и оно служитъ для нихъ главнымъ стимуломъ воинственнаго патріотизма. Стараясь освободить свою страну отъ нашествія не-

пріятелей, они забыли уже о томъ, что сами вызвали Пруссію на войну. Да и сдѣлалъ это не народъ, а его правительство, которому онъ повѣрилъ на слово, что сдѣлать такъ было необходимо. Теперь же у него нѣтъ времени искать виновника несчастья. Но разъ оно случилось, всѣ силы соединились для того, чтобы устранить всеобщее бѣдствіе или погибнуть съ беззаботнымъ самопожертвованіемъ. Повѣрь мнѣ, что человѣкъ имѣетъ въ сердцѣ много благородной любви; жаль только, что мы губимъ ее на старинныхъ путяхъ вражды. А что же дѣлаютъ тѣ ненавистные красноволосые восточные варвары? Они вызваны на войну и вторгаются въ страну тѣхъ, которые угрожали напасть на ихъ страну. „Въ Берлинъ! въ Берлинъ!“ помнишь, какъ раздавался этотъ крикъ во всемъ городѣ, даже съ имперіала омнибусовъ?

— Теперь тѣ идутъ „въ Парижъ!“ Почему же кричавшіе тогда „въ Берлинъ!“ вмѣняютъ имъ это въ преступленіе?

— Потому что нѣтъ ни логики, ни справедливости въ патріотическомъ чувствѣ, котораго основное правило состоитъ въ томъ, что „мы первые, а остальные—варвары“. Тріумфальное шествіе нѣмцевъ отъ побѣды къ побѣдѣ восхищаетъ меня противъ моей воли. Я также былъ солдатомъ и знаю, сколько гордости и торжества заключается въ словѣ „побѣда“. Это — цѣль и награда за всѣ принесенныя жертвы, за лишеніе покоя и счастья, за рискъ собственною жизнью.

— Почему же возмущаются побѣжденные противники, будучи сами солдатами и зная, сколько славы сопровождаетъ побѣду? Почему же они возмущаются ихъ побѣдой? Почему же не говорится въ отчетѣ побѣжденной партіи о томъ, что непріятель одержалъ блестящую побѣду?

— Потому что, повторяю я, военный духъ и патріотическій эгоизмъ есть уничтоженіе всякой справедливости.

Я вижу по запискамъ своихъ красныхъ тетрадокъ, что въ то время мы ни о чемъ не говорили и не могли думать, какъ о настоящей войнѣ. Наше счастье, наше бѣдное счастье хотя и было съ нами, но мы не смѣли

имъ наслаждаться. Мы обладали всѣмъ, что можетъ составить земной рай: безграничной взаимной любовью, богатствомъ, знатностью, прелестнымъ сыномъ Рудольфомъ, чудной дочкой Сильвіей, независимостью, живымъ интересомъ къ умственному міру... но все это было покрыто какой-то завѣсой. Мы не смѣли радоваться, когда все вокругъ насъ кричало, страдало и волновалось. Развѣ можно быть спокойнымъ на бортѣ корабля, который мечется подъ ударами бури?

— Ужъ и комедіантъ же этотъ Трошю,—сказалъ мнѣ однажды Фридрихъ (это было 25-го августа).—Ты ни за что не угадаешь, что онъ сдѣлалъ сегодня!

— Велѣлъ призвать женщинъ къ военной службѣ?—спросила я.

— Хотя это касается женщинъ, но не призвать, а напротивъ...

— Упразднилъ маркитантокъ и сестеръ милосердія?

— Опять-таки нѣтъ; и такъ какъ, по всей вѣроятности, ты не угадаешь, то скажу прямо: онъ распорядился изгнать дамъ полусвѣта.

— И это предложилъ военный министръ? Что же тутъ общаго?

— Я не нахожу тоже ничего общаго, но всѣмъ очень понравилась эта мѣра. Во-первыхъ, въ такомъ положеніи всегда радуются каждому новому приказанію, потому что ждутъ отъ него спасенія, какъ больной ждетъ исцѣленія отъ каждаго новаго лѣкарства. Если порокъ будетъ выгнанъ изъ города, какъ думаютъ благочестивые, то, можетъ-быть, Богъ ниспошлетъ опять милость жителямъ. Къ тому же сумасброднымъ расточительнымъ гетерамъ нечего будетъ дѣлать въ городѣ, когда настанетъ трудное, полное лишеній время осады. Такимъ образомъ, большинству эта мѣра кажется достойной, нравственной и даже патріотической, такъ какъ многія изъ этихъ женщинъ—иностранки: англичанки, итальянки, нѣмки; боятся, нѣтъ ли среди нихъ шпіонокъ.

28-го августа вышло еще худшее новое распоряженіе: всѣ нѣмцы должны черезъ 3 дня выѣхать изъ Парижа.

Трошю и не подозрѣвалъ, какой смертельный, медленно дѣйствующій ударъ заключался въ его приказѣ:

онъ возбудилъ ненависть въ нѣмцахъ, укоренившуюся съ тѣхъ поръ на много лѣтъ. Французы и нѣмцы прониклись ненавистью другъ къ другу. Францiя и Германiя перестали быть сосѣдями, пробовавшими свои силы въ рыцарскомъ поединкѣ. Оба народа заразились взаимной враждой, которая была возведена въ „установленiе" и не окончилась вмѣстѣ съ войной, а передалась по наслѣдству слѣдующимъ поколѣнiямъ.

Покинуть городъ въ три дня! Я имѣла случай убѣдиться, какъ безконечно жестоко было это приказанiе для многихъ почтенныхъ семействъ. Между ремесленниками, отдѣлывавшими нашъ домъ, было много нѣмцевъ: каретникъ, обойщикъ и столяръ. Они жили уже по 10 и по 20 лѣтъ въ Парижѣ, прiобрѣли здѣсь свое состоянiе, многiе уже породнились съ парижанами, имѣли своихъ заказчиковъ, а теперь они должны были уѣхать черезъ три дня, оставивъ все, что они любили и къ чему привыкли: свое состоянiе, ремесло, средства къ существованiю; страшно огорченные, пришли они къ намъ и горько жаловались на это несчастье; даже почти совершенно оконченной, заказанной нами работы они не могли намъ сдать. Со слезами на глазахъ и ломая руки, жаловались они намъ: „У меня больной, старый отецъ, а жена со дня на день ждетъ родовъ, какъ же можемъ мы ѣхать черезъ три дня?" „У меня нѣтъ ни копейки денегъ,—говоритъ другой;—всѣ мои заказчики, которые мнѣ должны, не могутъ такъ скоро заплатить своего долга, а мнѣ въ свою очередь нечѣмъ заплатить моимъ работникамъ-французамъ; если бы я могъ остаться хоть недѣлю, я сдалъ бы большой заказъ одному богатому человѣку и получилъ бы деньги, а теперь я долженъ все бросить". Чѣмъ же виноваты были всѣ эти несчастные? Тѣмъ, что войско ихъ нацiи успѣшно исполняло свой долгъ, или тѣмъ, что одинъ изъ Гогенцоллерновъ захочетъ опять, можетъ-быть, вступить на испанскiй престолъ. Нѣтъ, и это служило не причиной, а только предлогомъ для войны.

Седанъ! „Императоръ Наполеонъ отдалъ свою шпагу."

Это извѣстiе поразило насъ. Разыгралась, дѣйствительно, большая историческая катастрофа. Французская

армія разбита; ея полководецъ слабъ и утомленъ; партія блестящимъ образомъ выиграна Германіей. „Конецъ! конецъ!“ радовалась я; „значитъ, если бы были люди, имѣющіе право называться всемірными гражданами, они могли бы теперь зажечь иллюминацію; если бы существовалъ храмъ гуманности, то въ честь конца войны надо было отслужить молебенъ!... Конецъ!...“

— Не ликуй слишкомъ рано, моя милая,—остановилъ меня Фридрихъ.—Эта война уже утратила характеръ шахматной партіи: теперь сражается весь народъ. На мѣсто одной уничтоженной арміи можетъ появиться десять.

— Но развѣ это справедливо! Вѣдь только нѣмецкіе солдаты проникли въ страну, слѣдовательно, и выставить противъ нихъ надо только солдатъ.

— Когда ты перестанешь взывать къ справедливости и разсудку? Франція безумствуетъ отъ горя и гнѣва, и съ точки зрѣнія патріотизма ея горе священно и ея гнѣвъ справедливъ. Что бы она ни сдѣлала съ отчаянія, это будетъ не эгоизмъ, а высшее самоотверженіе. Поскорѣе бы приходило то время, когда добродѣтель, свойственная каждому человѣку, употреблялась бы не на уничтоженіе другихъ людей, а на какую-нибудь общеполезную работу! Но эта несчастная война еще больше отдалитъ насъ отъ этой цѣли.

— Нѣтъ, нѣтъ! Я надѣюсь, что война кончилась.

— Хотя бы и такъ (хотя я въ этомъ сильно сомнѣваюсь), то сѣмя будущихъ войнъ уже посѣяно; это—сѣмя ненависти за изгнаніе нѣмцевъ изъ Парижа. Оно переживетъ всѣ существующія поколѣнія.

4-го сентября. Снова насиліе, снова взрывъ страстей, считаемый средствомъ спасенія отечества. Императоръ ниспровергнутъ съ престола: Франція объявила себя республикой. То, что сдѣлалъ Наполеонъ и его армія, идетъ не въ счетъ. Императоръ и его генералы виноваты во всемъ: въ политическихъ ошибкахъ и трусости; это сдѣлала не Франція, и она не отвѣчаетъ за это. Опрокинувъ престолъ, французы просто уничтожили тѣ листы исторіи Франціи, гдѣ стояло: Мецъ и Седанъ. Теперь, если Германія будетъ продолжать свое нашествіе, то сама страна будетъ вести войну.

— Но что, если бы побѣдилъ Наполеонъ?—спросила я Фридриха.

— Тогда его слава и побѣда были бы приписаны странѣ.

— А развѣ это справедливо?

— Когда же ты перестанешь задавать этотъ вопросъ!

Моя надежда, что седанская катастрофа окончитъ походъ, скоро совсѣмъ исчезла. Все вокругъ насъ было настроено такъ же воинственно, какъ и прежде. Казалось, воздухъ былъ пропитанъ дикой яростью и жаждой мщенія. Ярость противъ врага, и почти то же чувство противъ низвергнутой династіи. Презрительные отзывы и памфлеты на императора, императрицу и ихъ несчастныхъ полководцевъ; подозрѣнія, клеветы, брань, насмѣшки,—все это было отвратительно. Грубая толпа обвинила въ пораженіи Франціи нѣсколькихъ лицъ и забрасывала ихъ грязью и камнями. Теперь страна покажетъ, что она непобѣдима!

Приготовленія Парижа къ защитѣ были скоро окончены. Зданія около главной стѣны были снесены или просто разрушены. Окрестности обратились въ пустыню. Толпы людей со своимъ имуществомъ переселились въ городъ. О, эти скорбныя вереницы телѣгъ, ломовыхъ лошадей и нагруженныхъ остатками своего домашняго скарба людей! Это я уже видѣла однажды въ Богеміи, гдѣ бѣдный народъ бѣжалъ отъ побѣдившаго ихъ врага, а теперь увидѣла я въ веселомъ, блестящемъ, всемірномъ, городѣ ту же скорбную картину, тѣ же испуганныя убитыя горемъ лица, тотъ же трудъ и торопливость, то же горе!

Наконецъ, слава Богу, еще хорошая новость: благодаря вмѣшательству Англіи, въ Ферьерѣ произошло свиданіе Жюля Фавра и Бисмарка. Можетъ-быть, тамъ состоится соглашеніе и заключеніе мира!

Напротивъ! Невозможность сдѣлалась еще очевиднѣе. Съ нѣкоторыхъ поръ нѣмецкія газеты уже говорили о занятіи Эльзасъ-Лотарингіи. Нѣмцы хотѣли опять присоединить къ Германіи эту нѣкогда принадлежавшую ей страну. Такъ какъ историческій аргументъ только отча-

сти оправдываетъ эти притязанія, то нѣмцы прибавили сюда еще стратегическій: она необходима, какъ оплотъ для будущихъ войнъ; а извѣстно, что стратегическія причины—самыя важныя и безусловныя, и всѣ остальныя должны быть на второмъ планѣ. Другими словами: военная партія была проиграна Франціей, и выигравшій долженъ получить призъ. Развѣ французы въ случаѣ своихъ успѣховъ не захотѣли бы присоединить рейнскія провинціи, такъ какъ война для того только и ведется, чтобы въ случаѣ успѣха воспользоваться нѣкоторыми территоріальными пріобрѣтеніями?

Между тѣмъ побѣдоносное войско все шло впередъ: нѣмцы были передъ воротами Парижа! Занятіе Эльзасъ-Лотарингіи было объявлено уже офиціально. На это французы отвѣчаютъ извѣстнымъ изреченіемъ: „ни дюйма нашей земли, ни камня нашей крѣпости“.

Да, да, тысячи жизней, но ни дюйма земли! Это—главная форма проявленія патріотическаго чувства. „Насъ хотятъ оскорбить“, кричатъ французскіе патріоты, „но раздраженный Парижъ погибнетъ скорѣе подъ своими развалинами“.

Теперь мы рѣшили какъ можно скорѣе уѣхать отсюда. Зачѣмъ оставаться въ чужомъ осажденномъ городѣ, жить съ людьми, у которыхъ является только чувство ненависти и мести при звукахъ нашей нѣмецкой рѣчи. Конечно, теперь трудно было уѣхать изъ Парижа; нужно было проѣзжать осажденныя мѣстности, а желѣзныя дороги во многихъ мѣстахъ отказывались перевозить частныхъ лицъ; хотя намъ и жаль было оставлять нашъ новый домъ, но, все равно, мы рѣшили уѣхать. Мы и такъ уже слишкомъ долго оставались въ Парижѣ; волненія, пережитыя мною въ послѣднее время, сильно расшатали мои нервы; со мной стали часто повторяться припадки озноба, и раза два сдѣлалась истерика. Уже все было готово къ отъѣзду, но со мной вдругъ повторился припадокъ, настолько сильный, что я должна была лечь въ постель.

Приглашенный врачъ объяснилъ, что это нервная горячка, а можетъ-быть, и воспаленіе мозга, и что при такихъ обстоятельствахъ путешествіе невозможно. Я

очень долго была больна, и едва смутное воспоминаніе осталось у меня въ памяти объ этомъ времени и, къ удивленію, очень пріятное воспоминаніе. Несмотря на то, что я была тяжело больна и въ осажденномъ городѣ, гдѣ я находилась, я слышала только о чемъ-нибудь страшномъ и печальномъ,—и все-таки, когда я вспоминаю, то это время мнѣ представляется особенно радостнымъ. Я испытывала тогда такую радость, какую могутъ испытывать только дѣти. Болѣзнь мозга и почти постоянное безпамятство почти лишили меня сознанія, всѣ мысли, сомнѣнія и тревоги исчезли изъ моей головы; осталось только смутное наслажденіе жизнью, которое испытываютъ дѣти, особенно тѣ, за которыми заботливо ухаживаютъ. Въ нѣжной заботливости у меня также не было недостатка. Мой мужъ, озабоченный и любящій, проводилъ около моей постели всѣ дни и ночи и приводилъ сюда часто дѣтей. Хотя я не понимала почти ничего, что разсказывалъ мнѣ тогда мой Рудольфъ, но голосокъ его звучалъ для меня музыкой; а болтовня нашей малютки Сильвіи радовала меня безгранично. Мы съ Фридрихомъ придумывали тысячи шутокъ и болтали съ нашей дочкой. Въ чемъ состояли эти шутки, я не помню, но я смѣялась и радовалась имъ чрезвычайно; самая обыкновенная шутка казалась мнѣ верхомъ остроумія, и чѣмъ чаще ее повторяли, тѣмъ казалась она мнѣ веселѣе и лучше. А съ какимъ наслажденіемъ пила я свои лѣкарства! Такъ, въ опредѣленный часъ мнѣ давали какой-то лимонадъ—такого божественнаго напитка я не пила больше никогда во все продолженіе моей здоровой жизни; а ежедневно вечеромъ я принимала другое лѣкарство, содержащее опіумъ, и его усыпляющее дѣйствіе, наводившее дремоту, наполняло меня счастливымъ чувствомъ покоя.

При этомъ я сознавала, что любимый человѣкъ былъ около меня и заботился обо мнѣ, какъ о самомъ драгоцѣнномъ сокровищѣ своего сердца. Я совершенно почти забыла о войнѣ, а когда вспоминала о ней, то она мнѣ казалась чѣмъ-то далекимъ, какъ будто это происходило въ Китаѣ или на другой планетѣ. Мой міръ былъ здѣсь, въ этой комнатѣ больной, или ско-

рѣе—выздоравливающей, такъ какъ я чувствовала, что поправляюсь и иду навстрѣчу счастью.

Счастію? Нѣтъ. Съ выздоровленіемъ вернулось и сознаніе всѣхъ ужасовъ, окружавшихъ насъ. Мы были въ осажденномъ, голодающемъ и страдающемъ городѣ. Война продолжала свирѣпствовать.

Между тѣмъ пришла зима со страшными морозами. Теперь узнала я все, что произошло во время моего безсознательнаго состоянія. Главный городъ братской страны Страсбургъ, чудно-прекрасный, коренной нѣмецкій городокъ былъ осажденъ; его библіотека разорена; въ общемъ было выпущено 193, 722 выстрѣла по 4 или 5 въ минуту.

Страсбургъ взятъ.

Страна впала въ дикое отчаяніе, то отчаяніе, которое близко къ неистовству и безумію.

Люди ищутъ въ книгѣ Нострадамуса предсказаній этихъ событій, появились даже новыя пророки, мало того, явились бѣсноватые; кажется, вернулся мракъ среднихъ вѣковъ.

„Ахъ, хотѣлъ бы я быть среди бедуиновъ!“—воскликнулъ Флоберъ. „Ахъ, желала бы я опять вернуться къ безсознательному состоянію моей болѣзни!“ жаловалась я. А теперь я опять здорова и должна видѣть и слышать всѣ ужасы вокругъ насъ. Здѣсь опять начались записки въ красныя тетрадки, и я привожу нѣкоторыя изъ нихъ.

1-го декабря. Трошю укрѣпился на высотахъ Шампаньи.

2-го декабря. Жаркая битва при Бри и Шампаньи.

5-го декабря. Морозъ еще сильнѣе. Ахъ, какъ дрожатъ, обливаясь кровью, тѣ, кто долженъ умереть тамъ въ снѣгу, но и въ городѣ народъ страдаетъ отъ холода: заработка нѣтъ, дровъ нѣтъ. Чего бы ни далъ иной за пару полѣньевъ; мнѣ кажется, онъ не пожалѣлъ бы даже испанскаго престола...

21-го декабря. Вылазка изъ Парижа.

25-го декабря. Небольшой отрядъ кавалеріи былъ встрѣченъ ружейными выстрѣлами изъ домовъ въ мѣстечкахъ Троо и Суже (это—долгъ патріотовъ). Генералъ

Краатцъ приказалъ поджечь эти мѣстечки (это—обязанность полководца). „Зажечь!“ раздается приказаніе командира, — и люди, вѣроятно, добродушные и мягкіе граждане, повинуются и подкладываютъ огонь (это—долгъ солдата) Пламя поднимается къ небу, и бѣдные жители, и мужчины, и женщины, и дѣти, бѣгутъ съ плачемъ, криками и стонами. О счастливый, блаженный, священный день Рождества!

. . . .

Сдастся ли Парижъ или будетъ бомбардированъ?

Противъ послѣдняго предположенія возмущается чувство культурнаго человѣка. Нельзя было себѣ представить, что этотъ ville lumiére, этотъ центръ всѣхъ народовъ, этотъ блестящій городъ искусствъ и наукъ со своими богатствами и драгоцѣнностями будетъ бомбардированъ: противъ этого возстала вся нейтральная пресса (я узнала это позднѣе); но воинственная партія въ Берлинѣ стояла за бомбардировку и увѣряла, что единственное средство довести войну до конца и пріобрѣсти славу — завоевать городъ на берегахъ Сены. Именно эти протесты нейтральной печати и заставили извѣстные кружки въ Версалѣ предпринять рѣшительныя стратегическія мѣры. Бомбардированіе — пустяки!

28-го декабря я записала дрожащей рукой...

„Наконецъ-то... Вотъ глухой ударъ... пауза... опять“.

Больше я не писала ничего, но я отлично помню ощущенія того дня. При этихъ словахъ рядомъ со страхомъ чувствовалось какое-то радостное облегченіе, которое испытываешь, когда разрѣшится невыносимое нервное напряженіе. То, чего такъ долго ждали и боялись, что казалось совершенно немыслимымъ, наконецъ, совершилось. Мы сидѣли за холоднымъ завтракомъ (состоявшимъ изъ хлѣба и сыра, такъ какъ запасы уже истощались), Фридрихъ, я, гофмейстеръ и Рудольфъ, какъ вдругъ раздался первый ударъ.

Мы съ удивленіемъ подняли головы и посмотрѣли другъ на друга. Что такое?

Но нѣтъ! это, можетъ-быть, разрушившіяся по сосѣдству ворота или что-нибудь еще, и мы продолжали прерванный разговоръ, стараясь не думать объ испу-

гавшемъ насъ шумѣ. Но вдругъ черезъ 2 минуты опять то же. Фридрихъ всталъ и подошелъ къ окну.

— Это бомбардировка,—сказалъ онъ.

Я послѣдовала за нимъ; на улицѣ люди собрались толпами и разговаривали въ страшномъ испугѣ. Вдругъ раздался новый залпъ, и въ комнату испуганно вбѣжалъ нашъ камердинеръ. „О, сударь! о, сударыня! это бомбардировка!“ Въ открытыхъ дверяхъ собралась вся наша прислуга до послѣдняго поваренка. Во время такихъ несчастій, какъ, наприм., пожаръ, война, наводненіе, всѣ люди становятся равными, исчезаютъ всѣ различія общественнаго положенія; да, передъ опасностью больше, чѣмъ передъ смертью, такъ какъ при погребальныхъ церемоніяхъ различія эти чувствуются всего яснѣе. А теперь каждый вбѣгалъ въ комнату съ однимъ и тѣмъ же крикомъ: „это бомбардировка!“

Я отлично помню мои тогдашнія ощущенія: какую-то странную радость, въ родѣ удовлетворенія, что переживаешь нѣчто страшное, рѣшительное и роковое и вмѣстѣ не боишься за свою собственную жизнь. Сердце билось усиленно, и я чувствовала что-то въ родѣ гордости своего мужества.

Но это было не настолько страшно, какъ показалось намъ съ перваго взгляда. Не было видно ни пылающихъ зданій, ни кричащихъ отъ страха людей, ни града бомбъ, а слышались только отдаленные, глухіе, рѣдкіе выстрѣлы. Мало-по-малу парижане къ этому почти привыкли и стали даже ходить гулять въ тѣ мѣста, откуда слышнѣе была музыка канонады. Иногда бомбы падали и разрывались посреди улицы, но рѣдко приходилось видѣть это вблизи. Хотя и бывали смертные случаи, но въ городѣ съ милліоннымъ населеніемъ это не бросалось въ глаза; да къ тому же люди привыкли къ единичнымъ несчастнымъ случаямъ, о которыхъ такъ часто приходится читать въ газетахъ: „каменщикъ упалъ съ лѣсовъ и расшибся“, или „хорошо одѣтая женщина утонула въ рѣкѣ“ и т. д. Собственно страхъ и печаль жителей заключался не въ бомбардировкѣ, а въ ожидающихъ ихъ голодѣ, холодѣ и нуждѣ. Меня

глубоко потрясло одно извѣстіе, пришедшее къ намъ въ домъ, отпечатанное въ черной рамкѣ:

„Господинъ и госпожа N извѣщаютъ о смерти своихъ дѣтей Франсуа 8 лѣтъ и Амеліи 4 лѣтъ, убитыхъ влетѣвшей въ окно бомбой, и просятъ нѣмого сочувствія“.

— Нѣмое сочувствіе!—вскрикнула я громко, окончивъ читать этотъ листокъ. Мысль съ быстротою молніи пронеслась въ моей головѣ, и мнѣ представилась картина, что если бы наши дѣти, Рудольфъ и Сильвія... но нѣтъ! я не могу даже докончить этой мысли!

Получаемыя извѣстія были, конечно, скудны, такъ какъ всякое почтовое сообщеніе было прервано; сообщеніе съ внѣшнимъ міромъ производилось только съ помощью почтовыхъ голубей и воздушныхъ шаровъ. Появлялись слухи самаго противорѣчиваго свойства. То говорили объ удачныхъ вылазкахъ, то о томъ, что непріятель собирается окружить городъ со всѣхъ сторонъ, зажечь его и уничтожить совершенно; а то увѣряли, что скорѣе коменданты взорвутъ и весь Парижъ и себя на воздухъ, чѣмъ позволятъ хотя одному нѣмцу проникнуть черезъ стѣну города. Разсказывали также, что соединившіеся жители юга хотятъ напасть на непріятеля съ тыла, отрѣзать ему отступленіе и уничтожить до послѣдняго человѣка. Но вмѣстѣ съ ложными, приходили и вѣрныя, истинность которыхъ мы узнали уже позднѣе. Такъ, оказалось вѣрнымъ извѣстіе о томъ, какъ по дорогѣ изъ Гранъ-Люси въ Ле-Мансъ солдаты, обезумѣвшіе отъ страха, выбросили раненыхъ изъ вагоновъ желѣзной дороги и заняли ихъ мѣста.

Со дня на день становилось труднѣе добывать провизію. Запасы мяса истощились; уже давно не было ни быковъ, ни овецъ въ паркахъ для скота; начали употреблять въ пищу лошадей и собакъ, крысъ и мышей; животныя изъ зоологическихъ садовъ, и даже общій любимецъ слонъ, были съѣдены. Хлѣба уже почти совершенно не было. По цѣлымъ часамъ стояли передъ булочными, чтобы получить хотя что-нибудь, да и то большая часть уходила съ пустыми руками. Люди умирали отъ истощенія и болѣзни. Обыкновенно въ Па-

рижѣ умирало около 1000 человѣкъ въ недѣлю, теперь умирало по 4 и 5 тысячъ. Ежедневно происходило по 400 случаевъ насильственной смерти, т.-е. убійствъ. Хотя убійцей была и не личность, а война, все-таки это былъ убійца. Кто же былъ виноватъ въ этомъ? Не тѣ ли ораторы въ парламентѣ, которые въ своихъ рѣчахъ съ гордымъ паѳосомъ (какъ сдѣлалъ это Жирарденъ въ засѣданіи 15-го іюля) обѣщали взять отвѣтственность этой войны на себя? Развѣ могутъ плечи одного человѣка быть настолько сильны, чтобы вынести тяжесть подобнаго преступленія? Конечно, нѣтъ; и никому не пришло въ голову поймать лгуновъ на словѣ.

Однажды, именно 20-го января, Фридрихъ, вернувшись съ прогулки по городу, сильно взволнованный, вошелъ ко мнѣ въ комнату.

— Возьми свою записную книжку, мой усердный лѣтописецъ. Сегодня я принесъ важную новость, — воскликнулъ онъ и бросился въ кресло.

— Какую книжку?—спросила я.—Протоколъ мира? Фридрихъ покачалъ головой.

— О! ее надо отложить на долгое время въ сторону. Война получила слишкомъ большіе размѣры. У побѣжденныхъ накопилось столько ненависти и злобы, что они захотятъ непремѣнно отомстить; а на сторонѣ побѣдителей столько блестящихъ успѣховъ, что они не могутъ не гордиться ими

— Но какую же важную новость узналъ ты сегодня?

— Король Вильгельмъ былъ провозглашенъ въ Версалѣ императоромъ германскимъ. Теперь будетъ одно могущественное государство—Германія; начнется новая эпоха въ такъ называемой міровой исторіи; и въ новомъ государствѣ, созданномъ силой оружія, это оружіе будетъ въ большомъ почетѣ; двѣ образованныя, культурныя страны будутъ стараться развивать у себя военный духъ; одна—для того, чтобы отомстить за свое пораженіе; другая — для того, чтобы укрѣпить свою власть; здѣсь—изъ ненависти; тамъ—изъ любви; здѣсь—изъ мести; тамъ—изъ благодарности; однимъ словомъ, закрой свой протоколъ мира, такъ какъ намъ долго

придется стоять подъ кровавыми и желѣзными знаками Марса.

— Германскій императоръ!—воскликнула я; — дѣйствительно, это важная перемѣна. Разскажи же мнѣ подробности этого событія, хотя меня вовсе не радуетъ это извѣстіе; значитъ, эта кровавая расправа не пропала даромъ, если успѣхъ ея создалъ громадное новое государство.

Съ точки зрѣнія французовъ, она пропала вдвойнѣ; и мы были правы, что не смотрѣли на эту войну односторонне—съ точки зрѣнія нѣмцевъ. Не только съ узконаціональной, но и съ общечеловѣческой точки зрѣнія мы имѣли бы право сожалѣть объ успѣхахъ нашихъ враговъ и побѣдителей 1866 года. Но я все-таки сознаюсь, что соединеніе раздробленной Германіи—прекрасная вещь, а готовность поднести императорскую корону маститому побѣдителю очень благородна и достойна удивленія. Жаль только, что это обстоятельство было послѣдствіемъ войны, а не мирныхъ переговоровъ; какъ будто, если бы Наполеонъ III не послалъ вызова 19-го іюля, у нѣмцевъ не хватило бы достаточно любви къ отечеству, силы и единодушія народнаго для того, чтобы сдѣлать то, чѣмъ они теперь будутъ гордиться: „Единый братскій народъ“. Теперь они будутъ торжествовать; желаніе поэта исполнилось. Они уже забыли о томъ, какая вражда между ними была 4 года тому назадъ, что для франкфуртцевъ, саксонцевъ и нассуасцевъ самымъ ненавистнымъ именемъ было имя „пруссакъ“. За это французы еще больше возненавидятъ нѣмцевъ.

Я содрогнулась.

— Уже одно слово „ненависть“,—начала я...

— Тебѣ ненавистно? Ты права Пока это чувство не признаютъ несправедливымъ и безчестнымъ, не будетъ въ мірѣ человѣчности. Религіозная ненависть исчезла, но національная ненависть считается полезной и необходимой принадлежностью гражданскаго воспитанія. Но есть и еще чувство, облагораживающее и приносящее пользу — это любовь. Правда, Марта, вѣдь это мы знаемъ отлично?

Я склонила свою голову на плечо мужа и посмотрѣла на него; онъ нѣжно погладилъ мои волосы и продолжалъ:

— Мы знаемъ, какъ пріятно бываетъ, когда чувствуешь такъ много любви въ своемъ сердцѣ другъ къ другу, къ своимъ дѣтямъ, ко всѣмъ братьямъ великой человѣческой семьи, которыхъ стараешься избавить отъ всякаго страданія... Но они не хотятъ этого.

— Нѣтъ, нѣтъ, Фридрихъ, мое сердце не такъ широко. Я не могу любить тѣхъ, кто ненавидитъ.

— Но жалѣть ихъ?

Мы долго разговаривали на эту тему. Я хорошо помню эти разговоры, такъ какъ часто записывала ихъ въ свои красныя тетрадки вмѣстѣ съ военными событіями. Въ этотъ день мы говорили, между прочимъ, о будущемъ: теперь Парижъ долженъ сдаться; война окончится, и тогда мы будемъ опять вполнѣ счастливы. Наше счастье было прочно. Въ восемь лѣтъ нашего супружества между нами не было произнесено ни одного неласковаго слова; мы такъ много пережили вмѣстѣ и горя и радости, что наша любовь стала ненарушимой. Напротивъ! каждое новое событіе нашей жизни будетъ только еще крѣпче привязывать насъ другъ къ другу.

А когда мы будемъ старыми сѣдыми старичками, съ какимъ удовольствіемъ мы будемъ вспоминать наше прошлое, какой чудно-ясный вечеръ предстоитъ намъ!

Я такъ часто и охотно представляла себѣ эту картину счастливой старческой парочки, что часто видала ее во снѣ, какъ будто это было нѣчто дѣйствительное. Я видѣла даже различныя подробности... Фридрихъ въ бархатной шапочкѣ и съ садовыми ножницами... (именно эти подробности, хотя Фридрихъ никогда не любилъ заниматься садоводствомъ, а о бархатной шапочкѣ никогда не было рѣчи), а я въ кокетливо-завязанномъ черномъ чепчикѣ на сѣдыхъ волосахъ въ лѣтній вечеръ въ паркѣ, освѣщенномъ лучами заходящаго солнца, улыбаясь, обмѣниваемся ласковыми словами и взглядами: „Помнишь ли ты?“... „А ты не забыла, какъ тогда?“

. . . .

Многія изъ предшествующихъ страницъ я писала съ содроганіемъ и насилуя себя. Съ ужасомъ въ душѣ я описывала свое путешествіе въ Богемію и холерную недѣлю въ Грумицѣ. Я сдѣлала это, повинуясь долгу, такъ какъ обѣщала исполнить завѣтъ моего дорогого мужа: „Если я умру раньше тебя, ты должна продолжать мою задачу пропаганды мира“.

Если бы не это обѣщаніе, я никогда не рѣшилась бы пережить вторично всѣхъ своихъ старыхъ страданій.

Теперь я кратко передамъ о томъ событіи, котораго не могу, не хочу описать...

Нѣтъ, не могу, не могу!!

Я попробовала, но цѣлый десятокъ разорванныхъ и недописанныхъ листковъ лежитъ на полу около моего стола. Сердце мое сжалось отъ боли, мысли то останавливались, то кружились въ моей головѣ, я бросила перо и заплакала горько, жалобно, какъ ребенокъ. Теперь, нѣсколько часовъ спустя, я снова принялась за свою работу, но я не могу все-таки описать подробностей этого событія.

Достаточно одного голаго факта: мой Фридрихъ... мой единственный... былъ заподозрѣнъ въ шпіонствѣ по причинѣ найденнаго у него письма изъ Берлина; окруженъ фанатической толпой. „Смерть, смерть пруссаку!“ и по приговору военнаго полевого суда разстрѣлянъ 1 февраля 1871 года.

ЭПИЛОГЪ.

1889 годъ.

Когда сознаніе въ первый разъ вернулось ко мнѣ, миръ уже былъ заключенъ, коммуна побѣждена. Цѣлые мѣсяцы своей болѣзни я провела въ полномъ безпамятствѣ на попеченіи моей вѣрной Анны; какая это была болѣзнь, я не знаю; меня деликатно увѣряютъ, что это былъ тифъ, но я думаю, что просто сумасшествіе.

Совершенно смутно вспоминаю я громъ выстрѣловъ и зарево пожаровъ; можетъ-быть, это мнѣ представля-

лось только въ воображеніи, когда я слышала разговоры о дѣйствительныхъ битвахъ между версальцами и коммунарами и о поджогахъ петролейщиковъ. Да, ко мнѣ вернулся разумъ, и я осталась жить съ сознаніемъ своего глубокаго несчастія. Я должна была жить для своихъ дѣтей, и, благодаря имъ, я не сдѣлала ничего надъ собой, и не умерла отъ горя. Еще передъ моей болѣзнью, когда надо мной разразился страшный ударъ, Рудольфъ спасъ мнѣ жизнь. Я упала на колѣни, зарыдавъ громко и повторяя: „Умереть, умереть, я должна умереть!“ Но въ это время меня обняли дѣтскія ручки, и умоляющее, скорбно-серьезное, ненаглядное дѣтское личико смотрѣло на меня!

— Мать!

Обыкновенно мальчикъ звалъ меня „мама“, но въ это мгновеніе онъ въ первый разъ употребилъ слово „мать“ и, казалось, хотѣлъ сказать этимъ: „Ты не одна, у тебя есть сынъ, который раздѣляетъ твое страданіе, который тебя любитъ и уважаетъ больше всѣхъ на свѣтѣ; не покидай свое дитя, мать!“

Я прижала свое дорогое сокровище къ сердцу и, чтобы доказать ему, что понимаю его, отвѣтила: „Сынъ мой, сынъ мой!“ Тутъ я вспомнила свою дѣвочку, его дѣвочку, и рѣшила жить.

Но горе было слишкомъ велико: я потеряла разсудокъ и не на одинъ только разъ.

Въ продолженіе года, хотя съ нѣкоторыми промежутками, ко мнѣ возвращались припадки меланхоліи, и объ этомъ времени у меня не осталось въ памяти ни малѣйшаго воспоминанія.

Но вотъ уже много лѣтъ я совершенно освободилась отъ нихъ. Освободилась отъ безсознательной меланхоліи, но не отъ сознательныхъ припадковъ глубокой душевной скорби. Уже восемнадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, но глубокое негодованіе и скорбь не исчезнутъ никогда, хотя я прожила бы еще сто лѣтъ. Въ послѣднее время бываютъ иногда дни, когда я не думаю о своемъ минувшемъ несчастіи, когда я радуюсь радостями своихъ дѣтей, но не проходитъ ни одной ночи, чтобы я не испытывала всей глубины своего горя. Это

нѣчто совершенно особенное, что трудно описать, и понять это можетъ только тотъ, кто испыталъ что-нибудь подобное. Это похоже на двойственную жизнь души. Если одно сознаніе забывается и разсѣивается иногда предметами окружающаго міра, то другое въ глубинѣ души моей всегда помнитъ о случившемся ужасномъ событіи и, едва только заснетъ первое, оно будитъ его и заставляетъ его раздѣлять страданія. Каждую ночь я просыпаюсь въ одинъ и тотъ же часъ съ невыразимой болью въ сердцѣ. Сердце усиленно бьется, мнѣ хочется горько плакать и рыдать. Такъ продолжается нѣсколько минутъ, пока первое сознаніе не пойметъ, почему второе такъ несчастно. Затѣмъ является жалость ко всему свѣту, глубокое состраданіе ко всѣмъ. „О! бѣдные, бѣдные люди!“ Вдругъ мнѣ представляются люди, съ крикомъ падающіе подъ градомъ пуль, и я вспоминаю, что и мой дорогой погибъ также.

Но во снѣ я совершенно забываю о своей потерѣ; мнѣ часто представляется, что онъ говоритъ и сидитъ со мной, какъ живой. Я вижу во снѣ всѣ картины изъ прошлой жизни, но только радостныя и свѣтлыя: свиданіе послѣ шлезвигъ-голштинскаго похода, наши шутки около колыбели Сильвіи, наши прогулки въ горахъ Швейцаріи, часы, проведенные нами за любимыми книгами, а иногда и ту картину, которая такъ часто представлялась мнѣ во снѣ и наяву: мой мужъ съ сѣдыми волосами подрѣзаетъ садовыми ножницами розовый кустъ. „Не правда ли,—улыбается онъ мнѣ,—вѣдь мы съ тобой счастливая старческая парочка?“

Я не снимала своего траура даже и въ день свадьбы своего Рудольфа. Кто любилъ такого человѣка, обладалъ и потерялъ, того любовь должна быть сильнѣе смерти, того негодованіе и месть не должны никогда остынуть.

Но противъ кого же негодованіе и месть?

Люди, сдѣлавшіе это, не виноваты; единственный виновникъ—это духъ войны, и съ нимъ-то я хочу бороться и побѣдить его.

Мой сынъ Рудольфъ раздѣляетъ мои убѣжденія, что не мѣшаетъ ему, конечно, каждый годъ участвовать

въ военныхъ упражненіяхъ и въ случаѣ войны отправиться къ границѣ.

И тогда мнѣ придется еще разъ увидѣть, какъ самое дорогое мнѣ сокровище будетъ принесено въ жертву Молоху, какъ будетъ разрушенъ семейный кровъ, гдѣ я могла бы найти успокоеніе и отраду въ старости.

Придется ли мнѣ еще пережить это и впасть потомъ уже въ полное умопомѣшательство, или увидѣть торжество справедливости и человѣчности, такъ какъ теперь уже это желаніе усиливается и распространяется во всѣхъ слояхъ народа? Мои записки въ красныхъ тетрадкахъ кончились собщеніемъ 1 февраля 1871 года; здѣсь я поставила большой крестъ и рѣшила, что исторія моей жизни окончена. Я вношу теперь только иногда нѣкоторыя замѣтки въ синюю тетрадь, такъ называемый протоколъ, начатый еще вмѣстѣ съ Фридрихомъ, гдѣ записывали мы съ нимъ всѣ идеи мира.

Въ первые годы послѣ франко-германской войны я не могла слѣдить за ходомъ событій и не вносила никакихъ записокъ по причинѣ моей болѣзни. Въ это время оба самыя цвѣтущія государства были поглощены мыслями о войнѣ: одна гордилась своими блестящими побѣдами; другая выжидала удобнаго случая для мести. Но постепенно улеглись эти чувства. Съ этой стороны Рейна статуи Германіи чествовались съ меньшей торжественностью; а съ той стороны—статуи города Страсбурга менѣе украшались траурнымъ флеромъ. Итакъ, десять лѣтъ спустя опять раздались голоса о мирѣ. Блунчли, великій ученый народнаго права, состоявшій нѣкогда въ перепискѣ съ моимъ мужемъ, узнавалъ мнѣнія о народномъ мирѣ отъ различныхъ правителей и высокопоставленныхъ лицъ. Тогда записала я и извѣстное изреченіе молчаливаго „боевого мыслителя“: „вѣчный миръ, хотя и мечта, но вовсе не прекрасная!“ „Конечно, если бы Лютеръ спросилъ мнѣніе папы объ отпаденіи его отъ Рима, то отвѣтъ тоже получился бы неблагопріятный для реформаціи“, записала я рядомъ съ изреченіемъ Мольтке въ своихъ синихъ тетрадкахъ.

Теперь уже, вѣроятно, нѣтъ никого, кто не думалъ

бы объ этой мечтѣ и кому она не представлялась бы прекрасной. Даже самые разсудительные люди и тѣ стараются, соединившись всѣ вмѣстѣ, избавить человѣчество отъ продолжительнаго варварства и водрузить бѣлое знамя. Ихъ военный кличъ: „война войнѣ“, а ихъ лозунгъ, единственное слово, могущее спасти Европу отъ гибели: „Долой оружіе!“

Вездѣ, и въ Англіи, и во Франціи, въ Италіи, въ Германіи, въ Швейцаріи и сѣверныхъ странахъ уже образовались союзы, которые поставили своей цѣлью склонить правительство обращаться къ третейскому суду, а не къ кровавой расправѣ въ случаѣ будущихъ недоразумѣній. Что это не мечта, не бредъ, доказываютъ слѣдующіе факты: спорные вопросы Алабамы, Каролинскихъ острововъ и многіе другіе были уже улажены этимъ способомъ. И не только люди безъ власти и положенія, какъ, напр., американскій кузнецъ, но даже члены парламента, епископы, ученые, сенаторы, министры присоединяются къ союзу мира, сюда же присоединяются партіи, членовъ которыхъ можно считать милліонами, это—партіи рабочихъ, народъ; въ ихъ программѣ однимъ изъ важныхъ требованій выставляется „народный миръ“. Мнѣ это отлично извѣстно (хотя большинство людей этого не знаетъ), потому что я была знакома съ тѣми людьми, съ которыми сблизился Фридрихъ для своей благородной цѣли. Все, что узнавала я объ успѣхахъ и планахъ „общества мира“, я подробно записывала въ свой протоколъ. Послѣднимъ сообщеніемъ у меня записано слѣдующее письмо, полученное мною изъ Лондона отъ предсѣдателя лиги, имѣющей главную квартиру въ Лондонѣ:

„Ассоціація международнаго третейскаго суда и мира.

„Іюля, 1889 года.

„Милостивая государыня!

„Вы спрашиваете меня о настоящемъ положеніи великаго дѣла, которому вы посвятили свою жизнь; вотъ мой отвѣтъ: исторія мира никогда не была еще въ столь благопріятныхъ условіяхъ. Кажется, теперь уже кончилась эпоха убійства и разрушенія, и мы, достигнувъ высшей ступени развитія, видимъ первые лучи

небеснаго царства, хотя это странно звучитъ, такъ какъ теперь весь свѣтъ наполненъ вооруженными людьми и страшными машинами, готовыми начать свою ужасную работу. Но все, дойдя до крайнихъ размѣровъ, поворачиваетъ назадъ и измѣняется къ лучшему. Дѣйствительно, разрушительная сила этихъ войскъ пугаетъ всѣхъ, и скоро удрученные народы воскликнутъ въ одинъ голосъ: „Спасите насъ и дѣтей нашихъ отъ нужды и голода, если это будетъ продолжаться; спасите цивилизацію и всѣ изобрѣтенія великихъ людей; спасите миръ отъ возврата варварства, разбойничества и ужасовъ!

„Но что же служитъ доказательствомъ тому, что приходитъ это чудное время? спрашиваете вы. Я отвѣчу вамъ на него также вопросомъ: не служитъ ли яснымъ доказательствомъ этого недавнее собраніе делегатовъ въ Парижѣ, явившихся сюда болѣе чѣмъ отъ ста обществъ, для разъясненія того положенія, что грубую расправу надобно замѣнить закономъ справедливости и суда? Развѣ не собрались тамъ люди всѣхъ націй, съ одинаковымъ воодушевленіемъ и единодушіемъ преслѣдовавшіе эту великую цѣль? Развѣ не видали мы собравшагося въ первый разъ конгресса членовъ парламентовъ различныхъ государствъ для обсужденія вопроса верховнаго третейскаго суда, къ которому въ случаѣ споровъ должны обращаться всѣ цивилизованныя государства, а не прибѣгать къ убійству цѣлыхъ массъ народа?

„Далѣе: эти члены конгресса обязались собираться ежегодно въ одномъ изъ европейскихъ государствъ, разбирать всѣ случаи, подающіе поводъ къ большимъ недоразумѣніямъ, и убѣждать правительства рѣшать дѣло мирнымъ и справедливымъ путемъ. Даже самый ярый пессимистъ долженъ согласиться, что это служитъ знаменіемъ того, что въ скоромъ времени война будетъ считаться самой преступной глупостью, какую только знаетъ исторія человѣчества.

„Примите, милостивая государыня, увѣреніе въ моемъ глубочайшемъ уваженіи.

Преданный Вамъ
Годжсонъ Праттъ".

. . . .

— Развѣ ты не снимешь послѣ завтра своего траура, мать? — спросилъ меня сегодня утромъ Рудольфъ, входя ко мнѣ въ комнату.

Послѣзавтра назначены крестины его перваго сына.

— Нѣтъ, мое дитя,—отвѣчала я.

— Но, подумай, вѣдь ты не будешь печальна въ такой радостный день; зачѣмъ же сохранять внѣшніе знаки печали?

— Но я надѣюсь, что ты не боишься предразсудка, что черное платье бабушки можетъ принести несчастье внуку?

— Конечно, нѣтъ; но это не согласуется со всей окружающей радостью. Можетъ-быть, ты дала обѣщаніе?

— Нѣтъ, это просто только твердое рѣшеніе; но рѣшеніе, относящееся къ тому воспоминанію (ты понимаешь, о чемъ я говорю), должно быть такъ же твердо, какъ клятва.

Рудольфъ склонилъ голову и больше не возражалъ.

— Я, кажется, тебѣ помѣшалъ?.. ты пишешь?

— Да, исторію своей жизни. Но, слава Богу, кончила; это была послѣдняя глава.

— Какъ кончила? Вѣдь ты еще живешь и должна прожить долго и счастливо вмѣстѣ съ нами! Съ рожденіемъ моего маленькаго Фридриха, который будетъ обожать свою бабушку, для тебя начнется новая глава.

— Ты добрый сынъ, мой Рудольфъ. Я была бы неблагодарной, если бы не радовалась и не гордилась тобой... и столько радости и гордости доставляетъ мнѣ моя, т.-е. его Сильвія; да, мнѣ предстоитъ хорошая старость; тихій вечеръ, но исторія дня кончается по захожденіи солнца, не такъ ли?

Онъ отвѣтилъ мнѣ безпокойнымъ, полнымъ состраданія взглядомъ.

— Да, слово „конецъ“ подъ моей біографіей справедливо. Когда я начала писать исторію своей жизни, то тогда же рѣшила окончить ее 1-мъ февраля 1871 г. Вотъ если бы война отняла у меня еще тебя, что могло еще случиться, хотя, къ счастью, ты былъ еще слишкомъ молодъ во время боснійскаго похода, то я

продолжала бы свои записки. А я и такъ достаточно страдала, описывая все прошедшее.

— Ты позволишь, вѣроятно, ее читать?—спросилъ Рудольфъ, перелистывая тетрадь.

— Конечно. И если описанныя здѣсь извѣстія пробудятъ хотя въ нѣкоторыхъ сердцахъ отвращеніе къ войнѣ, я буду спокойна, что мучила себя не даромъ.

— Но вѣрно ли освѣтила ты всѣ стороны вопроса, проанализировала ли ты всѣ аргументы и коренной составъ воинственнаго духа, достаточно ли привела ты научныхъ доказательствъ?

— О! что ты? мой милый! Я описала только то, что пережила и перечувствовала я въ своей жизни. Освѣтить всѣ стороны вопроса? Конечно, нѣтъ! Что же знаю я, напримѣръ, о страданіяхъ, которыя приноситъ война простому народу? Что знаю я о мукахъ и вредномъ вліяніи казарменной жизни? А научныя основанія? Я ничего не знаю о политико-экономическихъ вопросахъ, отъ которыхъ зависятъ всѣ преобразованія. Это не исторія прошлаго и будущаго народнаго права,—это только исторія одной жизни.

— Но развѣ ты не боишься, что здѣсь увидятъ тенденцію и тогда...

— Непріятно поражаетъ только угаданная преднамѣренность, которую авторъ старается скрыть. Но я объяснила свою мысль уже въ заглавіи.

. . . .

Крестины состоялись вчера. Этотъ праздникъ имѣлъ двойное значеніе, такъ какъ моя Сильвія и крестный отецъ ея племянника, графъ Антонъ Дельницкій, нашъ давнишній знакомый, были помолвлены. Итакъ, я была окружена радостью своихъ дѣтей. Рудольфъ шесть лѣтъ тому назадъ получилъ въ наслѣдство богатый майоратъ графовъ Доцкихъ и уже 4 года былъ женатъ на предназначенной ему съ дѣтства невѣстѣ Беатрисѣ Гризбахъ; теперь же исполнилось самое пламенное его желаніе—рожденіе наслѣдника. Однимъ словомъ, и Рудольфъ и Сильвія получили самый завидный жребій въ жизни.

Въ парадномъ залѣ, выходившемъ въ садъ, собрались всѣ гости.

Стеклянныя двери были открыты, и въ комнату лился воздухъ чуднаго лѣтняго вечера, напоенный ароматомъ розъ.

Рядомъ со мною сидѣла графиня Лори Гризбахъ, мать Беатрисы. Она была уже вдовой, такъ какъ ея мужъ былъ убитъ во время боснійскаго похода. Но она не очень горячо приняла къ сердцу эту потерю и, во всякомъ случаѣ, не носила вѣчнаго траура. Напротивъ, ради такого торжественнаго случая она была одѣта въ красивое шелковое платье гранатоваго цвѣта, украшенное брильянтами. Она осталась такой же поверхностной, какой была въ молодости: заботы о туалетѣ, два-три французскихъ или англійскихъ модныхъ романа, пріемы, выѣзды,—и этого было вполнѣ достаточно для того, чтобы занять все ея время; съ кокетствомъ она такъ же еще не могла разстаться. Она оставила молодыхъ людей въ покоѣ, но пожилые люди съ высокимъ положеніемъ и громкимъ титуломъ не могутъ считать себя безопасными отъ ея уловокъ хитрости; теперь ея оружіе, какъ кажется, было направлено на министра „Конечно“, впрочемъ это прозвище перемѣнили ему на другое, именно: „Съ другой стороны“.

Одинъ изъ гостей, отставной полковникъ, постучалъ о стаканъ. О! горе! тостъ! подумало, вѣроятно, большинство, тѣмъ не менѣе всѣ прервали свой разговоръ и приготовились, вздыхая, слушать оратора. И дѣйствительно, было отъ чего вздохнуть: три раза несчастный начиналъ свою рѣчь, но ни разу не могъ привести въ исполненіе свое желаніе. Наконецъ, онъ поздравилъ новорожденнаго съ тѣмъ, что тотъ родился именно въ то время, когда скоро понадобятся защитники отечеству, пожелалъ ему такъ же славно владѣть оружіемъ, какъ его прадѣдушка съ материной стороны и дѣдушка съ отцовой; чтобы Богъ послалъ ему множество сыновей, которые, съ своей стороны, прославятъ отцовъ и дѣдовъ, павшихъ на полѣ сраженія; однимъ словомъ—да здравствуетъ Фридрихъ Доцкій!...

Стаканы зазвенѣли, но рѣчь никого не воодушевила. Никому не казалось заманчивымъ обречь на смерть въ будущихъ битвахъ только что родившееся существо.

Чтобы загладить непріятное впечатлѣніе этой рѣчи, одинъ изъ присутствующихъ старался утѣшить замѣчаніемъ, что теперь можно надѣяться на продолжительный миръ, такъ какъ тройственный союзъ...

Здѣсь разговоръ перешелъ на политическую почву, и министръ „Съ другой стороны“ заговорилъ:

— Дѣйствительно (Лори Гризбахъ впиласъ въ него глазами), наши средства для защиты стали такъ значительны, что могутъ испугать всѣхъ нарушителей мира. Въ случаѣ надобности мы можемъ выставить 4,800,000 солдатъ. Съ другой стороны, возрастающія требованія военнаго управленія все больше и больше тяготятъ народъ, такъ что разорительная готовность къ войнѣ стоитъ въ обратномъ отношеніи къ вопросу о регулированіи финансовъ; но, съ другой стороны, пріятно видѣть, съ какимъ самоотверженнымъ патріотизмомъ представители народа исполняютъ требованія военнаго министра; они понимаютъ признанную всѣми политиками и обусловленную увеличеніемъ войска въ сосѣднихъ государствахъ необходимость подчинить всѣ прочіе интересы желѣзному гнету военной силы.

— Передовая статья!—замѣтилъ кто-то вполголоса.

Но министръ „Съ другой стороны“ продолжалъ:

— Тѣмъ болѣе что увеличеніе военныхъ силъ служитъ для поддержанія мира; потому что, охраняя съ традиціоннымъ патріотизмомъ свои границы, мы исполняемъ высокій долгъ и надѣемся устранить грозящія намъ опасности. Итакъ, я пью этотъ стаканъ за главный принципъ нашей баронессы Марты, за главный принципъ всѣхъ европейскихъ державъ, составившихъ лигу мира, и предлагаю вамъ чокнуться со мной: да здравствуетъ миръ! да продолжится онъ еще на многіе годы!

— Я не пью,—сказала я.—Вооруженный миръ,—это не благодѣяніе... миръ долженъ быть заключенъ не надолго, а навсегда. Когда корабль отправляется въ морское путешествіе, недостаточно увѣренности, что корабль долго не погибнетъ; онъ долженъ окончить счастливо все путешествіе,—вотъ о чемъ долженъ заботиться капитанъ.

Докторъ Брессеръ, оставшійся нашимъ другомъ дома, пришелъ ко мнѣ на помощь:

— Дѣйствительно, ваше превосходительство, желаніе мира не можетъ быть честно и искренно у воодушевленныхъ и самоотверженныхъ солдатъ, вѣдь они не хотятъ даже и слышать о томъ, что угрожаетъ войнѣ, именно: о разоруженіи, союзѣ государствъ и третейскомъ судѣ. Какъ имъ гордиться арсеналами, крѣпостями, маневрами, если они не что иное, какъ птичьи пугала? Къ чему же такія траты на эти постройки, если онѣ не будутъ идти въ дѣло? Народъ долженъ отдавать всѣ свои деньги на постройку крѣпостей для только того, чтобы посылать оттуда воздушные поцѣлуи сосѣдямъ? Нѣтъ, военное сословіе не позволитъ низвести себя на степень жандармовъ, да и царственный предводитель войска не захочетъ вѣчно только уклоняться отъ войны. Подъ этой маской: si vis pacem люди перекидываются многозначительными взглядами, да и депутаты, одобряющіе военный бюджетъ, перемигиваются вмѣстѣ съ ними.

— Представители народа? — перебилъ министръ. — Надо только хвалить ихъ самоотверженіе въ трудныя времена, которое доказывается единодушнымъ голосованіемъ законовъ и проектовъ.

— Простите, ваше превосходительство, но мнѣ хотѣлось бы съ удовольствіемъ отвѣтить каждому изъ этихъ представителей слѣдующими словами: твое „да“ отниметъ у этой матери ея единственнаго сына, выколетъ глаза тому бѣдняку, сожжетъ драгоцѣнную библіотеку, уничтожитъ поэта, который могъ бы прославить страну. Вы соглашаетесь на войну, чтобы не показать себя трусливыми; но развѣ вы существуете не для того, чтобы исполнять желаніе народа, а народъ хочетъ производительнаго труда, облегченія отъ налоговъ, мира...

— Хорошо, любезный докторъ, — замѣтилъ полковникъ ядовито, — что вы никогда не будете депутатомъ: вся палата освистала бы васъ.

— Если бы я подвергъ себя этому, то доказалъ бы,

что я не трусъ. Для того, чтобы плыть противъ теченія, необходима желѣзная сила.

— Но если наступитъ критическій моментъ, а мы окажемся неготовыми?

— Въ томъ-то и дѣло, надо поставить *право* такъ, чтобы не могло произойти никакого критическаго момента; да и ни одинъ человѣкъ не можетъ себѣ представить, каковъ теперь будетъ этотъ критическій моментъ. При современныхъ ужасныхъ оружіяхъ, при такой массѣ военныхъ слѣдующая война должна быть не только „серьезной", но „всеобщимъ страшнымъ бѣдствіемъ". Помощь и врачебный уходъ будутъ уже невозможны. Все, что могутъ сдѣлать санитарные корпуса и интендантство, будетъ незначительной частью требуемаго; слѣдующая война, о которой говорятъ такъ спокойно и хладнокровно, будетъ не пріобрѣтеніемъ для одной стороны и потерей для другой, но гибелью для обѣихъ. Кто же изъ насъ подастъ за нее голосъ?

— Конечно,—сказалъ министръ задумчиво (и Лори опять обратила на него свой восхищенный взоръ),—это было бы прекрасно, если бы всѣ подали голосъ за разоруженіе; но, съ другой стороны, какое правительство сдѣлаетъ это первое? Конечно, согласіе было бы желательно, но, съ другой стороны, нельзя заранѣе угадать, долго ли оно продолжится и не вспыхнутъ ли снова человѣческія страсти, частные интересы и т. д.

— Позвольте, господа, — заговорилъ теперь Рудольфъ, — 40 милліоновъ жителей одного государства составляютъ цѣлое; почему же сотни милліоновъ не могутъ составить также цѣлаго? Это вѣдь можно доказать и математически и логически; если человѣческія страсти и частные интересы не служатъ причиной войны между милліонами людей трехъ государствъ, составившихъ теперь тройственный союзъ и образовавшихъ лигу мира, то почему же не могутъ этого сдѣлать пять государствъ? Поистинѣ, нашъ современный міръ хотя считаетъ себя чрезвычайно умнымъ и смѣется надъ дикарями, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ также не можетъ сосчитать до пяти.

— Какъ? Дикари? При нашей утонченной культурѣ?

Въ концѣ XIX вѣка?—послышалось со всѣхъ сторонъ.

Рудольфъ поднялся.

— Да! Дикари,—я не беру своего слова назадъ. И пока мы будемъ подражать прошлому, мы останемся дикарями. Но уже мы наканунѣ новаго времени, всѣ взоры обращены впередъ, все стремится къ другому, болѣе возвышенному порядку вещей. Уже давно многіе отбросили отъ себя дикость съ ея истуканами и оружіемъ; и если мы ближе къ варварству, чѣмъ многіе это думаютъ, то, можетъ-быть, мы ближе и къ облагороженію, чѣмъ кажется другимъ. Можетъ-быть, уже живетъ тотъ государь или государственный человѣкъ, который совершитъ самый знаменитый, самый блистательный подвигъ въ исторіи, добьется всеобщаго разоруженія. Теперь уже рушится убѣжденіе, придававшее государственному эгоизму обманчивый видъ справедливости, что для пользы одного необходимъ вредъ другого. Теперь уже всѣмъ извѣстно, что справедливость должна служить основой всякой соціальной жизни, и на этомъ сознаніи расцвѣтетъ новое благородное человѣчество, какъ говорилъ Фридрихъ Тиллингъ... Мать! Я пью этотъ стаканъ въ память твоего незабвеннаго усопшаго, которому я такъ благодаренъ за свое воспитаніе. Пусть никто не пьетъ изъ этого стакана,—сказалъ онъ, бросивъ стаканъ и разбивъ его объ стѣну,—и пусть сегодня никто не говоритъ другого тоста, кромѣ: да здравствуетъ будущее! Для того, чтобы исполнить его задачи, мы не пойдемъ по слѣдамъ отцовъ и дѣдовъ нашихъ, а внуковъ, потомковъ... Мать, что съ тобой?—прервалъ онъ себя.—Ты плачешь? Что ты тамъ видишь?

Мой взглядъ былъ обращенъ въ открытую стеклянную дверь. Заходящее солнце освѣщало розовый кустъ золотыми трепещущими лучами, и мнѣ казалась тамъ картина, которую я такъ часто видѣла во снѣ: я вижу голову съ сѣдыми волосами, садовыя ножницы... „Не правда ли“, улыбается онъ мнѣ, „вѣдь мы съ тобой счастливая старческая парочка?“

Горе мнѣ!..

О мирной конференціи 1899 года.

Всѣ лучшіе умы во всемъ цивилизованномъ мірѣ давно указываютъ на неестественность войнъ въ международныхъ отношеніяхъ съ юридической точки зрѣнія; на ихъ экономическій вредъ, такъ какъ онѣ заставляютъ правительства, противъ ихъ воли, дѣлать колоссальныя траты и терять, такимъ образомъ, огромныя суммы, которыя могли бы пойти на устройство благосостоянія народа; на ихъ нравственное противорѣчіе съ нашей культурой, одной изъ основныхъ идей которой является гуманность и право каждой отдѣльной личности на неприкосновенность и счастіе,—вообще на то, что войны являются анахронизмомъ, и притомъ анахронизмомъ вреднымъ, ставящимъ непреодолимыя препятствія для осуществленія конечныхъ цѣлей цивилизаціи — гуманности и всеобщаго благосостоянія.

Движимый истинно-гуманнымъ сердцемъ и высоко просвѣщеннымъ умомъ, Его Императорское Величество Государь Императоръ Всероссійскій рѣшилъ стать во главѣ движенія цивилизованнаго міра, руководителемъ въ его стремленіяхъ къ счастливой будущности, и предложилъ созвать конференцію для обсужденія вопросовъ мира.

„По Высочайшему Государя Императора повелѣнію, министръ иностранныхъ дѣлъ вручилъ 12-го августа всѣмъ пребывающимъ въ С.-Петербургѣ иностраннымъ представителямъ нижеслѣдующее сообщеніе:

„Охраненіе всеобщаго мира и возможное сокращеніе тяготѣющихъ надъ всѣми народами чрезмѣрныхъ вооруженій являются, при настоящемъ положеніи вещей, цѣлью, къ которой должны бы стремиться усилія всѣхъ правительствъ.

„Взглядъ этотъ вполнѣ отвѣчаетъ человѣколюбивымъ и великодушнымъ намѣреніямъ Его Императорскаго Величества Августѣйшаго моего Государя.

„Въ убѣжденіи, что столь возвышенная цѣль соотвѣтствуетъ существеннѣйшимъ потребностямъ и законнымъ вожделѣніямъ всѣхъ державъ, Императорское правительство полагаетъ, что настоящее время весьма благо-

пріятно для изысканія путемъ международнаго обсужденія наиболѣе дѣйствительныхъ средствъ обезпечить всѣмъ народамъ истинный и прочный миръ и, прежде всего, положить предѣлъ все увеличивающемуся развитію современныхъ вооруженій.

„Въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ миролюбивыя стремленія особенно твердо укрѣпились въ сознаніи просвѣщенныхъ народовъ. Сохраненіе мира поставлено было цѣлью международной политики. Во имя мира великія державы сплотились въ могучіе союзы. Для лучшаго огражденія мира увеличили онѣ въ небывалыхъ доселѣ размѣрахъ свои военныя силы и продолжаютъ ихъ развивать, не останавливаясь ни передъ какими жертвами.

„Однако усилія эти не могли пока привести къ благодѣтельнымъ послѣдствіямъ желаемаго умиротворенія.

„Все возрастающее бремя финансовыхъ тягостей въ корнѣ расшатываетъ общественное благосостояніе. Духовныя и физическія силы народовъ, трудъ и капиталъ отвлечены въ большей своей части отъ естественнаго назначенія и расточаются непроизводительно. Сотни милліоновъ расходуются на пріобрѣтеніе страшныхъ средствъ истребленія, которыя, сегодня представляясь послѣднимъ словомъ науки, завтра должны потерять всякую цѣну въ виду новыхъ изобрѣтеній. Просвѣщеніе народа и развитіе его благосостоянія и богатства пресѣкаются или направляются на ложные пути.

„Такимъ образомъ, по мѣрѣ того, какъ растутъ вооруженія каждаго государства, они менѣе и менѣе отвѣчаютъ предпоставленной правительствами цѣли. Нарушенія экономическаго строя, вызываемыя въ значительной степени чрезмѣрностью вооруженій, и постоянная опасность, которая заключается въ огромномъ накопленіи боевыхъ средствъ, обращаютъ вооруженный миръ нашихъ дней въ подавляющее бремя, которое народы выносятъ все съ большимъ трудомъ.

„Очевиднымъ поэтому представляется, что если бы такое положеніе продолжалось, оно роковымъ образомъ привело бы къ тому именно бѣдствію, котораго стремятся избѣгнуть и передъ ужасами котораго заранѣе содрогается мысль человѣка.

„Положить предѣлъ непрерывнымъ вооруженіямъ и изыскать средства предупредить угрожающія всему міру несчастья—таковъ нынѣ высшій долгъ для всѣхъ государствъ.

„Преисполненный этимъ чувствомъ, Государь Императоръ повелѣть соизволилъ обратиться къ правительствамъ государствъ, представители коихъ аккредитованы при Высочайшемъ Дворѣ, съ предложеніемъ о созваніи конференціи въ видахъ обсужденія этой важной задачи.

„Съ Божьей помощью конференція эта могла бы стать добрымъ предзнаменованіемъ для грядущаго вѣка. Она сплотила бы въ одно могучее цѣлое усилія всѣхъ государствъ, искренно стремящихся къ тому, чтобы великая идея всеобщаго мира восторжествовала надъ областью смуты и раздора. Въ то же время она скрѣпила бы ихъ согласіе совмѣстнымъ признаніемъ началъ правъ и справедливости, на которыхъ зиждется безопасность государствъ и преуспѣяніе народовъ“.

Предложеніе Государя Императора вызвало, какъ и слѣдовало ожидать, восторгъ во всемъ цивилизованномъ мірѣ и было съ удовольствіемъ принято правительствами почти всѣхъ государствъ.

30-го декабря министръ иностранныхъ дѣлъ предложилъ программу будущей конференціи.

„Въ августѣ минувшаго года Государю Императору благоугодно было повелѣть мнѣ обратиться къ правительствамъ, имѣющимъ своихъ представителей въ С.-Петербургѣ, съ предложеніемъ о созваніи конференціи, для изысканія тѣхъ средствъ, которыя могли бы наиболѣе вѣрнымъ образомъ обезпечить всѣмъ народамъ блага дѣйствительнаго и прочнаго мира и, прежде всего, положить предѣлъ все увеличивающемуся развитію современныхъ вооруженій; въ то время обстоятельства, казалось, вполнѣ благопріятствовали осуществленію въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ означенной человѣколюбивой задачи.

„Отзывчивое отношеніе почти всѣхъ государствъ къ

предложенію Россіи, казалось, оправдывало наши ожиданія. Высоко цѣня сочувственныя заявленія, въ коихъ почти всѣ иностранныя государства выразили согласіе на таковое предложеніе, Императорское правительство въ то же время съ полнымъ удовольствіемъ приняло полученныя уже имъ и продолжающія поступать засвидѣтельствованія самаго горячаго участія со стороны всѣхъ слоевъ общества въ разныхъ частяхъ свѣта.

„Несмотря, однако, на проявившееся стремленіе общественнаго мнѣнія въ пользу всеобщаго умиротворенія, политическое положеніе значительно измѣнилось въ последнее время. Многія государства приступили къ новымъ вооруженіямъ, стараясь въ еще большей мѣрѣ развить свои военныя силы. Естественно, что при столь неопредѣленномъ порядкѣ вещей нельзя было не задаться вопросомъ о томъ, считаютъ ли державы настоящую политическую минуту удобною для обсужденія международнымъ путемъ тѣхъ началъ, кои изложены были въ циркулярѣ отъ 12 августа 1898 года.

„Не теряя надежды, что существующія въ политическихъ сферахъ разногласія улягутся и уступятъ мѣсто болѣе спокойному настроенію, способному облегчить успѣхъ предложенной конференціи, Императорское правительство, съ своей стороны, полагаетъ, что теперь же представилось бы возможнымъ приступить къ предварительному обмѣну мыслей между державами, съ цѣлью:

а) безъ замедленія изыскать средства, способныя положить предѣлъ дальнѣйшему развитію сухопутныхъ и морскихъ вооруженій, причемъ разрѣшеніе вопроса этого представляется все болѣе и болѣе настоятельнымъ, въ виду происшедшаго за послѣднее время усилія боевыхъ средствъ;

б) подготовить почву для обсужденія вопросовъ, касающихся возможнаго предупрежденія вооруженныхъ столкновеній мирными средствами, коими можетъ располагать международная дипломатія.

„Въ случаѣ, если бы державы признали настоящую минуту благопріятною для созыва конференціи на указанныхъ основаніяхъ, представлялось бы несомнѣнно полезнымъ установить между правительствами соглаше-

ніе относительно программы будущихъ занятій конференціи.

„Основаніемъ для международнаго обсужденія на засѣданіяхъ конференціи могли бы въ общихъ чертахъ послужить слѣдующія положенія:

1) Соглашеніе, опредѣляющее на извѣстный срокъ сохраненіе настоящаго состава сухопутныхъ и морскихъ вооруженныхъ силъ и бюджетовъ на военныя надобности; предварительное изученіе средствъ, при помощи коихъ могло бы въ будущемъ осуществиться даже сокращеніе означенныхъ вооруженныхъ силъ и бюджетовъ.

2) Запрещеніе вводить въ употребленіе въ арміяхъ и во флотѣ какое бы то ни было новое огнестрѣльное оружіе и новыя взрывчатыя вещества, а также порохъ, болѣе сильно дѣйствующій принятаго въ настоящее время, какъ для ружейныхъ, такъ и для орудійныхъ снарядовъ.

3) Ограниченіе употребленія въ полевой войнѣ разрушительныхъ взрывчатыхъ составовъ, уже существующихъ, а также запрещеніе пользоваться метательными снарядами съ воздушныхъ шаровъ или инымъ подобнымъ способомъ.

4) Запрещеніе употреблять въ морскихъ войнахъ подводныя миноносныя лодки или иныя орудія разрушенія того же свойства; обязательство не строить въ будущемъ военныхъ судовъ съ таранами.

5) Примѣненіе къ морскимъ войнамъ постановленій женевской конвенціи 1864 года на основаніи дополнительныхъ къ ней постановленій 1868 года.

6) Признаніе на такихъ же основаніяхъ нейтральности судовъ и шлюпокъ, коимъ будетъ поручаемо спасеніе утопающихъ во время или послѣ морскихъ сраженій.

7) Пересмотръ деклараціи о законахъ и обычаяхъ войны, выработанной въ 1874 году на конференціи въ Брюсселѣ и до сего времени не ратификованной.

8) Принятіе начала примѣненія добрыхъ услугъ посредничества и добровольнаго третейскаго разбирательства въ подходящихъ случаяхъ, съ цѣлью предотвращенія вооруженныхъ между государствами столкновеній; согла-

шеніе о способѣ примѣненія этихъ средствъ и установленіе однообразной практики въ ихъ употребленіи.

„Само собой разумѣется, что всѣ вопросы, касающіеся политическихъ соотношеній государствъ и существующаго на основаніи договоровъ порядка вещей, какъ и вообще всѣ вопросы, кои не будутъ непосредственно входить въ принятую кабинетами программу, будутъ подлежать безусловному исключенію изъ предметовъ обсужденія конференціи.

„Обращаясь къ вамъ, милостивый государь, съ просьбою исходатайствовать по содержанію настоящаго моего сообщенія указанія вашего правительства, я въ то же время просилъ бы васъ довести до свѣдѣнія послѣдняго, что, для пользы великаго дѣла, которое такъ близко сердцу моего Августѣйшаго Государя, Его Императорское Величество полагалъ бы желательнымъ не избирать мѣстомъ собранія конференціи столицу одной изъ великихъ державъ, гдѣ скрещиваются многосложные политическіе интересы, которые могли бы имѣть вліяніе на ходъ дѣла, въ одинаковой степени важнаго для всѣхъ странъ міра“.

Засѣданія мирной конференціи открыты были въ Гагѣ въ высокоторжественный день рожденія Государя Императора 6 (18) мая и продолжались до 18 іюля. При закрытіи засѣданій членамъ конференціи былъ предложенъ для подписи слѣдующій протоколъ:

„Созванная по великодушному почину Его Величества Императора Всероссійскаго международная мирная конференція, по приглашенію Ея Величества Королевы Нидерландской, собралась 18-го мая 1899 г. въ Гаагѣ. Въ цѣломъ рядѣ засѣданій, собиравшихся отъ 18-го мая по 18 іюля 1899 года, въ коихъ делегаты непрестанно были одушевлены стремленіемъ въ возможно полной степени осуществить благородную цѣль Высокаго Инціатора конференціи и виды ихъ правительствъ, конференція выработала текстъ нижеслѣдующихъ, приложенныхъ къ сему акту конвенцій и декларацій, которыя представляются къ подписи уполномоченныхъ: I) конвенція для мирнаго разрѣшенія международныхъ несо-

гласій *); II) конвенція касательно законовъ и обычаевъ сухопутной войны; III) конвенція относительно примѣненія принциповъ женевской конвенціи 22-го августа 1864 г. къ морской войнѣ и IV) три деклараціи, касающіяся: 1) запрещенія метать пули, ядра или взрывчатыя вещества съ воздушныхъ шаровъ или инымъ подобнымъ новымъ способомъ; 2) запрещенія употреблять боевые снаряды, единственная цѣль коихъ состоитъ въ распространеніи ошеломляющихъ или смертоносныхъ газовъ; 3) запрещенія пуль, которыя въ человѣческомъ тѣлѣ легко расширяются или расплющиваются, въ родѣ пуль съ твердою, несполна прикрывающею ядро или же снабженною нарѣзками оболочкою. Декларація 2-я и 3-я приняты всѣми голосами противъ двухъ—Англіи и Соединенныхъ Штатовъ. Всѣ эти конвенціи и деклараціи представляютъ собою отдѣльные самостоятельные акты и могутъ быть подписаны уполномоченными участвовавшихъ на международной мирной конференціи въ Гаагѣ державъ до 31-го декабря 1899 года.

„Въ виду тѣхъ же соображеній конференція единогласно приняла слѣдующую резолюцію: „Конференція

*) Конвенція эта не только сводитъ воедино существующія международныя договорныя постановленія, но указываетъ и новыя средства, могущія привести къ упроченію мира,—средства, согласныя съ тѣми, которыя были указаны Россіей въ представленныхъ на конференціи проектахъ. Государства согласны употреблять всѣ усилія для сохраненія мира и предотвращенія войны. Для сего посредничества добрыя услуги и третейское разбирательство получаютъ большое развитіе. Устанавливается, что посредничество, зависѣвшее прежде только отъ доброй воли заинтересованныхъ государствъ, можетъ быть предлагаемо по собственному почину третьей державы. Третейское разбирательство объявляется лучшимъ средствомъ разрѣшенія международныхъ споровъ; вводятся постоянныя слѣдственныя комиссія для выясненія на мѣстѣ фактовъ, давшихъ поводъ къ недоразумѣніямъ; учреждается международный третейскій судъ съ постояннымъ бюро въ Гаагѣ, которое будетъ находиться подъ наблюденіемъ административнаго совѣта изъ представителей оговаривающихся державъ при Нидерландскомъ дворѣ. Совокупность этихъ постановленій, ничѣмъ не нарушая верховныхъ правъ государствъ, создаетъ прочную новую основу для международнаго мира.

(Изъ „Пр. В.“ 22-го іюля).

признаетъ ограниченіе тяготѣющаго въ настоящее время надъ міромъ военнаго бремени въ высшей степени желательнымъ ради увеличенія матеріальнаго и духовнаго блага человѣчества.

„Сверхъ того, она выразила слѣдующія пожеланія: 1) относительно предпринятыхъ уже швейцарскимъ союзнымъ правительствомъ шаговъ къ пересмотру женевской конвенціи, конференція выражаетъ желаніе, чтобы въ скоромъ времени созвана была спеціальная конференція для пересмотра этой конвенціи. Это желаніе высказано единогласно; 2) конференція выражаетъ желаніе, чтобы разсматривавшіеся ею вопросы касательно огнестрѣльнаго оружія и морскихъ пушекъ подверглись спеціальному изученію правительствъ съ цѣлью достиженія соглашенія касательно введенія новыхъ типовъ калибровъ; 3) чтобы вопросъ о правахъ и обязанностяхъ нейтральныхъ былъ включенъ въ программу новой слѣдующей конференціи; 4) чтобы, принявъ во вниманіе сдѣланныя на конференціи предложенія, правительства занялись изученіемъ вопроса о возможности достигнуть соглашенія касательно ограниченія морскихъ и сухопутныхъ военныхъ силъ и военныхъ бюджетовъ; 5) чтобы предложеніе касательно признанія неприкосновенности частной собственности на морѣ подвергнуто было обсужденію на будущей конференціи; 6) чтобы предложеніе касательно рѣшенія вопроса о бомбардировкѣ открытыхъ портовъ, городовъ и населенныхъ мѣстъ военными флотами также подвергнуто было обсужденію на будущей конференціи. Пять послѣднихъ пожеланій приняты единогласно, но нѣкоторые делегаты воздержались отъ подачи голоса.

Въ виду вышеизложеннаго уполномоченные подписали настоящій актъ съ приложеніемъ своихъ печатей“.

Въ заключеніе считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о женевской конвенціи—одномъ изъ наиболѣе видныхъ гуманныхъ актовъ цивилизаціи. 10 (22) августа 1864 г. въ Женевѣ была созвана международная конференція съ цѣлью согласиться о средствахъ облегчать положеніе раненыхъ и больныхъ воиновъ во время войны. Главныя положенія конвенціи слѣдующія:

1) пріемные покои и военные госпитали считаются нейтральными; они пользуются неприкосновенностью и защитой воюющихъ сторонъ, если въ нихъ лежатъ больные и раненые и если они не охраняются военной силой противника; 2) неприкосновенными считаются врачи, администрація госпиталей и священники; [illegible]) если мѣстность занята непріятелемъ, эти лица м[illegible]езпрепятственно продолжать свою дѣятельно[illegible], а въ случаѣ желанія присоединиться къ отступившей арміи должны быть передаваемы на непріятельскіе аванпосты; 4) пріемные покои сохраняютъ свою движимую собственность; 5) мѣстные жители, подающіе помощь раненымъ, и дома, куда приняты раненые, считаются неприкосновенными и освобождаются отъ военнаго постоя и нѣкоторой части контрибуціи; 6) раненые и больные пользуются помощью безъ различія національностей; главнокомандующіе могутъ сдавать раненыхъ въ сраженіи непріятелей на непріятельскіе аванпосты; 7) лица, выздоровѣвшія, должны быть отпускаемы въ отечество; 8) госпитали и пріемные покои имѣютъ особый флагъ (красный крестъ на бѣломъ фонѣ), который выставляется рядомъ съ національнымъ. Лица, пользующіяся нейтралитетомъ, имѣютъ особый знакъ (такой же какъ флагъ) на рукавѣ.

Въ 1868 году постановленія женевской конвенціи были дополнены и видоизмѣнены; между прочимъ, дѣйствіе ихъ предлагалось распространить и на морскія войны. Но это видоизмѣненіе не было подписано всѣми державами и, нося характеръ проекта, оставалось безъ примѣненій. Въ 1874 г. Императоръ Александръ II предложилъ созвать международную конференцію въ Брюсселѣ для опредѣленія обычаевъ и законовъ во время войны между цивилизованными націями, гдѣ предполагалось, между прочимъ, дополнить или пересмотрѣть постановленія женевской конвенціи. Но политическія событія помѣшали довести до конца цѣли этой конференціи, и женевская конвенція дѣйствовала до сихъ поръ въ своей первоначальной формѣ.

К о н е ц ъ.

3 0112 06640323